

Gorodetsky, N. N. (comp.)

ИЗЪ РОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Iz rodnoi literaturi.

МЛАДШІЙ ВОЗРАСТЪ.

Для высшихъ начальныхъ училищъ, торговыхъ школъ, сельскихъ двухклассныхъ училищъ и среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.

Часть I.

(pt. I)

Со снимками съ картинъ извѣстныхъ художниковъ.

Изданіе третье.

3. izd.

СОСТАВИЛИ:

Н. Н. ГОРОДЕЦКІЙ, П. Ѳ. ДВОРНИКОВЪ, С. А. ДМИТРІЕВЪ, А. П. ЗАБОРСКІЙ, Н. В. КАСАТКИНЪ, А. Е. КОРОЛЬКОВЪ, В. К. КРЕСТОВЪ, М. С. СЕМЕНОВЪ, А. С. ТОЛСТОЙ, Н. В. ТУЛУПОВЪ.

[Москва]
[Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1913.]

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1913.

Изъ предисловія къ 1-му изданію.

Первое мѣсто среди учебныхъ предметовъ низшей и средней школы, безспорно, принадлежитъ родному языку. По самому характеру своему онъ является тѣмъ фундаментомъ, на которомъ школа строитъ все свое зданіе.

Нѣтъ другого предмета, который уже на первоначальныхъ ступеняхъ образованія могъ бы доставить столько матеріала для развитія разума и чувства, могъ бы такъ всесторонне затронуть душу ребенка, заставить зазвучать лучшія струны его сердца, какъ родной языкъ.

Однако огромная образовательная сила родного языка можетъ проявиться вполнѣ только при томъ условіи, если въ основу занятій по этому предмету полагается правильно поставленное развивающее и воспитывающее объяснительное чтеніе художественныхъ словесныхъ произведеній: «ни въ одномъ занятіи такъ многосторонне не затрогивается психическая дѣятельность учащихся, какъ въ объяснительномъ чтеніи, и ничто, какъ объяснительное чтеніе, не заключаетъ въ себѣ такъ много средствъ для развитія дара слова въ самыхъ разнообразныхъ его примѣненіяхъ» (см. программы городскихъ, по Положенію 1872 г., училищъ). Къ сожалѣнію, въ нашихъ школахъ интересы объяснительнаго чтенія иногда приносятся въ жертву орѳографіи и неразлучной ея спутницѣ — грамматикѣ.

Предлагаемая хрестоматія имѣетъ въ виду исключительно задачи объяснительнаго чтенія: съ одной стороны, развить въ учащихся пониманіе духа русскаго языка и пробудить въ нихъ интересъ къ русской словесности путемъ знакомства съ лучшими образцами нашихъ народныхъ и художественныхъ произведеній, съ другой, выработать въ нихъ умѣнье толково, ясно и летературно излагать свои собственныя мысли. Статьи, въ нее входящія, должны будить мысль и хорошія чувства учащихся, внушать имъ стремленіе къ добру и правдѣ, развивать ихъ эстетическій вкусъ.

Книга распадается на три отдѣла. Въ первый вошли небольшія по объему статьи, расположенныя по временамъ года и предназначенныя для всесторонней разработки въ классѣ подъ руководствомъ учителя. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщено значительное количество статей, живо, ярко и художественно воспроизводящихъ разнообразныя явленія природы, которыя служатъ неизсякаемымъ источникомъ высокихъ эстетическихъ наслажденій для всякаго, кто еще въ дѣтствѣ научился понимать и цѣнить ея красоты. Большинство статей перваго отдѣла даетъ обильный матеріалъ для устнаго и письменнаго пересказа и для заучиванія наизусть.

Однако, хотя отдѣлъ небольшихъ статей довольно обширенъ въ настоящей хрестоматіи, было бы ошибкой посвящать всѣ уроки объяснительнаго чтенія исключительно ихъ разбору. Какъ бы ни были эти статьи удачно подобраны, имъ никогда въ такой степени не заинтересовать ребенка, не вызвать въ немъ такихъ сильныхъ душевныхъ движеній, какъ это могутъ сдѣлать значительныя по своему объему произведенія образцовыхъ писателей, избранныя соотвѣтственно возрасту учащихся. По крайней мѣрѣ, одинъ урокъ въ недѣлю долженъ быть посвященъ чтенію подобныхъ статей безъ детальной ихъ разработки. Когда эти уроки сдѣлаютъ свое дѣло, привлекутъ вниманіе юныхъ слушателей къ родной литературѣ, пробудятъ интересъ къ ней, должно пойти навстрѣчу дѣтской любознательности: давать для внѣкласснаго чтенія разсказы образцовыхъ писателей и затѣмъ вести въ классѣ бесѣды о прочитанномъ. Второй отдѣлъ хрестоматіи составленъ преимущественно изъ статей, вполнѣ пригодныхъ для этой цѣли. Въ него вошли народныя сказки, сказки образцовыхъ писателей и, наконецъ, разсказы современныхъ писателей-художниковъ. Сказки перваго рода внесены въ хрестоматію съ тою цѣлью, чтобы познакомить дѣтей съ созданіями безыскусственнаго творчества, которыя наиболѣе ярко отразили взгляды народа въ періодъ его младенчества на природу и взаимныя между людьми отношенія. Сказки писателей составляютъ естественный переходъ къ ихъ разсказамъ съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ реальной жизни, преимущественно дѣтской. Знакомясь съ этимъ матеріаломъ, дѣти прекрасно поймутъ великое значеніе литературы, которая, воплощая въ художественныхъ образахъ факты и явленія реальной жизни, развиваетъ въ читателяхъ стремленіе къ правдѣ, добру и красотѣ. Значительная часть статей этого

отдѣла, сравнительно съ предыдущимъ, отличается большей сложностью какъ по формѣ, такъ и по содержанію и потому особенно пригодна для всякаго рода извлеченій и сокращеній.

Третій отдѣлъ хрестоматіи составляютъ пословицы и загадки. Дѣти должны быть знакомы съ пословицами родного народа: онѣ интересны и поучительны какъ сводъ завѣтовъ сѣдой старины и выработанныхъ вѣками правилъ житейской мудрости, часто не утратившихъ своего значенія и по настоящее время. Значительный также интересъ представляютъ многія загадки, особенно тѣ, въ которыхъ сохранились слѣды миѳическихъ воззрѣній народа на природу. Загадки нравятся дѣтямъ: онѣ всегда привлекаютъ къ себѣ ихъ вниманіе. Наконецъ загадки особенно удобны для того, чтобы показать учащимся, какъ по суммѣ признаковъ составляется понятіе о предметѣ, и обратно, какъ изъ понятія о предметѣ можно выдѣлять его признаки.

Все изложенное уже давно и неоднократно высказано въ педагогической литературѣ; но повторить эти истины для насъ было необходимо, чтобы показать, какому дѣлу хотѣли бы мы служить своею книгою.

Май 1909 г.

При второмъ и третьемъ изданіяхъ хрестоматіи приняты во вниманіе замѣчанія, сдѣланныя лицами, ведшими занятія по первому ея изданію.

1910 — 1912 гг.

Отдѣлъ первый.

Лѣто.

Родина.

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки, —
Что вашу прелесть замѣнитъ?..
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

В. Жуковскій.

На каникулахъ.

Лѣто гимназистъ Петровъ провелъ въ Ольшанкѣ, у дяди Гриши. Сильно тосковалъ Петя первое время по пріѣздѣ... Круглое одиночество чувствовалъ онъ въ большомъ барскомъ домѣ и тоскливо слонялся по комнатамъ, не находя никакихъ развлеченій.

— Что ты ничѣмъ не займешься? — спрашиваетъ съ досадой тетя.

— Нечѣмъ заниматься...

— Читалъ бы!..

— Все давно прочиталъ...

— Ну, пошелъ бы играть...

— Не съ кѣмъ...

— Пускай змѣя!..

— Вѣтра нѣтъ...

— Такъ неужели же никакого дѣла такъ и не можешь себѣ придумать?

— Никакого дѣла здѣсь нѣтъ...

Но прошла недѣля, другая, и Петя нашелъ себѣ столько дѣлъ, что рѣшительно не успѣвалъ ихъ передѣлывать. У Пети завелись друзья-пріятели изъ крестьянскихъ ребятишекъ, и масса игръ и развлеченій поглотила его съ головой. Съ утра до поздняго вечера Петя носился по деревнѣ, по огороду, по саду. Каждый день новыя игры и забавы. Одной изъ такихъ забавъ было сраженіе съ кропивой.

Вдоль плетня по огороду росла высокая, густая кропива. Пыльная, колючая, съ кистями желтыхъ цвѣтовъ, она представлялась большимъ препятствіемъ при прямомъ сообщеніи съ рѣчкой черезъ плетень. Петя считалъ эту кропиву врагомъ и порѣшилъ ее уничтожить.

Изъ Прошекъ, Тришекъ, Мишекъ Петя составилъ воинственную армію, вооружилъ ее деревянными саблями и водилъ сражаться съ кропивой.

— Сабли вонъ!—командовалъ Петя.—Наступай!..

И начиналась атака.

Ребята накидывались на кропиву и изо всѣхъ силъ рубили ее своими саблями. Непріятельскія головы такъ и сыпались, такъ и клонились долу подъ ударами храбрыхъ воиновъ и частенько жгли руки своими колючками. Но это только еще сильнѣе воодушевляло бойцовъ.

— Колоться? Вотъ ты какъ!.. Такъ вотъ тебѣ! вотъ! вотъ! — кричалъ Петя и отчаянно махалъ на обѣ стороны саблей и ногами топталъ непріятеля.

Армія утомлялась. Потъ градомъ катился съ героевъ, мускулы рукъ начинали ныть, а между тѣмъ непріятель стоялъ еще сплошной стѣнкой вдоль плетня съ гордо поднятою головою, — и Петѣ вдругъ надоѣдало «сражаться».

— Будетъ, Прошка! Не стоитъ, надоѣло,—лѣниво говорилъ онъ неутомимымъ соратникамъ и валился на траву отдыхать.

Купанье на «яру» было такъ же пріятно, какъ и сраженіе съ кропивой.

— Петя, пойдемъ купаться!—кричалъ Прошка, ежедневно въ полдень появлявшійся у рѣшетки палисадника барскаго дома.

— Сейчасъ! Дозавтракаю!..—звонко отвѣчалъ Петя, выставляясь въ открытое окно.

— А ты скорѣй!..

Петя быстро кончалъ съ завтракомъ и галопомъ вылеталъ на крыльцо.

— А гдѣ Тришка и Мишка?—освѣдомлялся онъ о своихъ пріятеляхъ, наскоро прожевывая хлѣбъ съ масломъ.

— Ужъ купаются.

И Петя съ Прошкой отправлялись въ огородъ, а оттуда, черезъ плетень, за околицу, къ новому мосту. Здѣсь рѣчка Ольшанка—пошире и поглубже, и почему-то называется «яромъ», хотя глубина этого яра не больше аршина.

Вотъ къ этому «яру» и бѣгутъ Петя съ Прошкой. Теперь здѣсь дымъ коромысломъ: крикъ, гамъ, смѣхъ, плачъ и ругань.. Парнишки бултыхаются въ грязной, взбаламученной водѣ и продѣлываютъ всевозможные фокусы: и «березку ставятъ», и «блины ѣдятъ», и въ чехарду играютъ, и съ моста вверхъ тормашками кидаются, плаваютъ и по-бабьи, и по-собачьи, и по-лягушечьи, стараясь перещеголять другъ друга...

Петя съ Прошкой моментально сбрасываютъ одежонку и бултыхаются въ рѣчку. Въ водѣ масса русыхъ головокъ, голыхъ рукъ и ногъ. Вдоль берега сидятъ измазанные съ ногъ до головы жидкой грязью ребята—отдыхаютъ. По периламъ моста возсѣдаютъ рядкомъ, какъ птицы, такія же фигурки.

— Прошка! А Прошъ! Поставь березку!

Прошка кувыркается, скрывается въ грязной водѣ, и черезъ нѣсколько секундъ оттуда выставляются Прошкины ноги.

Это и есть «березка».

— Глядь, сколь блиновъ съѣмъ!—кричитъ, выходя изъ себя, маленькій коропузъ, съ большой головой.

Коропузъ кидаетъ по водѣ черепокъ. Черепокъ подпрыгиваетъ и оставляетъ по водѣ круги, все шире и шире расползающіеся на поверхности.

— Одинъ, два, три... четыре!.. пять!..

— Пять только!.. А вотъ гляди,—я!

Общество съ каждой минутой разрастается. То и дѣло подходятъ новыя партіи ребятишекъ, торопливо сбрасываютъ рубашонки, бѣгутъ на мостъ и, перекрестившись, бросаются внизъ головой поднимая при паденіи цѣлый каскадъ грязныхъ брызгъ.

Своимъ примѣромъ новички увлекаютъ выкупавшихся и успѣвшихъ уже обсохнуть ребятъ... Стараясь опередить другъ друга, они тоже сбрасываютъ рубашонки и кидаются въ рѣчку.

Петя совсѣмъ «опростился»: онъ такъ сроднился съ этимъ новымъ обществомъ, что чувствовалъ себя теперь равноправнымъ членомъ его. Ребятишки успѣли къ нему привыкнуть и скоро стали называть его Петькой; никакого почтенія къ нему они теперь уже не чувствуютъ и вообще обращаются съ нимъ за панибрата. Впрочемъ, такое отношеніе Петѣ кажется теперь совершенно правильнымъ, такъ какъ онъ давно уже отвыкъ раздѣлять мальчишекъ, какъ собакъ, на двѣ категоріи: уличныхъ и комнатныхъ.

День проходитъ быстро, незамѣтно... А каждый новый день приноситъ новое удовольствіе, новое наслажденіе.

Незамѣтно пролетѣлъ и вакатъ... Былъ уже августъ въ началѣ. Погода стояла прекрасная, но вечера сдѣлались уже прохладными, и въ саду начали желтѣть листья. Невольно мысль останавливалась на городѣ, на гимназіи.

Е. Чириковъ.

Лѣтомъ.

Зарумянились вишня и слива,
Налилась золотистая рожь.
И, какъ море, волнуется нива,
И въ травѣ на лугахъ не пройдешь.
Солнце ходитъ высоко подъ сводомъ
Раскаленныхъ отъ зноя небесъ;
Пахнетъ липа душистая медомъ,
И шумитъ, полный сумрака, лѣсъ.
Облаковъ золотыя волокна
Ввечеру весь облягутъ закатъ,
И съ полей въ растворенныя окна
Понесется сильнѣй ароматъ.

Н. Грековъ.

Лѣтнее утро въ деревнѣ.

Было еще рано. Солнце не вышло изъ-за горъ, но лучи его уже золотили верхушки деревьевъ: вдали сіяли поля, облитыя росой; утренній вѣтерокъ вѣялъ мягкой прохладой. Воздухъ быстро нагрѣвался и обѣщалъ теплый день.

Въ саду уже началась жизнь: птицы пѣли дружно, суетились во всѣ стороны, отыскивая завтракъ; пчелы, шмели жужжали около цвѣтовъ.

Издали, съ поля, доносилось мычаніе коровъ; по полю валило облако пыли, поднимаемое стадомъ овецъ: въ деревнѣ скрипѣли ворота, слышался стукъ телѣгъ: во ржи щелкали перепела...

И. Гончаровъ.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;
Разсказать, что лѣсъ проснулся, —
Весь проснулся, вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой...

А. Фетъ.

Утро на берегу озера.

Ясно утро. Тихо вѣетъ
Теплый вѣтерокъ;
Лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ.
Въ заревѣ востокъ.
Окаймленное кустами
Молодыхъ ракитъ,
Разноцвѣтными огнями
Озеро блеститъ.
Тишинѣ и солнцу радо,
По равнинѣ водъ
Лебедей ручное стадо
Медленно плыветъ.
Вотъ одинъ взмахнулъ лѣниво
Крыльями, — и вдругъ
Влага брызнула игриво
Жемчугомъ вокругъ.
Привязавъ къ ракитамъ лодку,
Мужички вдвоемъ,
Близъ осоки, втихомолку
Тянутъ сѣть съ трудомъ.
По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ,
Скачутъ босикомъ
Два мальчишка загорѣлыхъ
На прутахъ верхомъ.
Крупный потъ съ нихъ градомъ льется,
И лицо горитъ;
Звучно смѣхъ ихъ раздается,
Голосокъ звенитъ.
«Ну, катай на-перегонки!»
А на шалуновъ
Съ тайной завистью дѣвчонка
Смотритъ изъ кустовъ.

Тянутъ, тянутъ!—закричали
Ребятишки вдругъ.—
Вдоволь, чай, теперь поймали
И линей и щукъ».
Вотъ на берегѣ отлогомъ
Показалась сѣть.
«Ну, вытряхивай-ка,
съ Богомъ, —
Нечего глядѣть!»
Такъ сказалъ старикъ
высокой,
Весь, какъ лунь, сѣдой,
Съ грудью выпукло-широкой,
Съ длинной бородой.
Сѣть намокшую подняли
Дружно рыбаки;
На пескѣ затрепетали
Окуни, линьки.
Дѣти весело шумѣли:
«Будетъ на денекъ!»
И на корточки присѣли
Рыбу класть въ мѣшокъ.

И. Никитинъ.

Полдень.

Сіялъ безоблаченъ сводъ неба голубой;
На полдень солнце становилось.
Ни звуковъ ни рѣчей: палитъ и пышетъ зной;
Все будто спитъ иль притаилось:
Жара и тишина! Манитъ издалека
Безмолвный лѣсъ прохладной тѣнью;
Катится медленно лѣнивая рѣка,
Послушна вѣчному стремленью.

И. Аксаковъ.

Лѣтняя жара.

Мы сидѣли въ тѣни, но и въ тѣни было душно. Тяжелый, знойный воздухъ словно замеръ; горячее лицо съ тоской искало вѣтра, да вѣтра-то не было. Солнце такъ и било съ синяго потемнѣвшаго неба; прямо передъ нами, на другомъ берегу, желтѣло овсяное поле, кое-гдѣ проросшее полынью, и хоть бы одинъ колосъ пошевельнулся. Немного пониже крестьянская лошадь стояла въ рѣкѣ по колѣни и лѣниво обмахивалась мокрымъ хвостомъ; изрѣдка подъ нависшимъ кустомъ всплывала большая рыба, пускала пузыри и тихо погружалась на дно, оставивъ за собою легкую зыбь. Кузнечики трещали въ порыжѣлой травѣ; перепела кричали какъ бы нехотя; ястреба плавно носились надъ полями и часто останавливались на мѣстѣ, быстро махая крыльями и распустивъ хвостъ вѣеромъ. Мы сидѣли неподвижно, подавленные жаромъ.

И. Тургеневъ.

Рожь.

И. И. Шишкинъ.

Нива.

Нива, моя нива,
Нива золотая!
Зрѣешь ты на солнцѣ,
Колосъ наливая.
По тебѣ отъ вѣтру,
Словно въ синемъ морѣ,
Волны такъ и ходятъ,
Ходятъ на просторѣ.
Надъ тобою съ пѣсней
Жаворонокъ вьется;

Надъ тобой и туча
Грозно пронесется...
Зрѣешь ты и спѣешь,
Колосъ наливая,
О людскихъ заботахъ
Ничего не зная.
Унеси ты, вѣтеръ,
Тучу градовую!
Сбереги намъ, Боже,
Ниву трудовую!

Ю. Жадовская.

Нива.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая!
Иду, съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной
И колютъ мнѣ лицо... Иду я наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.
О, Божья благодать!.. О, какъ прилечь отрадно
Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я — на всемъ полей просторѣ
И жницы и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ — на зарѣ стучатъ проворные цѣпы;
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана и меда;
Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая
И длинной бечевой по влагѣ ударяя...

О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба, —
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!

А. Майковъ.

На хуторѣ.

Тарасъ былъ простой крестьянскій мальчикъ. Однако ему недурно жилось на свѣтѣ.

Правду сказать, Тарасу приходилось чуть не круглый годъ бѣгать босикомъ и въ одной рубашкѣ. Но зато въ большіе холода мать всегда давала ему свой старый тулупъ, а отецъ — сапоги. Да и долгая ль у нихъ зима на югѣ, въ ихъ степи? Вѣдь это не то, что на сѣверѣ, гдѣ-нибудь въ Петербургѣ или Архангельскѣ. А зато весной да лѣтомъ да ранней осенью что за житье на ихъ хуторѣ!

Хуторъ стоялъ на берегу тихой степной рѣчки. Рѣчка эта противъ ихъ хутора разливалась такъ широко, что выходило какъ будто озерко. Берегъ былъ отлогій, песчаный; песокъ чистый, бѣлый. Дѣти цѣлый день на берегу возятся, плещутся въ водѣ, сбираютъ раковинки, камешки.

— А ну, Тарасъ, — чуть скажетъ, бывало, его старый дѣдъ, — поѣдемъ завтра раненько, половимъ рыбки...

Тарасъ колесомъ ходитъ отъ радости. Еще совсѣмъ ночь, ни одинъ пѣтухъ не пѣлъ, а дѣдъ уже будитъ Тараса; трудно Тарасу подниматься такъ рано, однако поднимается. Лодка ждетъ ихъ, тихонько покачиваясь подъ самымъ бережкомъ, подъ зелеными вѣтвями вербы. Сѣли, поплыли. Тихо-тихо еще все и на землѣ и на водѣ. Заря только еще начинаетъ разгораться.

— Ай-ай! — вдругъ кричитъ Тарасъ.

Дѣдъ даже вздрагиваетъ.

— Что съ тобой, внучекъ, что ты?

— Щука, дѣдушка! Какая щука! Выскочила изъ воды, хлопъ хвостомъ, — и нѣту!

— Ну, сиди смирно, то не наша щука, наши впереди, — говоритъ дѣдъ.

Вотъ и приплыли. Солнышко уже выглянуло. Хорошо-то какъ, весело! Тамъ гудитъ, тамъ щебечетъ, тамъ свиститъ, и на селѣ, видно, проснулись: вонъ, слышно, конь ржетъ, волъ реветъ, пѣтухи поютъ...

Все готово для уженья. Червяковъ еще съ вечера накопалъ Тарасъ, стоитъ только насадить на удочки.

— Здѣсь, здѣсь садись, Тарасикъ, между кувшинками закидывай: тутъ окуни на солнышкѣ грѣются. А я межъ камыша сяду, — говоритъ дѣдъ.

Сидитъ Тарасъ, все смотритъ на свой поплавокъ, глазъ не сводитъ. Вдругъ по поплавку — и дальше, дальше — пронеслась какая-то тѣнь. Мальчикъ поднимаетъ голову, смотритъ, что за птица летитъ? У дѣда бы спросить, такъ разсердится, что рыбу пугаешь...

— Чего зѣваешь?—сердито шепчетъ дѣдъ. — Клюетъ: тяни, тяни скорѣй!.. Вѣдь упустилъ-таки, этакого окуня упустилъ!— вскрикиваетъ дѣдъ съ досады. — Стоитъ тебя брать послѣ этого!

Стыдно Тарасу, такъ стыдно. Поскорѣе насаживаетъ новаго червяка и уже не зѣваетъ.

А солнце такъ и припекаетъ. По зеленой травкѣ шевелятся нѣсколько окуней, линей, плотичекъ.

— Ну, будетъ, внучекъ, на сей день. Тащи изъ лодки котелокъ, будемъ ушку варить, позавтракаемъ.

А Тарасу уже давно надоѣло сидѣть, и ѣсть хочется.

Опять же любитъ онъ огонь разводить, — до страсти любитъ! Живехонько насбиралъ дровецъ, и вотъ ужъ отъ котелка валитъ паръ, да такой вкусный, что слюнки текутъ.

Бываетъ и такъ, что дѣдъ удитъ рыбу, а Тарасъ полѣзетъ въ воду съ другими мальчуганами, — одному скучно, — раковъ ловить. Иной разъ ракъ ущипнетъ, что ой-ой! Зато какъ принесетъ матери къ обѣду пять-шесть десятковъ раковъ, оно и хорошо: надоѣстъ все бураки да бураки, да картофель, да капуста. Хоть отецъ Тараса былъ по крестьянскому и не изъ бѣдныхъ, а все же мясное далеко не всегда и по праздникамъ бывало!

А опять же если въ лѣсъ пойти за земляникой — развѣ дурно?

Что за славный лѣсъ былъ около ихъ хутора! Зайдешь—и не вышелъ бы. Горлинка воркуетъ въ кустахъ; пчелы гудятъ промежъ пахучей зелени; соловей поетъ — разсыпается; а цвѣтовъ, а птичекъ, — рай, да и только! Еще и до земляники не добрались мальчуганы, а ужъ и зайца видѣли, и ежа поймали, и гнѣздо съ малиновками нашли. А вотъ и земляника — да красная, да сочная, да сладкая! Кто въ ротъ себѣ убираетъ

ягоду, а кто и въ шапку кладетъ, — домашнихъ полакомить.

— Ловите, братчики, ловите, голубчики! — отчаяннымъ голосомъ вопитъ Тарасъ.

— Что, что? — кричатъ товарищи, сбѣгаясь со всѣхъ сторонъ.

— Да красивое жъ, красивое: глазки свѣтленькіе, хвостъ мохнатый, само не то желтое, не то красное!..

А между тѣмъ бѣлка, надѣлавшая такой переполохъ, уже давно юркнула въ листву, и слѣдъ простылъ. Одинъ мальчикъ, который кинулся было на крикъ, запнулся за пень, перекувыркнулся черезъ голову и всю свою землянику разсыпалъ до ягодки. И смѣхъ и горе!

Не хочется Тарасу ни на рѣку ни въ лѣсъ, — можно сходить на пасѣку къ старому Степану. Онъ хоть и сердитый съ виду и говоритъ, будто бранится, а любитъ, когда къ нему дѣти приходятъ. Большая у него пасѣка, хорошая. На солнышкѣ рядочками стоятъ ульи чистенькіе, гладенькіе, трава вездѣ выкошена, все подчищено.

Посрединѣ пасѣки образъ, а сзади и хатка Степанова. Выглядываетъ Тарасъ въ пасѣку изъ-за плетня; видитъ, ходитъ старый промежъ ульевъ; туда заглянетъ, тамъ подберетъ. Пчелы тучкой вьются надъ нимъ.

«И какъ это онѣ его не покусаютъ?» думаетъ Тарасъ.

— Добрый день, дѣдушка! — окликаетъ онъ стараго Степана.

— А, это ты, мальчуганъ! Ну, что у васъ дома, все ладно?

— Все, спасибо вамъ, дѣдушка, — говоритъ мальчикъ, а самъ все стоитъ, поглядываетъ черезъ плетень. А ужъ старый знаетъ, чего онъ поглядываетъ.

— Медку, небось, хочется? Знаю я васъ, лакомки... Ну, ужъ иди, иди, попотчую.

Да, наконецъ, развѣ нельзя и у себя на огородѣ поиграть всласть?

За огородомъ сестра Наталья ходитъ, и ходитъ не кое-какъ.

Чего-чего нѣтъ на томъ огородѣ: бураки и капуста, лукъ и чеснокъ, картофель, а промежъ овощей гвоздики полныя да разноцвѣтный макъ, розы, всякія пахучія травки.

И не перечтешь и не припомнишь всѣхъ мѣстъ, куда можно побѣжать Тарасу и позабавиться вволю. А тамъ косовица при-

шла, — надо на лугъ сѣно сгребать; тамъ жниво, — надо помогать хлѣбъ свозить; тамъ дыни и арбузы пора убирать съ баштана. Дѣла-то, дѣла сколько!

Въ Тарасовой семьѣ было кому работать, и потому Тараса не принуждали къ работѣ, какъ другихъ мальчиковъ, его однолѣтковъ. Такъ вѣдь иная работа веселѣе всякой игры.

А. Ефименко.

Уженье на озерѣ.

Озеро было полно всякой рыбы; всего же болѣе водилось въ немъ окуней и особенно лещей. Мы размотали удочки и принялись удить. Отецъ взялъ самую большую, съ крѣпкой лесой, насадилъ какого-то особеннаго толстаго червяка и закинулъ какъ можно дальше: ему хотѣлось поймать крупную рыбу; мы же съ Евсеичемъ удили на среднія удочки и на маленькихъ навозныхъ червяковъ. Клевъ начался ту же минуту; безпрестанно брали средніе окуни и подлещики, которыхъ я еще и не видывалъ. Я пришелъ въ такое волненіе, въ такой азартъ, какъ говорилъ Евсеичъ, что у меня дрожали руки и ноги, и я самъ не понималъ, что дѣлалъ. У насъ поднялась страшная возня отъ частаго вытаскиванія рыбы и закидыванія удочекъ, отъ моихъ восклицаній и Евсеичевыхъ наставленій и удерживанія моихъ дѣтскихъ порывовъ, а потому отецъ сказалъ: «нѣтъ, здѣсь съ вами ничего не выудишь хорошаго», сѣлъ въ лодку, взялъ свою большую удочку, отъѣхалъ отъ насъ нѣсколько десятковъ саженъ подальше, опустилъ на дно веревку съ камнемъ, привязанную къ лодкѣ, и сталъ удить.

Множество и легкость добычи охладили, однако, горячность мою и моего дядьки, который, право, горячился не меньше меня! Онъ сталъ думать, какъ бы и намъ выудить рыбу покрупнѣе. «Давай, соколикъ, удить со дна, — сказалъ онъ мнѣ, — и станемъ насаживать червяковъ побольше; а я закину третью удочку на хлѣбъ». Я, разумѣется, охотно согласился: наплавки передвинули повыше, такъ что они уже не стояли, а лежали въ водѣ, червяковъ насадили покрупнѣе, а Евсеичъ навздѣвалъ ихъ даже десятокъ на свой крючокъ; на третью же удочку насадилъ онъ кусокъ умятаго хлѣба, почти въ орѣхъ величиною. Рыба вдругъ перестала брать, и у насъ наступила совершенная тишина.

Мнѣ стало скучно, и я попросилъ Евсеича переладить мою удочку попрежнему; онъ исполнилъ мою просьбу; наплавокъ мой всталъ, и клевъ начался немедленно; но свои удочки Евсеичъ не переправлялъ, и его наплавки спокойно лежали на водѣ. Я выудилъ уже болѣе двадцати рыбъ, изъ которыхъ двухъ не могъ вытащить безъ помощи Евсеича; правду сказать, онъ только и дѣлалъ, что снималъ рыбу съ моей удочки, сажалъ ее въ ведро съ водой или насаживалъ червяковъ на мой крючокъ: своими удочками ему некогда было заниматься, а потому онъ и не замѣтилъ, что одного удилища уже не было на мосткахъ и что какая-то рыба утащила его саженъ на двадцать. Евсеичъ поднялъ такой крикъ, что испугалъ меня; Сурка, бывшій съ нами, началъ лаять. Евсеичъ сталъ просить и молить моего отца, чтобы онъ поймалъ плавающее удилище. Отецъ поспѣшно исполнилъ его просьбу: поднялъ камень въ лодку и, гребя весломъ то направо, то налѣво, скоро догналъ Евсеичево удилище, вытащилъ очень большого окуня, не отцѣпляя, положилъ его въ лодку и привезъ къ намъ на мостки.

Въ этомъ происшествіи я уже принималъ гораздо живѣйшее участіе; крики и тревога Евсеича привели меня въ волненіе; я прыгалъ отъ радости, когда мы перенесли окуня на берегъ, отцѣпили и посадили въ ведро. Вѣроятно, рыба была испугана шумомъ и движеніемъ подъѣзжавшей лодки: клевъ прекратился, и мы долго просидѣли напрасно, ожидая новой добычи. Только къ вечеру, когда солнышко стало уже садиться, отецъ мой выудилъ огромнаго леща, котораго оставилъ у себя въ лодкѣ, чтобы не распугать, какъ видно, подходившую рыбу: держа обѣими руками леща, онъ показалъ намъ его только издали. У меня начали опять брать подлещики, какъ вдругъ отецъ замѣтилъ, что отъ воды сталъ подыматься туманъ, закричалъ намъ, что мнѣ пора итти къ матери, и приказалъ Евсеичу отвести меня домой.

С. Аксаковъ.

Демьянова уха.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста, покушай».
— «Сосѣдушка, я сытъ по горло». — «Нужды нѣтъ.
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей же ей, на славу сварена!
— «Я три тарелки съѣлъ». — «И, полно, что за счеты!

Лишь стало бы охоты,—
А то во здравье ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна!
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Такъ потчевалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку
И не давалъ ему ни отдыха ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однакоже, еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю. «Вотъ друга я люблю!—
Вскричалъ Демьянъ.—Зато ужъ чванныхъ не терплю...
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,—
Скорѣй безъ памяти домой
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

И. Крыловъ.

Гроза въ деревнѣ.

Полуденный воздухъ, накаленный знойными лучами солнца, становился душенъ и тяжелъ. Вотъ и солнце спряталось. Стало темно. И лѣсъ, и дальнія деревни, и трава,—все облеклось въ безразличный, какой-то зловѣщій цвѣтъ. Съ запада тянулось, точно живое чудовище, черное безобразное пятно, съ мѣднымъ отливомъ по краямъ, и быстро подвигалось на село и на рощу, простирая будто огромныя крылья по сторонамъ. Все тосковало въ природѣ. Коровы понурили головы, лошади обмахивались хвостами, раздували ноздри и фыркали, встряхивая гривой. Пыль подъ ихъ копытами не поднималась вверхъ, но тяжело, какъ песокъ, разсыпалась подъ колесами.

Туча подвигалась грозно. Вскорѣ медленно прокатился отдаленный гулъ. Все притихло, какъ будто ожидало чего-то небывалаго. Куда дѣвались эти птицы, которыя такъ рѣзво порхали и пѣли на солнышкѣ? Гдѣ насѣкомыя, что такъ разнообразно жужжали въ травѣ? Все спряталось и безмолвствовало.

Передъ грозой. *И. И. Шишкинъ.*

И бездушные предметы, казалось, раздѣляли зловѣщее предчувствіе. Деревья перестали покачиваться и задѣвать другъ друга сучьями, они выпрямились и только изрѣдка наклонялись верхушками между собою, какъ будто взаимно предупреждая себя шопотомъ о близкой опасности. Въ деревнѣ всѣ старались убраться во-время по домамъ. Наступила минута всеобщаго торжественнаго молчанія.

Отъ лѣса, какъ передовой вѣстникъ, пронесся свѣжій вѣтерокъ, повѣялъ прохладой въ лицо прохожему, прошумѣлъ по листьямъ, захлопнулъ мимоходомъ ворота и, вскрутя пыль на улицѣ, затихъ въ кустахъ. Слѣдомъ за нимъ мчится бурный вихрь, медленно двигая по дорогѣ столбъ пыли; вотъ ворвался въ деревню, сбросилъ нѣсколько гнилыхъ досокъ съ забора, снесъ соломенную крышу и погналъ вдоль улицы пѣтуховъ и куръ, раздувая имъ хвосты. Пронесся. Опять безмолвіе. Все суетится и прячется; только глупый баранъ не предчувствуетъ ничего: онъ равнодушно жуетъ свою жвачку, стоя посреди улицы, и глядитъ въ одну сторону, не понимая общей тревоги,—да перышко съ соломинкой, кружась по дорогѣ, силятся поспѣть за вихремъ. Упали двѣ-три крупныя капли дождя, и вдругъ блеснула молнія.

Старикъ всталъ съ завалинки и поспѣшно повелъ маленькихъ внучатъ въ избу; старуха, крестясь, торопливо закрыла окно. Грянулъ громъ и, заглушая людской шумъ, торжественно прокатился по воздуху. Испуганный конь оторвался отъ коновязи и мчится съ веревкой въ поле; тщетно преслѣдуетъ его крестьянинъ. А дождь такъ и сыплетъ, такъ и сѣчетъ все чаще и чаще и дробитъ въ кровли и окна все сильнѣе и сильнѣе.

И. Гончаровъ.

Деревенская гроза.

Нерѣдко застигала насъ гроза. Въ воздухѣ душно, ни звука ни движенія. Кипучая жизнь уступаетъ мѣсто томительной истомѣ: природа въ напряженномъ ожиданіи. Съ края горизонта медленно ползетъ сизая туча. Она растетъ, клубится, расплывается по небосклону. По ней шныряютъ изогнутыя стрѣлы молній—все ближе, все ярче. Глухой ропотъ грома становится сильнѣе, отрывистѣе — и вдругъ надъ головой оглушительный трескъ, непрерывное, ослѣпительное миганье точно разверзающихся небесъ. На насъ льютъ потоки дождя; за ливнемъ не видно окрестности. Намъ жутко и весело...

Но мы предвидѣли грозу и заранѣе нашли себѣ пріютъ въ шалашѣ пасѣчника. А какая благодать послѣ грозы! Что за свѣжесть и чистота воздуха! Какъ благоухаютъ лѣсъ и поля! Трава, листья сіяютъ обновленной зеленью. Опять трещитъ кузнечикъ и порхаетъ бабочка, опять щебечутъ птицы: вы точно переживаете новую весну. Вѣчно глядѣлъ бы и не наглядѣлся на эту чудную картину, слушалъ бы и не наслушался этихъ звуковъ безъ словъ, но полныхъ радостной жизни!

А. Никитенко.

Послѣ грозы.

Замерли грома раскаты. Дождемъ окропленное поле
Послѣ грозы озарилось улыбкой румянаго солнца.
Заревомъ пышетъ закатъ. Золотисто-румяныя тучи
Ярко горятъ надъ вершиной кудряваго лѣса.
Спятъ неподвижныя нивы, обвѣяны нѣгой вечерней.
О, какъ хорошъ этотъ воздухъ, грозой и дождемъ освѣженный!
Какъ ему рады повсюду, куда онъ проникъ, благодатный!
Видѣлъ я въ полдень вотъ этотъ цвѣтокъ темно-синій: отъ жара
Грустно свернувъ лепестки, онъ клонился къ землѣ раскаленной;
Вотъ онъ опять развернулся и держится прямо на стеблѣ.
Солнце-художникъ покрыло его золотистою краской;
Свѣтлыя капли, какъ жемчугъ, горятъ на головкѣ махровой;
Крѣпко прильнула къ нему хлопотливо-жужжащая пчелка,
Сокъ ароматный сбирая. А какъ забѣлѣлася ярко
Гречка расцвѣтшая, чистой омытая влагой отъ пыли!
Издали кажется—снѣгъ это бѣлой лежитъ полосою.
Словно воздушный цвѣтокъ, стрекоза опустилась на колосъ;
Бѣдная! долго ждала она капли прозрачной изъ тучи.
Вышелъ сурокъ изъ норы своей темной, кругомъ оглянулся,
Сталъ осторожно на заднія лапки и слушаетъ: тихо...
Только кричитъ гдѣ-то перепелъ и распѣваетъ овсянка:
Весело свистнулъ и онъ и водицы напился изъ лужи.
Вотъ пожилой мужичокъ показался изъ лѣса. Подъ мышкой
Держитъ онъ свѣжія лыки. Окинувши поле глазами,
Шляпу онъ снялъ съ головы, сѣдиной серебристой покрытой:
Тайну молитву творя, осѣнился крестомъ и промолвилъ:
«Экую радость послалъ намъ Господь—проливной этотъ дождикъ!
Хлѣбъ-отъ въ недѣлю поправится такъ, что его не узнаешь».

И. Никитинъ.

Гроза въ степи.

День становился жаркимъ, и воздухъ былъ наполненъ тяжелыми испареніями сырой почвы, поросшей травой, густой и высокой, чуть не по плечи намъ. Всюду кругомъ насъ неподвижно стояло зеленое бархатное море и дышало въ знойное небо сочными ароматами, отъ которыхъ кружилась голова...

Для сокращенія пути мы шли узкой тропинкой, по которой взадъ и впередъ ползали маленькія красныя змѣйки, извиваясь у насъ подъ ногами. Справа отъ насъ на горизонтѣ тянулась гряда облаковъ, сверкавшихъ на солнцѣ серебромъ; то былъ Дагестанскій хребетъ.

Слѣдомъ за нами, по небу медленно двигались черныя, густыя стаи тучъ. Сливаясь другъ съ другомъ, онѣ покрыли все небо сзади насъ, тогда какъ впереди оно было еще ясно, хотя уже клочья облаковъ выбѣжали въ него и рѣзво неслись куда-то впередъ, обгоняя насъ и все гуще покрывая небо. Далеко гдѣ-то рокоталъ громъ, и его ворчливые звуки все приближались.

Крупныя капли дождя стали падать и ударяться о траву. Трава металлически шелестѣла. Намъ негдѣ было укрыться. Вотъ стало темно, и шелестъ травы зазвучалъ хоть громче, но какъ-то испуганно.

Грянулъ громъ, и тучи дрогнули, охваченныя синимъ огнемъ. Потомъ стало темно, и серебристая цѣпь горъ пропала во тьмѣ. Крупный дождь полился ручьями, и одинъ за другимъ удары грома начали грозно и непрерывно рокотать въ пустынной степи.

Трава, сгибаемая ударами вѣтра и дождя, ложилась па землю и шуршала блѣднымъ звукомъ.

И все дрожало, волновалось. Молніи, слѣпя глаза, рвали тучи... Въ голубомъ блескѣ ихъ, вдали вставала горная цѣпь, сверкая синими огнями, серебряная и холодная, а когда молніи гасли, она исчезала, какъ бы проваливаясь въ темную пропасть. Все гремѣло, вздрагивало, отталкивало звуки и родило ихъ. Точно небо, мутное и гнѣвное, огнемъ очищало себя отъ пыли и всякой мерзости, поднявшейся до него съ земли, и земля, казалось, дрожитъ въ страхѣ передъ гнѣвомъ его.

И мнѣ захотѣлось принять участіе во всемъ этомъ, выразить чѣмъ-нибудь переполнявшее меня чувство восхищенія передъ этой тайной силой, сокрушающей тьму и тучи. Голубое

пламя, охватывавшее небо, казалось, горѣло и въ моей груди; и чѣмъ мнѣ было выразить мое великое волненіе и мой восторгъ передъ грандіозной картиной природы?.. Я запѣлъ, — громко, во всю силу.

Ревѣлъ громъ, блистали молніи, шуршала трава, а я пѣлъ и чувствовалъ себя въ полномъ родствѣ со всѣми звуками... Я безумствовалъ; это простительно, ибо не вредило никому, кромѣ меня. Я былъ полонъ желанія, какъ можно больше схватить и впитать въ себя живой и могучей красоты и силы, бушевавшей въ степи, и стать ближе къ ней... Буря на морѣ, и гроза въ степи! — я не знаю болѣе грандіозныхъ явленій въ природѣ.

М. Горькій.

Буря на морѣ.

При блескѣ молніи, при грохотѣ громовомъ,
Стою у моря я. Бушуетъ предо мной
Въ своемъ величіи, и грозномъ и суровомъ,
Необозримое, гоня волну волной
И вдругъ сливая ихъ въ одну сплошную гору...
И ужасомъ охваченному взору
Все чудится, что мигъ одинъ —
И разъяренная стихія
Ворвется въ области чужія
Какъ полновластный господинъ,
И побѣдителемъ, не знающимъ пощады,
Смететъ все встрѣчное, разрушитъ всѣ преграды!..

П. Вейнбергъ.

Море.

Море смѣялось.

Подъ легкимъ дуновеніемъ знойнаго вѣтра оно вздрагивало и, покрываясь мелкой рябью, ослѣпительно ярко отражавшей солнце, улыбалось голубому небу тысячами серебряныхъ улыбокъ. Въ глубокомъ пространствѣ между моремъ и небомъ носился веселый и шумный блескъ волнъ, взбѣгавшихъ одна за другою на пологій берегъ песчаной косы. Этотъ звукъ и блескъ солнца, тысячекратно отраженнаго рябью моря, гармонично сливались въ непрерывное движеніе, полное живой радости. Солнце

было счастливо тѣмъ, что свѣтило; море тѣмъ, что отражало его ликующій свѣтъ.

Вѣтеръ ласково гладилъ мощную атласную грудь моря, солнце грѣло ее своими горячими лучами, и море, дремотно вздыхая подъ нѣжной силой этихъ ласкъ, насыщало жаркій воздухъ соленымъ ароматомъ своихъ испареній. Зеленоватыя волны, взбѣгая на желтый песокъ, сбрасывали на него бѣлую пѣну своихъ пышныхъ гривъ; она съ тихимъ звукомъ таяла на горячемъ пескѣ, увлажняя его.

Волны звучали, солнце сіяло, море смѣялось...

М. Горькій.

Болото.

Я цѣлый часъ болотомъ занялся.
Тамъ бѣлоусъ торчитъ, какъ щетка, жесткій;
Тамъ точно прудъ зеленый разлился;
Лягушка, взгромоздясь, какъ на подмостки,
На старый пень, торчащій изъ воды,
На солнцѣ нѣжится и дремлетъ...
Бѣлымъ пушкомъ одѣты тощіе цвѣты;
Надъ ними мошки вьются роемъ цѣлымъ;
Лишь незабудокъ сочныхъ бирюза
Кругомъ глядитъ умильно мнѣ въ глаза,
Да оживляетъ бѣдный міръ болотный
Порханье бѣлой бабочки залетной
И хлопоты стрекозокъ голубыхъ
Вокругъ тростинокъ, тощихъ и сухихъ.
Ахъ! прелесть есть и въ этомъ запустѣньѣ!..

А. Майковъ.

Лягушка и волъ.

Лягушка, на лугу увидѣвши вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться
(Она завистлива была),
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
«Смотрика-ка, квакушка, что, буду ль я съ него?»
Подругѣ говоритъ. «Нѣтъ, кумушка, далеко!»
— «Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко...
Ну, каково?
Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего».

Буря у кавказскихъ береговъ. *И. К. Айвазовскій.*

— «Ну, какъ теперь?»—«Все то жъ». Пыхтѣла да пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнявшися съ воломъ,
Съ натуги лопнула и околѣла.

И. Крыловъ.

Слонъ и моська.

По улицамъ слона водили,
Какъ видно, на показъ.
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ —
Такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись, навстрѣчу моська имъ.
Увидѣвши слона,—ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться, —
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
«Сосѣдка, перестань срамиться, —
Ей шавка говоритъ: — тебѣ ль съ слономъ возиться?
Смотри: ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ впередъ
И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ».
— «Эхъ, эхъ! — ей моська отвѣчаетъ. —
Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я совсѣмъ безъ драки
Могу попасть въ большія забіяки
Пускай же говорятъ собаки:
«Ай, моська! Знать, она сильна,
Что лаетъ на слона».

И. Крыловъ.

Лѣсъ.

Весь лѣсъ состоялъ изъ какихъ-нибудь двух- или трехсотъ огромныхъ дубовъ и ясеней. Ихъ статные, могучіе стволы великолѣпно чернѣли на золотисто-прозрачной зелени орѣшниковъ и рябинъ; поднимаясь выше, стройно рисовались на ясной лазури и тамъ уже раскидывали шатромъ свои широкія узловатые сучья; ястреба, кобчики, пустельги со свистомъ носились подъ неподвижными верхушками, пестрые дятлы крѣпко стучали по толстой корѣ; звучный напѣвъ чернаго дрозда внезапно раздавался въ густой листвѣ вслѣдъ за переливчатымъ крикомъ иволги; внизу, въ кустахъ, чирикали и пѣли малиновки, чижи

и пѣночки; зяблики проворно бѣгали по дорожкамъ; бѣлякъ прокрадывался вдоль опушки, осторожно «костыляя»; красно-бурая бѣлка рѣзво прыгала отъ дерева къ дереву и вдругъ садилась, поднявши хвостъ надъ головой. Въ травѣ, около высокихъ муравейниковъ, подъ легкой тѣнью вырѣзанныхъ красивыхъ листьевъ папоротника, цвѣли фіалки и ландыши, росли сыроѣжки, волнянки, грузди, дубовики, красные мухоморы; на лужайкахъ, между кустами, алѣла земляника... А что въ лѣсу за тѣнь была! Въ самый жаръ, въ полдень—ночь настоящая: тишина, запахъ, свѣжесть...

И. Тургеневъ.

За грибами.

Лѣто стояло жаркое и грозное. Чуть не всякій день шли дожди, сопровождаемые молніей и такими громовыми ударами, что весь домъ дрожалъ. Вслѣдствіе такихъ частыхъ, хотя непродолжительныхъ перемокъ, необыкновенно много появилось грибовъ. Слухъ о груздяхъ, которыхъ уродилось «мостъ-мостомъ», какъ выражался старый пчелякъ, жившій въ лѣсу со своими пчелами, взволновалъ тетушку и моего отца, которые очень любили брать грибы и особенно ломать грузди. Въ тотъ же день, сейчасъ послѣ обѣда, они рѣшили отправиться въ лѣсъ, въ сопровожденіи цѣлой дѣвичьей и многихъ дворовыхъ женщинъ.

Сейчасъ послѣ обѣда начались торопливые сборы. У крыльца уже стояли двое длинныхъ дрогъ и телѣга. Всѣ запаслись кузовьями, лукошками и плетеными корзинами изъ ивовыхъ прутьевъ. На длинные роспуски и телѣгу насѣло столько народа, сколько могло помѣститься, а нѣкоторые пошли впередъ. Какъ только съѣхали со двора, на всѣхъ экипажахъ начался веселый говоръ, превратившійся потомъ въ громкую болтовню и хохотъ; когда же отъѣхали отъ дома съ версту, дѣвушки и женщины запѣли пѣсни, и сама тетушка имъ подтягивала. Всѣ были необыкновенно шутливы и веселы, и мнѣ самому стало очень весело.

Скоро всѣ разбрелись по лѣсу въ разныя стороны и скрылись изъ вида. Лѣсъ точно ожилъ: вездѣ начали раздаваться разныя веселыя восклицанія, ауканья, звонкій смѣхъ и одиночные голоса многихъ пѣсенъ. Тетушка и мой отецъ, отъ котораго я не отставалъ ни на шагъ, ходили по молодому лѣсу неподалеку

другъ отъ друга. Тетушка первая нашла слой груздей. Она вышла на маленькую полянку, остановилась и сказала: «Здѣсь непремѣнно должны быть грузди, такъ и пахнетъ груздями,— и вдругъ закричала: — ахъ, я наступила на нихъ!» Мы съ отцомъ хотѣли подойти къ ней, но она не допустила насъ близко, говоря, что это ея грузди, что она нашла ихъ и что пусть мы ищемъ другой слой. Я видѣлъ, какъ она стала на колѣни и, щупая руками землю подъ листьями папоротника, вынимала оттуда грузди и клала ихъ въ свою корзинку. Скоро и мы съ отцомъ нашли гнѣздо груздей; мы также принялись ощупывать ихъ руками и бережно вынимать изъ-подъ пелены прошлогоднихъ полусгнившихъ листьевъ, поросшихъ всякими лѣсными травами и цвѣтами. Отецъ мой съ жаромъ охотника занимался этимъ дѣломъ и особенно любовался молодыми груздями, говоря мнѣ: «Посмотри, Сережа, какіе маленькіе груздочки, и какъ пахнутъ! Осторожно снимай ихъ—они хрупки и ломки. Посмотри: точно пухомъ обросли!» Въ самомъ дѣлѣ, молоденькіе груздочки были какъ-то особенно миловидны и издавали острый запахъ. — Наконецъ, побродивъ по лѣсу часа два, мы наполнили свои корзинки одними молодыми груздями.

С. Аксаковъ.

Ягоды.

Давно уже поспѣла полевая клубника, лакомиться которою позволяли намъ вдоволь. Мать сама была большая охотница до этихъ ягодъ, и мы, вмѣсто прежнихъ безцѣльныхъ прогулокъ, стали ѣздить въ поле по ягоды. Это удовольствіе было для меня совершенно неизвѣстно и сначала очень мнѣ нравилось, но скоро наскучило; всѣ же окружавшіе меня, и мужчины и женщины, постоянно занимались этимъ дѣломъ очень горячо. Мы ѣздили за клубникой цѣлымъ домомъ, такъ что только поваръ Мокей оставался въ своей кухнѣ; но и его отпускали послѣ обѣда, и онъ всегда уже возвращался къ вечеру съ огромнымъ кузовомъ чудесной клубники. У всякаго была своя посуда: у кого ведро, у кого лукошко, у кого буракъ, у кого кузовъ.

У насъ съ сестрицей были прекрасные берестовые бурачки съ крышечками, испещренные вытисненными на нихъ узорами. Милая моя сестрица не умѣла брать ягодъ, то-есть не умѣла различать спѣлую клубнику отъ неспѣлой. Я слышалъ, какъ

ея нянька Параша, всегда очень ласковая и добрая женщина, вытряхивая бурачокъ, говорила: «Ну, барышня, опять набрала зеленухи!» и потомъ наполняла бурачокъ ягодами изъ своего кузова; у меня же оказалась претензія, что я умѣю брать ягоды: это, конечно, было несправедливо. Вслѣдствіе той же претензіи я всегда заявлялъ, что сестрица не сама брала и что я видѣлъ, какъ Параша насыпала ей бурачокъ своими ягодами.

По возвращеніи домой начиналась новая возня съ ягодами: въ тѣни отъ нашего домика разсыпали ихъ на широкій чистый липовый лубокъ; самыя крупныя отбирали на варенье, потомъ для кушанья, потомъ для сушки; изъ остальныхъ дѣлали русскія и татарскія пастилы: русскими назывались пастилы толстыя, сахарныя или медовыя, процѣженныя сквозь рѣдинку, а татарскими — тонкія, какъ кожа, со всѣми ягодными сѣмечками, довольно кислыя на вкусъ. Эти приготовленія занимали меня сначала едва ли не болѣе собиранія, но, наконецъ, и они наскучили. Болѣе всего любилъ я смотрѣть, какъ мать варила варенье въ мѣдныхъ блестящихъ тазахъ на таганѣ, подъ которымъ разводился огонь, — можетъ-быть, потому, что снимаемыя съ кипящаго таза сахарныя пѣнки большею частью отдавались намъ съ сестрицей; мы съ ней обыкновенно сидѣли на землѣ, поджавъ подъ себя ноги, нетерпѣливо ожидая, когда масса ягодъ и сахаръ начнутъ вздуваться, пузыриться и покрываться бѣловатою пеленою.

С. Аксаковъ.

Рубка лѣса.

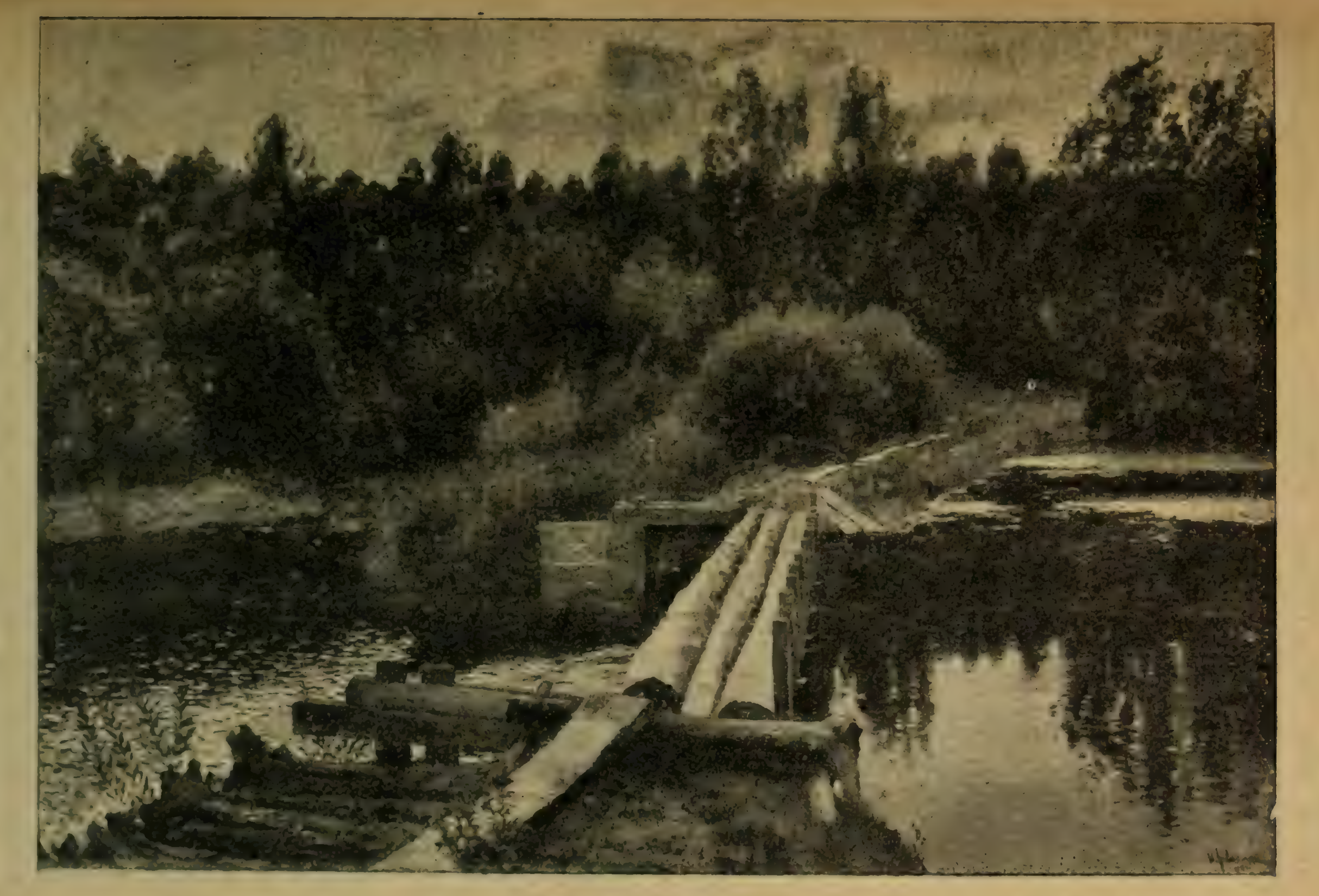
Сколько тутъ было кудрявыхъ березъ!
Тамъ, изъ-за старой нахмуренной ели,
Красные грозды калины глядѣли;
Тамъ подымался дубокъ молодой.
Птицы царили въ вершинѣ лѣсной.
Понизу всякіе звѣри таились.
Вдругъ мужики съ топорами явились, —
Лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, затрещалъ:
Заяцъ послушалъ и вонъ побѣжалъ;
Въ темную нору забилась лисица;
Машетъ крыломъ осторожнѣе птица;
Въ недоумѣньи тащатъ муравьи,

Что ни попало, въ жилища свои.
Съ пѣснями трудъ человѣка спорился:
Словно подкошенъ, осинникъ валился;
Съ трескомъ ломали сухой березнякъ;
Корчили съ корнемъ упорный дубнякъ;
Старую сосну сперва надрубали,
Послѣ арканомъ ее нагибали,
И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы къ землѣ прилегла поплотнѣй.
Много тутъ было печальныхъ картинъ:
Стономъ стонали верхушки осинъ;
Изъ перерубленной старой березы
Градомъ лилися прощальныя слезы...
И надъ поверженнымъ лѣсомъ луна
Остановилась кругла и ясна.
Трупы деревьевъ недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипѣли, трещали;
Жалобно листья шумѣли кругомъ.
Такъ, послѣ битвы во мракѣ ночномъ,
Раненый стонетъ, зоветъ, проклинаетъ;
Вѣтеръ надъ полемъ кровавымъ летаетъ,
Праздно оружьемъ лежащимъ звенитъ,
Волосы мертвыхъ бойцовъ шевелитъ!
Тѣни ходили по пнямъ бѣловатымъ,
Жидкимъ осинамъ, березамъ косматымъ;
Низко летали, вились колесомъ
Совы, шарахаясь оземь крыломъ;
Звонко кукушка вдали куковала,
Да, какъ безумная, галка кричала,
Шумно летая надъ лѣсомъ... Но ей
Не отыскать неразумныхъ дѣтей!
Съ дерева комомъ галчата упали,
Желтые рты широко разѣвали,
Прыгали, злились. Наскучилъ ихъ крикъ —
И придавилъ ихъ ногою мужикъ.

Н. Некрасовъ.

Мельница.

Когда я вошелъ въ мельницу, то чуть было сейчасъ же назадъ не выбѣжалъ: такъ страшно мнѣ сразу тамъ показалось. Въ одномъ углу что- грохотало да такъ громко, что у

У омута.

И. И. Левитанъ.

меня въ ушахъ зазвенѣло; вокругъ ничего не видно: густая бѣлая пыль такъ глаза и застилаетъ; дышать трудно, словно тебѣ мѣшокъ муки на голову высыпали.

Постоялъ я немного въ дверяхъ и сталъ пробираться въ ту сторону, откуда шелъ стукъ. Тамъ, подъ потолкомъ, качался изъ стороны въ сторону какой-то ящикъ, сверху широкій, снизу узкій; изъ него сыпалось зерно на большой круглый камень (жерновъ, какъ мнѣ потомъ сказали) и падало въ самую его середину; тутъ оно проваливалось подъ жерновъ черезъ сдѣланную въ немъ дыру. Жерновъ этотъ вертѣлся, а подъ нимъ неподвижно лежалъ другой, совершенно такой же камень. Изъ-подъ верхняго жернова въ одномъ мѣстѣ сыпалась по лотку уже готовая мука.

Хотѣлось мнѣ доискаться, отчего верхній жерновъ вертѣлся. Осмотрѣлся я кругомъ: вижу, у стѣны спускается лѣсенка. Я къ ней; гляжу: подъ поломъ темно, несетъ оттуда холодкомъ, что-то тамъ постукиваетъ. Собрался я съ духомъ да кое-какъ и слѣзъ внизъ.

Внизу было не такъ темно, какъ сверху показалось. Вертѣлось тамъ два колеса: одно большое съ зубьями, а другое маленькое; за стѣной слышался стукъ и плескъ воды. Надо было посмотрѣть, что за стѣной дѣлается.

Я вышелъ изъ мельницы, и съ одной ея стороны вотъ что увидалъ: возлѣ стѣны мельницы вода изъ пруда бѣжитъ черезъ плотину по широкому ящику и падаетъ изъ него на огромное колесо съ широкимъ ободомъ, въ который вдѣланы дощечки. Колесо вертится. Насажено оно на толстое бревно, пропущенное черезъ стѣну внутрь мельницы.

Тутъ, на плотинѣ, стоялъ работникъ съ мельницы, и я попросилъ его объяснить мнѣ, отчего вертятся всѣ мельничныя колеса. Онъ мнѣ все объяснилъ. Вода падаетъ на дощечки въ водяномъ колесѣ, оно оттого вертится, а съ нимъ вмѣстѣ вертится и зубчатое колесо (которое я видѣлъ подъ поломъ мельницы), такъ какъ они насажены на одномъ бревнѣ. Зубчатое колесо задѣваетъ своими зубьями за шестерню — то маленькое колесо, которое я видѣлъ внизу мельницы, рядомъ съ зубчатымъ. Бревно, на которое прилажена шестерня, проходитъ свободно черезъ середину нижняго жернова и придѣлано накрѣпко къ верхнему жернову, а потому вертится вмѣстѣ съ нимъ. Верхній жерновъ, кружась на нижнемъ жерновѣ, расти-

раетъ попадающее между ними зерно, и оно превращается въ муку.

Пока я, такимъ образомъ, разсматривалъ мельницу, жито наше уже уложено было въ амбаръ, лошадь немного отдохнула, и отецъ искалъ меня, чтобы отправиться опять въ дорогу.

Н. Блиновъ.

Мельникъ.

У мельника вода плотину прососала.
Бѣда бъ не велика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстати ль? Мельникъ мой не думаетъ тужить,
А течь день ото дня сильнѣе становится:
Вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра.
«Эй, мельникъ, не зѣвай! Пора,
Пора тебѣ за умъ хватиться!»
А мельникъ говоритъ: «далеко до бѣды!
Не море надо мнѣ воды,
И ею мельница по весь мой вѣкъ богата».
Онъ спитъ, а между тѣмъ
Вода бѣжитъ, какъ изъ ушата.
И вотъ бѣда пришла совсѣмъ:
Сталъ жерновъ; мельница не служитъ.
Хватился мельникъ мой: и охаетъ, и тужитъ,
И думаетъ, какъ воду уберечь.
Вотъ у плотины онъ, осматривая течь,
Увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры.
«Негодныя! — кричитъ. — Хохлатки, дуры!
Я и безъ васъ воды не знаю, гдѣ достать;
А вы ее пришли здѣсь вдосталь допивать!»
И въ нихъ полѣномъ хвать.
Какое жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье?
Безъ куръ и безъ воды пошелъ въ свое подворье.

—

Видалъ я иногда,
Что есть такіе господа
(И эта басенка имъ сдѣлана въ подарокъ),
Которымъ тысячи не жаль на вздоръ сорить,
А думаютъ хозяйству подспорить,
Коль свѣчки сберегутъ огарокъ. *И. Крыловъ.*

Въ степи.

Ужъ поздно: конь усталый мой
Храпитъ и просится домой.
Холмы пологіе кругомъ —
Степные виды... За холмомъ
Печально свѣтится пожаръ —
Овинъ горитъ. На нивѣ паръ;
На небѣ мѣсяцъ золотой
Блеститъ холодной красотой,
И подъ лучомъ его нѣмымъ
Туманъ волнуется, какъ дымъ;
Большія тѣни тамъ и сямъ
Лежатъ недвижно по полямъ,
И различаетъ глазъ едва
Лѣсовъ высокихъ острова.
Кой-гдѣ по берегамъ рѣки
Въ кустахъ мерцаютъ огоньки:
Внезапный крикъ перепеловъ
Гремитъ одинъ среди луговъ,
И синяя ночная мгла,
Какъ будто нехотя, тепла!

И. Тургеневъ.

Цыганскій таборъ.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены;
Спокойно все; луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.

А. Пушкинъ.

Лѣтній вечеръ.

Знать, солнышко утомлено:
За горы прячется оно,
Лучъ погашаетъ за лучомъ,
И, алымъ тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.
Пора ему и отдохнуть:
Мы знаемъ, лѣтній дологъ путь.

Вездѣ жъ работа: на горахъ,
Въ долинахъ, рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣта дай,
И всѣхъ притомъ благословляй.
Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы;
Потомъ медвяною росой
Пчелу-работницу напой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.
Зерну скорлупку расколи,
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ;
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.
И вишнямъ дай румяный цвѣтъ;
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ,
И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями прикрыть,
И колосъ зрѣлостью налить,
А если жаръ для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.
А гдѣ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй
И сѣно въ копны собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ,
И съ ними рядъ во овъ скрипѣлъ.
Итакъ, совсѣмъ немудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полупотухнувшихъ лучахъ,
И намъ, сходя за небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!

И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ;
Одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ
За нимъ глядитъ, сіяя, вслѣдъ.
Гляди, гляди! въ томъ пользы нѣтъ!
Сейчасъ оно передъ тобой
Задернетъ алый завѣсъ свой.
Есть и про солнышко бѣда:
Нѣтъ лада съ сыномъ никогда.
Оно лишь только въ глубину,
А онъ какъ разъ на вышину;
Того и жди, что заблеститъ:
Давно за горкой онъ сидитъ.
Но что жъ такъ медлитъ онъ вставать?
Все хочетъ солнце переждать.
Вставай, вставай! уже давно
Заснуло въ сумеркахъ оно.
И вотъ онъ всходитъ, въ долъ глядитъ
И блѣдно зелень серебритъ.
И ночь ужъ на небо взошла
И тихо на небѣ зажгла
Гостепріимные огни;
И все замолкнуло въ тѣни,
И по долинамъ, по горамъ
Все спитъ... пора ко сну и намъ.

В. Жуковскій.

Лѣтній вечеръ.

Солнце ужъ опускалось за лѣсъ; оно бросало нѣсколько чуть-чуть теплыхъ лучей, которые прорѣзывались огненною полосой черезъ весь лѣсъ, ярко обливая золотомъ верхушки сосенъ. Потомъ лучи гасли одинъ за другимъ; послѣдній лучъ оставался долго; онъ, какъ тонкая игла, вонзился въ чащу вѣтвей, но и тотъ потухъ.

Предметы теряли свою форму; все сливалось сначала въ сѣрую, потомъ въ темную массу. Пѣніе птицъ постепенно ослабѣвало; вскорѣ онѣ совсѣмъ замолкли, кромѣ одной какой-то упрямой, которая, будто наперекоръ всѣмъ, среди общей тишины одна монотонно чирикала съ промежутками, по все рѣже и рѣже; и та, наконецъ, свистнула слабо, незвучно въ послѣдній разъ, встрепенулась, слегка пошевеливъ листьями вокругъ себя... и заснула.

Все смолкло. Одни кузнечики взапуски трещали сильнѣе. Изъ земли поднялись бѣлые пары и разостлались по лугу и по рѣкѣ. Рѣка тоже присмирѣла; немного погодя, и въ ней вдругъ кто-то плеснулъ въ послѣдній разъ, и она стала неподвижна.

Запахло сыростью. Становилось все темнѣе и темнѣе. Деревья сгруппировались въ какихъ-то чудовищъ; въ лѣсу стало страшно; тамъ кто-то вдругъ заскрипитъ, точно одно изъ чудовищъ переходитъ съ своего мѣста на другое, и сухой сучокъ, кажется, хруститъ подъ его ногой.

На небѣ ярко сверкнула, какъ живой глазъ, первая звѣздочка, и въ окнахъ дома замелькали огоньки.

Настали минуты всеобщей торжественной тишины природы.

И. Гончаровъ.

Ночь.

Тихо ночь ложится
На вершины горъ,
И луна глядится
Въ зеркало озеръ.
Надъ глухою степью
Въ неизвѣстный путь
Безконечной цѣпью
Облака плывутъ;
Надъ рѣкой широкой,
Сумракомъ покрытъ.

Въ тишинѣ глубокой
Лѣсъ густой стоитъ;
Свѣтлые заливы
Въ камышахъ блестятъ,
Неподвижны нивы
На поляхъ стоятъ;
Небо голубое
Весело глядитъ;
И село большое
Беззаботно спитъ.

И. Никитинъ.

Лѣтняя ночь.

Ночь пролетала надъ міромъ,
Сны на людей навѣвая;
Съ темно-лазуревой ризы
Сыпались звѣзды, сверкая...
Старые, мощные дубы,
Вѣчно-зеленыя ели,
Грустныя ивы листвою
Ночи навстрѣчу шумѣли.
Радостно волны журчали,
Образъ ея отражая;

Рожь наклонялась; сильнѣе
Пахла трава луговая.
Крики кузнечиковъ рѣзвыхъ
И соловьиныя трели,
Въ хорѣ хвалебномъ сливаясь,
Въ воздухѣ тихомъ звенѣли.
И улыбалася кротко
Ночь, надъ землей пролетая..
Съ темно-лазуревой ризы
Сыпались звѣзды, сверкая.

А. Плещеевъ.

Побѣда надъ суевѣріемъ.

Версты полторы отъ нашей деревни, за оврагомъ, есть старинные курганы, неизвѣстно кѣмъ и на чьихъ могилахъ насыпанные. На нихъ растутъ высокія сосны и покрываютъ ихъ своей погребальной, непроницаемой тѣнью. Въ народѣ ходитъ слухъ, что тамъ находятся ржавыя вещи, которыя принадлежали какому-то древнему воинственному народу; я рылся въ этихъ курганахъ и ничего не нашелъ. Народъ увѣряетъ меня, что страшно ходить мимо нихъ, — и безъ крайности никто не ходитъ. Говорятъ, что-то нечистое да есть тутъ. Я увѣряю, что они боятся пустяковъ; но простой народъ разочаровываться не любитъ.

Одинъ изъ нашихъ дворовыхъ предложилъ мнѣ, если я не боюсь, итти на курганъ ночью одному и въ доказательство, что я тамъ былъ, принести черепъ издохшей лошади, валявшійся между дубовыхъ пней. Люди наши повѣсили его на сукъ. Я предложеніе принялъ и въ 12 часовъ ночи, въ это время всѣхъ духовидѣній, отправился. Бодро перешелъ я оврагъ; домъ еще былъ виденъ,—однако сердце билось, я безпрестанно оглядывался и пѣлъ громко пѣсню, чтобы ободрить себя. Вхожу я въ перелѣсокъ: вѣтеръ дуетъ сильный, деревья безпрестанно мѣняютъ свой видъ, шумятъ; темно... Я спотыкаюсь; кажется, бѣгутъ за мной; кажется, деревья не стоятъ на одномъ мѣстѣ, а переходятъ. Страшно было, страшно—смерть; но мнѣ и въ мысль не приходило возвратиться безъ лошадинаго черепа.

Вотъ и курганъ... Я осмотрѣлся. Звѣзды горѣли на небѣ. То листъ колыхнется, то ночная птица перепорхнетъ... «Гдѣ же страшное?» подумалъ я, схватилъ свой призъ и быстро побѣжалъ домой; по счастью, въ черепѣ не было змѣи, какъ въ извѣстномъ черепѣ Олегова коня, и я принесъ его при громкихъ рукоплесканіяхъ дворовыхъ.

Изъ хрестомат. Соколова.

Упырь-вурдалакъ.

Трусоватъ былъ Ваня бѣдный.
Разъ онъ позднею порой,
Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
Чрезъ кладбище шелъ домой.
Бѣдный Ваня еле дышитъ;
Спотыкаясь, чуть бредетъ

По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ —
Кто-то кость, ворча, грызетъ.
Ваня сталъ—шагнуть не можетъ.
«Боже!—думаетъ бѣднякъ. —
Это, вѣрно, кости гложетъ
Красногубый вурдалакъ.
Горе! Малый я не сильный:
Съѣстъ упырь меня совсѣмъ,
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не съѣмъ».
Что же? вмѣсто вурдалака
(Вы представьте Вани злость!),
Въ темнотѣ предъ нимъ—собака
На могилѣ гложетъ кость.

А. Пушкинъ.

Рыбная ловля въ Сергѣевкѣ.

Наконецъ стали пріѣзжать къ намъ гости. Одинъ разъ съѣхались охотники до рыбной ловли. Затѣяли большую рыбную ловлю неводомъ; достали неводъ, кажется, у башкирцевъ, а также еще нѣсколько лодокъ; двѣ изъ нихъ, побольше, связали вмѣстѣ, покрыли поперекъ досками, приколотили доски гвоздями — и такимъ образомъ сдѣлали маленькій поромъ съ лавочкой, на которой могли сидѣть дамы.

Въ одну чудную, тихую, мѣсячную ночь мы всѣ, кромѣ матери, отправились на тоню. Я сидѣлъ съ дамами на поромѣ. Безъ всякаго шума, осторожно завели неводъ и спустили его въ воду, окружа одинъ большой затонъ, или плесо, продолговатымъ полукругомъ вдавшееся въ берегъ. Туда ночью на отмель собирались безчисленныя стаи лещей. Едва только подтянули клячи невода къ берегамъ затона, какъ уже начало оказываться множество захваченной рыбы. Мы слѣдовали на поромѣ за мотней и видѣли въ ней такое движеніе и волню, что наши дамы, а вмѣстѣ съ ними я, испускали радостные крики. Многія огромныя рыбы прыгали черезъ верхъ или бросались въ узкіе промежутки между клячами и берегомъ: это были щуки и жерихи. Хранившіе до тѣхъ поръ молчаніе рыбаки, плывшіе съ боковъ на лодкахъ или тянувшіе неводъ, подняли шумъ, крикъ и хлопанье клячевыми веревками по водѣ, чтобы заставить

рыбу воротиться въ середину невода. Мы поспѣшили пристать къ берегу, чтобы видѣть, какъ будутъ вытаскивать рыбу.

Наконецъ выбрали и накидали цѣлыя груды мокрой сѣти, т.-е. стѣнъ, или крыльевъ, невода, показалась мотня, изъ длинной и узкой сдѣлавшаяся широкою и круглою отъ множества попавшейся рыбы; наконецъ стало такъ трудно тащить по мели, что принуждены были остановиться изъ опасенія, чтобы не лопнула мотня. Поднявъ высоко верхніе подборы, чтобы рыба не могла выпрыгивать, нѣсколько человѣкъ съ ведрами и ушатами бросились въ воду и, хватая рыбу, биткомъ набившуюся въ мотню, какъ въ мѣшокъ, накладывали ее въ свою посуду, выбѣгали на берегъ, вытряхивали на землю добычу и снова бросались за нею. Облегчивъ такимъ образомъ тягость груза, всѣ дружно схватились за нижніе и верхніе подборы и съ громкимъ крикомъ выволокли мотню на берегъ. Рыбы поймали такое множество, какого не ожидали, и потому послали за телѣгой; по большей части были серебряные и золотые лещи, ярко блиставшіе на лунномъ свѣтѣ; попалось также довольно крупной плотвы, язей и окуней; щуки, жерихи и голавли повыскакали, потому что были вороваты, какъ утверждали рыбаки. Сколько тутъ было суматошной бѣготни и веселаго крика! Дамы также принимали живое участіе. Я часто слышалъ восклицанія Евсеича (дядьки): «Вотъ лещъ-то! ровно заслонъ!» Но, видно, я былъ настоящій рыбакъ по природѣ, потому что и тогда говорилъ Евсеичу: «Вотъ если бъ на удочку вытащить такого леща!» Мнѣ даже стало какъ-то невесело, что поймали такое множество крупной рыбы, которая могла бы клевать у насъ; мнѣ было жалко, что такъ опустошили озеро, и я печально говорилъ Евсеичу, что теперь ужъ не будетъ такого клева, какъ прежде; но онъ успокоилъ меня, увѣривъ, что въ озерѣ такая тьма-тьмущая рыбы, что озеро такъ велико, и тянули неводомъ такъ далеко отъ нашихъ мостковъ, что клевъ будетъ не хуже прежняго. «Вотъ завтра самъ увидишь, соколикъ», прибавилъ онъ, и я, совершенно успокоенный его словами, развеселился и принялъ болѣе живое участіе въ общемъ дѣлѣ. Мало-по-малу все пришло въ порядокъ: крупною рыбой нагрузили телѣгу, а остальную понесли въ ведрахъ и ушатѣ. Все общество весело пошло домой за телѣгою, нагруженною рыбой.

С. Аксаковъ.

Вечеръ.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада.
Длинный день покончилъ рядъ заботъ;
По дворамъ давно загнали стадо,
И косцы вернулися съ работъ.
Потемнѣть заря уже готова;
Тихо все, часъ ночи не далекъ.
Поднимался и улегся снова
На закатѣ легкій вѣтерокъ...
Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій
Слышенъ лай, промолвятъ голоса...
Пыль слеглась, остылъ песокъ горячій,
Пала сильно на землю роса...
Гдѣ жъ крестьяне?—День работавъ бодро,
Всѣ теперь за ужиномъ они;
Толкъ идетъ, чтобъ устояло ведро,
Чтобъ еще продлились эти дни.
Нѣтъ, ужъ дождь ихъ къ утру не разбудитъ;
Облака давно сбѣжали прочь.
Что за вечеръ! И какая будетъ
Теплая и мѣсячная ночь!

И. Аксаковъ.

Косари.

Ясный мѣсяцъ надъ селомъ
Весело сіяетъ,
Смотритъ въ Волгу, серебромъ
Берегъ обливаетъ;
Тихо вѣтеръ шелеститъ
Влажными листами;
Пѣснь кузнечика звенитъ
Гулко надъ полями.
Въ избахъ свѣтитъ огонекъ,
И прозрачной тѣнью
Разстилается дымокъ
По всему селенью.
Слышенъ говоръ у дворовъ,
Скрипнули ворота;
Поднялась толпа косцовъ
На свою работу.
Вся покрытая росой,
Травка полевая
Подъ безжалостной косой
Стонетъ, какъ живая.

С. Дрожжинъ.

Сѣнокосъ.

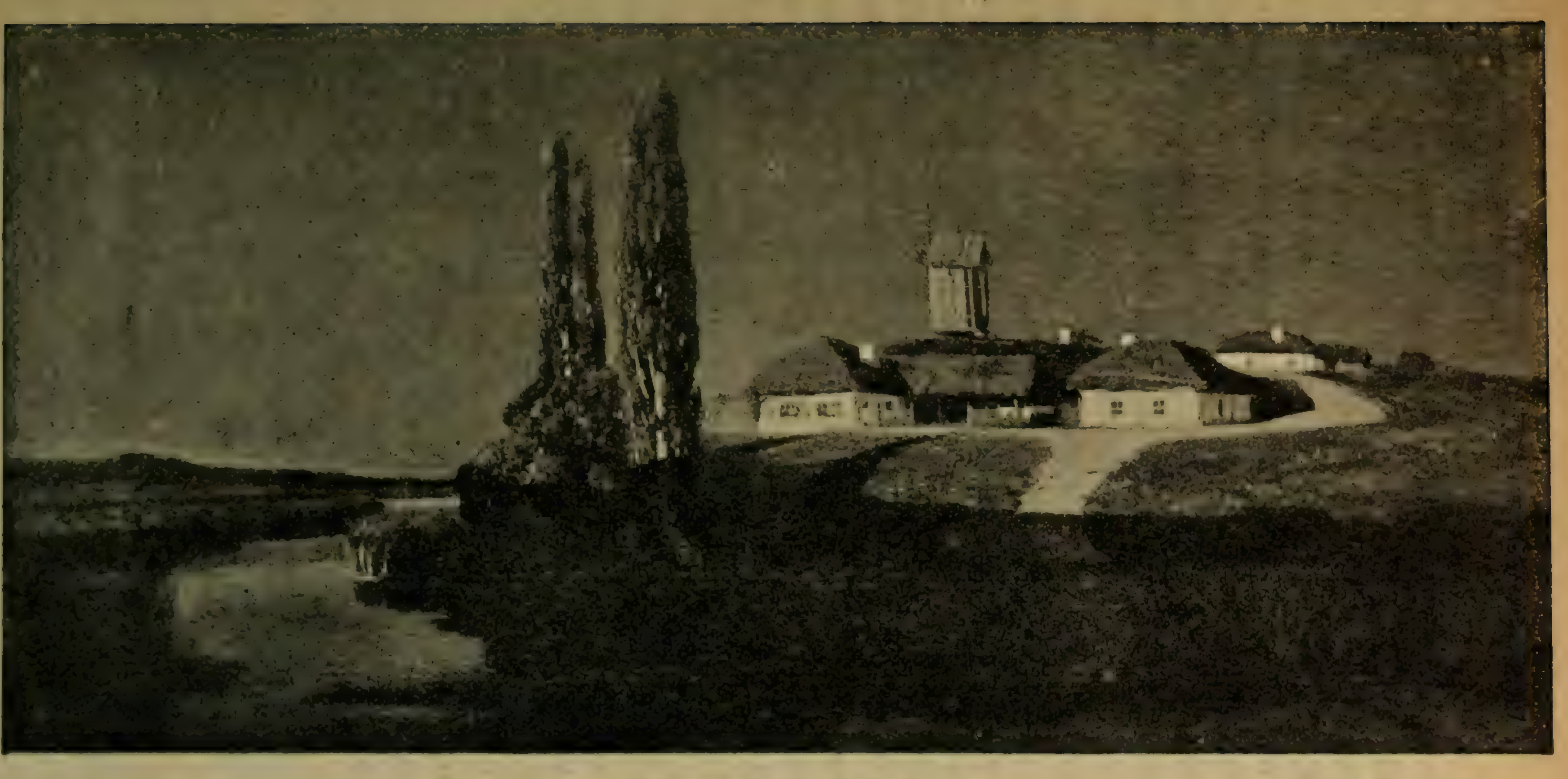
Пахнетъ сѣномъ надъ лугами...
Въ пѣснѣ душу веселя,
Бабы съ граблями рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.
Тамъ—сухое убираютъ:
Мужички его кругомъ
На возъ вилами кидаютъ...
Возъ растетъ, растетъ, какъ домъ...
Въ ожиданьи конь убогій,
Точно вкопанный, стоитъ...
Уши врозь, дугою ноги,
И какъ будто стоя спитъ...
Только Жучка удалая
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая впопыхахъ.

А. Майковъ.

Вечеръ на сѣнокосѣ.

Ярко звѣздъ мерцанье
Въ синевѣ небесъ;
Мѣсяца сіянье
Падаетъ на лѣсъ.
Въ зеркало залива
Сонный лѣсъ глядитъ;
Въ чащѣ молчаливой
Темнота лежитъ.
Слышенъ межъ кустами
Смѣхъ и разговоръ;
Жарко косарями
Разведенъ костеръ.
По травѣ высокой,
Съ цѣпью на ногахъ,
Бродитъ одиноко
Бѣлый конь впотьмахъ.
Вотъ ужъ пѣснь заводитъ
Пѣсельникъ лихой,
Изъ кружка выходитъ
Парень молодой,
Шапку вверхъ кидаетъ,
Ловитъ, не глядитъ,
Пляшетъ — присядаетъ,
Соловьемъ свиститъ.
Пѣснѣ отвѣчаетъ
Коростель въ лугахъ,
Пѣсня замираетъ
Далеко въ поляхъ.
Золотыя нивы,
Гладь и блескъ озеръ,
Свѣтлые заливы,
Безъ конца просторъ,
Звѣзды надъ полями,
Глушь да камыши...
Такъ и льются сами
Звуки изъ души.

И. Никитинъ.

Украинская ночь. *А. И. Куинджи.*

Луговой берегъ Оки въ покосъ.

Есть время въ году, когда луговой берегъ Оки кажется еще красивѣе, еще разнообразнѣе нагорнаго берега. Время это — Петровки. Не мѣшаетъ вамъ сказать мимоходомъ, что луга эти въ общей сложности могутъ составить добрый десятокъ маленькихъ германскихъ герцогствъ; они проходятъ непрерывною лентой черезъ нѣсколько губерній, —однимъ словомъ, длина ихъ равняется длинѣ Оки. Въ ширину простираются они, среднимъ числомъ, верстъ на восемь и оканчиваются тамъ, гдѣ начинаются лѣса и села. Ближе не селятся къ рѣкѣ, за водопольемъ. Къ іюлю пространство это представляетъ сплошное море травъ, въ которыхъ крестьянскіе ребятишки могутъ свободно прятаться, какъ въ лѣсу. Миріады душистыхъ цвѣтовъ и растеній разливаютъ въ вечернемъ воздухѣ свое благоуханіе. Въ знойный полдень пестрое цвѣтное море какъ словно зыблется и переливается изъ края въ край, хотя вѣтеръ не трогаетъ ни однимъ стебелькомъ. Сюда-то въ Петровки стекается народъ окрестныхъ деревень и толпы косарей, которыхъ заблаговременно нанимаютъ къ этому жители Комарева, Горъ, Болотова, Озеръ и другихъ. Въ нашемъ простонародьѣ покосъ считается празднествомъ. Все является сюда въ полной воскресной пестротѣ своей. Если бъ собрать весь кумачъ, всѣ платки, понявы, пестрыя рубашки и позументъ, которые пестрѣютъ здѣсь во время покоса, можно бы, кажется, покрыть ими пространство въ пятьдесятъ верстъ окружности. Народъ располагается кучками, артелями или даже цѣлыми вотчинами, каждая семья подлѣ своей подводы, подлѣ котелка. Три недѣли сряду проживаетъ здѣсь нѣсколько тысячъ человѣкъ. Подымитесь на нагорный берегъ, — подымитесь ночью и взгляните тогда на луга: костры замелькаютъ передъ вами, какъ звѣзды, имъ конца нѣтъ въ обѣ стороны, они пропадаютъ за горизонтомъ. Съ восходомъ солнца весь этотъ луговой берегъ представляетъ картину самаго полнаго, веселаго оживленія. Косари выстраиваются въ одну линію и, дружно звеня косами, начинаютъ подвигаться къ рѣкѣ, укладывая направо и налѣво тучные ряды травы, перемѣшанной съ клеверомъ, душистою голкой, кашкой, медуникой и сотнями другихъ цвѣтовъ. Такъ подвигаются они, однакожъ, цѣлыя двѣ недѣли, между тѣмъ какъ бабы и дѣвки, слѣдуя за ними съ граблями, ворочаютъ сѣно или навиваютъ его островерхими

стогами. Вотъ тогда-то полюбуйтесь этими лугами, —полюбуйтесь въ праздникъ, когда по всему ихъ протяженію несется одинъ общій говоръ тысячи голосовъ и одна общая пѣснь: точно весь русскій людъ собрался сюда на какое-то семейное празднество! Давно уже наступила ночь, давно зажглись костры. Ужъ заря брезжетъ на востокѣ, уже серебряный серпъ мѣсяца клонится къ горизонту и блѣднѣетъ, а пѣсня между тѣмъ все еще не умолкаетъ... и нѣтъ, кажется, конца этой пѣснѣ, какъ нѣтъ конца этимъ раздольнымъ лугамъ. Пѣснь эту затянули еще, быть-можетъ, въ далекой губерніи, и вотъ понеслась она, — понеслась дружнымъ неумолкаемымъ хоромъ и, постепенно разливаясь мягкими волнами все дальше и дальше, до самой Нижегородской губерніи, а тамъ, подхваченная волжскими косарями, дойдетъ до самой Астрахани, до самаго Каспійскаго моря!.. И если пѣсня эта, если видъ этихъ луговъ не порадуютъ тогда вашего сердца, если ваша душа не дрогнетъ, но останется равнодушною, совѣтую вамъ пощупать вашу душу: не каменная ли она...

Д. Григоровичъ.

Волкъ и лисица.

Лиса, курятинки накушавшись досыта
И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядитъ—а въ гости къ ней голодный волкъ тащится.
«Что, кумушка, бѣды! — онъ говоритъ. —
Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться;
Меня такъ голодъ и моритъ;
Собаки злы, пастухъ не спитъ:
Пришло хоть удавиться!»
«Неужли?»—«Право, такъ».—«Бѣдняжка куманекъ!
Да не изволишь ли сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ:
Я куму услужить готова».
А куму не сѣнца, хотѣлось бы мясного —
Да про запасъ кума ни слова.
И сѣрый рыцарь мой,
Обласканъ по уши кумой,
Пошелъ безъ ужина домой.

И. Крыловъ.

Крестьянинъ и работникъ.

Когда у насъ бѣда надъ головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечъ бѣда долой,
То избавителю отъ насъ же часто худо:
Всѣ взапуски его цѣнятъ,
И если онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо!

Старикъ-крестьянинъ съ батракомъ
Шелъ подъ вечеръ лѣскомъ
Домой, въ деревню, съ сѣнокосу,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ
И, гдѣ бъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ:
Конецъ приходитъ старику!
«Степанушка, родной, не выдай, милый!»
Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился батраку.
Вотъ новый геркулесъ, со всей собравшись силой,
Что только было въ немъ,
Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ.
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда. Крестьянинъ всталъ —
И онъ же батрака ругаетъ.
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
«Помилуй,—говоритъ, — за что?» — «За что! болванъ!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!»

И. Крыловъ.

Пѣсня косаря.

Я куплю себѣ
Косу новую,
Отобью ее,
Наточу ее, —
И прости-прощай,
Село родное!
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ:
Что внизъ по Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокругъ
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается!..
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась.
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной
Вдоль и поперекъ
Съ ней хотѣлося...
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ, съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава,
Подкошоная!
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
На ряду съ травой
Вы засохните!
Нагребу копенъ,
Намету стоговъ, —
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.

А. Кольцовъ.

Огородъ.

Недавно расчищенная дорожка скоро вывела насъ изъ липовой рощи: мы вошли въ огородъ. Между старыми яблонями и разросшимися кустами крыжовника пестрѣли круглые блѣдно-зеленые кочаны капусты; хмель винтами обвивалъ высокія тычинки; тѣсно торчали на грядахъ бурые прутья, перепутанные засохшимъ горохомъ; большія, плоскія тыквы словно валялись на землѣ; огурцы желтѣли изъ-подъ запыленныхъ, угловатыхъ листьевъ; вдоль плетня качалась высокая крапива; въ двухъ или трехъ мѣстахъ кучами росли татарская жимолость.

бузина, шиповникъ, —остатки прежнихъ «клумбъ». Возлѣ небольшой сажалки, наполненной красноватой и слизистой водой, виднѣлся колодецъ, окруженный лужицами. Утки хлопотливо плескались и ковыляли въ этихъ лужицахъ; собака, дрожа всѣмъ тѣломъ и жмурясь, грызла кость на полянѣ; пѣгая корова тутъ же лѣниво щипала траву, изрѣдка закидывая хвостъ на худую спину. Дорожка повернула въ сторону; изъ-за толстыхъ ракитъ и березъ глянулъ на насъ старенькій сѣрый домикъ съ тесовой крышей и кривымъ крылечкомъ.

И. Тургеневъ.

Оселъ и мужикъ.

Мужикъ, на лѣто въ огородъ
Нанявъ осла, приставилъ
Воронъ и воробьевъ гонять нахальный родъ.
Оселъ былъ самыхъ честныхъ правилъ:
Ни съ хищностью ни съ кражей незнакомъ;
Не поживился онъ хозяйскимъ ни листкомъ,
И птицамъ, грѣхъ сказать, чтобы давалъ потачку:
Но мужику барышъ былъ съ огорода плохъ.
Оселъ, гоняя птицъ, со всѣхъ ослиныхъ ногъ,
По всѣмъ грядамъ и вдоль и поперекъ,
Такую поднялъ скачку,
Что въ огородѣ все примялъ и притопталъ.
Увидя тутъ, что трудъ его пропалъ,
Крестьянинъ на спинѣ ослиной
Убытокъ выместилъ дубиной.
«И ништо!—всѣ кричатъ.—Скотинѣ подѣломъ:
Съ его ль умомъ
За это дѣло браться!»
А я скажу, не съ тѣмъ, чтобъ за осла вступаться:
Онъ, точно, виноватъ (съ нимъ сдѣланъ и расчетъ),
Но, кажется, не правъ и тотъ,
Кто поручилъ ослу стеречь свой огородъ.

И. Крыловъ.

Во ржи.

Тропинка узкая во ржи—не правда ли, вѣдь это прелесть?! Я въ дѣтствѣ страстно любилъ такія тропинки: идешь, бывало, а рожь выше твоей головы, съ обѣихъ сторонъ тебѣ

кланяется, и лазоревые васильки ласково улыбаются, къ себѣ манятъ. Сорвешь одинъ, другой, третій—около тропинки,— четвертый, пятый, шестой,—уже заманили въ самую рожь, которая такъ и подмываетъ прилечь. Ляжешь—и встать не хочется.

Въ тѣни колосьевъ прохладно, шелестъ колосьевъ навѣваетъ грезы, глаза ласкаетъ небесная лазурь.

Вдругъ крикнетъ чуть не подъ ухомъ перепелъ, такъ что даже вздрогнешь. Затѣмъ начинаешь пристально всматриваться въ ту сторону, откуда донесся звукъ, стараясь отыскать глазами пестраго крикуна. Но, конечно, напрасно: быстроногая чуткая птица успѣла замѣтить непрошеннаго гостя и выкрикиваетъ свое «пить-подать» уже за нѣсколько десятковъ шаговъ.

Опять все тихо... только шелестятъ наливающіеся колосья, да съ лазурной высоты доносится серебристая, въ душу западающая трель жаворонка.

Хорошо, чудо какъ хорошо!

Вдругъ мимо прошмыгнулъ мышонокъ. Вскочишь, какъ угорѣлый, а потомъ и совѣстно станетъ: какого, подумаешь, звѣря испугался.

Однако мышонокъ явился очень кстати: изъ сырой лощины потянуло холодкомъ. Солнышко собирается на покой. Незамѣтно пролетѣло время. Наберешь поскорѣе побольше васильковъ, да и пустишься бѣгомъ домой, усыпая оброненными цвѣтами милую тропинку во ржи... *Д. Кайгородовъ.*

Урожай.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула,
По лицу земли
Туманъ стелется;
Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ.
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ;
Нагустилъ его
Въ тучу черную:
Туча черная
Понахмурилась,
Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...
Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго.
Ополчается
Громомъ-буею,
Огнемъ-молніей,
Дугой-радугой;
Ополчилася —
И расширилась,
И ударила,
И пролилася

Слезой крупною —
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь
На широкую.
И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля досыта.
На поля, сады
На зеленые
Люди сельскіе
Не насмотрятся;
Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.
Заодно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.
Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.
А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.
Третью думушку
Какъ задумали —
Богу-Господу
Помолилися,
Чѣмъ свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою,
Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать...
Посмотрю-пойду
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ:
Выше пояса
Рожь зернистая,
Дремлетъ колосомъ
Почти до земли;
Словно Божій гость,
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...
Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.
Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрипитъ музыка.
На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.
Видитъ солнышко —
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;
Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

А. Кольцовъ.

Страдная пора. *Г. Г. Мясоѣдовъ.*

Уборка хлѣба.

Наступила рабочая пора — уборка хлѣба. Жары стоятъ нестерпимые. На небѣ нѣтъ ни облачка. Вѣтеръ горячій. Жницы работаютъ съ разсвѣта до поздней ночи. На подошвахъ ихъ необутыхъ ногъ, которыми онѣ смѣло ступаютъ по срѣзаннымъ стеблямъ ржаного колоса, трескается кожа; на ладоняхъ появляются мозоли, нѣкоторыя величиною съ орѣхъ; лица у всѣхъ покрыты загаромъ и потомъ; на свѣжіе слѣды горячаго пота ложится сухая пыль, образуя черныя полосы, которыя, въ свою очередь, покрываются новой пылью, и такъ далѣе и такъ далѣе... Всѣхъ мучитъ невыносимая жажда, а въ полѣ нѣтъ ни одной капли холодной воды, потому что она на разсвѣтѣ привозится изъ села въ жбанахъ или бочонкахъ и, по прошествіи трехъ-четырехъ часовъ, дѣлается теплою, совершенно негодною для питья. Нѣтъ ни отрадной тѣни, куда бы можно было приклонить усталую голову и вдохнуть въ себя струю прохладнаго воздуха. Грудныя малютки, которыхъ матери берутъ съ собою въ поле, лежатъ подъ снопами на разостланныхъ бѣлыхъ зипунахъ, время отъ времени плачутъ, замолкаютъ и опять плачутъ. Матери торопливо кормятъ ихъ грудью и снова берутся за серпъ. При дорогѣ сидятъ грачи съ распущенными крыльями и раскрытымъ клювомъ; даже имъ тяжело отъ нестерпимаго жара.

И. Никитинъ.

Ночь на жнитвѣ.

Густѣетъ сумракъ, и съ полей
Уходятъ жницы... Ужъ умолкъ
Вдали и плачъ и смѣхъ дѣтей,
Собачій лай и женскій толкъ.
Ушелъ рабочій караванъ...
И тишина легла въ поляхъ!..
Какъ безконечный ратный станъ,
Кругомъ снопы стоятъ въ копнахъ;
И задымилася роса
На всемъ пространствѣ желтыхъ нивъ,
И ночь взошла на небеса,
Тихонько звѣзды засвѣтивъ.
Вотъ вышелъ мѣсяцъ молодой...

Одно, прозрачное, какъ дымъ,
Въ пустынѣ неба голубой
Несется облачко предъ нимъ:
Какъ будто кто-то, не земной,
Подъ бѣлой ризой и съ вѣнцомъ
Надъ этой нивой трудовой
Стоитъ съ серебрянымъ серпомъ
И шлетъ въ сверканіи зарницъ
Благословенье на поля:
Вознаградила бъ страду жницъ
Ихъ потомъ влажная земля.

А. Майковъ.

Утренняя звѣзда.

Откуда, звѣздочка-краса?
Что рано такъ на небеса
Въ одеждѣ праздничной твоей,
Въ огнѣ блистающихъ кудрей,
Въ красѣ воздушно-голубой,
Умывшись утренней росой?
Ты скажешь: встала раньше насъ?
Анъ нѣтъ! мы жнемъ ужъ цѣлый часъ;
Не счесть накиданныхъ сноповъ.
Кто всталъ до дня, тотъ днемъ здоровъ,
Бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ:
Ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ;
Другой привыкъ до полдня спать,
Зато и утра не видать;
А жнецъ съ восточною звѣздой
Всегда встаетъ передъ зарей.
Работа рано поутру—
Досугъ и пѣсня ввечеру...
А птички? всѣ давно ужъ тутъ:
Играютъ, свищутъ и поютъ;
Съ куста на кустъ, изъ сѣни въ сѣнь,
Кричатъ другъ дружкѣ: «добрый день».
И томно горлинки журчатъ...
Да чу! къ заутренѣ звонятъ.
Вездѣ молитва началась:
«Небесный Царь, услыши насъ!
Твое владычество приди,

Насъ въ искушенье не введи;
На путь спасенія наставь
И отъ лукаваго избавь».
Зачѣмъ же, звѣздочка-краса,
Всегда такъ рано въ небеса?
Звѣзда-подружка тамъ горитъ;
Пока родное солнце спитъ,
Спѣшатъ увидѣться онѣ
Въ уединенной вышинѣ.
Тайкомъ сквозь дремлющій разсвѣтъ
Она за милою вослѣдъ
Бѣжитъ, сіяя, на востокъ
И будитъ ранній вѣтерокъ;
И, тихо вѣя съ высоты,
Онъ милой шепчетъ: «гдѣ же ты?»
Но что жъ? Увидятся ли?.. Нѣтъ,
Спѣшитъ за ними солнце вслѣдъ.
Ужъ вотъ оно: востокъ зажгло,
Свой алый завѣсъ подняло,
Надѣло знойный свой уборъ
И ярко смотритъ изъ-за горъ.
А звѣздочка? ужъ не блеститъ;
Печально, блѣдная, бѣжитъ,
Подружкѣ шепчетъ: «Богъ съ тобой!»
И скрылась въ безднѣ голубой...
И солнце на небѣ одно
Великолѣпно и красно,
Идетъ по свѣтлой высотѣ
Въ своей спокойной красотѣ.
Затеплился на церкви крестъ,
И тонкій паръ встаетъ окрестъ;
И взглянетъ лишь куда оно,
Тамъ мигомъ все оживлено.
На кровлѣ аистъ носъ остритъ;
И въ небѣ ласточка кружитъ;
И дымъ клубится изъ печей;
И будитъ мельницу ручей;
И тихо рдѣетъ темный боръ;
И звучно въ немъ стучитъ топоръ.

В. Жуковскій.

Крестьянская семья на работѣ.

Рабочее время стояло.
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
Съ сосѣднихъ полосъ у рѣки.

Свекровь ея тутъ же, старушка,
Трудилась; на полномъ мѣшкѣ
Красивая Маша, рѣзвушка,
Сидѣла съ морковкой въ рукѣ.

Телѣга скрипя подъѣзжаетъ,
Савраска глядитъ на своихъ,
И Проклушка крупно шагаетъ
За возомъ сноповъ золотыхъ.

«Богъ помощь! А гдѣ же Гришуха?»
Отецъ мимоходомъ сказалъ.
«Въ горохахъ», сказала старуха.
«Гришуха!» отецъ закричалъ,

На небо взглянулъ. «Чай, не рано?
Испить бы...» Хозяйка встаетъ
И Проклу изъ бѣлаго жбана
Напиться кваску подаетъ.

Гришуха межъ тѣмъ отозвался:
Горохомъ опутанъ кругомъ,
Проворный мальчуга казался
Бѣгущимъ зеленымъ кустомъ.

«Бѣжитъ!.. У... бѣжитъ, пострѣленокъ,
Горитъ подъ ногами трава!»
Гришуха черенъ, какъ галчонокъ,
Бѣла лишь одна голова.

Крича, подбѣгаетъ въ присядку
(На шеѣ горохъ хомутомъ),
Попотчевалъ бабушку, матку,
Сестренку—вертится вьюномъ!

Отъ матери молодцу ласка,
Отецъ мальчугана щипнулъ;

Межъ тѣмъ не дремалъ и Савраска:
Онъ шею тянулъ и тянулъ,

Добрался—оскаливши зубы,
Горохъ аппетитно жуетъ,
И въ мягкія добрыя губы
Гришухино ухо беретъ...

Н. Некрасовъ.

Обезьяна.

Какъ хочешь ты трудись;
Но пріобрѣсть не льстись
Ни благодарности ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы ни забавы.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился;
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился:
Мужикъ работникъ былъ прямой.
Зато, кто мимо ни проходитъ,
Отъ всѣхъ ему: «спасибо, исполать!»
Мартышку это въ зависть вводитъ:
Хвалы приманчивы—какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться!
Хлопотъ
Мартышкѣ полонъ ротъ:
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволочитъ, то покатитъ;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ;
И, наконецъ, она, пыхтя, насилу дышитъ;
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.
И не диковинка, мой свѣтъ!
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

И. Крыловъ.

Трудолюбивый медвѣдь.

Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами,
Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ
(А дуги гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ),
Медвѣдь задумалъ жить такими же трудами.
Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,
И слышно за версту проказу.
Орѣшника, березника и вязу
Мой Мишка погубилъ несмѣтное число,
А не дается ремесло.
Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта.
И говоритъ: «Сосѣдъ, что за причина эта?
Деревья-таки я ломать могу,
А не согнулъ ни одного въ дугу.
Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?»
— «Въ томъ,—отвѣчалъ сосѣдъ,—
Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ:
Въ терпѣньѣ».

И. Крыловъ.

Н и щ і е.

Въ удушливый зной по дорогѣ
Оборванный мальчикъ идетъ;
Изрѣзаны камнями ноги,
Струится съ лица его потъ.
Въ походкѣ, въ движеньяхъ, во взорѣ
Нѣтъ рѣзвости дѣтской слѣда;
Сквозитъ въ нихъ тяжелое горе,
Какъ въ рубищѣ ветхомъ нужда.
Онъ въ городъ ходилъ наниматься
Къ богатымъ купцамъ въ батраки;
Да взять-то такого боятся:
Тщедушный батракъ не съ руки.
Одинъ онъ... Свезли на кладбище
Вчера его старую мать.
Съ сумою подъ окнами пищу
Приходится, видно, сбирать.
Карета шестеркой несется;
За нею пустился онъ вслѣдъ.

Но голосъ внутри раздается:
«Вотъ я тебѣ дамъ, дармоѣдъ!»
Сурово лакейскія лица
Взглянули при возгласѣ томъ,
И жирный господскій возница
Стегнулъ попрошайку кнутомъ.
И прочь отскочилъ онъ безъ крика,
Лишь сладить не могъ со слезой...
И дальше пошелъ горемыка,
Поникнувъ на грудь головой.
Усталый и зноемъ томимый,
Онъ въ рощѣ дубовой прилегъ;
И видитъ: съ котомкою мимо
Плетется сѣдой старичокъ.
«Здорово, парнишка! Откуда?
Умаялся? Хворенькій, знать?»
— «Изъ города, дѣдушка. Худо
Мнѣ больно».—«Не хлѣбца ли дать?
Немного набралъ я сегодня,
Да надо тебя пожалѣть.
Мнѣ съ голоду милость Господня
Не дастъ, словно псу, околѣть...»
И съ братомъ голоднымъ, что было
Въ котомкѣ, онъ все раздѣлилъ;
Собравъ свои дряхлыя силы,
На ключъ за водицей сходилъ.
И горе пока позабыто,
И дружно бесѣда идетъ...
Голоднаго, видно, не сытый,
А только голодный пойметъ!

А. Плещеевъ.

Нищій.

Я проходилъ по улицѣ... меня остановилъ нищій, дряхлый старикъ. Воспаленные слезливые глаза, посинѣлыя губы, шершавыя лохмотья, нечистыя раны... О, какъ безобразно обглодала бѣдность это несчастное существо! Онъ протягивалъ мнѣ красную, опухшую, грязную руку... Онъ стоналъ, онъ мычалъ о помощи. Я сталъ шарить у себя во всѣхъ карманахъ... Ни кошелька, ни часовъ, ни даже платка... Я ничего не взялъ съ

собою. А нищій все ждалъ... и протянутая его рука слабо колыхалась и вздрагивала. Потерянный, смущенный, я крѣпко пожалъ эту грязную, трепетную руку... «Не взыщи, братъ; нѣтъ у меня ничего, братъ». Нищій уставилъ на меня свои воспаленные глаза; его синія губы усмѣхнулись, и онъ, въ свою очередь, стиснулъ мои похолодѣвшіе пальцы. «Что же, братъ, — прошамкалъ онъ: — и на томъ спасибо. Это тоже подаяніе, братъ». Я понялъ, что и я получилъ подаяніе отъ моего брата.

И. Тургеневъ.

Нищій и собака.

Большой боярскій дворъ собака стерегла.
Увидя старика, входящаго съ сумою,
Собака лаять начала.
«Умилосердись надо мною! —
Съ боязнью, шопотомъ бѣднякъ ее молилъ. —
Я сутки ужъ не ѣлъ... отъ глада умираю!»
— «Затѣмъ-то я и лаю, —
Собака говоритъ, — чтобъ ты накормленъ былъ».

Наружность иногда обманчива бываетъ:
Иной — какъ звѣрь, а добръ; тотъ ласковъ, а кусаетъ.

И. Дмитріевъ.

На паромѣ.

На перевозѣ стоялъ гамъ, шумъ, говоръ, крики, восклицанія, скрипъ колесъ. Лошади отчаянно мотали хвостами, отбиваясь отъ липнущихъ мухъ и оводовъ, быки мычали, стараясь выпростать изъ ярма широколобыя, рогатыя головы. Къ горячему небу подымались подвязанныя оглобли, дуги съ мотающимися въ нихъ лошадиными головами, по взрытому почернѣвшему песку валялись свѣжія и засохшія арбузныя корки, и надо всѣмъ стоялъ крѣпкій запахъ теплаго навоза и лошадинаго пота. У берега, шаля, брызгаясь, съ крикомъ, со смѣхомъ купались ребятишки.

— Ребята, паромъ!

Ребятишки выскочили изъ воды и торопливо одѣвали рваныя рубашонки на мокрое, блестѣвшее каплями тѣло.

Паромъ, черный, громоздкій и неуклюжій, весь заставленный телѣгами и лошадьми, стукнулся о край помоста, и сто-

явшіе на немъ лошади подались и переступили съ ноги на ногу. Человѣка три стали прикручивать брошенные концы къ столбамъ. Торопясь, задѣвая другъ друга осями, двинулись съ порома телѣги и повозки. Не успѣла съѣхать послѣдняя, какъ на поромъ кинулись дожидавшіеся на берегу, цѣпляясь, крича, ругаясь, хлеща лошадей. Маленькій веснушчатый мужичонко, видя, что не проберется въ этомъ содомѣ, торопливо отпрягъ свою лошаденку, ввелъ на поромъ и, подвязавъ кверху оглобли, вытащилъ свою косолапую телѣжку на себѣ.

Отвязали концы. Нѣсколько человѣкъ стали тянуть канатъ, и онъ всей длиной бился по рѣкѣ, и вдоль него при каждомъ движеніи вспыхивала серебряная полоса. Заскорузлыя, почернѣвшія руки мѣрно перехватывали канатъ, съ котораго обильно бѣжала вода и который медленно выходилъ изъ воды съ одной стороны и опять тянулся въ воду съ другой.

— Богъ дождика не даетъ.

— Чисто все посохло.

— Скотина голодная ходитъ, всю землю выбила, ажъ почернѣла.

— Ежели еще денъ пять дожжа не будетъ — пропали.

Берегъ подходитъ все ближе и ближе. Телѣги, фуры, повозки, лошади, люди стоятъ тамъ въ ожиданіи. Натянувшійся канатъ уже недостаетъ воды и болтается въ воздухѣ, раскидывая сверкающія капли. Со скрипомъ наваливается поромъ къ причальному помосту.

Опять стукъ, грохотъ, брань, вытягивающіяся лошади, подпрыгивающія телѣги...

А. Серафимовичъ.

Ярмарка въ селѣ.

Ярмарка была въ самомъ разгарѣ. Безчисленныя улицы балагановъ, дощатыхъ, рогожныхъ, холщевыхъ, пылали яркими красками товаровъ. Въ воздухѣ вѣяли, какъ знамена, цвѣтные шарфы, ярко-красные или синіе кушаки; на колышкахъ здѣсь и тамъ возвышались шапки, простыя и смушковыя, кивали шумящіе картузы. Казинетовые пиджаки братски висѣли съ сермягами. Сапоги, рукавицы, холсты, шали, пряники,— все манило взглядъ принаряженыхъ дѣвицъ, щелкавшихъ сѣмечки, останавливало вниманіе робкихъ бабъ, завистливо и безнадежно

трогавшихъ товары пальцами, ласкало воображеніе мужиковъ, останавливающихся въ задумчивости передъ этими богатствами. Какой-то худой и суетливый мужикъ, съ бѣлыми нитками подъ мышкой и въ поярковомъ цилиндрѣ, торговался изъ-за веретена, крича:

— Цѣна-то ему грошъ... а ты дорожишься!

Гомонъ и гамъ, плачъ ребенка, хохотъ, смѣхъ, восклицанья, крикъ встревоженной галки на церковномъ крестѣ сливались съ праздничнымъ колокольнымъ звономъ, съ дребезжащимъ речитативомъ слѣпой старухи, вымаливавшей гроши:

— Покрой ихъ, Господи, ризой-пеленой... Огради ихъ, Господи, бѣлой каменной стѣной...

Народъ запружалъ улицы и площадь. Тамъ и сямъ встрѣчались знакомые и послѣ радостныхъ возгласовъ шли по трактирамъ, грязнымъ, шумнымъ, по балаганамъ, гдѣ продавался мутный чай, пеклись блины, оладьи, и звонкоголосыя бабы зазывали посѣтителей или переругивались между собой.

— Мужикъ горитъ! Мужикъ горитъ!—закричали гдѣ-то въ центрѣ базара.

Толпа шарахнулась туда, галдя, поднимая красноватую пыль. И опять хохотъ поплылъ надъ базаромъ. Отъ мужика въ поярковомъ цилиндрѣ, съ бѣлыми нитками и веретеномъ подъ мышкой, шелъ легкій дымокъ и запахъ гари. Лицо у него было испуганное.

— Что случилось?

— Сѣрныя спички загорѣлись въ карманѣ. Ишь, карманъ-то... выгорѣлъ!

Мужикъ сокрушенно взмахивалъ руками, смотря себѣ подъ ноги.

— Карманъ-то не жаль... Махорка сгорѣла!

Широкую улицу, сбѣгавшую внизъ по направленію къ заводу, сплошь заставили возы съ живностью, ранними овощами, дегтемъ, сушеной рыбой.

Тутъ гагакали гуси, вели бесѣды куры, утки, индюки, кричали во все горло пѣтухи, словно радуясь празднику. А дальше, къ заводу, базаръ превращался въ дровяной и скотный торгъ, гдѣ были навалены горы деревянныхъ боронъ, сохъ, перекладовъ, лодокъ, лопатъ, мѣшковъ, гдѣ мужики осматри-

вали терпѣливыхъ воловъ, коровъ, жевавшихъ жвачку, пугливыхъ лошадей, безпокойныхъ овецъ. Казалось, богатая и обильная страна выслала дары свои съ долинъ и уваловъ.

С. Гусевъ-Оренбургскій.

Ярмарка.

Флагъ поднятъ. Ярмарка открыта;
Народомъ площадь вся покрыта.
На море пестрое головъ
Громада бѣлая домовъ
Глядитъ стеклянными очами;
Недвижная, затоплена
Вся солнца золотомъ она.
Людъ Божій движется волнами...
И кички съ острыми углами,
Подолы красные рубахъ,
На черныхъ шляпахъ позументы,
И вѣтромъ въ дѣвичьихъ косахъ
Едва колеблемыя ленты —
Вся деревенская краса
Вотъ такъ и мечется въ глаза!
Изъ лавокъ, хитрая приманка,
Высматриваютъ кушаки,
И разноцвѣтные платки,
И разноцвѣтная серпянка.
Тутъ груды чашекъ и горшковъ,
Корчагъ, бочонковъ, кувшиновъ;
Тамъ — лыки, ведра и ушаты,
Лотки, подойники, лопаты,
Колеса... «Гдѣ! какая дрянь?
Ты вотъ на ступицу-то глянь!»
Торгашъ плечистый повторяетъ
И бойко колесомъ вертитъ.
А парень крендель доѣдаетъ.
— Сложи полтину,—говоритъ,—
Возьму и дегтя, вотъ мазницы...
«Нѣтъ, врешь! отдай за рукавицы!
Ты гамонокъ-то свой не прячь!»
Кричитъ налѣво бородачъ.
Здѣсь давка: спорятъ съ мужиками

За клячу пѣгую купцы.
И *Лазаря* поютъ слѣпцы,
Сбирая мѣдными грошами
Дань съ сострадательныхъ зѣвакъ.
Набитъ биткомъ толпой гулякъ
Пріютъ разгула и кручины,
Подъ кровлею изъ парусины.
«Охъ, православные! я пьянъ!»
Въ бумажномъ колпакѣ и въ блесткахъ,
Кривляясь съ бубномъ на подмосткахъ,
Народъ дурачитъ шарлатанъ
И корчитъ рожу... «Какъ обманъ! —
Повертывая головою,
Цыганъ проносится съ божбою.—
Коню не двадцать лѣтъ, а пять!
Жены, дѣтей мнѣ не видать!»
Веселый говоръ, крикъ торговли,
Пискъ дудокъ, пѣсни мужиковъ
И ранній звонъ колоколовъ —
Все въ гулъ слилось. Межъ тѣмъ оглобли
Приподнялись поверхъ возовъ,
Какъ лѣсъ безъ вѣтокъ и листовъ.

И. Никитинъ.

Деревенскій пожаръ.

Набатъ становился все слышнѣе и слышнѣе... При выѣздѣ изъ лѣсу въ открытое поле — первое, что представилось намъ, это — стоявшая нѣсколько поодаль отъ селенія, на совершенно темномъ фонѣ, бѣлая церковь, освѣщенная пожаромъ до малѣйшихъ архитектурныхъ подробностей, съ блистающими красноватымъ цвѣтомъ главами и крестами. Пламя выходило почти изъ половины деревни и, склоняемое вѣтромъ, уже зализывало огромными языками близстоящія къ нему строенія. Вверху надо всѣмъ этимъ клубился сѣроватый дымъ, въ которомъ летали огненные куски, и кружились какія то бѣлыя птицы. Въ самомъ селеніи передъ пламенемъ мелькали черныя фигуры мужиковъ и бабъ. Отовсюду слышался шумъ и гамъ, сливавшійся со звономъ колокола. Сидѣвшіе около вынесенныхъ на середину улицы пожитковъ старухи и ребя-

тишки выли и ревѣли. Выгнанная изъ хлѣвовъ скотина — коровы и лошади — всѣ столпились въ кучу и незамѣтно, подъ вліяніемъ какого-то непонятнаго для нихъ страха, прижались къ церковной оградѣ; однѣ только дуры-овцы, тоже скучившіяся въ одно стадо и кинувшіяся было сначала въ огонь, но шугнутыя оттуда двумя-тремя взвизгнувшими бабами, неслись теперь далеко-далеко въ поле...

Мы быстро подъѣхали.

— Батюшки! у Матрены Лукьяновны ужъ загорѣлось! — раздался пронзительный женскій голосъ.

Всѣ бросились туда.

Отецъ тоже проворно соскочилъ съ дрожекъ и потомъ, — ужъ я не знаю какъ это случилось при его полнотѣ, — вдругъ очутился на крышѣ этой самой избы.

— Снимайте кафтаны, мочите ихъ и давайте сюда! — командовалъ онъ оттуда.

Первый бросился ему помогать самый бѣдный изо всей деревни мужикъ Спиридонъ, по фамиліи Кутузовъ. Собственная изба его давно уже сгорѣла, и онъ, кажется, изъ нея и вынести ничего не успѣлъ, но, несмотря на то, нисколько не потерявшись, началъ усерднѣйшимъ образомъ подавать воду, понукать и ругать другихъ мужиковъ и особенно бабъ, что-нибудь не по-его или непроворно дѣлавшихъ...

Приказчикъ Кирьянъ между тѣмъ досталъ образъ Неопалимой Купины и, взявъ его на руки, какъ обыкновенно носятъ иконы, сталъ съ нимъ обходить еще незагорѣвшуюся часть селенія. Вдругъ пламя изъ косого направленія приняло прямое, поколебалось нѣсколько минутъ и снова склонилось, но ужэ въ поле, въ сторону, противоположную отъ деревни.

— Господи! Поломя-то на лѣсъ пошло!.. Царица Небесная! — заголосили бабы.

Мужики только молча перекрестились. Опасность миновала..

Я взмостился на своего коня и отправился домой. Виднѣвшееся изъ нашихъ оконъ пламя становилось все меньше и меньше.

А. Писемскій.

Лѣсной пожаръ.

Солнце багровѣло все больше и больше; сѣро-желтый туманъ застилалъ лазурь небеснаго свода и съ каждымъ часомъ все больше и больше темнѣлъ. И на землѣ затуманились дальнія пред-

Корабельная роща.

И. И. Шишкинъ.

меты: перелѣсокъ и строенія ровно въ дыму закутались. Гарью запахло, значитъ, пожаръ разгорался не на шутку, но гдѣ, близко ли, далеко ли, — не знаетъ никто. Во время лѣсныхъ пожаровъ сухой туманъ и запахъ гари распространяются иногда на сотни верстъ отъ горѣлаго мѣста. Оттого всѣ и были спокойны, — никто не тревожился: горитъ гдѣ-то далеко, до насъ не дойдетъ.

Больше двадцати верстъ надо было проѣхать сплошнымъ дремучимъ лѣсомъ. Дальше начинались жилыя мѣста, окруженныя обширными пашнями и чащобами; тамъ бы уже совершенно было безопасно отъ лѣсного пожара. А покамѣстъ дорога шла узкая, извилистая; чуть не на каждомъ шагу пересѣкалась корневищами. Съ обѣихъ сторонъ сумрачными великанами высились громадныя ели и лиственницы; межъ нихъ во всѣ стороны разросся густой непроходимый чапыжникъ. Узкая полоса дневного свѣта тянулась надъ вершинами непроглядной лѣсной чащи, и хоть далеко было еще до вечера, а въ лѣсу было уже темно, какъ въ осеннія сумерки. Конюхъ Дементій ѣхалъ впереди поѣзда; онъ не жалѣлъ лошадей. Выхоленные кони, сроду не знавшіе скорой ѣзды, мчались во весь опоръ. Проскакали полдороги. Верстъ одиннадцать или двѣнадцать осталось до рѣки.

Вдругъ влѣво отъ дороги послышался въ отдаленіи необычайный, несмолкаемый трескъ... Съ каждой минутой онъ возрасталъ, обдавая странниковъ ужасомъ. Свистъ и визгъ разносились по лѣсу. Зашумѣло въ вершинахъ елей и лиственницъ: то стада бѣлокъ, спасаясь отъ огня, перелетали съ дерева на дерево! Почуявъ недоброе, лошади закусили удила и помчались, сломя голову; запрыгали повозки по толстымъ корневищамъ: того и гляди, либо ось пополамъ, либо все на боку.

— Огонь идетъ!—вскрикнулъ Дементій. И отчаянный крикъ его едва слышенъ былъ за страшнымъ шумомъ огненнаго урагана.

Всѣ крестились, творили молитвы, женщины плакали навзрыдъ.

Вдругъ смолистымъ дымомъ пахнуло, и по узкой свѣтовой полосѣ, что высилась надъ дорогой, какъ громадныя огненныя птицы, стаями понеслись горящія лапы, осыпая дождемъ искръ весь поѣздъ. Вой урагана превратился въ одинъ нескончаемый оглушающій раскатъ грома. Ему вторили, какъ пушечные выстрѣлы, стоны падавшихъ деревьевъ, вой спасавшихся отъ гибели волковъ, отчаянный ревъ медвѣдей. Вотъ перерѣзало дорогу

быстро промчавшееся по чапыжнику стадо запыхавшихся лосей. Вотъ надъ деревьями, тяжело размахивая утомленными крыльями, быстрѣе вихря понеслись лѣсныя птицы. Багрово синими волнами заклубился надъ лѣсомъ дымъ. Палящій, огнедышащій вѣтеръ понесся низомъ межъ деревьями, разстилался надъ землей удушающій смрадъ. Вдругъ между вершинами деревьевъ блеснула огненная змѣйка, за ней другая, третья, и мигомъ всѣ верхи елей и лиственницъ подернулись пламеннымъ покровомъ. Брызнула изъ деревьевъ смола, и со всѣхъ сторонъ полились изъ нихъ огненныя струйки.

Вдругъ передняя пара лошадей круто поворотила направо и во весь опоръ помчалась по прогалинѣ, извивавшейся середь чапыжника. За переднею парой кинулись остальныя.

— Куда ты, куда, Дементьюшка?..

— Кони лучше нашего знаютъ,—молвилъ Дементій, опуская вожжи, и, снявъ шапку, сталъ креститься. — Слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ, Царю небесному! — говорилъ онъ. Не прошло трехъ минутъ, какъ лошади изъ пылающаго лѣса вынесли погибавшихъ въ обширное моховое болото.

П. Мельниковъ.

Родная картинка.

Дорога! Сколько въ этомъ словѣ заключено для меня привлекательнаго! Особливо въ лѣтнее теплое время, если притомъ предстоящіе вамъ переѣзды неутомительны, если вы, не спѣша, можете расположиться на станціи, чтобы переждать полуденный зной, или же вечеромъ, чтобы побродить по окрестности,—дорога составляетъ неисчерпаемое наслажденіе. Вы, лежа, ѣдете въ вашемъ покойномъ тарантасѣ; маленькія обывательскія лошадки бѣгутъ бойко и весело, верстъ по пятнадцати въ часъ, а иногда и болѣе; ямщикъ, добродушный, молодой парень, беспрестанно оборачивается къ вамъ, зная, что вы платите прогоны, а пожалуй, на водку дадите. Передъ глазами вашими разстилаются необозримыя поля, окаймляемыя лѣсомъ, которому, кажется, и конца нѣтъ. Изрѣдка попадается по дорогѣ починокъ изъ двухъ-трехъ дворовъ или же одиноко стоящая сельская расправа, и опять поля, опять лѣсъ! Земли-то, земли-то! то-то раздолье тутъ земледѣльцу! Кажется, и жилъ бы и умеръ тутъ, лѣнивый и безпечный, въ этой непробудной тишинѣ!

Однако вотъ и станція; вы утомлены немного, но это—то пріятное утомленіе, которое придаетъ еще болѣе цѣны и сладости предстоящему отдыху. Въ ушахъ вашихъ еще остается впечатлѣніе звуковъ колокольчика, впечатлѣніе шума, производимаго колесами вашего экипажа. Вы выходите изъ вашего тарантаса и немного пошатываетесь. Но черезъ четверть часа вы снова бодры и веселы, вы идете бродить по деревнѣ, и передъ вами развертывается та мирная сельская идиллія, которой первообразъ такъ цѣльно и полно сохранился въ вашей душѣ. Съ горы спускается деревенское стадо; оно ужъ близко къ деревнѣ, и картина мгновенно оживлется; необыкновенная суета проявляется по всей улицѣ; бабы выбѣгаютъ изъ избъ съ прутьями въ рукахъ, преслѣдуя тощихъ, малорослыхъ коровъ; дѣвчонка лѣтъ десяти, также съ прутикомъ, бѣжитъ вся впопыхахъ, загоняя теленка и не находя никакой возможности слѣдить за его скачками; въ воздухѣ раздаются самые разнообразные звуки, отъ мычанья до визгливаго голоса тетки Арины, громко ругающейся на всю деревню. Наконецъ стадо загнано, деревня пустѣетъ; только кое-гдѣ по завалинкамъ сидятъ еще старики, да и тѣ позѣвываютъ и постепенно, одинъ за другимъ, исчезаютъ въ воротахъ. Вы велите закладывать лошадей.

И снова передъ вами дорога, снова свѣжій вѣтеръ нѣжитъ ваше лицо, снова обнимаетъ васъ тотъ прозрачный полумракъ, который на сѣверѣ замѣняетъ лѣтнія ночи. А полный мѣсяцъ кротко и мягко освѣщаетъ всю окрестность, надъ которою вьется, какъ паръ, легкій ночной туманъ.

М. Салтыковъ.

ОСЕНЬ.

Въ деревнѣ и въ городѣ.

Съ конца августа въ воздухѣ начинаетъ холодѣть. Свѣжесть замѣчается особенно по утрамъ, а въ сентябрѣ появляются иногда и легкіе морозы. Просыпаясь поутру, вы видите, какъ побѣлѣла трава или крыша сосѣдняго дома. Еще немного—и лужи, которыхъ осенью довольно всегда, начинаютъ по ночамъ замерзать. Мелкіе осенніе дождики совсѣмъ не похожи на лѣтніе грозовые дожди: они идутъ безпрестанно, и земля уже не просыхаетъ скоро, какъ бывало лѣтомъ. Вѣтеръ дуетъ безъ-устали, далеко разнося созрѣвшія сѣмена деревьевъ и травъ и доставляя мальчику удовольствіе высоко запустить бумажнаго змѣя.

Листъ на деревьяхъ начинаетъ кое-гдѣ желтѣть еще въ концѣ августа; въ сентябрѣ вы замѣчаете, какъ на березѣ, все еще зеленой, появляются тамъ и сямъ совершенно желтыя, золотистыя вѣтки: будто мертвящая рука осени схватила и измяла ихъ мимоходомъ. Первая распустилась береза, она и первая начинаетъ желтѣть. Съ каждымъ днемъ все больше и больше становится желтыхъ листьевъ. Еще два-три дня, и трепетная осина стоитъ вся красная, багровая, золотистая. Но порывистый осенній вѣтеръ срываетъ и это послѣднее убранство: крутя въ воздухѣ легкіе, высохшіе листья, устилаетъ онъ ими мокрую землю.

Поля мало-по-малу пустѣютъ; даже копны хлѣба уже свезены, и только высокіе стога сѣна, обнесенные плетнемъ, остаются зимовать на лугахъ. Цвѣты исчезли, и пожелтѣвшая, перезрѣвшая трава, гдѣ ее оставили, клонится къ землѣ и какъ будто проситъ снѣга. Одна только озимь поднимается ровнымъ, зеленымъ бархатомъ. Но этимъ молодымъ запоздавшимъ побѣгамъ суждено скоро погибнуть. Зато корешки хлѣбовъ сохраняются невредимо подъ снѣгомъ и весною выглянутъ снова на свѣтъ Божій зелеными стебельками.

Все глохнетъ, пустѣетъ, темнѣетъ, теряетъ яркіе цвѣта лѣта, а пріобрѣтаетъ однообразный, грязноватый, сѣрый видъ осени. Въ это время природа похожа на усталаго, много поработавшаго человѣка, котораго одолѣваетъ сонъ. Еще пройдетъ нѣсколько дней, и она, накрывшись пушистымъ бѣлымъ одѣяломъ, заснетъ на цѣлую зиму.

Въ городахъ тоже замѣтна осень. Безъ зонтика, шинели и калошъ нельзя выглянуть на улицу. Сверху моросить мелкій холодный дождикъ; съ мокрыхъ блестящихъ крышъ каплетъ вода. Нога скользитъ по обмокшему камню. Лужи и грязь повсюду. Измокшіе заборы смотрятъ уныло. Галки носятся стаями и, спихивая одна другую, усаживаются на крестахъ. Вездѣ моютъ окна и вставляютъ двойныя рамы. Въ комнатахъ становится темно и глухо. Уличнаго шума не слышно; а по вечерамъ свиститъ и завываетъ въ трубахъ вѣтеръ, нагоняя тоску.

К. Ушинскій.

Примѣты осени.

Мелькаетъ желтый листъ на зелени деревъ,
Работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ,
И покраснѣлъ уже вдали коверъ луговъ,
И зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ.
Примѣты осени во всемъ встрѣчаетъ взоръ:
Тамъ тянется, блестя на солнцѣ, паутина,
Тамъ скирдъ виднѣется, а тамъ черезъ заборъ
Кистями красными повиснула рябина;
Тамъ жнитва колкая щетинится, а тамъ
Ужъ озимь яркая блеснула изумрудомъ,
И курится овинъ, и долго по утрамъ,
Какъ бѣлый холстъ, лежитъ туманъ надъ синимъ прудомъ.
И цѣлый день скрипятъ воза, и далеко
Токъ отзывается подъ дружными цѣпами,
И стая журавлей несется высоко,
Перекликаяся порой подъ небесами.

Н. Грековъ.

Въ деревнѣ.

Вотъ по распаханной, черной полянѣ,
Землю взрывая, бредутъ поселяне;
Весело видѣть семью поселянъ,
Въ землю бросающихъ горсти сѣмянъ;

Дорого, любо, кормилица-нива,
Видѣть, какъ ты колосишься красиво,
Какъ ты, янтарнымъ зерномъ налита,
Гордо стоишь, высока и густа!
Но веселѣй нѣтъ поры обмолота:
Трудная дружно спорится работа;
Вторитъ ей эхо лѣсовъ и полей,
Словно кричитъ: «поскорѣй, поскорѣй!»
Звукъ благодатный! Кого онъ разбудитъ,
Вѣрно, весь день тому весело будетъ.

Н. Некрасовъ

Внезапное горе.

Вотъ и осень пришла. Убранъ хлѣбъ золотой,
Все гумно у сосѣда завалено...
У меня только смотритъ оно сиротой —
Ничего-то на немъ не поставлено!

А ужъ я ль свою силу для пашни жалѣлъ,
Былъ лѣнивъ за любимой работою?
Иль, какъ надо, удобрить ее не успѣлъ?
Или началъ посѣвъ съ неохотою?

А ужъ я ли кормилицѣ, теплой веснѣ,
Не былъ радъ, и обычая стараго
Не держался для гостьи съ людьми наравнѣ—
Не затеплилъ свѣчи воска яраго!

День и ночь все я думалъ: «Авось, молъ, дождусь!
Стану осенью рожь обмолачивать,
Все, глядишь, на одежу дѣтишкамъ собьюсь,
И оброкъ буду въ пору уплачивать».

Не дозрѣла моя колосистая рожь,
Крупнымъ градомъ до корня побитая!
Ужъ когда же ты, радость, на дворъ мой войдешь?
Охъ, бѣда, ты моя непокрытая!

Посидятъ, вѣрно, дѣтки безъ хлѣба зимой,
Безъ одежи натерпятся холоду...
Привыкайте, родимыя, къ долѣ худой!
Закаляйтесь въ кручинушкѣ смолоду!

Всѣмъ не стать пировать... Къ горькимъ горе идетъ,
Съ ними всюду, какъ другъ, уживается,
Съ ними сѣетъ и жнетъ, съ ними пѣсню поетъ,
Когда грудь по частямъ разрывается.

И. Никитинъ

Несжатая полоса.

Поздняя осень. Грачи улетѣли,
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли,
Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводитъ она.
Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
«Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу,
Скучно склоняться до самой земли,
Тучныя зерна купая въ пыли!
Насъ, что ни ночь, разоряютъ станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,
Заяцъ насъ топчетъ, и буря насъ бьетъ...
Гдѣ же нашъ пахарь? чего еще ждетъ?
Или мы хуже другихъ уродились?
Или не дружно цвѣли — колосились?
Нѣтъ! мы не хуже другихъ—и давно
Въ насъ налилось и созрѣло зерно.
Не для того же пахалъ онъ и сѣялъ,
Чтобы насъ вѣтеръ осенній развѣялъ?»
Вѣтеръ несетъ имъ печальный отвѣтъ:
— Вашему пахарю моченьки нѣтъ.
Зналъ, для чего и пахалъ онъ и сѣялъ,
Да не по силамъ работу затѣялъ.
Плохо бѣднягѣ—не ѣстъ и не пьетъ,
Червь ему сердце больное сосетъ;
Руки, что вывели борозды эти,
Высохли въ щепку, повисли, какъ плети;
Очи потухли, и голосъ пропалъ,
Что заунывную пѣсню пѣвалъ,
Какъ, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шелъ полосою.

Н. Некрасовъ.

Охотники на привалѣ. *В. Г. Перовъ.*

Осень.

Октябрь ужъ наступилъ, ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча, еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей —
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы —
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.

Унылая пора! очей очарованье!
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса;
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

А. Пушкинъ.

Осенній лѣсъ.

Кроетъ ужъ листъ золотой
Влажную землю въ лѣсу...
Смѣло топчу я ногой
Вешнюю лѣса красу.
Съ холода щеки горятъ!
Любо въ лѣсу мнѣ бѣжать,
Слышать, какъ сучья трещатъ,
Листья ногой загребать!
Нѣтъ мнѣ здѣсь прежнихъ утѣхъ!
Лѣсъ съ себя тайну совлекъ;
Сорванъ послѣдній орѣхъ,
Свянулъ послѣдній цвѣтокъ;
Мохъ не приподнятъ, не взрытъ
Грудой кудрявыхъ груздей;
Около пня не виситъ
Пурпуръ брусничныхъ кистей;
Долго на листьяхъ лежитъ
Ночи морозъ, и сквозь лѣсъ

Холодно какъ-то глядитъ
Ясность прозрачныхъ небесъ...
Листья шумятъ подъ ногой;
Смерть стелетъ жатву свою...
Только я веселъ душой
И, какъ безумный, пою!
Знаю, не даромъ средь мховъ
Ранній подснѣжникъ я рвалъ;
Вплоть до осеннихъ цвѣтовъ
Каждый цвѣтокъ я встрѣчалъ:
Что имъ сказала душа,
Что ей сказали они —
Вспомню я, счастьемъ дыша,
Въ зимніе ночи и дни!
Листья шумятъ подъ ногой...
Смерть стелетъ жатву свою!
Только я веселъ душой
И, какъ безумный, пою!

А. Майковъ.

Пейзажъ.

Люблю дорожкою лѣсною,
Не зная самъ куда, брести;
Двойной глубокой колеею
Идешь—и нѣтъ конца пути...
Кругомъ пестрѣетъ лѣсъ зеленый;
Уже румянитъ осень клены,
А ельникъ зеленъ и тѣнистъ;
Осинникъ желтый бьетъ тревогу;
Осыпался съ березы листъ
И, какъ коверъ, устлалъ дорогу...
Идешь, какъ будто по водамъ—
Нога шумитъ... а ухо внемлетъ
Малѣйшій шорохъ въ чащѣ, тамъ,
Гдѣ пышный папоротникъ дремлетъ,
А красныхъ мухоморовъ рядъ,
Что карлы сказочные спятъ...
Ужъ солнца лучъ ложится косо...
Вдали проглянула рѣка...
На тряской мельницѣ колеса

Уже шумятъ издалека...
Вотъ на дорогу выѣзжаетъ
Тяжелый возъ: то промелькнетъ
На солнцѣ вдругъ, то въ тѣнь уйдетъ...
И крикомъ клячѣ помогаетъ
Старикъ, а на возу—дитя,
И дѣда страхомъ тѣшитъ внучка;
А, хвостъ пушистый опустя,
Вкругъ съ лаемъ суетится Жучка,
И звонко въ сумракѣ лѣсномъ
Веселый лай идетъ кругомъ.

А. Майковъ.

Осень.

Скучная картина!
Тучи безъ конца,
Дождикъ такъ и льется;
Лужи у крыльца;
Чахлая рябина
Мокнетъ подъ окномъ;
Смотритъ деревушка
Сѣренькимъ пятномъ.
Что ты рано въ гости,
Осень, къ намъ пришла?
Еще проситъ сердце
Свѣта и тепла!

А. Плещеевъ.

Осень.

Ласточки пропали,
А вчера съ зарей
Все грачи летали
Да, какъ сѣть, мелькали
Вонъ надъ той горой.
Съ вечера все спится,
На дворѣ темно;
Листъ сухой валится.
Ночью вѣтеръ злится
Да стучитъ въ окно.
Лучше бъ снѣгъ да вьюгу
Встрѣтить грудью радъ!
Раскричавшись, къ югу
Журавли летятъ.
Выйдешь поневолѣ,
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь: черезъ поле
Перекати-поле
Прыгаетъ, какъ мячъ.

А. Фетъ.

Передъ дождемъ.

Заунывный вѣтеръ гонитъ
Стаю тучъ на край небесъ,
Ель надломленная стонетъ,
Глухо шепчетъ темный лѣсъ.
На ручей, рябой и пестрый,
За листкомъ летитъ листокъ,
И струей, сухой и острой,
Набѣгаетъ холодокъ.

Полумракъ на все ложится;
Налетѣвъ со всѣхъ сторонъ,
Съ крикомъ въ воздухѣ кружится
Стая галокъ и воронъ.

Н. Некрасовъ.

Осень въ лѣсу.

Осень, глубокая осень! Сѣрое небо, низкія, тяжелыя, влажныя облака; голы и прозрачны становятся сады, рощи и лѣса. Все видно насквозь въ самой глухой древесной чащѣ, куда лѣтомъ не проникалъ глазъ человѣческій. Старыя деревья давно облетѣли, и только молодыя отдѣльныя березки сохраняютъ еще свои увядшіе желтоватые листья, блистающіе золотомъ, когда тронутъ ихъ косые лучи невысокаго осенняго солнца. Ярко выступаютъ сквозь красноватую сѣть березовыхъ вѣтвей вѣчно зеленыя, какъ будто помолодѣвшія ели и сосны, освѣженныя холоднымъ воздухомъ, мелкими, какъ паръ, дождями и влажными ночными туманами. Устлана земля сухими, разновидными и разноцвѣтными листьями, мягкими и пухлыми въ сырую погоду, такъ что не слышно шелеста отъ ногъ осторожно ступающаго охотника, и жесткими, хрупкими въ морозы, такъ что далеко вскакиваютъ птицы отъ шороха человѣческихъ шаговъ. Если тихо въ воздухѣ, то слышны на небольшомъ разстояніи осторожные прыжки зайца и бѣлки и всякихъ лѣсныхъ звѣрковъ.

С. Аксаковъ.

Осень въ деревнѣ.

Осень. На дворѣ холодно; частый дождь превратилъ улицу въ грязную лужу; густой туманъ затянулъ село, и едва виднѣются ветхія лачуги и обнаженныя нивы. Рѣзкій вѣтеръ раскачиваетъ ворота и мечетъ по полямъ съ какимъ то заунывнымъ воемъ груды пожелтѣвшихъ листьевъ. Улица пуста — ни живой души. Сизый дымокъ, вьющійся изъ низенькихъ трубъ избушекъ, свидѣтельствуетъ, что никого нѣтъ вразбродѣ, что всѣ хозяева дома и расправляютъ на горячей печкѣ свои продрогшіе члены. Все живущее прячется, куда можетъ, лишь бы укрыться отъ холода и ненастья. Куры и голуби пріютились на своихъ жердочкахъ подъ навѣсомъ, завернувъ голову подъ теплое крылышко; воробей забился въ мягкое гнѣздо

свое; даже неугомонныя шавки и жучки комкомъ свернулись подъ телѣгами. Каждому готовъ прiютъ, каждому хорошо и тепло.

Д. Григоровичъ.

Дождь.

Дождь былъ продолжительный, сырой, когда я вышелъ на улицу. Сѣродымное небо предвѣщало его надолго. Ни одной полосы свѣта. Ни въ одномъ мѣстѣ, нигдѣ не разрывалось сѣрое покрывало. Движущаяся сѣть дождя задернула почти совершенно все, что прежде видѣлъ глазъ, и только одни переднiе дома мелькали, будто сквозь тонкiй газъ; тускло мелькали вывѣски; еще тусклѣе надъ ними балконъ; выше его еще этажъ; наконецъ крыша готова была потеряться въ дождевомъ туманѣ, и только мокрый блескъ ея отличалъ ее немного отъ воздуха. Вода урчала съ трубъ; на тротуарахъ лужи... Такого дождя давно не было!

Н. Гоголь.

Осень.

Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день;
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась;
Ложился на поля туманъ;
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу; приближалась
Довольно скучная пора, —
Стоялъ ноябрь ужъ у двора.
Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ, — и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ.
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ

Ранній снѣгъ. В. Д. Полѣновъ.

Ихъ не зоветъ его рожокъ.
Въ избушкѣ, распѣвая, дѣва
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучина передъ ней.
И вотъ уже трещатъ морозы
И серебрятся средь полей...
Опрятнѣй моднаго паркета
Блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта;
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ.
На красныхъ лапахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

А. Пушкинъ.

Судъ Божій надъ епископомъ.

Были и лѣто и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ.
Сдѣлался голодъ, народъ умиралъ.

Но у епископа, милостью неба,
Полны амбары огромные хлѣба;
Жито сберегъ прошлогоднее онъ:
Былъ остороженъ епископъ Гаттонъ.

Рвутся толпой и голодный и нищій
Въ двери епископа, требуя пищи.
Скупъ и жестокъ былъ епископъ Гаттонъ:
Общей бѣдою не тронулся онъ.

Слушать и вопли ему надоѣло.
Вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло:
Бѣдныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ,
Слышно, скликаетъ епископъ Гаттонъ.

«Дожили мы до нежданнаго чуда:
Вынулъ епископъ добро изъ-подъ спуда;

Бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зоветъ!»
Такъ говорилъ изумленный народъ.

Къ сроку собралися званые гости,
Блѣдные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворенъ:
Въ немъ угоститъ ихъ епископъ Гаттонъ!

Вотъ ужъ столпились подъ кровлей сарая
Всѣ пришлецы изъ окружнаго края...
Какъ же ихъ принялъ епископъ Гаттонъ?
Былъ имъ сарай и съ гостями сожженъ.

Глядя епископъ на пепелъ пожарный,
Думаетъ: «Будутъ мнѣ всѣ благодарны:
Разомъ избавилъ я шуткой моей
Край нашъ голодный отъ жадныхъ мышей!»

Въ замокъ епископъ къ себѣ возвратился,
Ужинать сѣлъ, пировалъ, веселился,
Спалъ, какъ невинный, и сновъ не видалъ...
Правда! но болѣ съ тѣхъ поръ онъ не спалъ.

Утромъ онъ сходитъ въ покой, гдѣ висѣли
Предковъ портреты, и видитъ, что съѣли
Мыши его живописный портретъ,
Такъ что холстины и признака нѣтъ.

Онъ обомлѣлъ; онъ отъ страха чуть дышитъ...
Вдругъ онъ чудесную вѣдомость слышитъ:
«Наша округа мышами полна;
Въ житницахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна».

Вотъ и другое въ ушахъ загремѣло:
«Богъ на тебя за вчерашнее дѣло:
Крѣпкій твой замокъ, епископъ Гаттонъ,
Мыши со всѣхъ осаждаютъ сторонъ».

Ходъ былъ до Рейна отъ замка подземный.
Въ страхѣ епископъ дорогою темной
Къ берегу выйти изъ замка спѣшитъ.
«Въ рейнской башнѣ спасусь!» говоритъ.

Башня изъ рейнскихъ водъ поднималась,
Издали острымъ утесомъ казалась,
Грозно изъ пѣны торчащимъ, она;
Стѣны кругомъ ограждала волна.

Въ легкую лодку епископъ садится;
Къ башнѣ причалилъ, дверь заперъ и мчится
Вверхъ по гранитнымъ крутымъ ступенямъ;
Въ страхѣ одинъ затворился онъ тамъ.

Стѣны изъ стали казалися слиты;
Были рѣшетками окна забиты;
Ставни чугунныя; каменный сводъ;
Дверью желѣзною запертый входъ.

Узникъ не знаетъ, куда пріютиться,
На полъ, зажмуривъ глаза, онъ ложится...
Вдругъ онъ испуганъ стенаньемъ глухимъ:
Вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ.

Смотритъ онъ: кошка сидитъ и мяучитъ.
Голосъ тотъ грѣшника давитъ и мучитъ.
Мечется кошка; не весело ей:
Чуетъ она приближенье мышей.

Палъ на колѣни епископъ и крикомъ
Бога зоветъ въ изступленіи дикомъ.
Воетъ преступникъ... а мыши плывутъ..
Ближе и ближе... доплыли... ползутъ.

Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ
Слышно, какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и пискомъ;
Слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребутъ;
Слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.

Вдругъ ворвались неизбѣжные звѣри;
Сыплются градомъ сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты...
Что тутъ, епископъ, почувствовалъ ты?

Зубы объ камни они навострили,
Грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили;
Весь по суставамъ раздернутъ былъ онъ...
Такъ былъ наказанъ епископъ Гаттонъ.

В. Жуковскій.

Волкъ и котъ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,
Не въ гости, но животъ спасая;
За шкуру онъ свою дрожалъ:
Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.
Онъ радъ бы въ первыя тутъ шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что всѣ ворота на запорѣ.
Вотъ видитъ волкъ мой на заборѣ
Кота,
И молвитъ: «Васенька, мой другъ! скажи скорѣе,
Кто здѣсь изъ мужиковъ добрѣе,
Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?
Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ?
Все это вѣдь за мной».—«Проси скорѣй Степана;
Мужикъ предобрый онъ», котъ Васька говоритъ.
«То такъ; да у него я ободралъ барана».
— «Ну, попытайся жъ у Демьяна».
— «Боюсь, что на меня и онъ сердитъ:
Я у него унесъ козленка».
— «Бѣги жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ».
— «Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ:
Онъ на меня съ весны грозится за ягненка!»
— «Ну, плохо жъ! Но, авось, тебя укроетъ Климъ!»
— «Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка!»
— «Что вижу, кумъ! Ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ!—
Сказалъ тутъ Васька волку.—
Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?
Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку,
Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.
И правы—самъ себя вини:
Что ты посѣялъ, то и жни».

И. Крыловъ.

Стрекоза и муравей.

Попрыгунья-стрекоза
Лѣто красное пропѣла,
Оглянуться не успѣла,

Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ и домъ.
Все прошло! съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ;
Стрекоза ужъ не поетъ.
И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный?
Злой тоской удручена,
Къ муравью ползетъ она:
«Не оставь меня, кумъ милый!
Дай ты мнѣ собраться съ силой
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй!»
— Кумушка, мнѣ странно это!
Да работала ль ты въ лѣто? —
Говоритъ ей муравей.
«До того ль, голубчикъ, было!
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ что голову вскружило».
— А, такъ ты...—«Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла».
— Ты все пѣла? это дѣло:
Такъ пойди же, попляши!

И. Крыловъ.

Крестьянинъ въ бѣдѣ.

Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣть и, на просторѣ
Обшаря стѣны всѣ и полъ и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ;
И то сказать: какая совѣсть въ ворѣ!
Ну такъ, что нашъ мужикъ, бѣднякъ,
Богатымъ легъ, а голью всталъ такою,
Хоть по-міру поди съ сумою;

Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.
«Нельзя ли,—говоритъ,—помочь бѣдѣ моей?»
Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: «Эхъ, свѣтъ!
Не надобно было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ».
Сватъ Климычъ говоритъ: «Впередъ, мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить».
— «Эхъ, братцы, это все не такъ,—
Сосѣдъ толкуетъ Фока:—
Не то бѣда, что клѣть далека,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ:
Возьми-ка у меня щенка любого
Отъ Жучки; я бы радъ сосѣда дорогого
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить».
И, словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ;
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

—

На свѣтѣ таково жъ: коль въ нужду попадешься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ и впрямь;
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшій другъ —
И нѣмъ и глухъ.

И. Крыловъ.

ЗИМА.

Наступленіе зимы.

Уныло воетъ вѣтеръ въ дождливую, холодную осень! Прислушайтесь: слышите, съ какимъ суетливымъ безпокойствомъ шаритъ онъ вокругъ каждаго кусточка и стебля, какъ будто отыскивая тамъ что-то забытое или утраченное? Онъ заглядываетъ въ каждое дупло, въ каждую скважину, подымаетъ каждый поблекшій листокъ, каждую травку, и, какъ путникъ, вернувшійся на родину, вмѣсто уютнаго крова, находитъ всюду одну глухую пустыню, мчится далѣе къ темному лѣсу, неся на плечахъ своихъ гряды сизыхъ тучъ—нажитое богатство! Но помертвѣлый лѣсъ, окутанный туманнымъ своимъ саваномъ, не встрѣчаетъ уже его ласковою рѣчью, не киваетъ ему привѣтливо кудрявой головой. Отчаянный ревъ вѣтра смѣняется тогда тоскливымъ плачемъ и ропотомъ. Сѣрыя тучи нависли и нахмурились. Поля, лощины и лѣса окропились прощальною слезой. И вотъ снова, какъ бы негодуя на свою слабость, вѣтеръ однимъ махомъ подобралъ сизыя тучи, бросился къ опушкѣ и, взметнувшись вихремъ, помчался далѣе, увлекая на пути мокрые, желтыя листья. Этотъ унылый вой, неотвязчиво надрывающій сердце, ненастье и слякоть, его сопровождающія, прискучили даже поселянину, привыкшему ко всякимъ непогодамъ. Но вотъ пришла, наконецъ и зимняя Матрена, поднялась зима на ноги; прилетѣли морозы съ желѣзныхъ горъ. Рѣка стала. Рѣзко зазвучали колеса на колкой, мерзлой дорогѣ, захрустѣли въ колеяхъ ледяныя иглы, весело блеснули на солнцѣ длинныя ледяныя сосульки, облѣпившія бахромою окна

Первый снѣгъ. *М. М. Гермашовъ.*

и кровли избушекъ. Выпалъ первый снѣгъ. Шумною толпой выбѣгаютъ ребятишки на побѣлѣвшую улицу; въ волоковыя окна выглядываютъ сморщенныя лица бабушекъ; крестясь или радостно похлопывая рукавицами, показываются изъ-за скрипучихъ воротъ отцы и старые дѣды, такіе же почти бѣлые, какъ самый снѣгъ, который продолжаетъ валить пушистыми хлопьями. Наступила пора всеобщаго отдыха. Работы рѣшены; ужъ обмолотились. Съ трудомъ вызовешь теперь мужика изъ теплой избы, окутанной соломой, припертой жердями и полузанесенной снѣгомъ. Развѣ приведется съѣздить въ сосѣдній лѣсъ за валежникомъ, или нужда велитъ итти съ обозомъ. И снова спѣшитъ онъ въ теплую избу свою. Котко летятъ его пустыя сани по буграмъ и раскатамъ, нетерпѣливо выглядываетъ онъ изъ-подъ рогожи въ снѣжную даль... «Прочь съ дороги!» Тамъ, сквозь сумерки, уже мелькаетъ огонекъ, привѣтливо подымается витая струя дыма надъ трубнымъ горшочкомъ. Чаще и чаще покрикиваетъ онъ на клячу; но кляча сама уже почуяла стойло, и во весь скачъ помчалась съ косогора. Сладко вѣдь отдохнуть и порасправить кости послѣ тяжкаго, страднаго лѣта и многозаботной осени!

Д. Григоровичъ.

Начало зимы.

Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ — и вотъ сама
Идетъ волшебница-зима.
Пришла, разсыпалась, клоками
Повисла на сукахъ дубовъ,
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ,
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки-зимы.

А. Пушкинъ.

Зимняя картина.

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна:
Бѣлая равнина,
Полная луна,

Свѣтъ небесъ высокихъ
И блестящій снѣгъ,
И саней далекихъ
Одинокій бѣгъ.

А. Фетъ.

Береза.

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.
Какъ гроздья винограда,
Вѣтвей концы висятъ,

И радостенъ для взгляда
Весь траурный нарядъ.
Люблю игру денницы
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Стряхнуть красу съ вѣтвей.

А. Фетъ.

Зимняя дорога.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печальный свѣтъ она.

По дорогѣ зимней скучной
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

А. Пушкинъ.

Зимнее утро.

Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь облака едва смотрѣла...
А нынче—посмотри въ окно!
Подъ голубыми небесами
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ.
И ель сквозь иней зеленѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ.

А. Пушкинъ.

Морозъ-воевода.

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
Не съ горъ побѣжали ручьи:
Морозъ-воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои.
Глядитъ — хорошо ли мятели
Лѣсныя тропы занесли,
И нѣтъ ли гдѣ трещины, щели,
И нѣтъ ли гдѣ голой земли;
Пушисты ли сосенъ вершины;
Красивъ ли узоръ на дубахъ,
И крѣпко ли скованы льдины
Въ великихъ и малыхъ водахъ.
Идетъ — по деревьямъ шагаетъ,
Трещитъ по замерзлой водѣ,
И яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ.
Взобравшись на сосну большую,
По вѣточкамъ палицей бьетъ
И самъ про себя удалую,
Хвастливую пѣсню поетъ:
«Мятели, снѣга и туманы
Покорны морозу всегда;
Пойду на моря-океаны —
Построю дворцы изо льда.
Задумаю — рѣки большія,
Надолго упрячу подъ гнетъ,
Построю мосты ледяные,
Какихъ не построитъ народъ.
Гдѣ быстрыя, шумныя воды
Недавно свободно текли, —
Сегодня прошли пѣшеходы,
Обозы съ товаромъ прошли.
Богатъ я, казны не считаю,
А все не скудѣетъ добро;
Я царство мое убираю
Въ алмазы, жемчугъ, серебро».

Н. Некрасовъ.

Лиса.

Зимой, ранехонько, близъ жила
Лиса у проруби пила въ большой морозъ.
Межъ тѣмъ оплошность ли, судьба ль (не въ этомъ сила),
Но кончикъ хвостика лисица замочила,
И ко льду онъ примерзъ.
Бѣда не велика, легко бъ ее поправить:
Рвануться только посильнѣй.
И волосковъ хотя десятка два оставить,
Но до людей
Домой убраться поскорѣй.
Да какъ испортить хвостъ? А хвостъ такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!
Нѣтъ, лучше подождать: вѣдь спитъ еще народъ;
А между тѣмъ, авось, и оттепель придетъ,
Такъ хвостъ отъ проруби оттаетъ.
Вотъ ждетъ-пождетъ, а хвостъ лишь болѣ примерзаетъ;
Глядитъ — и день свѣтаетъ,
Народъ шевелится, и слышны голоса.
Тутъ бѣдная моя лиса
Туда-сюда метаться,
Но ужъ отъ проруби не можетъ оторваться.
По счастью, волкъ бѣжитъ. «Другъ милый! кумъ! отецъ! —
Кричитъ лиса. — Спаси! Пришелъ совсѣмъ конецъ!»
Вотъ кумъ остановился,
И въ спасенье лисы вступился.
Пріемъ его былъ очень простъ:
Онъ начисто отгрызъ ей хвостъ.
Тутъ безъ хвоста домой моя пустилась дура,
Ужъ рада, что на ней цѣла осталась шкура.

Мнѣ кажется, что смыслъ не теменъ басни сей:
Щепотки волосковъ лиса не пожалѣй —
Остался бъ хвостъ у ней.

И. Крыловъ.

Изба.

Небо въ часъ дозора
Обходя, луна
Свѣтитъ сквозь узора
Мерзлаго окна.

Вечеръ зимній длится.
Дѣдушка въ избѣ
На печи ложится,
И ужъ спитъ себѣ.

Помоляся Богу,
Улеглася мать;
Дѣти понемногу
Стали засыпать.

Только за работой
Молодая дочь
Борется съ дремотой
Во всю долгу ночь,

И лучина блѣдно
Передъ ней горитъ.
Все въ избушкѣ бѣдной
Тишиной томитъ;

Лишь звучитъ докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

Н. Огаревъ.

Деревенскій сторожъ.

Ночь темна, на небѣ тучи,
Бѣлый снѣгъ кругомъ,
И разлитъ морозъ трескучій
Въ воздухѣ ночномъ.

Вдоль по улицѣ широкой
Избы мужиковъ —
Ходитъ сторожъ одинокій,
Слышенъ скрипъ шаговъ.

Зябнетъ сторожъ, вьюга смѣло
Злится вкругъ него,
На морозѣ побѣлѣла
Борода его.

Скучно! радость измѣнила,
Скучно одному;
Пѣснь его звучитъ уныло
Сквозь метель и тьму.

Ходитъ онъ въ ночи безлунной,
Бѣла утра ждетъ

И въ края доски чугунной
Съ тайной грустью бьетъ.

И качаясь завываетъ
Звонкая доска...
Пуще сердце замираетъ,
Тяжелѣй тоска!

Н. Огаревъ.

Мужичокъ съ ноготокъ.

Однажды, въ студеную зимнюю пору,
Я изъ лѣсу вышелъ; былъ сильный морозъ.
Гляжу — поднимается медленно въ гору
Лошадка, везущая хворосту возъ;
И, шествуя важно въ спокойствіи чинномъ,
Лошадку ведетъ подъ уздцы мужичокъ,
Въ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчинномъ,
Въ большихъ рукавицахъ, а самъ съ ноготокъ!
— Здорово, парнище! — «Ступай себѣ мимо!»
— Ужъ больно ты грозенъ, какъ я погляжу!
Откуда дровишки? — «Изъ лѣсу, вѣстимо;
Отецъ, слышишь, рубитъ, а я отвожу»
(Въ лѣсу раздавался топоръ дровосѣка).
— А что, у отца-то большая семья?
— «Семья-то большая, да два человѣка
Всего мужиковъ-то: отецъ мой да я...»
— Такъ вотъ оно что! а какъ звать тебя? — «Власомъ».
— А кой тебѣ годикъ? — «Шестой миновалъ...»
«Ну, мертвая!» крикнулъ малюточка басомъ,
Рванулъ подъ уздцы и быстрѣй зашагалъ.

Н. Некрасовъ.

Зимній вечеръ.

Были сумерки. Голопятовка съ своими сараями, закопченными избами и овинами утопала въ сугробахъ. На рѣкѣ у почернѣвшей проруби стояли бабы съ толстыми, завернутыми въ тряпки ногами; мимо нихъ, съ граблями черезъ плечо, шелъ мужикъ, осыпанный мякиной; вдали тихо гудѣлъ побѣлѣвшій лѣсъ.

Среди крестьянскаго двора, во многихъ мѣстахъ разрушеннаго, стояли занесенныя снѣгомъ шершавыя клячи и овцы,

подбирая солому; подъ навѣсомъ жались воробьи, колыхалось замерзлое бѣлье, валялись обледянѣлыя колеса, плетушки и разная рухлядь. Баба въ худенькомъ кафтанѣ, высоко подпоясавшись тряпкой, несла вязанку хворосту. Шла метель, съ повѣтей валилъ снѣгъ и крутился по двору. Кое-гдѣ въ окнахъ появились огоньки; время отъ времени по рѣкѣ темной полосой пробѣгали порожнія сани и слышались замиравшіе голоса...

... Буря не утихла; на деревнѣ лаяли собаки, и гдѣ-то далеко сквозь снѣжные вихри звенѣлъ колокольчикъ. Все въ деревнѣ спало подъ жалобную голосьбу вѣтра; развѣ гдѣ-нибудь мерцалъ огонекъ и за пряжей сидѣла безсонная старушка.

Н. Успенскій.

Генералъ Топтыгинъ.

Дѣло подъ вечеръ, зимой,
И морозецъ знатный.
По дорогѣ столбовой
Ѣдетъ парень молодой,
Ямщичокъ обратный;
Не спѣшитъ, труситъ слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы.
Нагоняетъ ямщичокъ
Вожака съ медвѣдемъ.
«Посади насъ, паренекъ,
Веселѣй доѣдемъ!»
— Что ты! съ Мишкой? —
«Ничего!
Онъ у насъ смиренный.
Лишній шкаликъ за него
Поднесу, почтенный!»
— Ну, садитесь!—Посадилъ
Бородачъ медвѣдя,
Сѣлъ и самъ — и потрусилъ
Полегоньку Ѳедя...
Видитъ Трифонъ кабачокъ,
Приглашаетъ Ѳедю.
«Подожди ты насъ часокъ!»
Говоритъ медвѣдю.

И пошли. Медвѣдь смиренъ,
Видно, старъ годами,
Только лапу лижетъ онъ
Да звенитъ цѣпями...
Часъ проходитъ; нѣтъ ребятъ:
То-то выпьютъ лихо!
Но привычныя стоятъ
Лошаденки тихо.
Свечерѣло. Дрожь въ коняхъ,—
Стужа злѣе на ночь.
Заворочался въ саняхъ
Михаилъ Иванычъ,
Кони дернули; стряслась
Тутъ бѣда большая:
Рявкнулъ Мишка! — понеслась
Тройка, какъ шальная!
Колокольчикъ услыхалъ,
Выбѣжалъ Ѳедюха,
Да напрасно — не догналъ!
Экая поруха!
Быстро, бѣшено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабѣ всякій разъ
Звѣрь рычалъ ретиво;
Только стонъ кругомъ стоялъ:
«Очищай дорогу!

Самъ Топтыгинъ-генералъ
Ѣдетъ на берлогу!»
Вздрогнетъ встрѣчный мужи-
чокъ,
Жутко станетъ бабѣ,
Какъ мохнатый сѣдочокъ
Рявкнетъ на ухабѣ.
А конямъ подавно страхъ—
Не передохнули!
Верстъ пятнадцать во весь махъ,
Бѣдные, отдули!

Прямо къ станціи летитъ
Тройка удалая.
Проѣзжающій сидитъ,
Головой мотая:
Ладитъ вывернуть кольцо.
Вотъ и стала тройка.
Самъ смотритель на крыльцо
Выбѣгаетъ бойко;
Видитъ—ноги въ сапогахъ,
И медвѣжья шуба,
Не замѣтилъ впопыхахъ,
Что съ желѣзомъ губа.
Не подумалъ: гдѣ ямщикъ
Отъ коней гуляетъ?
Видитъ—баринъ материкъ,
«Генералъ», смекаетъ;
Поспѣшилъ фуражку снять:
«Здравія желаю!
Что угодно приказать:
Водки или чаю?..»
Хочетъ барину помочь
Юркій старичишка;
Тутъ во всю медвѣжью мочь
Заревѣлъ нашъ Мишка!
И смотритель отскочилъ:
«Господи, помилуй!
Сорокъ лѣтъ я прослужилъ
Вѣрой, правдой, силой;
Много видѣлъ на тракту
Генераловъ строгихъ:
Нѣтъ ребра, зубовъ во рту
Не хватаетъ многихъ,
А такого не видалъ,
Господи Іисусе!
Небывалый генералъ,
Видно, въ новомъ вкусѣ!..»

Прибѣжали ямщики,
Подивилисъ тоже;
Видятъ—дѣло не съ руки,
Что-то тутъ не гоже!
Собрался честной народъ;
Все село въ тревогѣ:
«Генералъ въ саняхъ реветъ,
Какъ медвѣдь въ берлогѣ!»
Трусъ бѣжитъ, а кто смѣлѣй,
Тѣ, потѣхи ради,
Жмутся около саней;
А смотритель сзади,
Струсилъ, издали кричитъ:
«Въ избу не хотите ль?»
Мишка вновь какъ
зарычитъ...
Убѣжалъ смотритель!
Оробѣлъ и убѣжалъ
И со всею свитой...
Два часа въ саняхъ лежалъ
Генералъ сердитый.
Прибѣжали той порой
Ямщикъ и вожатый;
Вразумилъ народъ честной
Трифонъ бородатый,
И Топтыгина прогналъ
Изъ саней дубиной...
А смотритель обругалъ
Ямщика скотиной.

Н. Некрасовъ.

Зима.

Весело зимою, особенно когда солнышко свѣтитъ ярко, на снѣжныхъ поляхъ блестятъ милліоны искръ, а деревья точно убраны дорогимъ хрусталемъ! Но весело зимою только тому, у кого есть теплый домъ и теплое платье, кто въ сильную стужу можетъ сидѣть дома передъ ярко пылающимъ огонькомъ печи и спокойно ждать сытнаго ужина и теплой постели. Но каково бѣдному сѣдому старику нищему? Несмотря на стужу, долженъ онъ таскаться подъ окнами и ради Христа выпрашивать себѣ кусокъ хлѣба. На старикѣ нѣтъ теплаго тулупа, лапти его худы, армякъ весь въ дырахъ; голосъ его дрожитъ отъ старости и холода, глаза слезятся, руки и ноги трясутся. Не хорошо и мальчику, который ведетъ слѣпого старика: бѣдняга перескакиваетъ съ ноги на ногу, дуетъ себѣ въ окоченѣвшіе пальцы; а сильный холодъ выжимаетъ у него слезы изъ глазъ. Пустите ихъ обогрѣться, накормите и подайте имъ, что можете!

К. Ушинскій.

Дѣтство.

Вотъ моя деревня,
Вотъ мой домъ родной;
Вотъ качусь я въ санкахъ
По горѣ крутой;
Вотъ свернулись санки,
И я на бокъ—хлопъ!
Кубаремъ качуся
Подъ гору, въ сугробъ.
И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочутъ
Надъ моей бѣдой.
Все лицо и руки
Залѣпилъ мнѣ снѣгъ...
Мнѣ въ сугробѣ—горе,
А ребятамъ—смѣхъ!
Но межъ тѣмъ ужъ сѣло
Солнышко давно:
Поднялася вьюга,
На небѣ темно.
Весь ты перезябнешь,
Руки не согнешь,
И домой тихонько,
Нехотя бредешь.
Ветхую шубенку
Скинешь съ плечъ долой;
Заберешься на печь
Къ бабушкѣ сѣдой.
И сидишь, ни слова...
Тихо все кругомъ;
Только слышишь—воетъ
Вьюга за окномъ.
Въ уголкѣ, согнувшись,
Лапти дѣдъ плететъ,
Матушка за прялкой,
Молча, ленъ прядетъ.
Избу освѣщаетъ
Огонекъ свѣтца;
Зимній вечеръ длится,
Длится безъ конца...

Зимній пейзажъ. *В. В. Переплетчикова.*

И пачну у бабки
Сказки я просить;
И начнетъ мнѣ бабка
Сказку говорить,
Какъ Иванъ-царевичъ
Птицу-Жаръ поймалъ,
Какъ ему невѣсту
Сѣрый волкъ досталъ.
Слушаю я сказку—
Сердце такъ и мретъ;
А въ трубѣ сердито
Вѣтеръ злой поетъ:
Я прижмусь къ старушкѣ...
Тихо рѣчь журчитъ,
И глаза мнѣ крѣпко
Сладкій сонъ смежитъ.
И во снѣ мнѣ снятся
Чудные края.
И Иванъ-царевичъ—
Это будто я.
Вотъ передо мною
Чудный садъ цвѣтетъ,
Въ томъ саду большое
Дерево растетъ.
Золотая клѣтка
На сучкѣ виситъ;
Въ этой клѣткѣ птица
Точно жаръ горитъ;
Прыгаетъ въ той клѣткѣ,
Весело поетъ,
Яркимъ, чуднымъ свѣтомъ
Садъ весь обдаетъ.
Вотъ я къ ней подкрался
И за клѣтку—хвать!
И хотѣлъ изъ сада
Съ птицею бѣжать.
Но не тутъ-то было!
Поднялся шумъ, звонъ;
Набѣжала стража
Въ садъ со всѣхъ сторонъ.
Руки мнѣ скрутили
И ведутъ меня...
И, дрожа отъ страха,
Просыпаюсь я.
Ужъ въ избу, въ окошко
Солнышко глядитъ;
Предъ иконой бабка
Молится стоитъ.

И. Суриковъ.

Дорога.

Тускло мѣсяцъ дальній
Свѣтитъ сквозь туманъ,
И лежитъ печально
Снѣжная поляна.
Бѣлыя съ морозу
Вдоль пути рядами
Тянутся березы
Съ голыми сучками.
Тройка мчится лихо,
Колокольчикъ звонокъ,
Напѣваетъ тихо
Мой ямщикъ спросонокъ.

Н. Огаревъ.

Дѣтство.

Голову няня въ дремотѣ склонила,
На полъ съ лежанки чулокъ уронила;
Прыгаетъ котъ, шевелитъ его лапкой.
Свѣчка ужъ меркнетъ подъ огненной шапкой,
Движется сумракъ, въ глаза мнѣ глядитъ...

Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.
Прогнали сонъ мой разсказы старушки.
Вотъ я въ лѣсу, у порога избушки;
Ждетъ къ себѣ гостя колдунья сѣдая—
Змѣй подлетаетъ, огонь разсыпая.
Замеръ лѣсъ темный, ни свиста ни шума;
Смотрятъ деревья угрюмо-угрюмо!
Сердце мое замираетъ, дрожитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.
Няня встаетъ и лѣниво зѣваетъ,
На ночь постелю мою оправляетъ.
«Лягъ, мой соколикъ, съ молитвой святою,
Божія сила да будетъ съ тобою...»
Нянина шубка мнѣ ноги пригрѣла;
Вотъ ужъ въ глазахъ у меня запестрѣло,
Сплю и не сплю я... лампада горитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

И. Никитинъ.

Зимою.

Разыгралася вьюга сѣдая;
Въ полѣ снѣжномъ пустынно, темно.
Спитъ деревня,—лишь въ крайней избушкѣ
Тускло свѣтитъ во мракѣ окно.
За окномъ, наклонившись за книгой,
Въ армячишкѣ худомъ на плечахъ,
Мальчикъ внятно, негромко читаетъ
О далекихъ и чудныхъ краяхъ.
Онъ читаетъ о краѣ, гдѣ море
Вѣчно плещетъ о берегъ крутой,
Гдѣ растутъ кипарисы и пальмы,
Солнце блещетъ въ волнѣ голубой.
Онъ читаетъ прилежно и внятно —
И несетъ его дума туда,
Гдѣ лазурное небо сіяетъ,
Не бываетъ зимы никогда.
Рядомъ мать за работой усѣлась,
Тянетъ длинную нитку изъ льна...
За окномъ разыгравшейся вьюги
Заунывная пѣсня слышна!..

Ив. Бѣлоусовъ.

Царство сна.

Въ дѣтствѣ слышалъ я старую сказку о томъ,
Какъ когда-то давно, за лазурью морей,
За глухими лѣсами и дикимъ хребтомъ,
Было цѣлое царство оковано сномъ
Съ молодой королевой своей.
Бѣлый замокъ ея, утонувшій въ садахъ,
Точно вымеръ—ни звука нигдѣ;
Все недвижно стояло въ горячихъ лучахъ
Золотистаго дня, какъ въ нѣмыхъ зеркалахъ,
Отражаясь въ озерной водѣ...
А когда-то нерѣдко ночною порой
Тамъ пестрѣли наряды гостей,
И съ крыльца подъ стемнѣвшіе своды аллей,
Извиваясь, сбѣгались одна за другой
Разноцвѣтныя цѣпи огней.
Или утромъ душистымъ, подъ темный каштанъ,
Молода и свѣтла, какъ весна,
Королева безъ свиты сходила одна
Помечтать и послушать, какъ плачетъ фонтанъ
И какъ дышитъ тревожно волна...
И мгновенно все стихло: объятые сномъ,
Онѣмѣли и теремъ и садъ,
Смолкнулъ говоръ людской, и не слышно кругомъ
Ни роговъ егерей въ полумракѣ лѣсномъ
Ни обычныхъ ночныхъ серенадъ...
Злыя чары свершились—высокой стѣной
Вкругъ поднялся терновникъ густой,
И не смѣли туда отъ далекой земли,
Мимо рифовъ и мелей, доплыть корабли
И раздаться тамъ голосъ живой...

С. Надсонъ.

Прохожій.

Много грозныхъ ночей застигало прохожаго, много вьюгъ и непогодъ вынесла сѣдая голова его; но такой ночи онъ никогда еще не видывалъ. Затерянный посреди сугробовъ, по колѣни въ снѣгу, онъ тщетно озирался на стороны или ощупывалъ костылемъ дорогу: метель и сумракъ сливали небо съ

землею, снѣжныя горы, взрываемыя могучимъ вѣтромъ, двигались, какъ волны морскія, и то разсыпались въ оледенѣломъ воздухѣ, то застилали дорогу; гулъ, ревъ и смятеніе наполняли окрестность. Напрасно также силился онъ подать голосъ: крикъ застывалъ на губахъ его и не достигалъ ни до чьего слуха: грозный ревъ бури одинъ подавалъ о себѣ вѣсть въ мрачной пустынѣ; одинъ онъ отзывался въ чьемъ-нибудь сердцѣ. Отчаяніе уже начинало проникать въ душу путника, страшныя думы бродили въ головѣ его и воплощались въ видѣнія. Надняхъ знакомый мужичокъ, застигнутый такою же точно погодой, сбился съ пути на собственномъ гумнѣ своемъ, и на другой день, объ утро, нашли его замерзлаго подъ плетнемъ собственнаго огорода; третьяго дня постигла такая же участь бабу, которая не могла найти околицы; вечоръ еще, посреди самой улицы, нашли мертвую странницу, которая за метелью не различила избушекъ.

Такъ думалъ прохожій; а вьюга между тѣмъ съ часу на часъ подымалась сильнѣе и сильнѣе. Вотъ повернула она, поднялась хребтомъ на пригоркѣ, вскрутилась вихремъ, пронеслась надъ головою путника, загудѣла въ поляхъ и ударила на деревню. Вздрогнули бѣдныя лачужки, внезапно пробужденныя отъ сна посреди темной, холодной ночи; замирая отъ страха, онѣ тѣсно прижались другъ къ дружкѣ, закутались доверху своимъ снѣжнымъ покровомъ, прилегли на бокъ и трепетно ждутъ лютаго вѣтра. Но вихрь, привыкшій къ простору, рвется и мечется пуще прежняго въ тѣсныхъ закоулкахъ и улицахъ. Разбитый на части, онъ разомъ, со всѣхъ сторонъ, нападаетъ на лачужки, всползаетъ на шаткія стѣны, гудитъ въ стропилахъ, ломаетъ сучья, срываетъ воробьиныя гнѣзда, кровлю, силясь сбросить пѣтушка или конька на макушкѣ; и тогда, какъ одна часть бури реветъ вокругъ дома, другая уже давно проползла шипящею змѣею подъ ворота, ринулась въ клѣти и сараи, обѣжала навѣсы и, не найдя тамъ, вѣроятно, ничего, кромѣ вьющагося снѣга, напала на беззащитную Жучку, свернувшуюся клубкомъ подъ рогожей... Но вотъ вихрь прилегъ наземь, загудѣлъ вдоль плетня, украдкою подобрался къ калиткѣ, поднялся на дыбы, сорвалъ ее съ петель, бросилъ на улицу, присоединился къ другому, третьему, и снова грозный ревъ наполняетъ окрестность... О! счастливъ, сто разъ счастливъ тотъ, у кого въ такую ночь есть родной кровъ, родная семья, теплая

печка!.. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ думалъ — но не до того, впрочемъ, было прохожему, чтобы умомъ раскидывать! Отчаянье уже давно завладѣло его душою. И если какія-нибудь мысли и приходили ему въ голову, — имъ все-таки не время теперь было опредѣляться въ ясную думу: онѣ мелькали передъ нимъ такъ же быстро, какъ снѣжные хлопья, несомые лютою метелью, посреди которой стоялъ онъ съ обнаженною сѣдою головой и замиравшимъ сердцемъ, — и такъ же быстро уносились и смѣнялись другими мыслями, какъ одинъ вихрь смѣнялся другими вихрями... Силы начали покидать его. Онъ провелъ окоченѣвшею ладонью по мерзлымъ волосамъ, окинулъ мутными глазами окрестность и крикнулъ еще разъ. Но крикъ снова замеръ на полумертвыхъ устахъ его.

Прохожій медленно опустился въ сугробъ и трепетною рукой сотворилъ крестное знаменье. Буря между тѣмъ пронеслась мимо: все какъ будто на минуту затихло... и вдругъ, не жданно, въ сторонѣ послышался лай собаки... Нѣтъ, это не обманъ; лай повторился въ другой и третій разъ.

Застывшее сердце старика встрепенулось, онъ рванулся впередъ, простеръ руки и пошелъ на смерть... немного погодя, ощупалъ онъ сараи, и вскорѣ изъ-за угла мелькнули передъ нимъ привѣтливые огоньки избушекъ.

Д. Григоровичъ.

Зимняя ночь русака.

Заяцъ-русакъ жилъ зимою подлѣ деревни. Когда пришла ночь, онъ поднялъ одно ухо, послушалъ, потомъ поднялъ другое, поводилъ усами, понюхалъ и сѣлъ на заднія лапы. Потомъ онъ прыгнулъ разъ-другой по глубокому снѣгу и опять сѣлъ на заднія лапы, и сталъ оглядываться. Со всѣхъ сторонъ ничего не было видно, кромѣ снѣга. Снѣгъ лежалъ волнами и блестѣлъ, какъ сахаръ. Надъ головой зайца стоялъ морозный паръ, и сквозь этотъ паръ виднѣлись большія яркія звѣзды.

Зайцу нужно было перейти черезъ большую дорогу, чтобы прійти на знакомое гумно. На большой дорогѣ слышно было, какъ визжали полозья, фыркали лошади, скрипѣли кресла въ саняхъ.

Заяцъ опять остановился подлѣ дороги. Мужики шли подлѣ саней съ поднятыми воротниками кафтановъ. Лица ихъ были чуть видны. Бороды, усы, рѣсницы ихъ были бѣлые.

Порожняки. *И. М. Прянишникова.*

Изъ ртовъ и носовъ шелъ паръ. Лошади ихъ были потныя, и къ поту присталъ иней. Лошади толкались въ хомутахъ, ныряли въ ухабахъ. Мужики догоняли, обгоняли лошадей и махали кнутами. Два старика шли рядомъ, и одинъ разсказывалъ другому, какъ у него увели лошадь.

Когда обозъ проѣхалъ, заяцъ перескочилъ дорогу и полегоньку пошелъ къ гумну. Собачонка отъ обоза увидала зайца. Она залаяла и бросилась за нимъ. Заяцъ поскакалъ къ гумну по субоямъ; зайца держали субои, а собака на десятомъ прыжкѣ завязла въ снѣгу и остановилась. Тогда заяцъ тоже остановился, посидѣлъ на заднихъ лапахъ и потихоньку пошелъ къ гумну. По дорогѣ онъ по зеленямъ встрѣтилъ двухъ зайцевъ. Они кормились и играли. Заяцъ поигралъ съ товарищами, покопалъ съ ними морозный снѣгъ, поѣлъ озими и пошелъ дальше. На деревнѣ все было тихо, огни были потушены. Только слышался на улицѣ плачъ ребенка въ избѣ да трескъ мороза въ бревнахъ избъ. Заяцъ прошелъ на гумно и тамъ нашелъ товарищей. Онъ поигралъ съ ними на расчищенномъ току, поѣлъ овса изъ начатой кладушки, взобрался по крышѣ, занесенной снѣгомъ, на овинъ и черезъ плетень пошелъ назадъ къ своему оврагу. На востокѣ свѣтилась заря, звѣздъ стало меньше, и еще гуще морозный паръ подымался надъ землею. Въ ближней деревнѣ проснулись бабы и шли за водой; мужики несли кормъ съ гуменъ, дѣти кричали и плакали. По дорогѣ еще больше шло обозовъ, и мужики громче разговаривали.

Заяцъ перескочилъ черезъ дорогу, подошелъ къ своей старой норѣ, выбралъ мѣстечко повыше, раскопалъ снѣгъ, легъ задомъ въ новую нору, уложилъ на спинѣ уши и заснулъ съ открытыми глазами.

Гр. Л. Толстой.

Метель.

Я велѣлъ заложить маленькія сани въ одну лошадь и одинъ, безъ кучера, отправился въ Жадрино. Дорога была мнѣ знакома, а ѣзды всего двадцать минутъ.

Но едва я выѣхалъ за околицу въ поле, какъ поднялся вѣтеръ, и сдѣлалась такая метель, что я ничего не взвидѣлъ. Въ одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мглѣ, сквозь которую летѣли бѣлые хлопья снѣгу; небо слилось съ землею. Я очутился въ полѣ и напрасно хотѣлъ снова напасть на дорогу, лошадь ступала наудачу и поминутно то взъѣзжала

на сугробъ, то проваливалась въ яму. Сани мои опрокидывались. Я старался только не потерять настоящаго направленія. Но мнѣ казалось, что прошло уже болѣе получаса, а я не доѣзжалъ еще до жадринской рощи. Прошло еще около десяти минутъ: рощи все было не видать. Я ѣхалъ полемъ, пересѣченнымъ глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а съ меня потъ катился градомъ, несмотря на то, что я, поминутно, былъ по поясъ въ снѣгу.

Наконецъ я увидѣлъ, что ѣду не въ ту сторону. Я остановился: началъ думать, припоминать, соображать и увѣрился, что должно было взять мнѣ вправо. Я поѣхалъ вправо. Лошадь моя чуть ступала. Уже болѣе часа былъ я въ дорогѣ. Жадрино должно быть недалеко; но я ѣхалъ, ѣхалъ, а полю не было конца. Все сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались, и я ихъ подымалъ. Время шло, я начиналъ сильно безпокоиться.

Наконецъ въ сторонѣ что-то стало чернѣть. Я поворотилъ туда. Приближаясь, увидѣлъ рощу. «Слава Богу,—подумалъ я,—теперь близко». Я поѣхалъ около рощи, надѣясь тотчасъ попасть на знакомую дорогу или объѣхать рощу кругомъ. Жадрино находилось тотчасъ за нею. Скоро нашелъ я дорогу и въѣхалъ въ мракъ деревьевъ, обнаженныхъ зимою. Вѣтеръ не могъ тутъ свирѣпствовать: дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и я успокоился.

Но я ѣхалъ, ѣхалъ, а Жадрина было не видать, рощѣ не было конца. Я съ ужасомъ увидѣлъ, что заѣхалъ въ незнакомый лѣсъ. Отчаяніе овладѣло мною. Я ударилъ по лошади: бѣдное животное пошло было рысью, но скоро стало приставать и черезъ четверть часа пошло шагомъ, несмотря на всѣ мои усилія.

Мало-по-малу деревья начали рѣдѣть, и я выѣхалъ изъ лѣсу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полуночи. Я поѣхалъ наудачу. Погода утихла, тучи расходились, передо мною лежала равнина, устланная бѣлымъ волнистымъ ковромъ. Ночь была довольно ясна. Я увидѣлъ невдалекѣ деревушку, состоящую изъ четырехъ или пяти дворовъ. Я поѣхалъ къ ней. У первой избушки я выпрыгнулъ изъ саней, подбѣжалъ къ окну и сталъ стучаться. Черезъ нѣсколько минутъ деревянный ставень поднялся, и старикъ высунулъ свою сѣдую

бороду. «Что те надо?»... — «Далеко ли до Жадрина?» — «Жадрино-то далеко ли?» — «Да, да, далеко ли?» — «Недалече: верстъ десятокъ будетъ». — «Можешь ли ты, — сказалъ я, — достать мнѣ лошадей до Жадрина?» — «Каки у насъ лошади?» отвѣчалъ мужикъ. «Да не могу ли взять хоть проводника? Я заплачу». — «Постой, — сказалъ старикъ, опуская ставень: — я те сына вышлю: онъ те проводитъ». Я сталъ дожидаться. Не прошло минуты, я опять сталъ стучать. «Что те надо?» — «Что же твой сынъ?» — «Сейчасъ выйдетъ, обувается. Али ты перезябъ? пойди погрѣться». — «Благодарю, высылай скорѣе сына».

Ворота заскрипѣли; парень вышелъ съ дубиною и пошелъ впередъ, то указывая, то отыскивая дорогу, занесенную снѣговыми сугробами. Пѣли пѣтухи, и было уже свѣтло, какъ достигли мы Жадрина.

А. Пушкинъ.

Зимнее утро въ городѣ.

Все затихло въ городѣ. Рѣдко-рѣдко гдѣ слышится визгъ колесъ по зимней улицѣ. Въ окнахъ огней уже нѣтъ, и фонари потухли. Отъ церквей разносятся звуки колоколовъ и, колыхаясь надъ спящимъ городомъ, напоминаютъ объ утрѣ. На улицахъ пусто. Рѣдко гдѣ промѣситъ узкими полозьями песокъ со снѣгомъ ночной извозчикъ и, перебравшись на другой уголъ, заснетъ, дожидаясь сѣдока. Пройдетъ старушка въ церковь, гдѣ ужъ, отражаясь въ золотыхъ окладахъ, красно и рѣдко горятъ, несимметрично разставленныя, восковыя свѣчи. Рабочій народъ ужъ поднимается послѣ долгой зимней ночи и идетъ на работы.

Гр. Л. Толстой.

Маша.

Проживая много лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ, я, всякій разъ, какъ мнѣ случалось нанимать извозчика, вступалъ съ нимъ въ бесѣду.

Особенно любилъ я бесѣдовать съ ночными извозчиками, бѣдными подгородными крестьянами, прибывавшими въ столицу съ окрашенными вохрой санишками и плохой клячонкой — въ надеждѣ и самимъ прокормиться и собрать на оброкъ господамъ.

Вотъ однажды нанялъ я такого извозчика... Парень лѣтъ двадцати, рослый, статный, молодецъ молодцомъ; глаза голубые, щеки румяныя; русые волосы вьются колечками изъ-

подъ надвинутой на самыя брови заплатанной шапчонки. И какъ только налѣзъ этотъ рваный армячишка на эти богатырскія плечи?

Однако красивое безбородое лицо извозчика казалось печальнымъ и хмурымъ.

Разговорился я съ нимъ. И въ голосѣ его слышалась печаль.

— Что, братъ? — спросилъ я его. — Отчего ты не веселъ? Али горе есть какое?

Парень не тотчасъ отвѣчалъ мнѣ.

— Есть, баринъ, есть, — промолвилъ онъ, наконецъ. — Да и такое, что лучше быть не надо. Жена у меня померла.

— Ты ее любилъ... Жену-то свою?

Парень не обернулся ко мнѣ, только голову наклонилъ немного.

— Любилъ, баринъ. Восьмой мѣсяцъ пошелъ... а не могу забыть. Гложетъ мнѣ сердце... да и ну. И съ чего ей было помирать-то? Молодая! здоровая!.. Въ единъ день холера порѣшила.

— И добрая она была у тебя?

— Ахъ, баринъ? — тяжело вздохнулъ бѣднякъ. — И какъ же дружно мы жили съ ней! Безъ меня скончалась. Я какъ узналъ здѣсь, что ее, значитъ, уже похоронили, — сейчасъ въ деревню поспѣшилъ, домой. Пріѣхалъ — а ужъ за полночь стало. Вошелъ я къ себѣ въ избу, остановился посередкѣ и говорю такъ-то тихохонько: «Маша! а Маша!» Только сверчокъ трещитъ. Заплакалъ я тутотка, сѣлъ на избяной полъ да ладонью по землѣ какъ хлопну! Ненасытная, говорю, утроба!.. Сожрала ты ее... сожри жъ и меня! Ахъ, Маша!

— Маша, — прибавилъ онъ внезапно упавшимъ голосомъ. И, не выпуская изъ рукъ веревочныхъ вожжей, онъ выдавилъ рукавицей изъ глазъ слезу, стряхнулъ ее, сбросилъ въ сторону, повелъ плечами — и ужъ больше не произнесъ ни слова.

Слѣзая съ саней, я далъ ему лишній пятиалтынный. Онъ поклонился мнѣ низехонько, взявшись обѣими руками за шапку, и поплелся шажкомъ по снѣжной скатерти пустынной улицы, залитой сѣдымъ туманомъ январскаго мороза.

И. Тургеневъ.

Человѣкъ подъ снѣгомъ.

Однажды я прочелъ своему дядькѣ Евсеичу «Повѣсть о несчастной семьѣ, жившей подъ снѣгомъ». Выслушавъ ее, онъ сказалъ:

— «Не знаю, соколикъ мой (такъ онъ звалъ меня всегда), все ли тутъ правда написана; а вотъ здѣсь въ деревнѣ, прошлою зимою, доподлинно случилось, что мужикъ Ареѳій поѣхалъ за дровами въ лѣсъ, въ общій колокъ, всего версты четыре отъ деревни, да и запоздалъ; поднялся буранъ, лошаденка была плохая, да и самъ онъ былъ плохъ; показалось ему, что онъ не по той дорогѣ ѣдетъ, онъ и пошелъ отыскивать дорогу, снѣгъ былъ глубокій, онъ выбился изъ силъ, завязъ въ долочкѣ, — такъ его снѣгомъ тамъ и занесло.

«Лошадь постояла, отдохнула, видно, прозябла, и пошла шажкомъ, да и пришла домой съ возомъ. Дома Ареѳья ждали; увидали, чтс лошадь пришла одна, дали знать старостѣ, подняли тревогу, и мужиковъ съ десятокъ поѣхали отыскивать Ареѳья. Буранъ былъ страшный, зги не видать! Поѣздили, поискали, да такъ ни съ чѣмъ и воротились. На другой день вся барщина ѣздила отыскивать, и также ничего не нашли.

«Ужъ на третій день, совсѣмъ по другой дорогѣ, ѣхалъ мужикъ изъ Кудрина, ѣхалъ онъ съ звѣровой собакой; собака и причуяла что-то недалеко отъ дороги и начала лапами снѣгъ разгребать; мужикъ былъ охотникъ, остановилъ лошадь и подошелъ посмотрѣть, что тутъ такое есть; и видитъ, что собака выкопала нору, что оттуда паръ идетъ; вотъ и принялся онъ разгребать, и видитъ, что внутри пустое мѣсто, ровно медвѣжья берлога, и видитъ — въ ней человѣкъ лежитъ, спитъ, и что кругомъ его обтаяло; онъ зналъ про Ареѳья и догадался, что это онъ.

«Мужикъ поскорѣе прикрылъ дыру снѣжкомъ, палъ на лошадь, да и прискакалъ къ намъ въ деревню. Народъ мигомъ собрался. Поскакали съ лопатами, откопали Ареѳья, взвалили на сани, прикрыли шубой и привезли домой. Дома его въ избу не вдругъ внесли, а сначала долго оттирали снѣгомъ, а онъ весь былъ талый; Ареѳій отъ стужи и снѣгу ровно проснулся; тогда внесли его въ избу, но онъ все былъ безъ памяти. Ужъ на другой день пришелъ въ себя и ѣсть попросилъ. Теперь здоровъ, только какъ-то говорить сталъ дурно. Вотъ это, мой соколикъ, ужъ настоящая правда. Коли хочешь, то я тебѣ покажу его, когда онъ придетъ на барскій дворъ».

С. Аксаковъ.

Елка.

На краю села, досками
Заколоченный кругомъ,
Спитъ, покинутый, забытый,
Обветшалый барскій домъ.
За усадьбою, въ избушкѣ,
Няня старая живетъ,
И ужъ сколько лѣтъ — не
можетъ
Позабыть своихъ господъ.
Все разсказываетъ внучку,
Какъ встрѣчали господа
Новый годъ, Святую,
Святки...
Какъ кутили иногда, —
И какія доводилось
Ей слыхать въ дому у нихъ
Чудодѣйныя сказанья
Про угодниковъ святыхъ.
Позабытая старушка
Пополамъ съ нуждой живетъ,
За крупу, за хлѣбъ,
за масло
Зиму зимнюю прядетъ.
Внучекъ малъ — сыра
избушка—
И до самаго окна,
Вплоть до ставня, снѣжной бурей
Съ ноября заметена.
Ночь, морозъ трещитъ, все
глухо,
Вся деревня спитъ; одна
Няни тѣнь торчитъ за
прялкой, —
Пляшетъ тѣнь веретена.
Съ догорающей свѣтильней
Сумракъ борется ночной,
На полатяхъ подъ овчиной
Шевелится домовой.
Внукъ пугливо смотритъ
съ печи;
Онъ вскосматилъ волоса,
Поднялъ худенькія плечи,
Локотками подперся.
«Бабушка!..» — Чего,
родимый? —
«Наяву или во снѣ
Про рождественскую елку
Ты разсказывала мнѣ?
Какъ та елка въ барскомъ домѣ
Просіяла, — какъ на ней
Были звѣзды золотыя
И гостинцы для дѣтей.
Вотъ бы намъ такую елку!
И сочельникъ недалекъ.
Только что это за елка?—
Мнѣ все какъ-то невдомекъ».
Порвалась у пряхи нитка;
Разсердилась и ворчитъ:
— Ишь, не спитъ!..про
елку бредитъ;
Видно, голоденъ—
блажитъ!—
Зачадясь, свѣтильня гаснетъ;
Не жужжитъ веретено,—
Помолясь, легла старуха;
Ночь бѣлѣется въ окно.
«Бабушка!..» — Чего,
родимый?—
«Ну, а гдѣ она растетъ,
Эта елка-то? Ты только
Разскажи мнѣ, гдѣ
растетъ!..»
— Гдѣ жъ расти: растетъ
въ лѣсочкѣ,

Въ ельникѣ растетъ...
постой!...
Домовой никакъ проохалъ...
Тише!.. спи, Господь съ
тобой!..—
Рождества канунъ-сочельникъ.
Вотъ, подтибривши топоръ,
Къ ночи, внучекъ старой няни
Пробрался въ сосѣдній боръ.
Тѣни сосенъ молча стали
На дорогу выходить.
Онъ рождественскую елку
Ищетъ бабушкѣ срубить.
Вотъ и мѣсяцъ—засквозили
Сучьевъ сѣти и рога,
Свѣтъ его, какъ свѣтъ
лампады,
Легъ на блѣдные снѣга.
Смотритъ мальчикъ,—что за
чудо!
Изъ-за темнаго бугра
Вышла, выглянула елка,
Точно вся изъ серебра.
Брилліанты на рогулькахъ,
Въ брилліантахъ—огоньки.
Дрогнулъ мальчикъ; отъ
натуги
Кровь стучитъ ему въ виски.
Не звѣзда ли—эта искра,
Превратившаяся въ ледъ?
Ступитъ вправо—засверкаетъ,
Ступитъ влѣво—пропадетъ.
Пораженный, умиленный,
Онъ стоитъ—и какъ тутъ
быть?
Какъ рождественскую эту
Елку станетъ онъ рубить!
Мѣсяцъ льетъ свое мерцанье,
Въ темномъ лѣсѣ—ни гугу!
Опустивъ топоръ, присѣлъ онъ
Передъ елкой на снѣгу.
И сидитъ и слышитъ,—гдѣ-то
Словно колоколъ гудетъ.
Это сонъ? иль это Божья
Смерть подъ благовѣстъ
идетъ?..
И рождественская елка
Передъ нимъ растетъ, растетъ,
Лучезарными лучами
Обняла небесный сводъ.
По вѣтвямъ ея на землю
Сходятъ ангелы; ихъ клиръ
Пѣснь поетъ о славѣ Вышнихъ,
Всей землѣ пророчитъ миръ.
И тьмы-темъ огненнокрылыхъ,
Ослѣпительныхъ дѣтей
Изъ вѣтвей глядятъ на землю
Миріадами очей,
Словно ждутъ,—какое міру
Богъ готовитъ торжество.
Смерть баюкаетъ ребенка,
Сердцу снится Рождество.
И упалъ изъ рукъ топорикъ,
И заснулъ бы онъ навѣкъ!
Да случайно мимо лѣсомъ
Ѣхалъ пьяный дровосѣкъ.
Онъ встряхнулъ его; ругаясь
И свистя, отвезъ домой.
И очнулся бѣдный мальчикъ
На груди ему родной.
Долго былъ потомъ онъ боленъ,
Чѣмъ-то смутнымъ потрясенъ.
Никому не разсказалъ онъ
Сна, который видѣлъ онъ.
Да и какъ бы могъ онъ, бѣдный,
Все то высказать вполнѣ,
Что душѣ его сказалось
Въ полусмерти—въ полуснѣ...

Я. Полонскій.

Легенда о елкѣ.

Существуетъ одна легенда, которая гласитъ слѣдующее о происхожденіи обычая зажигать свѣчи на рождественской елкѣ.

Близъ пещеры, въ которой родился Спаситель міра, росли три дерева: ель, олива и пальма. Въ тотъ святой вечеръ, когда зажглась на небѣ путеводная звѣзда, возвѣстившая многострадальному міру о появленіи на свѣтъ Того, Который принесъ съ Собой «вѣсть надежды благодатной»,—въ тотъ вечеръ

Ликовала вся природа,
Величава и свѣтла,
И къ ногамъ Христа-Младенца
Всѣ дары свои несла.

Въ числѣ прочихъ принесла свои «золотистые плоды» и росшая при пещерѣ олива. Также и пальма предлагала свой «зеленый шатеръ», какъ въ защиту отъ зноя и непогоды. Только ель одна печально стояла

...Въ уныніи тихомъ,
Боязлива и скромна,

тщетно думая и не зная, что бы ей принести въ даръ Младенцу Іисусу. Печально поникли ея вѣтви, и «отъ стыда и тайныхъ мукъ» обильно закапали у нея слезы прозрачной смолой.

Эти слезы увидала
Съ неба звѣздочка одна,
Тихимъ шопотомъ подругамъ
Что-то молвила она.

И вдругъ свершилось чудо: звѣзды посыпались съ неба огненнымъ дождемъ и усѣяли елку по всѣмъ ея вѣткамъ, сверху донизу. Тогда она, радостно затрепетавъ, гордо подняла свои вѣтви и впервые явилась міру въ ослѣпительномъ блескѣ... Съ тѣхъ поръ и пошелъ у людей обычай убирать елку въ рождественскій вечеръ яркими огнями свѣчей. Съ тѣхъ поръ

Каждый годъ она сіяетъ
Въ день великій торжества
И огнями возвѣщаетъ
Свѣтлый праздникъ Рождества.

Изъ хрест. «Нашъ міръ».

Коляда.

Послѣдній день передъ Рождествомъ прошелъ. Зимняя ясная ночь наступила; глянули звѣзды; мѣсяцъ величаво поднялся на небо посвѣтить добрымъ людямъ и всему міру, чтобы всѣмъ было весело колядовать и славить Христа.

Колядовать у насъ называется пѣть подъ окнами наканунѣ Рождества пѣсни, которыя называются колядками. Тому, кто колядуетъ, всегда кинетъ въ мѣшокъ хозяйка или хозяинъ, или кто остается дома колбасу или хлѣбъ, или мѣдный грошъ, чѣмъ кто богатъ.

Морозило сильнѣе, чѣмъ съ утра, но зато такъ было тихо, что скрипъ мороза подъ сапогомъ слышался за полверсты. Еще ни одна толпа парубковъ не показывалась подъ окнами хатъ; мѣсяцъ одинъ только заглядывалъ въ нихъ украдкою, какъ бы вызывая принаряжавшихся дѣвушекъ выбѣжать скорѣе на скрипучій снѣгъ. Морозъ какъ бы потеплѣлъ; толпы парубковъ и дѣвушекъ показались съ мѣшками; пѣсни зазвенѣли, и подъ рѣдкою хатою не толпились колядующіе. Чудно блеститъ мѣсяцъ! Трудно разсказать, какъ хорошо потолкаться въ такую ночь между кучею хохочущихъ и поющихъ дѣвушекъ и между парубками, готовыми на всѣ шутки и выдумки, какія только можетъ внушать весело смѣющаяся ночь. Подъ плотнымъ кожухомъ тепло; отъ мороза еще живѣе горятъ щеки, а на шалости самъ лукавый подталкиваетъ сзади. Шумнѣе раздавались на улицѣ крики и пѣсни. Толпы толкавшагося народа были увеличены еще пришедшими изъ сосѣднихъ деревень. Парубки шалили и бѣсились вволю.

Часто между колядками слышалась какая-нибудь веселая пѣсня, которую тутъ же умѣлъ сложить кто-нибудь изъ молодыхъ казаковъ. То вдругъ одинъ изъ толпы, вмѣсто колядки, отпускалъ щедровку и ревѣлъ во все горло:

Щедрыкъ, ведрыкъ!
Дайте вареникъ!
Грудочку кашки!
Кильце ковбаски!

Хохотъ награждалъ затѣйника. Маленькія окна поднимались, и сухощавая рука старухи (которыя однѣ только со сте-

пенными отцами оставались въ избахъ) высовывалась изъ окошка съ колбасою или съ кускомъ пирога. Парубки и дѣвушки наперерывъ подставляли мѣшки и ловили свою добычу. Въ одномъ мѣстѣ парубки, зашедши со всѣхъ сторонъ, окружали толпу дѣвушекъ: шумъ, крикъ; одинъ бросалъ комомъ снѣга, другой вырывалъ мѣшокъ со всякой всячиной. Въ другомъ мѣстѣ дѣвушки ловили парубка, подставляли ему ногу, и онъ летѣлъ вмѣстѣ съ мѣшкомъ стремглавъ на землю. Казалось, всю ночь напролетъ готовы были провеселиться. И ночь, какъ нарочно, такъ роскошно теплилась, и еще бѣлѣе казался свѣтъ мѣсяца отъ блеска снѣга!

Н. Гоголь.

Крещенская ночь.

Темный ельникъ снѣгами, какъ мѣхомъ,
Опушили сѣдые морозы;
Въ блесткахъ инея, точно въ алмазахъ,
Задремали, склонившись березы.
Неподвижно застыли ихъ вѣтки,
А межъ ними на снѣжное лоно,
Точно сквозь серебро кружевное,
Полный мѣсяцъ глядитъ съ небосклона.
Высоко онъ поднялся надъ лѣсомъ,
Въ яркомъ свѣтѣ своемъ цѣпенѣя,
И причудливо стелются тѣни,
На снѣгу подъ вѣтвями чернѣя.
Замело чащи лѣса метелью,—
Только вьются слѣды и дорожки,
Убѣгая межъ сосенъ и елокъ,
Межъ березокъ до ветхой сторожки.
Убаюкала вьюга сѣдая
Дикой пѣснею лѣсъ опустѣлый,
И заснулъ онъ, засыпанный вьюгой,
Весь сквозной, неподвижный и бѣлый.
Спятъ таинственно-стройныя чащи,
Спятъ, одѣтые снѣгомъ глубокимъ,
И поляны, и лугъ, и овраги,
Гдѣ когда-то шумѣли потоки.
Тишина,—даже вѣтка не хруститъ!
А, быть-можетъ, за этимъ оврагомъ

Пробирается волкъ по сугробамъ
Осторожнымъ и вкрадчивымъ шагомъ.
  Тишина,—а, быть-можетъ, онъ близко...
И стою я, исполненъ тревоги,
И гляжу напряженно на чащи,
На слѣды и кусты вдоль дороги.
  Въ дальнихъ чащахъ, гдѣ вѣтви и тѣни
Въ лунномъ свѣтѣ узоры сплетаютъ,
Все мнѣ чудится что-то живое,
Все какъ будто звѣрки пробѣгаютъ.
  Огонекъ изъ лѣсной караулки
Осторожно и робко мерцаетъ,
Точно онъ притаился подъ лѣсомъ
И чего то втиши поджидаетъ.
  Брильянтомъ лучистымъ и яркимъ,
То зеленымъ, то синимъ играя,
На востокѣ, у трона Господня,
Тихо блещетъ звѣзда, какъ живая.
  А надъ лѣсомъ все выше и выше
Всходитъ мѣсяцъ,—и въ дивномъ покоѣ
Замираетъ морозная полночь
И хрустальное царство лѣсное!

Ив .Бунинъ.

Гаданье.

Разъ въ крещенскій вечерокъ
  Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
  Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
  Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
  Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
  Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
  Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
  Пѣсенки подблюдны.

В. Жуковскій.

Два мужика.

«Здорово, кумъ Ѳаддей!» — «Здорово, кумъ Егоръ!»
— «Ну, каково, пріятель, поживаешь?»
— «Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!
Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до тла свой дворъ,

И по-міру пошелъ съ тѣхъ поръ».
— «Какъ такъ? Плохая, кумъ, игрушка!»
— «Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка:
Я со свѣчой пошелъ дать корму лошадямъ:
Признаться, въ головѣ шумѣло;
Я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ;
А дворъ и все добро сгорѣло.
Ну, ты какъ?» — «Охъ, Ѳаддей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:
Ты видишь — я безъ ногъ;
Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ.
Я, тожъ о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,
И тоже черезчуръ, признаться, я хлебнулъ
Съ друзьями полугару;
А чтобъ въ хмелю не сдѣлать мнѣ пожару,
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ;
Анъ бѣсъ меня впотьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,
Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не человѣка,
И вотъ я съ той поры калѣка».
— «Пеняйте на себя, друзья!
Сказалъ имъ сватъ Степанъ. — Коль молвить правду, я
Совсѣмъ не чту за чудо,
Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
Для пьянаго и со свѣчою худо,
Да врядъ не хуже ль и впотьмахъ».

И. Крыловъ.

Ночевка въ лѣсу.

Путники рѣшились заночевать въ лѣсу. Лошадей выпрягли, задали имъ овса. Утоптали вокругъ снѣгъ и сдѣлали привалъ. Топоровъ оказалось два; работники зачали сучья да валежникъ рубить, костры складывать вокругъ привала, и когда стемнѣло, зажгли ихъ. Потапъ Максимычъ вытащилъ изъ саней большую кожаную кису, выпулъ изъ нея хлѣба, пироговъ, квашеной капусты и мѣдный кувшинъ съ квасомъ. Устроили постную трапезу; тюри съ лукомъ накрошили, капусты съ квасомъ, грибовъ соленыхъ. Хоть не вкусно, да здорово поужинали.

Ночь надвигалась. Красное зарево костровъ, освѣщая низину лѣса, усиливало мракъ въ его вершинахъ и по сторо-

намъ. Съ трескомъ горѣвшихъ вѣтвей ельника и фырканьемъ лошадей смѣшались лѣсные голоса... Ровно плачущій ребенокъ, запищалъ гдѣ-то сычъ, и потомъ вдали послышался тоскливый крикъ, будто человѣкъ въ отчаянномъ бореньи со смертью зоветъ къ себѣ на помощь: то были крики пугача (филина)... Поближе завозилась въ вершинѣ сосны векша, проснувшаяся отъ необычайнаго свѣта; едва слышно перепрыгнула она на другое дерево, потомъ на третье, и такъ дальше и дальше отъ людей и пылавшихъ костровъ... Чуть стихло, и вотъ уже доносится издали легкій хрустъ валежника: то кровожадная куница осторожно пробирается изъ своего дупла къ дереву, гдѣ задремалъ глухой красноглазый тетеревъ. Еще минута тишины, и въ вершинѣ раздался отрывистый, жалобный крикъ птицы, хлопанье крыльевъ, и затѣмъ все смолкло: куница поймала добычу и пьетъ горячую кровь изъ перекушеннаго горла тетерева. Опять тишь, опять глубокое безмолвіе, и вдругъ слышится точно кошачье прысканье: это рысь, привлеченная изъ чащи чутьемъ, заслышавшимъ присутствіе лакомаго мяса въ видѣ лошадей Потапа Максимыча. Но огонь не допускалъ близко звѣря, и вотъ рысь сердится, мурлычетъ, прыскаетъ, съ досадой сверкая круглыми зелеными глазами, и прядетъ кисточками на концахъ высокихъ, прямыхъ ушей... Опять тишь; вдругъ либо заверещитъ бѣдный зайчишка, попавшійся въ зубы хищной лисѣ, либо завозится что-то въ вѣтвяхъ: это сова поймала спавшаго рябчика... Лѣсные обитатели живутъ не по-нашему — обѣдаютъ по ночамъ...

Но вотъ вдали, за версту или больше, заслышался вой, ему откликнулся другой, третій; вой все ближе и ближе. Смолкъ, и послышалось пряданье звѣрей по насту, ворчанье, стукъ зубовъ... Ни одинъ звукъ не пропадаетъ въ лѣсной тиши.

— Волки!—боязно прошепталъ Потапъ Максимычъ, толкая въ бокъ задремавшаго Стуколова.

Дюковъ и работники давно уже спали крѣпкимъ сномъ.

— А?.. Что?..—промычалъ, приходя въ себя, Стуколовъ.— Что ты говоришь?

— Слышишь? Воютъ, — говорилъ смутившійся Потапъ Максимычъ.

— Да, воютъ... — равнодушно отвѣчалъ Стуколовъ.— Экъ, ихъ что тутъ!

— Бѣда! — шопотомъ промолвилъ Потапъ Максимычъ.

Зимой въ лѣсу. *В. В. Переплетчиковъ.*

— Какая же бѣда? Никакой бѣды нѣтъ... А вотъ побольше огня надо... Эй вы, ребята!—крикнулъ онъ работникамъ.

— Проснитесь! Эка заспались!.. Вали на костры больше.

Работники встали неохотно и вмѣстѣ съ Стуколовымъ и съ самимъ Потапомъ Максимычемъ навалили громадные костры. Огонь сталъ было слабѣе; но вотъ заиграли пламенные языки по хвоѣ, и зарево разлилось по лѣсу пуще прежняго.

— Видимо-невидимо!..—говорилъ оторопѣвшій Потапъ Максимычъ, слыша со всѣхъ сторонъ волчьи голоса.

Звѣрей уже можно было видѣть. Освѣщенные заревомъ, они сидѣли кругомъ, пощелкивая зубами. Видно, въ самомъ дѣлѣ, они справляли именины звѣринаго царя...

— Ничего, — успокоивалъ Стуколовъ, — огонь бы только не переводился. То ли еще бываетъ въ сибирскихъ тайгахъ...

Въ самомъ дѣлѣ, волки никакъ не смѣли близко подойти къ огню, хоть ихъ голодныхъ и сильно тянуло къ лошадямъ, а, пожалуй, и къ людямъ.

— Эхъ, ружья-то нѣтъ: пугнулъ бы сѣрыхъ, — молвилъ Стуколовъ.

— Молчи ты, какое тутъ еще ружье! Того и гляди сожрутъ...—тревожно говорилъ Потапъ Максимычъ. — Глянь-ка, глянь-ка, со всѣхъ сторонъ навалило!.. Ахъ ты, Господи, Господи!.. Знать бы да вѣдать, ни за что бы не поѣхалъ...

А волки все близятся; было ихъ до пятидесяти, коли не больше. Смѣлость звѣрей росла съ каждой минутой: не дальше, какъ въ трехъ саженяхъ, сидѣли они вокругъ костровъ, щелкали зубами и завывали. Лошади давно покинули торбы съ лакомымъ овсомъ, жались въ кучу и, прядая ушами, тревожно озирались. У Потапа Максимыча зубъ на зубъ не попадалъ; вездѣ и всегда безстрашный, онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Растолкали Дюкова; тотъ потянулся въ своей лисьей шубѣ, зѣвнулъ во всю сласть и, оглянувшись, промолвилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ:

— Волки никакъ!

Безъ малаго часъ времени прошелъ, а путники все еще сидѣли въ осадѣ. До свѣту оставаться въ такомъ положеніи было нельзя: тогда, пожалуй, и костры не помогутъ, да не хватитъ и заготовленнаго валежника и хвороста на поддержаніе огня. Но Стуколовъ, человѣкъ бывалый, не даромъ

много ходилъ по бѣлу свѣту. Когда волки были уже настолько близко, чтс до любого изъ нихъ палкой можно было добросить, онъ разставилъ спутниковъ своихъ по мѣстамъ и велѣлъ, по его приказу, разомъ бросать въ волковъ изо всей силы горящія лапы.

— Разъ... два... три!.. — крикнулъ Стуколовъ, и горящія лапы полетѣли къ звѣрямъ.

Тѣ отскочили и сѣли подальше, щелкая зубами и огрызаясь.

— Разъ... два... три!.. — онъ крикнулъ опять и, выступивъ за костры, путники еще пустили въ стадо по горящей лапѣ.

Завыли звѣри; но когда Стуколовъ, схвативъ чуть не саженную пылающую лапу, бросился съ нею впередъ, волки порскнули вдаль, а черезъ нѣсколько минутъ ихъ не было слышно.

— Теперь не прибѣгутъ, — молвилъ Стуколовъ, надѣвая шубу и укладываясь въ сани.

— Дошлый же ты человѣкъ, Якимъ Прохорычъ, — молвилъ Потапъ Максимычъ, когда опасность миновала. — Не будь тебя, сожрали бы насъ.

Стуколовъ не отвѣчалъ. Завернувшись съ головой въ шубу, онъ заснулъ богатырскимъ сномъ.

А. Печерскій.

Роща и огонь.

Съ разборомъ выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ, —
Она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истину понять еще яснѣй,
Послушай басенки моей.

———

Зимою огонекъ подъ рощей тлился;
Какъ видно, тутъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ отъ часу огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ; огонь мой чуть горитъ,
И, видя свой конецъ, такъ рощѣ говоритъ:
«Скажи мнѣ, роща дорогая!
За что твоя такъ участь жестока,
Что на тебѣ не видно ни листка,

И мерзнешь ты, совсѣмъ нагая?»
— «Затѣмъ, что, вся въ снѣгу,
Зимой ни зеленѣть ни цвѣсть я не могу»,
Огню такъ роща отвѣчаетъ.
«Бездѣлица! — огонь ей продолжаетъ. —
Лишь подружись со мной; тебѣ я помогу.
Я солнцевъ братъ, и зимнею порою
Чудесъ не меньше солнца строю.
Спроси въ теплицахъ объ огнѣ:
Зимой, когда кругомъ и снѣгъ и вьюга вѣетъ,
Тамъ все или цвѣтетъ, иль зрѣетъ,
А все за все спасибо мнѣ.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю;
Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.
Какъ здѣсь оно спесиво ни блистало,
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ;
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
Такъ если зеленѣть желаешь ты зимою,
Какъ лѣтомъ и весною,
Дай у себя мнѣ уголокъ!»
Вотъ дѣло слажено; ужъ въ рощѣ огонекъ
Становится огнемъ; огонь не дремлетъ:
Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ;
Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю рощу вдругъ объемлетъ.
Погибло все въ конецъ, — и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.
И нечему дивиться:
Какъ дереву съ огнемъ дружиться?

И. Крыловъ.

Крестьянинъ и кляча.

«Ну, кляча скверная... опять ты стала!
(Филатъ такъ клячѣ говорилъ
Въ лѣсу, гдѣ дровъ онъ пропасть нарубилъ
И возъ престрашный навалилъ).
И съ мѣста не сошла еще, уже устала.
Дворянка!.. я тебѣ вотъ дамъ...»

При словѣ томъ схватилъ Филатъ мой хворостину,
И ею ну возить онъ бѣдную скотину
И по спинѣ и по бокамъ...
Упала кляча на колѣни,
Какъ будто милости хотѣла попросить.
Филатъ неумолимъ, терпѣть не можетъ лѣни,
И продолжаетъ бить.
Приподнялась она тутъ кое-какъ на ноги
И черезъ силу потащила возъ.
«Ну, ну! плетись! легко вѣдь: вишь, морозъ...»
Но кляча стала вдругъ опять среди дороги
И далѣе нейдетъ.
Опять ее Филатъ съ плеча дубиной бьетъ:
Упала бѣдная и не встаетъ,
Лежитъ не шевелится...
Филатъ, примѣтя то, дивится —
Глядитъ, а кляча умерла!..
Какъ взвоетъ мой мужикъ: «Одна лишь и была
Лошадушка — и та вотъ пала!
Пропала голова моя теперь, пропала!..
Чѣмъ прогнѣвилъ Тебя, о Господи, Филатъ?..»
А кто же, какъ не самъ, бездѣльникъ, виноватъ?

А. Измайловъ.

Крестьянинъ и смерть.

Набравъ валежнику порой холодной, зимней,
Старикъ, изсохшій весь отъ нужды и трудовъ,
Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
Кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.
Несъ, несъ онъ ихъ и утомился,
Остановился,
На землю съ плечъ спустилъ дрова долой,
Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ и думалъ самъ съ собой:
«Куда я бѣденъ, Боже мой!
Нуждаюся во всемъ; къ тому жъ жена и дѣти,
А тамъ подушное, боярщина, оброкъ...
И выдался ль когда на свѣтѣ
Хотя одинъ мнѣ радостный денекъ?»
Въ такомъ уныніи, на свой пеняя рокъ,

Зоветъ онъ смерть; она у насъ не за горами,
А за плечами:
Явилась вмигъ
И говоритъ: «Зачѣмъ ты звалъ меня, старикъ?»
Увидѣвши ея свирѣпую осанку,
Едва промолвить могъ бѣднякъ, оторопѣвъ:
«Я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,
Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку».

Изъ басни сей
Намъ видѣть можно,
Что какъ бываетъ жить ни тошно,
А умирать еще тошнѣй.

И. Крыловъ.

Катанье съ горы.

Наконецъ переломилась жестокая зима, и унялись трескучіе морозы. Начало пригрѣвать солнышко, начала лосниться дорога, пришла масленица, и началось катанье съ горъ. Въ общественныхъ катаньяхъ, къ сожалѣнію моему, мать не позволила мнѣ участвовать, и, только катаясь съ сестрицей, а иногда и съ маленькимъ братцемъ, проѣзжая мимо, съ завистью посматривалъ я на толпу деревенскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые, раскраснѣвшись отъ движенія и холода, смѣло летѣли съ высокой горы, прямо отъ гумна, на маленькихъ салазкахъ, конькахъ и ледянкахъ (ледянки были не что иное, какъ старыя рѣшота или круглыя лубочныя лукошки, подмороженныя снизу такъ же, какъ и коньки). Шумный говоръ и смѣхъ раздавался въ бодрой, веселой толпѣ, когда летѣли вверхъ ногами наѣздники съ высокихъ коньковъ, или, быстро вертясь, опрокидывалась ледянка съ какой-нибудь дѣвчонкой, которая начинала визжать задолго до крушенія своего экипажа. Какъ мнѣ хотѣлось туда, въ этотъ шумъ, говоръ и смѣхъ... и какъ послѣ этого зрѣлища казалось мнѣ скучнымъ уединенное катанье съ ледяной горки, устроенной въ саду, передъ окнами въ гостиной, и только одно меня утѣшало, что моя милая сестрица каталась вмѣстѣ со мною.

С. Аксаковъ.

Весна.

Чистый понедѣльникъ.

На масленицѣ мы славно повеселились: и съ горъ покатались и блиновъ поѣли. Было шумно и весело: зато сегодня — какая тишина въ домѣ и на улицахъ! Только слышенъ печальный и протяжный благовѣстъ. Мамаша и бабушка надѣли темныя платья и собираются говѣть. Приходилъ священникъ: прочелъ молитву и поздравилъ всѣхъ съ Великимъ постомъ.

Въ воздухѣ уже пахнетъ весною. Въ полдень солнышко замѣтно пригрѣваетъ; съ крышъ свѣсились брильянтовыя сосульки, снѣгъ рыхлѣетъ, въ саду показываются проталинки. Какъ бы мнѣ хотѣлось знать: будетъ ли Пасха на снѣгу или на зеленой травкѣ? Ученья всего шесть недѣль; на седьмую насъ распустятъ. Надя и Вѣра уже начали собирать цвѣтныя тряпочки для писанокъ. Раненько, мои милыя!

К. Ушинскій.

Весной.

Съ земли еще не сошелъ снѣгъ, а въ душу уже просится весна. Если вы когда-нибудь выздоравливали отъ тяжелой болѣзни, то вамъ извѣстно блаженное состояніе, когда замираешь отъ смутныхъ предчувствій и улыбаешься безъ всякой причины. Повидимому, такое же состояніе переживаетъ теперь и природа.

Земля холодна, грязь со снѣгомъ хлюпаетъ подъ ногами, но какъ кругомъ все весело, ласково, привѣтливо! Воздухъ такъ ясенъ и прозраченъ, что если взобраться на голубятню или на колокольню, то, кажется, увидишь всю вселенную отъ края до края. Солнце свѣтитъ ярко, и лучи его, играя и улыбаясь, купаются въ лужахъ вмѣстѣ съ воробьями. Рѣчка наду-

вается и темнѣетъ; она уже проснулась и не сегодня—завтра заревѣтъ. Деревья голы, но уже живутъ, дышатъ.

Въ такое время хорошо гнать метлой или лопатой грязную воду въ канавахъ, пускать по водѣ кораблики или долбить каблуками упрямый ледъ. Хорошо также гонять голубей подъ самую высь поднебесную или лазить на деревья и привязывать тамъ скворечни.

Да, все хорошо въ это счастливое время года.

А. Чеховъ.

Пробужденіе.

Увидало солнце ясное
Съ неба синяго высокаго,
Что идетъ весна прекрасная
Съ юга пышнаго далекаго.
И отъ солнца вѣсть веселая
Долетѣла въ утро нѣжное
На поля глухія, снѣжныя,
Гдѣ царили сны тяжелые.
Лучъ, упавшій съ неба чистаго,
Растопилъ снѣжинки бѣлыя,
И изъ снѣга изъ сквозистаго
Побѣжали струйки смѣлыя.
Эти струйки серебристыя,
Золотымъ лучомъ рожденныя,
Вѣсти, съ неба принесенныя,
Отнесли въ ручьи змѣистые.
И весеннимъ шумомъ радостнымъ
Всѣ овражки огласилися:
«Долго мы въ цѣпяхъ томилися.
Прочь неволю съ гнетомъ тягостнымъ!..»
Отъ ручьевъ до рѣкъ домчалися
Вѣсти свѣтлыя, веселыя.
Рѣки съ шумомъ взволновалися
И сломали льды тяжелые.
Тщетно власть вернуть старается
Вновь зима безсильно-блѣдная.
Съ каждымъ мигомъ пѣснь побѣдная
Громче, дальше разливается...

В. Смирновъ.

Мотъ и ласточка.

Какой-то молодецъ,
Въ наслѣдство получа богатое имѣнье,
Пустился въ мотовство, и при большомъ радѣньѣ
Спустилъ все чисто; наконецъ
Съ одною шубой онъ остался,
И то лишь для того, что было то зимой:
Такъ онъ морозовъ побоялся.
Но, ласточку увидя, малый мой
И шубу промоталъ. Вѣдь это всѣ, чай, знаютъ,
Что ласточки къ намъ прилетаютъ
Передъ весной;
Такъ въ шубѣ, думалъ онъ, нѣтъ нужды никакой:
Къ чему въ ней кутаться, когда во всей природѣ
Къ весенней клонится, пріятной все погодѣ,
И въ сѣверную глушь морозы загнаны?—
Догадки малаго умны;
Да только онъ забылъ пословицу въ народѣ,
Что ласточка одна не дѣлаетъ весны.
И подлинно: опять отколь взялись морозы,
По снѣгу хрупкому скрипятъ обозы,
Изъ трубъ столбами дымъ, въ оконницахъ стекло
Узорами заволокло.
Отъ стужи малаго прошибли слезы;
И ласточку свою, предтечу теплыхъ дней,
Онъ видитъ на снѣгу замерзшую. Тутъ къ ней,
Дрожа, насилу могъ онъ вымолвить сквозь зубы:
«Проклятая! сгубила ты себя,
А, понадѣясь на тебя,
И я теперь не во-время безъ шубы!

И. Крыловъ.

Встрѣча весны.

Это было въ концѣ марта, передъ Благовѣщеніемъ. Мнѣ пришлось переѣзжать одну изъ главныхъ рѣкъ Россіи. Ледъ еще не тронулся по ней, но какъ будто вспухъ и потемнѣлъ: четвертый день стояла оттепель. Снѣгъ таялъ кругомъ дружно, но тихо; вездѣ сочилась вода; въ рыхломъ воздухѣ бродилъ

беззвучный вѣтеръ. Одинъ и тотъ же ровный, молочный цвѣтъ обливалъ землю и небо; тумана не было, но не было и свѣта; ни одинъ предметъ не выдѣлялся на общей бѣлизнѣ; все казалось и близкимъ и яснымъ...

Оставивъ кибитку далеко назади, я быстро шелъ по льду рѣчному и, кромѣ глухого стука собственныхъ шаговъ, не слышалъ ничего; я шелъ, со всѣхъ сторонъ охваченный первымъ млѣніемъ и вѣяніемъ ранней весны... и понемногу, прибавляясь съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ движеніемъ впередъ, поднималась и росла во мнѣ какая-то радостная, непонятная тревога... Она увлекала, она торопила меня, и такъ сильны были ея порывы, что я остановился, наконецъ, въ изумленіи и вопросительно посмотрѣлъ вокругъ, какъ бы желая отыскать внѣшнюю причину моего восторженнаго состоянія... Все было тихо, бѣло, сонно, но я поднялъ глаза: высоко въ небѣ неслись станицей прилетныя птицы... «Весна! Здравствуй, весна!— закричалъ я громкимъ голосомъ. — Здравствуй, жизнь и счастье!..».

И. Тургеневъ.

Весна идетъ.

Конецъ приходитъ долгой зимѣ. Прибавились значительно дни. Ярче, прямѣе стали солнечные лучи и сильно пригрѣваютъ въ полдень. Потемнѣла бѣлая пелена снѣга, и почернѣли дороги. Вода показалась на улицахъ. Уже мартъ на исходѣ, и апрѣль на дворѣ. Прилетная птица начинаетъ понемногу показываться. Грачи, губители высокихъ, старыхъ деревьевъ, красоты садовъ и парковъ, прилетѣли первые и заняли свои обыкновенныя лѣтнія квартиры—самыя лучшія березовыя и осиновыя рощи. Уже начали заботливые хозяева оправлять свои старыя гнѣзда новымъ матеріаломъ, ломая для того крѣпкими бѣловатыми носами верхніе побѣги древесныхъ вѣтвей. Далеко слышенъ ихъ громкій, докучный крикъ, когда ввечеру, послѣ дневныхъ трудовъ, разсядутся они всѣмъ соборомъ, всегда попарно, и какъ будто начнутъ совѣщаться о будущемъ житьѣ-бытьѣ.

Воздухъ становится теплѣе и влажнѣе. Апрѣль беретъ свое: вездѣ лужи, вездѣ бѣгутъ мутные ручьи. Наконецъ наступаетъ совершенная ростепель: юго-западный теплый вѣтеръ такъ и съѣдаетъ снѣгъ, насыщенный дождемъ. Много

Оттепель. *Ѳ. А. Васильевъ.*

оттаяло земли, особенно по высокимъ мѣстамъ, на полдневномъ солнечномъ пригрѣвѣ. Картина перемѣнилась: уже на черной скатерти полей кое-гдѣ виднѣются бѣлыя пятна и полосы снѣжныхъ сувоевъ. Посинѣли отъ воды, надулись овраги, взыграли и сошли. Переполнилась рѣка, подняла въ пруду ледъ, вышла изъ береговъ и разлилась по низменнымъ мѣстамъ; наступило водополье.

С. Аксаковъ.

Весна.

Ужъ таетъ снѣгъ, бѣгутъ ручьи,
Въ окно повѣяло весною...
Засвищутъ скоро соловьи,
И лѣсъ одѣнется листвою!
Чиста небесная лазурь,
Теплѣй и ярче солнце стало;
Пора метелей злыхъ и бурь
Опять надолго миновала.
И сердце сильно такъ въ груди
Стучитъ, какъ будто ждетъ чего-то,
Какъ будто счастье впереди,
И унесла зима заботы!
Всѣ лица весело глядятъ.
«Весна!»—читаешь въ каждомъ взорѣ,
И тотъ, какъ празднику, ей радъ,
Чья жизнь — лишь тяжкій трудъ и горе.
Но рѣзвыхъ дѣтокъ звонкій смѣхъ
И беззаботныхъ птичекъ пѣнье
Мнѣ говорятъ, кто больше всѣхъ
Природы любитъ обновленье.

А. Плещеевъ.

Вскрытіе рѣки.

Одно изъ любимыхъ удовольствій русскаго народа—смотрѣть на разливъ полой воды. «Рѣка тронулась...» передается изъ устъ въ уста, и все село, отъ мала до велика, выхлынетъ на берегъ, какова бы ни была погода,—и долго-долго стоятъ пестрыя, кое-какъ одѣтыя толпы, смотрятъ, любуются, сопровождая каждое движеніе льда своими предположеніями или веселыми возгласами. Даже въ городахъ, напримѣръ, въ Мо-

сквѣ, когда тронется мелководная Москва-рѣка, всѣ ея берега и мосты бываютъ усыпаны народомъ; одни смѣняются другими, и цѣлый день толпы зрителей, перевѣсившись черезъ перила мостовъ, черезъ рѣшетки набережной, глядятъ—не наглядятся на свою пополнѣвшую Москву-рѣку, которая въ водополье, дѣйствительно, похожа на порядочную рѣку.

Въ самомъ дѣлѣ, видъ большой тронувшейся рѣки представляетъ въ это время года не только величественное, но и странное и поразительное зрѣлище. Около полугода рѣка какъ будто не существовала: она была продолженіемъ снѣжныхъ сугробовъ и дорогъ, проложенныхъ по ихъ поверхности. По рѣкѣ ходили, ѣздили и скакали, какъ по сухому мѣсту, и почти забыли про ея существованіе, и вдругъ—широкая полоса этого твердаго, неподвижнаго снѣжнаго пространства пошевелилась, откололась и пошла... пошла со всѣмъ, что на ней находилось въ то время: съ обледенѣвшими прорубями, навозными кучами, вѣхами и почернѣвшими дорогами, со скотомъ, который случайно бродилъ по ней, а иногда и съ людьми!

Спокойно и стройно, сначала сопровождаясь глухимъ, но грознымъ и зловѣщимъ шумомъ и скрипомъ, плыветъ снѣжная, ледяная, безконечная, громадная змѣя. Скоро начинаетъ она трескаться и ломаться, и выпираемыя синія ледяныя глыбы встаютъ на дыбы, какъ будто сражаясь одна съ другою, треща и сокрушаясь и продолжая плыть. Потомъ льдины становятся мельче, рѣже, исчезаютъ совсѣмъ... Рѣка прошла!.. Освобожденная отъ полугодового плѣна мутная вода, постепенно прибывая, переходитъ края береговъ и разливается по лугамъ.

С. Аксаковъ.

Крестьяне и рѣка.

Крестьяне, вышедъ изъ терпѣнья
Отъ разоренья,
Что рѣчки имъ и ручейки
При водопольѣ причиняли,
Пошли просить себѣ управы у рѣки,
Въ которую ручьи и рѣчки тѣ впадали.
И было что на нихъ донесть:
Гдѣ озими разрыты;
Гдѣ мельницы посорваны и смыты;
Потоплено скота, что и не счесть!

А та рѣка течетъ такъ смирно, хоть и пышно
На ней стоятъ большіе города,
И никогда
За ней такихъ проказъ не слышно:
Такъ, вѣрно, ихъ она уйметъ,
Между собой крестьяне разсуждали.
Но что жъ? Какъ подходить къ рѣкѣ поближе стали
И посмотрѣли, такъ узнали,
Что половину ихъ добра по ней несетъ.
Тутъ, попусту не заводя хлопотъ,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Потомъ взглянулись межъ собой,
И, покачавши головой,
Пошли домой;
А отходя проговорили:
«На что и время тратить намъ!
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ».

И. Крыловъ.

Весеннія воды.

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ и блещутъ и гласятъ...

Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ, весна идетъ!
Мы молодой весны гонцы,
Она насъ выслала впередъ!»

Весна идетъ, весна идетъ!
И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней.

Ѳ. Тютчевъ.

Весна.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа,
Сквозь сонъ, встрѣчаетъ утро года;
Синѣя блещутъ небеса.
Еще прозрачные лѣса,

Какъ будто, пухомъ зеленѣютъ;
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой;
Долины сохнутъ и пестрѣютъ,
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

А. Пушкинъ.

Зайчики.

Я разъ за дровами
Въ лодкѣ поѣхалъ—ихъ много съ рѣки
Къ намъ половодье весной нагоняетъ—
Ѣду, ловлю ихъ. Вода прибываетъ.
Вижу—одинъ островокъ небольшой,
Зайцы на немъ собралися гурьбой.
Съ каждой минутой вода подбиралась
Къ бѣднымъ звѣркамъ! Ужъ подъ ними осталось
Меньше аршина земли въ ширину,
Меньше сажени въ длину.
Тутъ я подъѣхалъ: лопочутъ ушами,
Сами ни съ мѣста; я взялъ одного,
Прочимъ скомандовалъ: «Прыгайте сами!»
Прыгнули зайцы мои,—ничего.
Только усѣлась команда косая,
Весь островочекъ пропалъ подъ водой.
«То-то,—сказалъ я,—не спорьте со мной;
Слушайтесь, зайчики, дѣда Мазая!»
Этакъ гуторя, плывемъ въ тишинѣ.
Столбикъ, не столбикъ—зайчишка на пнѣ,
Лапки скрестивши, стоитъ горемыка.
Взялъ и его—тягота не велика!
Мимо бревно суковатое плыло:
Сидя и стоя и лежа пластомъ,
Зайцевъ съ десятокъ спасалось на немъ.
«Взялъ бы я васъ, да потопите лодку!»
Жаль ихъ, однако, да жаль и находку—
Я зацѣпился багромъ за сучокъ
И за собою бревно поволокъ...
Было потѣхи у бабъ, ребятишекъ,
Какъ прокатилъ я деревней зайчишекъ:

«Глянь-ка, что дѣлаетъ старый Мазай!»
Ладно, любуйся, а намъ не мѣшай!
Мы за деревней въ рѣкѣ очутились.
Тутъ мои зайчики точно взбѣсились:
Смотрятъ, на заднія лапки встаютъ,
Лодку качаютъ, грести не даютъ:
Берегъ завидѣли плуты косые,
Озимь и рощу и кусты густые!
Къ берегу плотно бревно я пригналъ,
Лодку причалилъ и «съ Богомъ!» сказалъ.
И во весь духъ
Пошли зайчишки,
А я имъ: «У-ухъ!
Живѣй, звѣришки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чуръ зимой
Не попадайся!
Прицѣлюсь—бухъ!
И ляжешь... Ууу-хъ!»

Н. Некрасовъ.

Приходъ весны.

Весна долго не открывалась. Послѣднія недѣли поста стояла ясная морозная погода. Днемъ таяло на солнцѣ, а ночью доходило до семи градусовъ; настъ былъ такой, что на возахъ ѣздили безъ дороги. Пасха была на снѣгу.

Потомъ, вдругъ на второй день Святой понесло теплымъ вѣтромъ, надвинулись тучи, и три дня и три ночи лилъ бурный и теплый дождь. Въ четвергъ вѣтеръ затихъ, и надвинулся густой сѣрый туманъ, какъ бы скрывая тайны совершавшихся въ природѣ перемѣнъ. Въ туманѣ полились воды, затрещали и сдвинулись льдины, быстрѣе двинулись мутные, вспѣнившіеся потоки, и на самую Красную Горку съ вечера разорвался туманъ, тучи разбѣжались барашками, прояснѣло, — и открылась настоящая весна.

На утро поднявшееся яркое солнце быстро съѣло тонкій ледокъ, подернувшій воды, и весь теплый воздухъ задрожалъ отъ наполнившихъ его испареній ожившей земли. Зазеленѣла

В е с н а. И. С. Остроуховъ.

старая и вылѣзающая иглами молодая трава, надулись почки калины, смородины и липкой спиртовой березы, и на обсыпанной золотымъ цвѣтомъ лозинѣ загудѣла выставленная облетавшаяся пчела.

Залились невидимые жаворонки надъ бархатомъ зеленей и обледенѣвшимъ жнивьемъ, заплакали чибисы надъ налившимися бурою, неубравшеюся водой низами и болотами, и высоко пролетѣли съ весеннимъ гоготаньемъ журавли и гуси. Заревѣла на выгонахъ облѣзшая, только мѣстами еще неперелинявшая скотина; заиграли кривоногіе ягнята вокругъ теряющихъ волну блеющихъ матерей; побѣжали быстроногіе ребята по просыхающимъ съ отпечатками босыхъ ногъ тропинкамъ; затрещали на пруду веселые голоса бабъ съ холстами, и застучали по дворамъ топоры мужиковъ, налаживающихъ сохи и бороны. Пришла настоящая весна.

Л. Толстой.

Весна.

Весна, весна! И все ей радо;
Какъ въ забытьи какомъ стоишь
И слышишь свѣжій запахъ сада
И теплый запахъ талыхъ крышъ.
Кругомъ вода журчитъ, сверкаетъ,
Крикъ пѣтуховъ звучитъ порой,
А вѣтеръ, мягкій и сырой,
Глаза тихонько закрываетъ.

И. Бунинъ.

Весна.

Голубенькій, чистый
Подснѣжникъ цвѣтокъ!
А подлѣ сквозистый
Послѣдній снѣжокъ...

Послѣднія слезы
О горѣ быломъ —
И первыя грезы
О счастьи иномъ...

А. Майковъ.

Весна.

Первый громъ прогремѣлъ. Яркій блескъ въ синевѣ.
Въ тепломъ воздухѣ пѣсни и нѣга;
Голубые цвѣтки въ прошлогодней травѣ
Показались на свѣтъ изъ-подъ снѣга.

Пригрѣваются стекла лучомъ золотымъ;
Вербы почки свои распустили;
И съ надворья гнѣздо, надъ окошкомъ моимъ,
Сизокрылые голуби свили.

Чуть окрасится небо полоской огня,
И сквозь стекла разсвѣтъ забѣлѣетъ, —
Воркотнею своей они будятъ меня:
Посмотри, молъ, какъ зорька алѣетъ.

И. Никитинъ.

Весеннее утро.

День былъ чудный. На небѣ ни облачка; солнце, обливая мягкою теплотою оттаявшую землю, горѣло какъ то празднично. Птицы весело щебетали въ тихомъ, едва движущемся воздухѣ. Хотя на деревьяхъ не было еще листьевъ, — только что начинали завязываться почки, покрытыя клейкимъ пахучимъ лакомъ, — хотя луга, устланные иломъ, представляли еще темноватую однообразную площадь, — со всѣмъ тѣмъ и луга и деревья, затопленные желтымъ лучезарнымъ свѣтомъ весенняго утра, глядѣли необыкновенно радостно. Уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ солнце сильнѣе припекало въ полдень, пласты ила совсѣмъ пересохли. Сквозь рыхлую ихъ поверхность, изрѣзанную безчисленнымъ множествомъ мелкихъ трещинъ и приподнятую, какъ скорлупа, начинали пробиваться кое-гдѣ желтые, розовые и красные, какъ кровь, стебельки цикорія. Легкій вѣтерокъ, срывавшійся иногда съ озеръ, окруженныхъ купами ольхи, орѣшника и ветлы, разливалъ въ воздухѣ запахъ сырой лѣсистой почвы. Тамъ, подъ влажною тѣнью кустовъ, листъ ландыша уже развертывалъ свою блѣдно-голубую головку надъ темными, мшистыми ворохами прошлогодняго валежника. Все возвѣщало весну: и темно-лазоревый цвѣтъ неба, и пѣсни птицъ, и запахъ почекъ, и мягкая, проникающая теплота воздуха...

Д. Григоровичъ.

Весна.

Уходи, зима сѣдая!
Ужъ красавицы-весны
Колесница золотая
Мчится съ горней вышины!

Старой спорить ли, тщедушной,
Съ ней, царицею цвѣтовъ,
Съ цѣлой арміей воздушной
Благовонныхъ вѣтерковъ!

А что шума, что гудѣнья,
Теплыхъ ливней и лучей,
И чиликанья, и пѣнья!..
Уходи себѣ скорѣе!
У нея не лукъ, не стрѣлы,
Улыбнулась лишь — и ты,
Подобравъ свой саванъ бѣлый,
Поползла въ оврагъ, въ кусты!..
Да найдутъ и по оврагамъ!
Вонъ ужъ пчелъ рои шумятъ,
И летитъ побѣднымъ флагомъ
Пестрыхъ бабочекъ отрядъ!

А. Майковъ.

Пчелы.

«Натко медку! съ короваемъ покушай,
Притчу про пчелокъ послушай!
Нынче не въ мѣру вода разлилась.
Думали, — просто идетъ наводненіе,
Только и сухо, что наше селеніе
По огороды, гдѣ ульи у насъ.
Пчелка осталась водой окруженная,
Видитъ и лѣсъ и луга вдалекѣ,
Ну — и летитъ, ничего налегкѣ!
А какъ назадъ полетитъ нагруженная,
Силъ не хватаетъ у милой... Бѣда!
Пчелами вся запестрѣла вода.
Тонутъ работницы, тонутъ сердечныя!..
Горю помочь мы не чаяли, грѣшные;
Не догадаться самимъ бы вовѣкъ!
Да нанесло человѣка хорошаго,
Подъ Благовѣщенье помнишь прохожаго?
Онъ надоумилъ — Христовъ человѣкъ!
Слушай, сынокъ, какъ мы пчелокъ избавили.
Я при прохожемъ тужилъ-тосковалъ.
«Вы бы имъ до суши вѣхи поставили» —
Это онъ слово сказалъ!
Вѣришь: чуть первую вѣху зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Такъ и валятъ и валятъ отдыхать!
Какъ богомолки у церкви на лавочкѣ,
Сѣли — сидятъ.
На бугрѣ-то ни травочки,
Ну, а въ лѣсу и въ поляхъ благодать:
Пчелкамъ не страшно туда залетать.

Птицеловъ. *В. Г. Перовъ.*

Все отъ единаго слова хорошаго!
Кушай на здравіе; будемъ съ медкомъ.
Благослови Богъ прохожаго!»
Кончилъ мужикъ, осѣнился крестомъ;
Медъ съ короваемъ парнишка докушалъ,
Тятину притчу тѣмъ часомъ прослушалъ,
И за прохожаго низкій поклонъ
Господу Богу отвѣсилъ и онъ.

Н. Некрасовъ.

Муха и пчела.

Въ саду весной, при легкомъ вѣтеркѣ,
На тонкомъ стебелькѣ
Качалась муха, сидя,
И, на цвѣткѣ пчелу увидя,
Спесиво говоритъ: «Ужъ какъ тебѣ не лѣнь
Съ утра до вечера трудиться цѣлый день!
На мѣстѣ бы твоемъ я въ сутки захирѣла.
Вотъ, напримѣръ, мое
Такъ, право, райское житье!
За мною лишь и дѣла—
Летать по баламъ, по гостямъ:
И молвить, не хвалясь, мнѣ въ городѣ знакомы
Вельможъ и богачей всѣ домы.
Когда бъ ты видѣла, какъ я пирую тамъ!
Гдѣ только свадьба, именины —
Изъ первыхъ я ужъ вѣрно тутъ,
И ѣмъ съ фарфоровыхъ богатыхъ блюдъ,
И пью изъ хрусталей блестящихъ сладки вины,
И прежде всѣхъ гостей
Беру, что вздумаю, изъ лакомыхъ сластей;
Притомъ же, жалую полъ нѣжный,
Вкругъ молодыхъ красавицъ вьюсь
И отдыхать у нихъ сажусь
На щечкѣ розовой иль шейкѣ бѣлоснѣжной».
—«Все это знаю я, — отвѣтствуетъ пчела,—
Но и о томъ дошли мнѣ слухи,
Что никому ты не мила,
Что на пирахъ лишь морщатся отъ мухи,

Что даже часто, гдѣ покажешься ты въ домъ,
Тебя гоняютъ со стыдомъ».
— «Вотъ,—муха говоритъ:—гоняютъ! что жъ такое?
Коль выгонятъ въ окно, такъ я влечу въ другое».

И. Крыловъ.

Жаворонокъ.

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ·
Въ долинѣ паръ бѣлѣетъ тонкій
И пѣсню раннюю запѣлъ
Въ лазури жаворонокъ звонкій.
Онъ голосисто съ вышины
Поетъ, на солнышкѣ сверкая:
«Весна пришла къ намъ молодая,
Я здѣсь пою приходъ весны;
Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ воздушно;
Весь Божій міръ здѣсь вижу я,
И славитъ Бога пѣснь моя».

В. Жуковскій.

Утро года.

Въ воздухѣ почувствовалось первое дыханіе весны... Для человѣка, любящаго природу и интересующагося ею, начинается чудное, лучшее въ году время, когда можно слѣдить за пробужденіемъ природы. Первая муха на заборѣ, первый рой комаровъ, танцующихъ въ воздухѣ, первая пѣсня жаворонка, донесшаяся до слуха съ лазурной высоты — какъ все это радуетъ, и какъ хочется подѣлиться съ другими этой радостью!.. И хотя каждый годъ все это повторяется въ одномъ и томъ же порядкѣ и, почти, въ одно и то же время, однако никому никогда не надоѣдаетъ; даже, напротивъ, съ годами все какъ-то больше и больше цѣнится это «утро года»...

Первая зеленая травка, первые цвѣты!

Зеленое царство просыпается и шлетъ намъ свои первые, хотя и скромные на видъ, дары. Не знаю, какъ для другихъ, а для меня крошечный букетикъ изъ пяти-шести голубыхъ перелѣсокъ, найденныхъ въ лѣсу въ началѣ апрѣля и поставленныхъ въ рюмкѣ съ водой на письменномъ столѣ, дороже всякаго, даже самаго роскошнаго садоваго букета въ іюлѣ мѣсяцѣ...

Д. Кайгородовъ.

Весна.

Еще лежитъ, бѣлѣясь средь полей,
Послѣднiй снѣгъ и постепенно таетъ,
И въ полдень яркiй солнце вызываетъ
Понѣжиться въ теплѣ своихъ лучей.
Весною пахнетъ. Тѣло лѣнь объемлетъ,
И голова и кружится и дремлетъ.
Люблю я этотъ переходъ: живешь,
Какъ наканунѣ праздника, и ждешь,
Какъ колоколъ пробудитъ гулъ далекiй,
Народъ пойдетъ по улицѣ широкой,
И будетъ радость общая и крикъ,
И пѣсни не умолкнутъ ни на мигъ.
И жду я праздника: вотъ снѣгъ сольется,
Проглянетъ травка нѣжнымъ стебелькомъ,
И ласточка, щебеча, пронесется
Въ гнѣздо, свитое надъ моимъ окномъ
Давнымъ-давно... Я птичку каждый годъ
Встрѣчаю; спрашиваю: гдѣ летала?
Кто любовался ей? какой народъ?
Не въ странѣ ль прекрасной побывала,
Гдѣ небо ясно, вѣчная весна,
Гдѣ море плещетъ, искрясь и синѣя,
И лавровъ гордыхъ тянется аллея?
Далекая волшебная страна!..
И жду я праздника. На вѣткѣ гибкой
Листъ задрожитъ, и будетъ шуменъ лѣсъ,
Запахнетъ ландышъ у корней древесъ;
И будетъ утро съ свѣтлою улыбкой
Вставать прохладно, будетъ жарокъ день
И ясенъ вечеръ, и ночная тѣнь
Когда наляжетъ, будетъ мѣсяцъ темный;
Надъ озеромъ прозрачный паръ взойдетъ,
И соловей до утра пропоетъ.

Н. Огаревъ.

Чародѣйка-весна.

Гдѣ идетъ по землѣ чародѣйка-весна,
Тамъ луга зеленѣютъ пушистые;
Гдѣ роняетъ на землю улыбки она, —
Расцвѣтаютъ фіалки душистыя.
А съ лазурнаго неба веселымъ лучомъ
Нѣжно грѣетъ ихъ солнышко ясное.
Оттого все поетъ и ликуетъ кругомъ
Въ эти дни лучезарно прекрасные.

В. Смирновъ.

Вербное воскресенье.

Вотъ и пролетѣло шесть недѣль поста! Вчера нашу школу распустили. Когда я пришелъ домой, отецъ спросилъ меня: «Когда воскресенье бываетъ въ субботу?» Я не зналъ; а выходитъ, что на Вербной недѣлѣ въ субботу празднуется воскресеніе Лазаря.

Сегодня всѣ наши, кромѣ дѣтей, ходили очень рано къ заутренѣ. Когда мамаша и бабушка воротились домой съ вербами, то нашли насъ еще въ постеляхъ; стали насъ, шутя, вербами бить и приговаривать: «Не я бью, верба бьетъ — вставайте, дѣти, и будьте здоровы!»

Вскочили мы, а у насъ, у каждаго, за кроваткой заткнуто по вербочкѣ съ румянымъ восковымъ херувимчикомъ! Херувимчики были похожи на Надю — такіе же толстушки!

Но вотъ что хорошо! На вербочкахъ уже есть пушистые барашки, а сегодня у насъ выставили первую раму!

К. Ушинскій.

На волю.

Вербный торгъ былъ въ полномъ разгарѣ. Лучи солнца освѣщали пеструю толпу гулявшихъ. Тутъ и тамъ, въ разныхъ концахъ, слышались выстрѣлы изъ дѣтскихъ пистолетовъ, пискъ, крикъ, кудахтанье, и высоко надъ головами, словно готовясь каждую минуту улетѣть въ небо, плавно колыхались гроздья воздушныхъ шаровъ.

Крѣпко сжимая въ кулакѣ гривенникъ, Яша неудержимо стремился къ тому мѣсту, гдѣ расположились торговцы птицами. Ловко прошмыгнувъ подъ локтями прогуливавшейся публики, мальчикъ направился къ замѣченному имъ издали старику въ кацавейкѣ и картузѣ, огромный сизый носъ котораго выдѣлялся изъ цѣлой массы носовъ и виденъ былъ уже издали.

Очутившись подлѣ старика, Яша глазами сталъ искать своего пухляка и нашелъ его въ прежней клѣткѣ, попрежнему грустно сидѣвшимъ на жердочкѣ.

— Дяденька, а дяденька! — заговорилъ мальчикъ, притрогиваясь къ рукаву кацавейки.—Дяденька, что стоитъ птичка?

— Какая тебѣ птичка? — сердито повелъ на него глазами старикъ. — Дороги птички! Тебѣ не по карману! Ишь ты!.. Пострѣлъ!..

— А вотъ эта, сѣренькая... пухлякъ.

— Пухлякъ?

Старикъ презрительно скосилъ глаза на сѣренькую птичку и мозолистыми пальцами освободилъ клѣтку изъ груды другихъ

— Вотъ, вотъ, этотъ самый! — воскликнулъ мальчикъ.

— Эта птичка дешева! Что же съ тебя?.. Давай двугривенный.

— Дяденька, у меня двугривеннаго нѣтъ.

— Нѣтъ, такъ нечего зря лѣзть! Проваливай.

— Дяденька, я ее выпустить хочу.

— Выпустить. Ишь ты!.. Ну, коли на выпускъ, давай пятиалтынный! Птичка хорошая, рѣзвая! — сказалъ старикъ, потряхивая клѣткой и заставляя пухляка дѣлать невозможные прыжки.

— У меня только гривенникъ, дяденька! —плаксивымъ тономъ сказалъ Яша.

— Гривенникъ — не велики деньги! Ну, да ужъ Богъ съ тобой! Бери птицу!

Сердце мальчика забилось отъ радости, когда старикъ засунулъ руку въ клѣтку и, поймавъ пухляка, передалъ его въ дрожавшія Яшины руки. Птичка была такъ мала и такъ худа, что мальчикъ каждую минуту боялся ее раздавить. Съ осторожностью пронеся ее нѣсколько шаговъ, Яша раскрылъ ладонь, давая возможность пухляку вспорхнуть и улетѣть. Но не тутъ-то было! Птичка и не думала улетать. Она преспокойно сидѣла на ладони, отогрѣваясь ея тепломъ. Мальчикъ сдѣлалъ:

Любители соловьевъ.

В. Е. Маковскій.

«шши»,—птичка повернула головку, посмотрѣла на него и осталась сидѣть.

Что было дѣлать? Помня порученіе отнести записку на Петербургскую сторону, мальчикъ прикрылъ ладонь руки, на которой сидѣла птичка, другою ладонью и, свернувъ на Садовую, пошелъ по направленію къ Инженерному замку. Пухлякъ сидѣлъ не шевелясь. По временамъ Яша осторожно приподымалъ ладонь, желая удостовѣриться, жива ли птичка, и каждый разъ видѣлъ, что пухлякъ сидитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало.

«Бѣдный, онъ озябъ,—думалъ мальчикъ.—Вотъ отогрѣется на рукѣ и полетитъ».

Миновавъ Троицкій мостъ и разспросивъ городового, куда итти, Яша направился черезъ Александровскій паркъ. Снѣга нигдѣ не было. Теплый вѣтерокъ мягко шелестилъ гибкими сучьями деревьевъ, на которыхъ готовились развернуться разбухшія почки. По лужайкамъ, кое-гдѣ на пригрѣвѣ, сквозь сухую прошлогоднюю траву пробивалась новая, зеленая, среди которой уже кудрявилась крапива.

Яша присѣлъ отдохнуть на скамейку. Кругомъ не было ни души, только въ отдаленіи мелькали немногіе прохожіе. Солнце ласково грѣло спину мальчика. Онъ вспомнилъ о деревнѣ, объ отцовскомъ домѣ, и ему стало грустно. Вотъ бы теперь уѣхать туда! Какъ тамъ хорошо, привольно! Поди-ка уже пахать начали, огороды раздѣлывать. А мальчишки, поди-ка, по цѣлымъ днямъ на рѣкѣ рыбу ловятъ. Въ полую воду много рыбы, только поспѣвай вытаскивать! И скворцы, поди, прилетѣли, хлопочутъ, гнѣзда вьютъ.

Какая-то птичка чирикнула надъ головою Яши въ вѣтвяхъ старой липы, и мальчикъ почувствовалъ, что пухлякъ зашевелился на его ладони.

«Вотъ теперь попробовать выпустить!» подумалъ Яша и раскрылъ ладонь.

Сѣренькая птичка съ удивленіемъ озиралась вокругъ и вдругъ чирикнула въ отвѣтъ той, которая сидѣла на липѣ. Затѣмъ пухлякъ отряхнулся, вытянулъ маленькую головку и совершенно неожиданно спорхнулъ съ руки на ближайшую вѣтку. Яша поднялъ голову и слѣдилъ съ замираніемъ сердца. Сѣренькая птичка, перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку, поднималась все выше и выше, и все громче и громче становилось ея чири-

канье, словно она благодарила мальчика за дарованную ей свободу. Солнечный лучъ пронизалъ густые сучья дерева, откуда-то прилетѣлъ теплый вѣтерокъ, пахнулъ въ лицо Яши, и мальчикъ увидѣлъ, какъ сѣренькая птичка, достигнувъ верхушки дерева, взмахнула своими маленькими крылышками и потонула въ голубоватой дали неба.

Яша съ восторгомъ и грустью смотрѣлъ ей вслѣдъ.

— На волю! Улетѣла на волю!—шепталъ онъ, и ему казалось, что все вокругъ него шептало это чудное слово: «на волю!..»

Шептались между собою гибкія вѣтви деревьевъ и кустарниковъ, шептала ранняя травка, тоже вырвавшаяся на волю изъ-подъ зимней ледяной коры, чирикали объ этомъ же птицы, и даже маленькія бѣлыя облачка, весело догонявшія другъ дружку въ голубомъ безграничномъ небѣ, казалось, весело шептали тому, кто смотрѣлъ на нихъ:

— За нами, за нами, на волю!

К. Баранцевичъ

Вчера я отворилъ темницу.

Вчера я отворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моей...
Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
Я возвратилъ свободу ей.

Она исчезла, утопая
Въ сіяньи голубого дня,
И такъ запѣла, улетая,
Какъ бы молилась за меня.

Ѳ. Туманскій.

Въ чужбинѣ свято соблюдаю.

Въ чужбинѣ свято соблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.

Я сталъ доступенъ утѣшенью...
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?

А. Пушкинъ.

Легенда.

Былъ у Христа-младенца садъ,
И много розъ взрастилъ Онъ въ немъ;
Онъ трижды въ день ихъ поливалъ,
Чтобъ сплесть вѣнокъ Себѣ потомъ.

Когда же розы расцвѣли,
Дѣтей еврейскихъ созвалъ Онъ;
Они сорвали по цвѣтку,
И садъ былъ весь опустошенъ.

«Какъ Ты сплетешь теперь вѣнокъ?
Въ Твоемъ саду нѣтъ больше розъ!»
— «Вы позабыли, что шипы
Остались мнѣ», сказалъ Христосъ.

И изъ шиповъ они сплели
Вѣнокъ колючій для Него,
И капли крови, вмѣсто розъ,
Чело украсили Его.

А. Плещеевъ.

Спаситель.

Любовью къ ближнимъ пламенѣя,
Народъ смиренью Онъ училъ;
Онъ всѣ законы Моисея
Любви закону подчинилъ.
Не терпитъ гнѣва Онъ ни мщенья,
Онъ проповѣдуетъ прощенье,
Велитъ за зло платить добромъ;
Есть неземная сила въ Немъ:
Слѣпымъ Онъ возвращаетъ зрѣнье,
Даритъ и крѣпость и движенье
Тому, кто былъ и слабъ и хромъ.
Ему признанія не надо:
Сердецъ мышленье отперто;
Его пытующаго взгляда
Еще не выдержалъ никто.
Цѣля недугъ, врачуя муку,
Вездѣ спасителемъ Онъ былъ,
И всѣмъ простеръ благую руку,
И никого не осудилъ.
То, видно, Богомъ мужъ избранный.
Онъ тамъ, по оиполъ Іордана,
Ходилъ, какъ посланный небесъ;
Онъ много тамъ свершилъ чудесъ;

Христосъ. И. Н. Крамской.

Теперь пришелъ Онъ, благодушный,
На эту сторону рѣки;
Толпой прилежной и послушной
За Нимъ идутъ ученики.

А. Толстой.

Въ Геѳсиманскомъ саду.

Темнѣетъ... всюду тишина...
Вотъ ночи вспыхнули свѣтила—
И ярко полная луна
Садъ Геѳсиманскій озарила.
Въ травѣ, подъ вѣтвями оливъ,
Сыны Божественнаго Слова,
Ерусалима шумъ забывъ,
Спятъ три апостола Христовы.
Ихъ сонъ спокоенъ и глубокъ;
Но тяжело спалъ міръ суровый
Вѣковъ наслѣдственный порокъ
Его замкнулъ въ свои оковы;
Проклятье праотцевъ на немъ
Пятномъ безславія лежало
И, съ каждымъ вѣкомъ, новымъ зломъ
Его, какъ язва, поражало...
Но часъ свободы наступалъ—
И, чуждый общему позору,
Посланникъ Бога въ эту пору
Судьбу всемірную рѣшалъ.
За слово истины высокой
Голгоѳскій крестъ предвидѣлъ Онъ
И, чувствомъ скорби возмущенъ,
Отцу молился одиноко...
Молитву кончивъ, скорби полный,
Къ ученикамъ Онъ подошелъ
И, увидавъ ихъ сонъ спокойный,
Сказалъ имъ: «Встаньте, часъ пришелъ;
Оставьте сонъ свой и молитесь,
Чтобъ въ искушенье вамъ не впасть;
Тогда вы въ вѣрѣ укрѣпитесь
И съ вѣрой встрѣтите напасть».

Сказалъ—и тихо удалился
Туда, гдѣ прежде плакалъ Онъ,
И, той же скорбью возмущенъ,
На землю палъ Онъ и молился...
  И взоръ въ тоскѣ невыразимой
Съ небесъ на землю Онъ низвелъ,
И снова, скорбію томимый,
Къ ученикамъ Онъ подошелъ.
Но ихъ смежившіяся очи
Невольный сонъ отягощалъ;
Великой тайны этой ночи
Ихъ бѣдный умъ не постигалъ.
И сталъ Онъ молча, полный муки,
Чело высокое склонилъ,
И на груди святыя руки
Въ изнеможеніи сложилъ.
Что думалъ Онъ въ минуты эти,
Какъ человѣкъ и Божій Сынъ,
Подъявшій грѣхъ тысячелѣтій,—
То зналъ Отецъ Его одинъ.
Но ни одна душа людская
Не испытала никогда
Той боли тягостной, какая
Въ его груди была тогда...
И вотъ опять Онъ удалился
Подъ сѣнь смоковницъ и оливъ,
И тамъ, колѣна преклонивъ,
Опять Онъ плакалъ и молился...
  Спокойно въ выси голубой
Свѣтилъ блистали миріады,
И полонъ сладостной прохлады
Былъ чистый воздухъ. Надъ землей,
Поднявшись тихо, небожитель
Летѣлъ къ надзвѣзднымъ высотамъ;
Межъ тѣмъ всемірный Искупитель
Опять пришелъ къ ученикамъ.
И въ это чудное мгновенье
Какъ былъ Онъ истинно великъ,
Какимъ огнемъ одушевленья
Горѣлъ Его прекрасный ликъ!

Какъ ярко отражали очи
Всю волю твердую Его,
Какъ радостно свѣтила ночи
Съ высотъ глядѣли на Него!
Ученики, какъ прежде, спали;
И вновь Спаситель имъ сказалъ:
«Вставайте! близокъ день печали,
И часъ предательства насталъ»...
И звукъ мечей остроконечныхъ
Садъ Геѳсиманскій пробудилъ,
И отблескъ факеловъ зловѣщихъ
Лицо Іуды освѣтилъ.

И. Никитинъ.

На Страстной недѣлѣ.

— Иди, уже звонятъ. Да смотри, не шали въ церкви, а то Богъ накажетъ.

Мать суетъ мнѣ на расходы нѣсколько мѣдныхъ монетъ и тотчасъ же, забывъ про меня, бѣжитъ съ остывшимъ утюгомъ въ кухню. Я отлично знаю, что послѣ исповѣди мнѣ не дадутъ ни ѣсть ни пить, а потому, прежде чѣмъ выйти изъ дому, насильно съѣдаю краюху бѣлаго хлѣба, выпиваю два стакана воды. На улицѣ совсѣмъ весна. Мостовыя покрыты бурымъ мѣсивомъ, на которомъ уже начинаютъ обозначаться будущія тропинки; крыши и тротуары сухи; подъ заборами сквозь гнилую прошлогоднюю траву пробивается нѣжная молодая зелень. Въ канавахъ, весело журча и пѣнясь, бѣжитъ грязная вода, въ которой не брезгаютъ купаться солнечные лучи. Щепочки, соломинки, скорлупа подсолнуховъ быстро несутся по водѣ, кружатся и цѣпляются за грязную пѣну. Куда, куда плывутъ эти щепочки? Очень возможно, что изъ канавы попадутъ онѣ въ рѣку, изъ рѣки въ море, изъ моря въ океанъ... Я хочу вообразить себѣ этотъ длинный, страшный путь, но моя фантазія обрывается, не дойдя до моря.

Проѣзжаетъ извозчикъ. Онъ чмокаетъ, дергаетъ вожжи и не видитъ, что на задкѣ его пролетки повисли два уличныхъ мальчика. Я хочу присоединиться къ нимъ, но вспоминаю про исповѣдь, и мальчишки начинаютъ казаться мнѣ величайшими грѣшниками.

Церковная паперть суха и залита солнечнымъ свѣтомъ. На ней ни души. Нерѣшительно я открываю дверь и вхожу въ церковь. Тутъ, въ сумеркахъ, которыя кажутся мнѣ густыми и мрачными, какъ никогда, мною овладѣваетъ сознаніе грѣховности и ничтожества. Прежде всего бросаются въ глаза большое распятіе и по сторонамъ его Божія Матерь и Іоаннъ Богословъ. Паникадила и ставники одѣты въ черные, траурные чехлы, лампадки мерцаютъ тускло и робко, солнце какъ будто умышленно минуетъ церковныя окна. Богородица и любимый ученикъ Іисуса Христа, изображенные въ профиль, молча глядятъ на невыносимыя страданія и не замѣчаютъ моего присутствія; я чувствую, что для нихъ я чужой, лишній, незамѣтный, что не могу помочь имъ ни словомъ ни дѣломъ, что я отвратительный, безчестный мальчишка, способный только на шалости, грубости и ябедничество. Я вспоминаю всѣхъ людей, какихъ только я знаю, и всѣ они представляются мнѣ мелкими, глупыми, злыми и неспособными хотя бы на одну каплю уменьшить то страшное горе, которое я теперь вижу: церковныя сумерки дѣлаются гуще и мрачнѣе, и Матерь Божія съ Іоанномъ Богословомъ кажутся мнѣ одинокими.

За свѣчнымъ шкапомъ стоитъ Прокофій Игнатьичъ, старый отставной солдатъ, помощникъ церковнаго старосты. Поднявъ брови и поглаживая бороду, онъ объясняетъ полушопотомъ какой-то старухѣ:

— Утреня будетъ сегодня съ вечера, сейчасъ же послѣ вечерни. А завтра къ часамъ ударятъ въ восьмомъ часу. Поняла? Въ восьмомъ.

А между двухъ широкихъ колоннъ направо, тамъ, гдѣ начинается придѣлъ Варвары великомученицы, возлѣ ширмы, ожидая очереди, стоятъ исповѣдники...

Впереди стоитъ роскошно одѣтая, красивая дама въ шляпѣ съ бѣлымъ перомъ. Она замѣтно волнуется, напряженно ждетъ, и одна щека у нея отъ волненія лихорадочно зарумянилась.

Жду я пять минутъ, десять...

Дама вздрагиваетъ и идетъ за ширмы. Ея очередь.

Въ щелку между двумя половинками ширмы видно, какъ дама подходитъ къ аналою и дѣлаетъ земной поклонъ, затѣмъ поднимается и, не глядя на священника, въ ожиданіи поникаетъ головой. Священникъ стоитъ спиной къ ширмамъ, а потому я вижу только его сѣдые, кудрявые волосы, цѣпочку

отъ наперснаго креста и широкую спину. А лица не видно. Вздохнувъ и не глядя на даму, онъ начинаетъ говорить быстро, покачивая головой, то возвышая, то понижая свой шопотъ. Дама слушаетъ покорно, какъ виноватая, покорно отвѣчаетъ и глядитъ въ землю. «Чѣмъ она грѣшна? — думаю я, благоговѣйно посматривая на ея кроткое, красивое лицо. — Боже, прости ей грѣхи! Пошли ей счастье!»

Но вотъ священникъ покрываетъ ея голову епитрахилью.

— И азъ недостойный iерей... — слышится его голосъ, — властiю Его, мнѣ данною, прощаю и разрѣшаю тя отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ...

Дама дѣлаетъ поклонъ, цѣлуетъ крестъ и идетъ назадъ. Уже обѣ ея щеки румяны, но лицо спокойно, ясно, весело.

«Она теперь счастлива, — думаю я, глядя то на нее, то на священника, простившаго ей грѣхи. — Но какъ долженъ быть счастливъ человѣкъ, которому дано право прощать!»

Теперь ужъ и я двигаюсь за ширмы. Подъ ногами ничего не чувствую, точно иду по воздуху... Подхожу къ аналою, который выше меня. На мгновенiе у меня въ глазахъ мелькаетъ утомленное лицо священника, но дальше я вижу только его рукавъ съ голубой подкладкой, крестъ и край аналоя. Я чувствую близкое сосѣдство священника, запахъ его рясы, слышу строгiй голосъ, и моя щека, обращенная къ нему, начинаетъ горѣть. Многаго отъ волненiя я не слышу, но на вопросы отвѣчаю искренно, не своимъ, какимъ-то страннымъ голосомъ, вспоминаю одинокихъ Богородицу и Iоанна Богослова, распятiе, свою мать, и мнѣ хочется плакать, просить прощенiя.

— Тебя какъ зовутъ? — спрашиваетъ священникъ, покрывая мою голову мягкой епитрахилью.

Какъ теперь легко, какъ радостно на душѣ!

Грѣховъ уже нѣтъ, я святъ, я имѣю право итти въ рай! Мнѣ кажется, что отъ меня уже пахнетъ такъ же, какъ отъ рясы, я иду изъ-за ширмъ къ дьякону записываться и нюхаю свои рукава. Церковныя сумерки уже не кажутся мнѣ мрачными.

— Какъ тебя зовутъ? — спрашиваетъ дьяконъ.

— Ѳедя.

— А по отчеству?

— Не знаю.

Какъ зовутъ твоего папашу?

— Иванъ Петровичъ.

— Фамилія?

— Я молчу.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Девятый годъ.

Придя домой, я, чтобы не видать, какъ ужинаютъ, поскорѣе ложусь въ постель и, закрывши глаза, мечтаю о томъ, какъ хорошо было бы претерпѣть мученія отъ какого-нибудь Ирода или Діоскора, жить въ пустынѣ и, подобно старцу Серафиму, кормить медвѣдей, жить въ кельѣ и питаться одной просфорой, раздать имущество бѣднымъ, итти въ Кіевъ. Мнѣ слышится, какъ въ столовой накрываютъ на столъ — это собираются ужинать; будутъ ѣсть винегретъ, пирожки съ капустой и жаренаго судака. Какъ мнѣ хочется ѣсть! Я согласенъ терпѣть всякія мученія, жить въ пустынѣ безъ матери, кормить медвѣдей изъ собственныхъ рукъ, но только сначала съѣсть бы хоть одинъ пирожокъ съ капустой!

— Боже, очисти меня грѣшнаго, — молюсь я, укрываясь съ головой.—Ангелъ-хранитель, защити меня отъ нечистаго духа.

На другой день, въ четвергъ, я просыпаюсь съ душой ясной и чистой, какъ хорошій весенній день. Въ церковь я иду весело, смѣло, чувствуя, что я причастникъ, что на мнѣ роскошная и дорогая рубаха, сшитая изъ шелковаго платья, оставшагося послѣ бабушки. Въ церкви все дышитъ радостью, счастьемъ и весной; лица Богородицы и Іоанна Богослова не такъ печальны, какъ вчера, лица причастниковъ озарены надеждой, и кажется, все прошлое предано забвенію, все прощено...

А. Чеховъ.

Наканунѣ Свѣтлаго праздника.

Я ѣхалъ къ Ростову
Высокимъ холмомъ:
Лѣсокъ малорослый
Тянулся на немъ:
Береза, осина,
Да ель, да сосна:
А слѣва — долина
Какъ скатерть ровна.

Пестрѣлъ деревнями.
Дорогами долъ,
Онъ все понижался
И къ озеру шелъ.
Ни озера, дѣти,
Забыть не могу
Ни церкви на самомъ
Его берегу:

Тутъ чудо-картину
Я видѣлъ тогда!
Ее вспоминаю
Охотно всегда...

Начну по порядку.
Я ѣхалъ весной,
Въ Страстную субботу,
Предъ самой Святой.
Домой поспѣшая
Съ тяжелыхъ работъ,
Съ утра мнѣ встрѣчался
Рабочій народъ;
Скучая смертельно,
Рѣшалъ я вопросъ:
Кто плотникъ, кто слесарь,
Маляръ, водовозъ?
Нетрудное дѣло!
Идутъ кузнецы —
Кто ихъ не узнаетъ?
Они — молодцы
И пѣть и ругаться,
Да — день не такой!
Идетъ кривоногой
Гуляка-портной:
Въ одномъ сюртучишкѣ,
Фуражка, какъ блинъ, —
Гармонія, трубка,
Утюгъ и аршинъ!
Смотрите красильщикъ!
Узнаешь сейчасъ:
Носъ выпачканъ охрой
И сурикомъ глазъ;
Онъ кисти и краски
Несетъ за плечомъ,
И словно ландкарта
Передникъ на немъ.
Вотъ пильщики: сайку
Угрюмо жуютъ
И, словно солдаты,
Всѣ въ ногу идутъ,
А пилы стальныя
У добрыхъ ребятъ,
Какъ рыбы живыя,
На плечахъ дрожатъ!
Я добраго всѣмъ имъ
Желаю пути;
Въ родныя деревни
Скорѣе прійти,
Омыть съ себя копоть
И потъ трудовой
И встрѣтить Святую
Съ веселой душой...

Стемнѣло. Болтая
Съ моимъ ямщикомъ,
Я ѣхалъ все тѣмъ же
Высокимъ холмомъ,
Взглянулъ на долину,
Что къ озеру шла,
И вижу — долина
Моя ожила:
На каждой тропинкѣ,
Ведущей къ селу,
Толпы появились;
Вечернюю мглу
Огни озарили:
Куда-то идетъ
Съ пучками горящей
Соломы народъ.
Куда? Я подумать
О томъ не успѣлъ,
Какъ колоколъ громко
Отвѣтъ прогудѣлъ!
У озера ярко
Горѣли костры, —
Туда направлялись,
Нарядны, пестры,

При свѣтѣ горящей
Соломы, — толпы...
У Божьяго храма
Сходились тропы, —
Народная масса
Сдвигалась, росла.
Чудесная, дѣти,
Картина была!..

Н. Некрасовъ.

Пасхальная ночь.

Скажите мнѣ, отчего въ эту ночь воздухъ всегда такъ тепелъ и тихъ, отчего въ небѣ горятъ милліоны звѣздъ, отчего природа одѣвается радостью, отчего сердце у меня словно саднитъ отъ полноты нахлынувшаго вдругъ веселія, отчего кровь приливаетъ къ горлу, и я чувствую, что меня какъ будто уноситъ какою-то невидимой волной?

«Христосъ воскресъ!» звучатъ колокола, вдругъ загудѣвшіе во всѣхъ углахъ города.

«Христосъ воскресъ!» журчатъ ручьи, бѣгущіе съ горъ въ овраги.

«Христосъ воскресъ!» говорятъ шпили церквей, внезапно одѣвшіеся огнями.

«Христосъ воскресъ!» привѣтливо шепчутъ вѣчные огни, горящіе въ глубокомъ темномъ небѣ.

«Христосъ воскресъ!» откликается мнѣ давно минувшее мое прошлое.

Я еще вчера явственно слышалъ, какъ жаворонокъ, только еще прилетѣвшій съ юга, бойко и сладко пропѣлъ мнѣ эту славную вѣсть, отъ которой сердце мое билось всегда какою-то чуткой надеждой.

И я тоже съ какимъ-то особеннымъ, давно непривычнымъ мнѣ чувствомъ радости, выслушалъ утреню и вышелъ изъ церкви, вынося съ собой безотчетное и свѣтлое чувство дружелюбія, милосердія и снисхожденія. Обнимемъ же другъ друга и всѣмъ существомъ своимъ возгласимъ: «Други! братья! воскресъ Христосъ!»

М. Салтыковъ.

Свѣтлое Воскресеніе.

Я рѣшился не спать въ эту ночь; но когда стемнѣло, братья и сестры заснули, то и я, сидя въ креслахъ, задремалъ, хоть и зналъ, что въ залѣ накрывали большой столъ чистою

скатертью и разставляли пасхи, куличи, крашенки и много-много хорошихъ вещей.

Ровно въ полночь ударили въ соборѣ въ большой колоколъ; въ другихъ церквахъ отвѣтили, и звонъ разлился по всему городу. На улицахъ послышалась ѣзда экипажей и людской говоръ. Сонъ мигомъ соскочилъ съ меня, и мы всѣ отправились въ церковь.

На улицахъ темно; но церковь наша горитъ тысячами огней и внутри и снаружи. Народу валитъ столько, что мы едва протѣснились. Мамаша не пустила меня съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви. Но какъ обрадовался я, когда, наконецъ, за стеклянными дверьми священники появились въ блестящихъ ризахъ и запѣли: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!» Вотъ уже именно изъ праздниковъ праздникъ!

Послѣ ранней обѣдни пошли святить пасхи, и чего только не было наставлено вокругъ церкви!

Мы воротились домой, когда уже разсвѣтало. Я похристосовался съ нашей нянею: она, бѣдняжка, больна и въ церковь не ходила. Потомъ всѣ стали разговляться, но меня одолѣлъ сонъ.

Когда я проснулся, яркое солнышко свѣтило съ неба, и по всему городу гудѣли колокола.

К. Ушинскій.

Христосъ воскресъ.

Повсюду благовѣстъ гудитъ,
Изъ всѣхъ церквей народъ валитъ:
Заря глядитъ уже съ небесъ...
Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!

Съ полей ужъ снятъ покровъ снѣговъ,
И рѣки рвутся изъ оковъ,
И зеленѣетъ ближній лѣсъ...
Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!

Вотъ просыпается земля,
И одѣваются поля...
Весна идетъ, полна чудесъ!
Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!

А. Майковъ.

Рыболовъ. *А. В. Моравовъ.*

Подъ напѣвъ молитвъ пасхальныхъ.

Подъ напѣвъ молитвъ пасхальныхъ
И подъ звонъ колоколовъ,
Къ намъ летитъ весна изъ дальнихъ,
Изъ полуденныхъ краевъ.
    Въ зеленѣющемъ уборѣ
    Млеютъ темные лѣса,
    Небо блещетъ, точно море,
    Море — точно небеса.
Сосны въ бархатѣ зеленомъ,
И душистая смола
По чешуйчатымъ колоннамъ
Янтарями потекла.
    И въ саду у насъ сегодня
    Я замѣтилъ, какъ тайкомъ
    Похристосовался ландышъ
    Съ бѣлокрылымъ мотылькомъ.

К. Фофановъ.

Ласточка.

Когда настанетъ вечеръ ясный,
Люблю на берегу пруда
Смотрѣть, какъ гаснетъ день прекрасный
И загорается звѣзда;
Какъ ласточка, неуловимо
По лону волнъ скользя крыломъ,
Несется быстро-быстро мимо
И исчезаетъ... Смутнымъ сномъ
Тогда душа полна бываетъ;
Ей какъ-то грустно и легко,
Воспоминанье увлекаетъ
Ее куда-то далеко...

Н. Огаревъ.

Уженіе рыбы.

Тепло на солнышкѣ. Весна
Беретъ свои права.
Въ рѣкѣ мѣстами глубь ясна,
На днѣ видна трава, —
Чиста холодная струя;
Слѣжу за поплавкомъ...
Шалунья-рыбка, вижу я,
Играетъ съ червякомъ;

Пашня.

М. К. Клодтъ.

Голубоватая спина,
Сама какъ серебро,
Глаза—бурмитскихъ два зерна,
Багряное перо...
Идетъ, не дрогнетъ подъ водой..
Пора! Червякъ во рту...

Увы! Блестящей полосой
Юркнула въ темноту.
Но вотъ опять лукавый глазъ
Сверкнулъ невдалекѣ.
Постой: авось, на этотъ разъ
Повиснешь на крючкѣ!

А. Фетъ.

Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка,
Пашней-десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица-зорька
Въ небѣ загорѣлась;
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ...

Весело на пашнѣ!
Ну, тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю...
Ну, тащися, сивка!

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоитъ, вскормитъ
Мать-земля-сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка...
Ну, тащися, сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка,
Вырастетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы...
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!

Ну, тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю.
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ, мое богатство!

А. Кольцовъ.

Собака и лошадь.

У одного крестьянина служа,
Собака съ лошадью считаться какъ-то стали.
«Вотъ,—говоритъ Барбосъ,—большая госпожа!
По мнѣ хоть бы совсѣмъ съ двора согнали.

Велика вещь возить или пахать!
Объ удальствѣ твоемъ другого не слыхать,
И можно ли тебѣ равняться въ чемъ со мною?
Ни днемъ ни ночью я не вѣдаю покою:
Днемъ стадо подъ моимъ надзоромъ на лугу,
А ночью домъ я стерегу».
— «Конечно,—лошадь отвѣчала,—
Твоя правдива рѣчь;
Однакоже, когда бъ я не пахала,
То нечего бъ тебѣ здѣсь было и стеречь».

И. Крыловъ.

Старикъ и трое молодыхъ.

Старикъ садить сбирался деревцо.
«Ужъ пусть бы строиться; да какъ садить въ тѣ лѣта,
Когда ужъ смотришь вонъ изъ свѣта!»
Такъ, старику смѣясь въ лицо,
Три взрослыхъ юноши сосѣднихъ разсуждали.
«Чтобъ плодъ тебѣ твои труды желанный дали,
То надобно, чтобъ ты два вѣка жилъ.
Неужли будешь ты второй Маѳусаилъ?
Оставь, старинушка, свои работы:
Тебѣ ли затѣвать столь дальніе расчеты?
Едва ли для тебя текущій вѣренъ часъ.
Такіе замыслы простительны для насъ:
Мы молоды, цвѣтемъ и крѣпостью и силой,
А старику пора знакомиться съ могилой».
— «Друзья,—смиренно имъ отвѣтствуетъ старикъ,—
Издѣтства я къ трудамъ привыкъ;
А если отъ того, что дѣлать начинаю,
Не мнѣ лишь одному я пользы ожидаю,
То, признаюсь,
За трудъ такой еще охотнѣе берусь.
Кто добръ, не все лишь для себя трудится».

И. Крыловъ.

Похороны.

Слышишь — въ селѣ, за рѣкою зеркальной,
Глухо разносится звонъ погребальный
Въ сонномъ затишьи полей;

Грозно и мѣрно, ударъ за ударомъ,
Тонетъ въ дали, озаренной пожаромъ
Алыхъ вечернихъ лучей...
Слышишь—звучитъ похоронное пѣнье:
Это апостолъ труда и терпѣнья—
Честный рабочій почилъ...
Долго онъ шелъ трудовою дорогой,
Долго родимую землю съ тревогой
Потомъ и кровью поилъ.
Жегъ его полдень горячимъ сіяньемъ,
Вѣтеръ знобилъ леденящимъ дыханьемъ,
Туча мочила дождемъ...
Вьюгой избенку его заметало,
Градомъ на нивахъ его побивало
Колосъ, взрощенный трудомъ.
Много онъ вынесъ могучей душою,
Съ дѣтства привыкшей бороться съ судьбою.
Пусть же, зарытый землей,
Онъ отдохнетъ отъ заботъ и волненья—
Этотъ апостолъ труда и терпѣнья
Нашей отчизны родной.

С. Надсонъ.

Сельское кладбище.

Люблю я наши сельскія кладбища за ихъ простоту, въ которой такъ много смысла, за ихъ покой, въ которомъ такъ много чувства... Какъ хорошо, кажется, лежать вонъ подъ тѣмъ зеленымъ холмикомъ, отдыхая послѣ жизни! Кругомъ тебя лежатъ простые труженики, вся жизнь которыхъ была лишь однимъ сплошнымъ тяжелымъ трудомъ,—жизнь, въ которой рѣдкія радости отравлялись гнетущей заботой о завтрашнемъ днѣ, въ которой трудовой потъ мѣшался часто со слезами отчаянія. Надъ тобою небо голубое, чистое раскинулось съ хороводами звѣздъ, съ веселымъ солнцемъ за кудрявыми облаками. Лѣтомъ цвѣты зацвѣтутъ на могилѣ, загудятъ пчелы; осенью, когда въ прохладномъ, прозрачномъ воздухѣ потянутся нити блестящей паутины, журавли изъ глубины неба прокричатъ тебѣ свое грустное прости; зимою вьюга будетъ распѣвать свои дикія пѣсни, а потомъ опять весна, жизнь, веселье, опять рожь на родимой нивѣ зашумитъ надъ тобой, и засверкаютъ вдали

зарницы, обѣщая хорошій урожай. Изрѣдка донесется до тебя грустное, тоскливое «со святыми упокой», а иногда чистая слеза неподдѣльнаго горя, сверкая, какъ брильянтъ, уйдетъ въ глубь сырой земли, прячась отъ нескромнаго людского взора. Нѣтъ тутъ великолѣпныхъ тяжелыхъ памятниковъ, нѣтъ праздной толпы, нѣтъ надутыхъ и глупыхъ рѣчей, лишь порой принесутъ сюда новаго труженика, отбывшаго тяжелую повинность жизни, на вѣчный покой, или рыжій теленокъ, отбившись отъ стада, зайдетъ пощипать свѣжей травки на твоей могилѣ...

Все тутъ и просто, и ясно, и грустно. *Ив. Наживинъ.*

Весенній дождь въ деревнѣ.

Яростный ударъ грома прокатился надъ деревней, прокатился во второй и третій разъ. Крупныя капли запрыгали на пыльной дорогѣ, и вскорѣ дождь полилъ, какъ изъ ведра.

«Создай, Господи, тихую воду и теплую росу!» говорили послѣ каждаго громового удара крестьяне, крестясь на небо. Со всѣхъ сторонъ, сквозь густое покрывало дождя, мелькали руки, которыя подымались и творили крестное знаменіе; многіе выходили даже на середину улицы заглянуть, надолго ли обложило небо. Завалинки и подворотни наполнялись мужиками, бабами, ребятами; даже дряхлыя старушки-бабушки, много дней не сходившія съ печи, и тѣ показались въ толпѣ съ грудными внучками на рукахъ. Посреди шума и хлестанья ливня слышались отовсюду радостныя восклицанія: мальчишки и дѣвчонки бѣгали по лужамъ, хлопая въ ладоши и припѣвая съ крикомъ и визгомъ:

Дождь, дождь,
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу.
На дѣвкинъ ленъ
Поливай ведромъ!..

Ночь уже окинула непроницаемою пеленою деревню: уже давнымъ-давно наступило время отдыха; улицы и завалинки давно были пусты; но долго еще изъ крошечныхъ оконъ избушекъ дѣды высовывали на дождикъ костлявыя руки и сѣдыя головы, и долго изъ конца въ конецъ раздавались посреди смолкавшаго ливня восклицанія: «Создай, Господи, тихую воду и теплую росу!» *Д. Григоровичъ.*

Весенняя гроза.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые,
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ...
Повисли перлы дождевые,
И солнце нивы золотитъ.
Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной и шумъ нагорный—
Все вторитъ весело громамъ.

Ѳ. Тютчевъ.

Весенняя тучка.

Весенняя тучка, летя надъ полями,
Надъ ними обильнымъ дождемъ пролилась,
И вотъ подъ ея дорогими слезами
Земля, какъ невѣста, въ цвѣты убралась.
И все ужъ подъ яркою зеленью прячетъ:
И поле и голыя вѣтви деревъ.
Весенняя тучка напрасно не плачетъ:
Въ слезахъ ея много таится даровъ.
Ихъ чудная влага землѣ благотворна:
Лишь только онѣ на нее упадутъ,
Въ ней всѣ встрепенутся сокрытыя зерна
И, полныя жизни, опять зацвѣтутъ.

Н. Грековъ.

Камень и червякъ.

«Какъ расшумѣлся здѣсь! какой невѣжа!—
Про дождикъ говоритъ на нивѣ камень лежа.—
А рады всѣ ему, пожалуй, посмотри!
И ждали такъ, какъ гостя дорогого.
А что же сдѣлалъ онъ такого?
Всего-то шелъ часа два-три.
Пускай же обо мнѣ разспросятъ:

Такъ я ужъ вѣки здѣсь; тихъ, скроменъ завсегда,
Лежу смирнехонько, куда меня ни бросятъ;
А не слыхалъ себѣ спасибо никогда.
Не даромъ, право, свѣтъ поносятъ:
Въ немъ справедливости не вижу я никакъ».
— «Молчи!—сказалъ ему червякъ.—
Сей дождикъ, какъ его ни кратко было время,
Лишенную засухой силъ
Обильно ниву напоилъ,
И земледѣльца онъ надежду оживилъ;
А ты на нивѣ сей пустое только бремя!»

Такъ хвалится иной, что служитъ сорокъ лѣтъ;
А проку въ немъ, какъ въ этомъ камнѣ, нѣтъ.

И. Крыловъ.

Весна.

Въ старый садъ выхожу я—росинки,
Какъ алмазы, на листьяхъ горятъ,
И цвѣты мнѣ головкой киваютъ,
Разливаютъ кругомъ ароматъ.
Все влечетъ, веселитъ мои взоры:
Золотая пчела на цвѣткѣ,
Разноцвѣтныя бабочки крылья
И прыжки воробья на пескѣ...
Какъ ярка эта зелень деревьевъ,
Куполъ неба какъ чистъ и глубокъ!
И брожу я, восторгомъ объятый.
И слеза застилаетъ зрачокъ.
За оградой садовой чернѣетъ
Полоса взбороненной земли,
И покрытыя соснами горы
Подымаются къ небу вдали.
Какъ любовью и радостью дышитъ
Вся природа подъ вешнимъ лучомъ!
И душа благодарная слышитъ
Здѣсь присутствіе Бога во всемъ.

А. Плещеевъ.

Зеленый шумъ.

Идетъ, гудетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ!
Играючи, расходится
Вдругъ вѣтеръ верховой:
Качнетъ кусты ольховые,
Подыметъ пыль цвѣточную,
Какъ облако; все зелено: и воздухъ и вода!
Какъ молокомъ облитые,
Стоятъ сады вишневые,
Тихохонько шумятъ;
Пригрѣты теплымъ солнышкомъ,
Шумятъ повеселѣлые
Сосновые лѣса,
А рядомъ новой зеленью
Лепечутъ пѣсню новую
И липа блѣднолистная
И бѣлая березанька съ зеленою косой!
Шумитъ тростинка малая,
Шумитъ высокій кленъ.
Шумятъ они по-новому,
По-новому, весеннему.
Идетъ, гудетъ зеленый шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ!

Н. Некрасовъ.

Игры въ рощѣ.

Съ ранней весны и до поздней осени, за исключеніемъ каникулъ, разгульное приволье намъ давала наша милая березовая роща. Бывало, мы со всего разбѣгу гурьбою врываемся въ рощу и стремглавъ разсыпаемся въ разныя стороны, оглашая воздухъ криками, гамомъ и хохотомъ; куда ни обернешься, вездѣ кишатъ рѣзвые бѣгуны; тотъ карабкается на дерево, а тотъ ужъ высоко сидитъ верхомъ на толстомъ сучкѣ; другой лѣзетъ за нимъ, чтобы стащить его за ногу; тамъ одинъ кувыркается, упираясь головой въ землю, а тамъ двое или трое упражняются въ искусствѣ вертѣться колесомъ, прыгая въ бокъ поперемѣнно обѣими руками и обѣими ногами;

Березовая роща. *А. И. Куинджи.*

иные уже затѣяли кулачный бой, но не толпою, не стѣна на стѣну, а вразсыпную, единоборствомъ,—производятся опыты въ гимнастическихъ упражненiяхъ; любезное дѣло—драться на просторѣ: рука бьетъ широкимъ размахомъ, да и бороться льготнѣе—шлепнешься не на жесткiй полъ, а на густую траву.

Но вотъ кипучая рьяность неукротимыхъ молодыхъ силъ начинаетъ угомоняться: и руки примахались чуть не до вывиха, и ноги оттопталисъ, зудятъ и нѣмѣютъ; жара пронимаетъ насквозь, и въ горлѣ у всѣхъ пересохло. Одолѣваетъ жажда: такъ и тянетъ освѣжиться хоть единымъ глоточкомъ. Но гдѣ добыть питья? Въ нашей рощѣ не было ни водоема съ фонтаномъ, ни ключей, ни источниковъ... Но шалуны знаютъ, какъ помочь горю. Стоитъ лишь выбрать березу, не старую, не кряковистую, съ заматорѣлою, глубокими морщинами изрытою корою, а такую, чтобъ была средняго возраста, съ бѣлою и гладкою берестою. Одинъ изъ товарищей, который поискуснѣе и половчѣе, аккуратно пробуравитъ перочиннымъ ножичкомъ въ той березѣ довольно глубокое отверстiе,—такъ, чтобы изъ него хлынуло березовымъ сокомъ. Каждый изъ насъ поочередно прикладывается губами къ этому отверстiю и высасываетъ свою порцiю этого слащаваго пойла, довольствуясь немногими его каплями.

Ѳ. Буслаевъ.

Въ лѣсъ, за ландышами.

Опять пришла къ намъ весна—желанная, долго жданная! Раскинула по полямъ, лугамъ и доламъ зеленые ковры; разбросала по нимъ пестрые, душистые цвѣты; окутала изумрудной красой сады и рощи, лѣса и дубравы; развела хороводъ и веселыя пѣсни!..

Недолго прогоститъ у насъ дорогая гостья... Поспѣшимъ же насладиться ея кратковременнымъ присутствiемъ между нами, налюбоваться принесенными ею драгоцѣнными дарами. Скорѣй, скорѣй туда, въ тотъ храмъ, въ тотъ истинный храмъ богини весны, гдѣ все ликуетъ и празднуетъ ея пришествiе,—скорѣе въ лѣсъ!

Тамъ, подъ зелеными сводами величественныхъ деревъ, облекшихся въ праздничный, свѣтлый нарядъ, хоры птицъ

поютъ веснѣ свои гимны и славятъ Творца. Тамъ, на изумрудныхъ, усѣянныхъ цвѣтами полянахъ, купаясь въ яркихъ лучахъ майскаго солнца, играютъ въ воздухѣ разноцвѣтные мотыльки. Тамъ, дыханіемъ весны, разлитъ въ воздухѣ чудный ароматъ, который освѣжаетъ и исцѣляетъ душу. Тамъ же, подъ сѣнію деревъ, цвѣтетъ теперь чудное дитя мая, любимецъ красавицы весны—несравненный, крошечный, бѣленькій, душистый колокольчикъ—ландышъ. Пойдемте скорѣе туда, вонъ на тотъ пригорокъ, гдѣ между рѣдко растущими деревьями виднѣется такая чудесная, нѣжная, свѣтлая зелень: это все ландыши! Нарвемте изъ нихъ букетъ, да побольше, — такой букетъ, чтобы можно было зарыться лицомъ въ цвѣты и упиться ихъ чуднымъ, свѣжимъ ароматомъ!..

Д. Кайгородовъ.

Жестокая забава.

Въ маѣ мѣсяцѣ, когда пѣвчія пташки (мы ихъ звали малиновками и пѣночками) въ своихъ теплыхъ гнѣздышкахъ кладутъ яйца и выводятъ дѣтенышей, младшіе ученики направляли свои набѣги въ густые кустарники, на изрытый ямами и промоинами крутой спускъ: здѣсь потѣшались они охотою на пѣвчихъ птицъ.

Вразсыпную шныряютъ они по кустамъ, забираясь въ самую густую, непроходимую ихъ чащу, гдѣ добыча вѣрнѣе, подползаютъ подъ наклоненныя, стелющіяся вѣтви и, какъ ищейки, обнюхиваютъ и подслушиваютъ, насторoживъ уши. Это они выслѣживаютъ, не попадется ли гнѣздышко: птичка свиваетъ его въ самой глухой чащѣ, иная — при стволѣ, на томъ мѣстѣ, откуда развѣтвляется сучка два или три, а иная совсѣмъ на землѣ, у самаго корня деревца, въ прошлогоднихъ сухихъ листьяхъ. Охота ведется въ полнѣйшей тишинѣ и молчаніи: главная задача не въ томъ, чтобы найти гнѣздо съ яичками или, еще лучше, съ дѣтенышами, но особенно въ томъ, чтобы накрыть въ немъ и самое матку. Послѣднее было одною мечтою, но первое иногда удавалось, — впрочемъ, весьма рѣдко. Самыя неудачи и трудности въ хлопотахъ о добычѣ только разжигали стремленіе къ поискамъ и обостряли соревнованіе. Счастливцу завидовали, и всякій хотѣлъ удостовѣриться въ его находкѣ и непремѣнно совалъ свой носъ въ гнѣздышко,

чтобы взглянуть на содержимое въ немъ. Особенно живо представляется въ моей памяти одна подробность, не разъ повторявшаяся въ этой охотѣ. Когда взбалмошные мальчуганы, разграбивъ гнѣздо, бывало, торжественно возвращаются со своею добычею, осиротѣлая матка вслѣдъ за ними второпяхъ тревожно перепархиваетъ съ кустика на кустикъ, а сама таково жалобно и тоскливо почиликиваетъ, какъ есть, —причитаетъ и навзрыдъ плачетъ горемычная мать на похоронахъ своего дѣтища... Потѣха разорять птичьи гнѣзда всегда была мнѣ не по сердцу

Ѳ. Буслаевъ.

„По гнѣзда, по яйца!"

Раннимъ утромъ по деревенской улицѣ шумъ, крикъ и суета. То въ одномъ, то въ другомъ дворѣ отворяются ворота, и на улицу выбѣгаютъ овцы съ ягнятами, коровы, свиньи; онѣ мычатъ, хрюкаютъ; а за ними съ кнутами гонятся босоногіе ребятишки. Все это быстро движется по улицѣ, растетъ, растетъ и превращается въ стадо; стадо это уже ждутъ пастухи у околицы, принимаютъ его подъ свою команду и угоняютъ въ поле; а непрошенные пастухи-мальчишки остаются у околицы. Тутъ сейчасъ же устраивается у нихъ сходка, и идутъ толки о томъ, что дѣлать. Ни въ полѣ ни въ лѣсу нѣтъ еще ничего съѣдобнаго: ни ягодъ, ни гороху, ни грибовъ. Остается одно — промышлять яичницу. Вотъ и толкуютъ они, гдѣ промышлять? Одни тянутъ въ лѣсъ, другіе — на болото, третьи — на рѣку, гдѣ и рыбки можно промыслить. Въ концѣ-концовъ дѣло улаживается: разбившись на партіи, разбойники отправляются изъ села на промыселъ. Много горя несутъ они въ птичій міръ. Какъ добрыя ищейки, осматриваютъ ребятишки поля и луга, берега рѣкъ и болотъ, опушки лѣсовъ и полянъ — и всюду соберутъ свою дань. Тоскливо, невыразимо жалобно кричатъ птички, порхая надъ разоренными гнѣздами. А надъ берегомъ рѣчки, въ укромномъ уголкѣ, вьется уже дымокъ. Этотъ дымокъ — маякъ, къ которому съ разныхъ сторонъ сходятся грабители.

Изъ кармановъ, изъ-за пазухи выкладывается добыча: зеленыя, бѣлыя, сѣрыя, пятнистыя яички разной величины. Каждому хочется похвастаться добычей; одинъ нашелъ много, у другого меньше, но зато есть рѣдкости, диковинки. Разсказамъ нѣтъ конца. Затѣмъ появляется сковорода, стащенная поти-

Съ фотографіи.

Птичьи враги.

хоньку у какой-нибудь слѣпой «бабушки», и начинается выпусканіе яицъ. Много ихъ собрано, но на сковороду попадаетъ развѣ четвертая часть, потому что остальныя насижены, и ихъ безжалостно бросаютъ въ рѣку. Яичница поспѣла, съѣдена, и ребята разбрелись на новые промыслы.

Не во всякой деревнѣ существуетъ этотъ промыселъ. Но гдѣ разъ набаловались ребята, тамъ окрестности опустошаются изъ года въ годъ.

Нужно ли говорить, какое это гадкое дѣло!

М. Богдановъ.

Добрая лисица.

Стрѣлокъ весной малиновку убилъ.
Ужъ пусть бы кончилось на ней несчастье злое;
Но нѣтъ, за ней еще должны погибнуть трое:
Онъ бѣдныхъ трехъ ея птенцовъ осиротилъ.
Едва изъ скорлупы, безъ смыслу и безъ силъ,
Малютки терпятъ голодъ
И холодъ,
И пискомъ жалобнымъ зовутъ напрасно мать.
«Какъ можно не страдать,
Малютокъ этихъ видя;
И сердце чье объ нихъ не заболитъ? —
Лисица птицамъ говоритъ,
На камешкѣ противъ гнѣзда сиротокъ сидя. —
Не киньте, милыя, безъ помощи дѣтей!
Хотя по зернышку бѣдняжкамъ вы снесите,
Хоть по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышку приткните:
Вы этимъ жизнь ихъ сохраните;
Что дѣла добраго святѣй!
Кукушка, посмотри, вѣдь ты и такъ линяешь:
Не лучше ль дать себя немножко ощипать,
И перьемъ бы твоимъ постельку ихъ устлать?
Вѣдь попусту жъ его ты растеряешь.
Ты, жаворонокъ, чѣмъ по верхамъ
Тебѣ кувыркаться, кружиться,
Ты бъ корму поискалъ по нивамъ, по лугамъ,
Чтобъ съ сиротами подѣлиться.
Ты, горленка, твои птенцы ужъ подросли,
Промыслить кормъ они и сами бы могли:

Такъ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла,
Да, вмѣсто матери, къ малюткамъ сѣла,
А дѣтокъ бы твоихъ пусть Богъ
Берегъ.
Ты бъ, ласточка, ловила мошекъ
Полакомить безродныхъ крошекъ
А ты бы, милый соловей, —
Ты знаешь, какъ всѣхъ голосъ твой прельщаетъ —
Межъ тѣмъ, пока зефиръ ихъ съ гнѣздышкомъ качаетъ,
Ты бъ убаюкивалъ ихъ пѣсенкой своей.
Такою нѣжностью, я твердо вѣрю,
Вы бъ замѣнили имъ ихъ горькую потерю.
Послушайте меня: докажемъ, что въ лѣсахъ
Есть добрыя сердца, и что»... При сихъ словахъ
Малютки бѣдныя всѣ трое,
Не могши съ голоду сидѣть въ покоѣ,
Попадали къ лисѣ нанизъ.
Что жъ кумушка? — Тотчасъ ихъ съѣла —
И поученья не допѣла.

Читатель, не дивись!
Кто добръ поистинѣ, не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ;
А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжитъ,
Тотъ часто только добръ на счетъ другого,
Затѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакого.
На дѣлѣ же почти такіе люди всѣ —
Съ родни моей лисѣ.

И. Крыловъ.

Нашъ садъ.

Вотъ и опять май, вѣчно юный, вѣчно прекрасный! Опять
«Кудри деревъ расцвѣтаютъ
Роскошью бѣлыхъ цвѣтовъ»...

Эти чудные, бѣлые кудри!..

Въ душѣ просыпаются дорогія воспоминанія... На окраинѣ города — деревянный домъ-особнякъ, съ мезаниномъ и бѣлыми колоннами; съ балкона видъ на садъ, отдѣленный отъ дома неширокимъ, чистенькимъ дворикомъ, усыпаннымъ краснымъ

пескомъ. На первомъ планѣ, за зеленой садовой рѣшеткой, живая стѣна изъ сиреней, свѣшивающихъ черезъ рѣшетку часть своихъ вѣтвей, отягощенныхъ крупными, лиловыми, душистыми кистями. За сиреневой стѣной, влѣво, точно громадные букеты, возвышаются сплошь усыпанныя бѣлыми цвѣтами яблони, стоящія среди куртинокъ съ разноцвѣтными тюльпанами и бѣлыми нарциссами; немного подальше, изъ-за свѣтло-изумрудной зелени акаціевой бесѣдки, красивыми бѣлоснѣжными кудрями поднимаются цвѣтущія вишневыя деревья. Посрединѣ и вправо, вдоль садовыхъ дорожекъ,—между куртинами, клумбами и грядами, бѣлѣетъ нѣсколько десятковъ залитыхъ цвѣтами грушевыхъ, яблоневыхъ и вишневыхъ деревъ. Все это какъ бы въ рамкѣ изъ свѣтлой, мягкой майской зелени липъ, ясеней и кленовъ, которые окружаютъ садъ аллеями съ остальныхъ трехъ сторонъ. Надо всѣмъ этимъ—яркое, чудное майское солнце. Хоръ пернатыхъ пѣвцовъ — славокъ, пѣночекъ, малиновокъ — наполняетъ воздухъ своимъ разноголосымъ, радостнымъ пѣніемъ, среди котораго особенно четко выдѣляется звонкая и задорная пѣсня зяблика, звучащая съ макушки столѣтней липы сосѣдняго сада.

«Сіяетъ солнце, воды блещутъ,
На всемъ улыбка, жизнь во всемъ,
Деревья радостью трепещутъ,
Купаясь въ небѣ голубомъ...»

Д. Кайгородовъ.

Маевки.

Боже мой, какъ любили мы, дѣти, весеннія прогулки — «маевки», какъ говорятъ въ Бѣлоруссіи! Сколько доставляли онѣ намъ радостей, сколько чистаго, безграничнаго, дѣтскаго счастья!

Сначала — эти веселые сборы: съ сѣновала принесутъ охапку сѣна; въ него торопливо начнутъ заворачивать и укладывать въ корзины стаканы, чашки, блюдечки, тарелки, рюмки; въ другую корзину, также наполненную сѣномъ, тщательно упаковывается самоваръ; третья корзина наполняется фунтиками съ изюмомъ, миндалемъ, сушеными яблоками, грушами, черносливомъ и прочими домашними лакомствами, выданными матушкой изъ завѣтнаго для насъ, дѣтей. ларя (ларь этотъ. стоявшій

въ передней, былъ перегороженъ на множество разной величины отдѣленій, въ которыхъ хранились хозяйственные запасы — мука, крупа, соль, макароны и т. п., а также сушеные фрукты и варенье, служившіе магнитомъ, притягивавшимъ и съ, дѣтей, къ ларю каждый разъ, какъ онъ отворялся). Вытаскивался изъ чулана дорожный погребецъ, стеклянныя фляжки котораго, плотно вставленныя въ обитыя зеленымъ сукномъ гнѣзда, наполняются ромомъ, виномъ и наливкой, а жестянки — чаемъ и сахаромъ. Тѣмъ временемъ къ балконному крыльцу, со двора, подается телѣжка, въ которую укладываются готовыя корзины. Сытый, круглый гнѣдой Васька нетерпѣливо бьетъ землю копытомъ, словно и онъ волнуется, предвкушая удовольствіе пощипать молоденькую травку на лѣсной полянѣ и поваляться на мягкой муравѣ... Наконецъ все готово. Тронулись въ путь — разумѣется пѣшкомъ. Мы, дѣти, смѣемся, прыгаемъ, радуемся!.. Вышли за городъ, на поле, —

«Гдѣ, шествуя, сыплетъ цвѣтами весна»...

и затягиваемъ пѣсни; свѣжіе дѣтскіе голоса соперничаютъ въ чистотѣ и звонкости съ голосами жаворонковъ, трепещущихъ въ лазури и поющихъ гимнъ веснѣ, — славному, радостному майскому дню...

А вотъ и лѣсъ, въ свѣжемъ, изумрудномъ, праздничномъ нарядѣ, наполненный звуками тысячи пернатыхъ пѣвцовъ.

«Уютъ, прохлада; солнышко, какъ зайчикъ,
По молодымъ кустамъ перебѣгаетъ;
Мохъ, что коверъ шелковый подъ ногами...
А впереди деревья гуще, гуще,
Темнѣй, темнѣе — такъ къ себѣ и манятъ...»

Наконецъ выбрана славная полянка, наполовину залитая солнцемъ, наполовину въ тѣни, косогоромъ сбѣгающая къ лѣсной рѣчкѣ, поросшей ивняками; изъ ивняковъ раздается свѣтлая пѣсня — звонкое щелканье и могучій посвистъ соловья. Живо натаскивается изъ лѣсу сухой хворостъ, разводится костеръ, раскидываются ковры, распаковываются корзины, наставляется самоваръ — и пошла потѣха: кувырканье по травѣ, прыганье черезъ костеръ, щелканье орѣховъ, бросанье камешками «рикошетовъ» по водѣ, жмурки, пятнашки, смѣхъ, пѣсни, плясъ, — ни карандашомъ не нарисовать ни перомъ не описать!..

Д. Кайгородовъ.

Ночь.

Вѣетъ тихо, вѣетъ сладостно
Мнѣ дыханье вѣтерка;
Свѣтятъ звѣзды въ небѣ радостно;
Отражаетъ ихъ рѣка;
И въ раздумьѣ наклонилися
Вѣтки гибкія деревъ;
И, какъ звѣзды, засвѣтилися
Свѣтляки среди кустовъ.
Дышитъ все святой отрадою
На землѣ и въ вышинѣ;
Ночь весенняя прохладою
Освѣжаетъ сердце мнѣ.

Ю. Жадовская.

На Волгѣ.

Быстро несется внизъ по теченію красивый и сильный «Ермакъ», буксирный пароходъ, и по оба бока его медленно движутся навстрѣчу ему берега могучей красавицы Волги, — лѣвый, весь облитый солнцемъ, стелется вплоть до края небесъ, какъ пышный зеленый коверъ, а правый взмахнулъ къ небу кручи свои, поросшія лѣсомъ, и замеръ въ суровомъ покоѣ.

Между ними величаво простерлась широкогрудая рѣка; безшумно, торжественно и неторопливо текутъ ея воды въ сознаніи своей неодолимой силы; горный берегъ отражается въ нихъ черной тѣнью, а съ лѣвой — ее украшаютъ золотомъ и зеленымъ бархатомъ песчаныя коймы отмелей и широкіе луга. То тутъ, то тамъ, на горѣ и въ лугахъ являются селенья, солнце сверкаетъ на стеклахъ въ окнахъ избъ и на желтыхъ соломенныхъ крышахъ, сіяютъ въ зелени деревьевъ кресты церквей, лѣниво кружатся въ воздухѣ сѣрыя крылья мельницъ, дымъ изъ трубы завода вьется къ небу густыми, черными клубами. Толпы ребятишекъ въ синихъ, красныхъ и бѣлыхъ рубашкахъ, стоя на берегу, провожаютъ громкими криками пароходъ, разбудившій тишину на рѣкѣ, и изъ-подъ колесъ его къ ногамъ дѣтей бѣгутъ веселыя волны и плещутъ на берегъ. Вотъ цѣлая куча ребятъ усѣлась въ лодку, и они спѣшно гребутъ на середину рѣки, чтобъ покачаться на волнахъ, какъ въ зыбкѣ. Изъ

воды смотрятъ вершины деревьевъ, иногда цѣлыя купы ихъ затоплены разливомъ и стоятъ среди воды, какъ острова. Откуда-то съ берега тяжелымъ вздохомъ доносится заунывная пѣсня:

— О-э... о-о-о еще-о разокъ!

Пароходъ обгоняетъ плоты, заплескивая ихъ волной. Бревна ходуномъ ходятъ подъ ударами набѣжавшихъ волнъ; плотовщики въ синихъ рубахахъ, пошатываясь на ногахъ, смотрятъ на пароходъ и смѣются и что-то кричатъ. Дородная красавица — бѣляна бокомъ идетъ по рѣкѣ; желтый тесъ, нагруженный на ней, блеститъ, какъ золото, и тускло отражается въ мутной вешней водѣ. Пассажирскій пароходъ идетъ навстрѣчу и свиститъ — гулкое эхо свиста прячется въ лѣсу, въ ущельяхъ горнаго берега и умираетъ тамъ. Посрединѣ рѣки сгибаются волны отъ двухъ судовъ и бьются о борта ихъ, и суда покачиваются въ водѣ. На пологомъ склонѣ горнаго берега раскинуты зеленые ковры озими, бурыя полосы земли подъ паромъ и черныя — вспаханной подъ яровое. Птицы маленькими точками вьются надъ ними и ясно видны въ голубомъ пологѣ неба; стадо пасется невдалекѣ, — издали оно кажется игрушечнымъ; маленькая фигурка пастуха стоитъ, опираясь на подогъ, и смотритъ на рѣку.

Всюду блескъ воды, всюду просторъ и свобода, веселозелены луга и ласково-ясно голубое небо; въ спокойномъ движеніи воды чуется сдержанная сила, въ небѣ надъ нею сіяетъ щедрое солнце мая, воздухъ напоенъ сладкимъ запахомъ хвойныхъ деревьевъ и свѣжей листвы. А берега все идутъ навстрѣчу, лаская глаза и душу своей красотой, и все новыя картины открываются на нихъ.

М. Горькій.

На Волгѣ.

О Волга!.. колыбель моя!
Любилъ ли кто тебя, какъ я?
Одинъ, по утреннимъ зарямъ,
Когда еще все въ мірѣ спитъ,
И алый блескъ едва скользитъ
По темно-голубымъ волнамъ,
Я убѣгалъ къ родной рѣкѣ.
Иду на помощь къ рыбакамъ,
Катаюсь съ ними въ челнокѣ,
Брожу съ ружьемъ по островамъ
То, какъ играющій звѣрекъ,
Съ высокой кручи на песокъ
Скачусь, то берегомъ рѣки
Бѣгу, бросая камешки,
И пѣсню громкую пою
Про удаль раннюю мою.

Н. Некрасовъ.

Дѣтство.

Мнѣ вспомнились дѣтства далекіе годы
И тотъ городокъ, гдѣ я росъ,—
Приходскаго храма угрюмые своды,
Вокругъ него зелень березъ.
Бывало, едва лишь вечерней прохладой
Повѣетъ съ сосѣднихъ полей,
У этихъ березъ, за церковной оградой,
Сойдется насъ много дѣтей.
　　И самъ я не знаю, за что облюбили
　　Мы это мѣстечко, но намъ
　　Такъ милы дорожки заглохшія были,
　　Сирень, окружавшая храмъ!
Тамъ долго веселый нашъ крикъ раздавался,
И не было играмъ конца;
Тамъ матери нѣжный упрекъ забывался
И выговоръ строгій отца.
　　Мы птичекъ къ себѣ приручали проворныхъ,
　　И поняли скоро онѣ,
　　Что дѣтской рукой разсыпаются зерна
　　Для нихъ на церковномъ окнѣ.
Мнѣ вспомнились лица товарищей милыхъ...
Куда вы дѣвались, друзья?
Иные—далеко, а тѣ—ужъ въ могилахъ...
Разсѣялась наша семья!
　　Одинъ мнѣ всѣхъ памятнѣй. Кротко свѣтились
　　Глаза его; былъ онъ не смѣлъ:
　　Когда мы, бывало, шумѣли, рѣзвились,
　　Онъ молча въ сторонкѣ сидѣлъ
И лишь улыбался, но добраго взора
Съ игравшей толпы не спускалъ.
Забитый, больной, онъ дружился не скоро,
Зато ужъ друзей не мѣнялъ.
　　Двухъ лѣтъ сиротой онъ остался. Призрѣла
　　Чужая семья бѣдняка;
　　Попреки, толчки онъ терпѣлъ то и дѣло,
　　Безъ слезъ не ѣдалъ онъ куска.
Плохой онъ работникъ былъ въ домѣ, но жадно
Читалъ все и ночью и днемъ,

Послѣ дождя. *И. И. Левитанъ.*

И что бы ни вычиталъ въ книжкахъ,—такъ складно,
Бывало, разскажетъ потомъ;
Разскажетъ—какія на свѣтѣ есть страны,
Какіе тамъ звѣри въ лѣсахъ,
Какъ тянутся въ знойной степи караваны,
Какъ ловятъ акулу въ моряхъ.
Любили мы слушать его, и казался
Другимъ въ тѣ минуты онъ намъ:
Нежданно огнемъ его взоръ загорался,
И кровь приливала къ щекамъ.
Онъ, добрый, голодному нищему брату
Отдать былъ послѣднее радъ
И часто дивился: зачѣмъ тѣ—богаты,
А эти—безъ хлѣба сидятъ?..
Что сталось съ тобою? Свела ли въ могилу
Бѣднягу болѣзнь и нужда?
Иль ихъ одолѣлъ ты, нашелъ въ себѣ силу
Для честной борьбы и труда?
Быть-можетъ, пустился ты въ дальнія страны
Свободы и счастья искать,
И все ты увидѣлъ, что стало такъ рано
Ребяческій умъ твой плѣнять?..
Мнѣ вспомнились лица товарищей милыхъ...
Всѣ, всѣ разбрелись вы, друзья:
Иные—далеко, а тѣ—ужъ въ могилахъ...
Разсѣялась наша семья!
А тамъ, за оградой, все такъ же сирени
Цвѣтутъ, и опять вечеркомъ
Малютки на старой церковной ступени
Болтаютъ, усѣвшись рядкомъ.
Тамъ долго ихъ говоръ и смѣхъ раздаются,
И звонкіе ихъ голоски
Тогда лишь начнутъ затихать, какъ зажгутся
Въ домахъ городскихъ огоньки...

А. Плещеевъ.

Переправа.

Городъ С*** не имѣетъ въ себѣ ничего особенно привлекательнаго; но мѣстность, среди которой онъ расположенъ, принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ. Коли хотите, пѣть въ

ней ни особенной живописности ни того разнообразія, которое веселитъ и успокаиваетъ утомленный взоръ путника, но есть какая-то дѣвственная прелесть, какая-то привлекательная строгость въ пустынномъ однообразіи, царствующемъ окрестъ. Необозримые лѣса, по мѣстамъ истребленные жестокими пожарами и пересѣкаемые быстрыми и многоводными лѣсными рѣчками, тянутся по обѣимъ сторонамъ дороги, скрывая въ своихъ неприступныхъ нѣдрахъ тысячи звѣрей и птицъ, оглашающихъ воздухъ самыми разнообразными голосами; дорога, бѣгущая узенькимъ и прихотливымъ извивомъ среди обгорѣлыхъ пней и старыхъ деревьевъ, наклоняющихъ свои косматыя вѣтви такъ низко, что онѣ безпрестанно цѣпляются за экипажъ, напоминаютъ тѣ старинныя просѣки, которыя устроены какъ бы исключительно для насущныхъ нуждъ лѣсниковъ, а не для ѣзды; паръ, встающій отъ тучной, нетронутой земли, сообщаетъ мягкую, нѣжную влажность воздуху, насыщенному смолистымъ запахомъ сосенъ и елей и милыми, свѣжими благоуханіями многоразличныхъ лѣсныхъ злаковъ... И если надъ всѣмъ этимъ представить себѣ палящій весенній полдень, какой иногда бываетъ на нашемъ далекомъ сѣверѣ въ концѣ апрѣля, — вотъ картина, которая всегда производила и производитъ на мою душу могучее, всесильное впечатлѣніе. Каждое слово, каждый лѣсной шорохъ какъ-то чутко отдаются въ воздухѣ и долго еще слышатся потомъ, повторяемые лѣснымъ эхомъ, покуда не замрутъ, наконецъ, Богъ вѣсть въ какой дали. И, несмотря на тишину, царствующую окрестъ, несмотря на однообразіе пейзажа, уныніе ни на минуту не овладѣваетъ сердцемъ; ни на минуту нельзя почувствовать себя одинокимъ, отрѣшеннымъ отъ жизни. Напротивъ того, въ себѣ самомъ начинаешь сознавать какую-то особенную чуткость и воспріимчивость, начинаешь смутно понимать эту общую жизнь природы, отъ которой такъ давно ужъ отвыкъ... И тихіе, ясные сны проносятся надъ душой, и сладко успокаивается сердце, ощущая нестерпимую, безграничную жажду любви.

Но вотъ лѣсъ начинаетъ мельчать; впереди, сквозь рѣдкія насажденія деревьевъ, бѣлѣетъ свѣтъ, возвѣщающій поляну, рѣку или деревню. Вотъ лѣсъ уже кончился, и передъ вами рѣчонка, черезъ которую вы когда-то переѣзжали лѣтомъ въ бродъ. Но теперь вы ее не узнаете; передъ вами цѣлое море воды, потопившей собою и луга и лѣсъ верстъ на семь. Вы подъ-

ѣзжаете къ спуску, около котораго долженъ стоять дощаникъ, но его нѣтъ.

— Неужто это Уста такъ разлилась, ребята? — спрашиваете вы мужичковъ, которые, должно быть, уже много часовъ грѣются на солнышкѣ, выжидая дощаника.

— Пошто не Уста? Уста и есть! — отвѣчаетъ одинъ изъ ожидающихъ, не только не привставая, но даже не оборачивая къ вамъ своей головы. — А кма (много) нонѣ воды, паря: травы, поди, важныя будутъ!

— Скоро ли дощаникъ будетъ? — спрашиваете вы.

— А кто его знаетъ! Нонѣ онъ, поди, верстъ семь за одинъ конецъ ходитъ. Къ вечеру, надо быть, придетъ...

Скрѣпя сердце, вы располагаетесь на берегу, разстилаете коверъ подъ тѣнью дерева и ложитесь; но сонъ не смыкаетъ глазъ вашихъ; дорога и весенній жаръ привели всю кровь вашу въ волненіе, и послѣ нѣсколькихъ попытокъ заставить себя заснуть, вы убѣждаетесь въ рѣшительной невозможности такого подвига.

Вы встаете и садитесь около самой воды, неподалеку отъ группы крестьянъ, къ которой присоединился и вашъ ямщикъ, и долгое время безцѣльно слѣдите мутными глазами за кружками, образующимися на поверхности воды. Лошади отъ вашей повозки отложены и пущены пастись на траву; до васъ долетаетъ вздрагиванье бубенчиковъ, но какъ то смутно и неясно, какъ будто уши у васъ заложило. Въ группѣ крестьянъ возобновляется прерванный вашимъ пріѣздомъ разговоръ.

Вдали, изъ-за кустовъ, показывается чуть замѣтная точка, которая мало-по-малу разрастается, и черезъ нѣсколько минутъ вы уже начинаете ясно различать очертанія лодки.

— Да-а-вай! — кричитъ ямщикъ, устроивши изъ кулака своего подобіе трубы.

— По-о-спѣешь! — долетаетъ издали отвѣтный голосъ лодочниковъ.

Дощаникъ приближается: это небольшая лодка, поперекъ которой перекинутъ дощатый накатъ. Тарантасъ едва можетъ уставиться на немъ, и заднія колеса, только наполовину умѣстившіяся на накатѣ, ежеминутно угрожаютъ скатиться въ воду и увлечь за собою весь экипажъ. Лошадей заставляютъ спрыгнуть на корму, и только испытанное благоправіе этихъ

животныхъ можетъ успокоить ваши опасенья насчетъ того, что одно самое ничтожное, самое естественное движеніе лошади можетъ стоить жизни любому изъ пассажировъ, кое-какъ пріютившихся по стѣнкамъ и большею частью сидящихъ не праздно, а съ весломъ въ рукахъ.

Русло рѣчки переплывается очень скоро, и затѣмъ дощаникъ вступаетъ въ лѣсъ. Зрѣлище это поражаетъ васъ своею новизной и оригинальностью; вы плывете по аллеямъ, которыя въ иныхъ мѣстахъ дѣлаются до того узкими, что дощаникъ только съ помощью величайшихъ усилій протаскивается впередъ. Случается, что на поворотахъ теченіе воды столь быстро, что даже совокупное дѣйствіе всѣхъ наличныхъ силъ, сопровождаемое дружными и одобрительными криками, на нѣкоторое время дѣлается тщетнымъ. Напрасно командируется одна партія гребцовъ въ воду, и тамъ, схватившись руками за вѣтви деревьевъ и кустовъ, тянетъ всѣмъ корпусомъ веревку, прицѣпленную къ дощанику: лодка какъ будто топчется на одномъ мѣстѣ, не подвигаясь ни на пядь впередъ, и только слышно, какъ вода не то чтобы шумитъ, а какъ-то сосредоточенно жужжитъ кругомъ, поминутно угрожая перевернуть вверхъ дномъ утлую скорлупу. Такого рода препятствія встрѣчаются на каждомъ шагу, и оттого переправа совершается до такой степени медленно, что переѣздъ этихъ шести-семи верстъ отнимаетъ, по крайней мѣрѣ, пять-шесть часовъ. Но вотъ, наконецъ, виднѣется за туманами берегъ, образуемый пригоркомъ, на которомъ привольно растетъ все тотъ же неисходный лѣсъ; говоръ и шумъ стихаютъ, весла опускаются, и дощаникъ потихоньку и плавно подступаетъ къ берегу...

И опять зазвенѣлъ колокольчикъ, опять потянулись направо и налѣво лѣса; только тишина сдѣлалась какъ-то глубже, торжественнѣе, потому что и звѣри, и птицы, и растенія — все это заснуло чуткимъ сномъ подъ прозрачнымъ покровомъ весенней ночи.

М. Салтыковъ.

Отдѣлъ второй.

Сказочное царство.

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказки говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской.
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ бабою-ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ.
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!

И тамъ я былъ, и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ и котъ ученый,
Свои мнѣ сказки говорилъ.

А. Пушкинъ.

Лиса и волкъ.

Жили себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говоритъ бабѣ: «Ты, баба, пеки пироги, а я поѣду за рыбою». Наловилъ рыбы и везетъ домой цѣлый возъ. Вотъ ѣдетъ онъ и видитъ, лисичка свернулась колачикомъ и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ, а она не ворохнется. Лежитъ себѣ, какъ мертвая. «Вотъ будетъ подарокъ женѣ», сказалъ дѣдъ, взялъ лисичку и положилъ на возъ, а самъ пошелъ впередъ. А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку изъ воза все по рыбкѣ да по рыбкѣ, все по рыбкѣ да по рыбкѣ. Повыбросала всю рыбу—и сама ушла. «Ну, старуха,—говоритъ дѣдъ, — какой воротникъ привезъ я тебѣ на шубу!»—«Гдѣ?» — «Тамъ на возу—и рыба и воротникъ». Подошла баба къ возу: ни воротника ни рыбы, и начала ругать мужа: «Ахъ ты, старый хрѣнъ! ты еще вздумалъ обманывать!» Тутъ дѣдъ смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая: погоревалъ-погоревалъ, да дѣлать-то нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучку, сѣла и ѣстъ себѣ. Навстрѣчу ей идетъ волкъ. «Здравствуй, кумушка!» — Здравствуй, куманекъ!» — «Дай мнѣ рыбки». — «Налови самъ, да и ѣшь!» — «Я не умѣю». — «Эка! вѣдь я же наловила! Ты, куманекъ, ступай на рѣку, опусти хвостъ въ прорубь, — рыба сама на хвостъ нацѣпляется; да смотри, сиди подольше, а то не наловишь». Волкъ пошелъ на рѣку, опустилъ хвостъ въ прорубь; дѣло-то было зимою. Ужъ онъ сидѣлъ-сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ, — хвостъ его и приморозило. Пробовалъ было приподняться — не тутъ-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!» думаетъ онъ. Смотритъ, а бабы идутъ за водою и кричатъ, завидя сѣраго: «Волкъ, волкъ! бейте его, бейте его!» Прибѣжали и начали колотить волка—кто коромысломъ, кто ведромъ, чѣмъ кто попало. Волкъ прыгалъ-прыгалъ, оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать.

Народная сказка.

Змѣй и цыганъ.

Въ старые годы стояла одна деревушка; повадился въ ту деревушку змѣй летать, людей пожирать. Всѣхъ поѣлъ; остался всего на все одинъ мужикъ. Въ тѣ поры приходитъ туда цыганъ; дѣло было позднимъ вечеромъ. Куда ни заглянетъ—вездѣ пусто! Зашелъ, наконецъ, въ послѣднюю избушку; тамъ сидитъ да плачется остальной мужикъ.

«Здравствуй, добрый человѣкъ!»—«Ты зачѣмъ, цыганъ?.. вѣрно, жизнь тебѣ надоѣла!»—«А что?»—«Да вѣдь сюда повадился змѣй летать, людей пожирать; всѣхъ поѣлъ, меня одного до утра оставилъ, а завтра прилетитъ—и меня сожретъ, да и тебѣ несдобровать. Разомъ двухъ съѣстъ!» — «А можетъ, подавится! Дай-ка я съ тобой переночую да посмотрю завтра: какой-такой змѣй къ вамъ летаетъ».

Переночевали. Утромъ поднялась вдругъ сильная буря, затряслась изба — прилетаетъ змѣй: «Ага, — говоритъ,—прибыль есть! Оставилъ одного мужика, а нашелъ двухъ,—будетъ чѣмъ позавтракать...»—«Будто и вправду съѣшь?» спрашиваетъ цыганъ. «Да-таки съѣмъ!» — «Брешешь, чортова образина! подавишься!» — «Что жъ, ты развѣ сильнѣе меня!»—«Еще бы! чай, самъ знаешь, что у меня сила больше твоей».—«А ну, давай попробуемъ, кто кого сильнѣе?» — «Давай!» Змѣй досталъ изъ жерноговъ камень: «Смотри, цыганъ! я этотъ камень одной рукой раздавлю». — «Ладно, посмотрю!» Змѣй взялъ камень въ горсть и стиснулъ такъ крѣпко, что онъ въ мелкій песокъ обратился: искры такъ и посыпались! «Экое диво! — говоритъ цыганъ. — А ты такъ сожми камень, чтобъ изъ него вода потекла. Гляди, какъ я сожму!» А на столѣ лежалъ узелокъ творогу; цыганъ схватилъ его и ну давить — сыворотка и потекла наземь. «Что, видѣлъ? у кого силы больше?»—«Правда, рука у тебя сильнѣе моей; а вотъ попробуемъ: кто изъ насъ крѣпче свистнетъ?» — «Ну, свисти!» Змѣй какъ свистнулъ—со всѣхъ деревьевъ листъ осыпался. «Хорошо, братъ, свистишь, а все не лучше моего! — сказалъ цыганъ. — Завяжи-ка напередъ свои бѣльма, а то какъ свистну — они у тебя изо лба повыскочатъ!» Змѣй повѣрилъ и завязалъ платкомъ свои глаза. «А ну, свисти!» Цыганъ взялъ дубину да какъ свистнетъ змѣя по башкѣ—тотъ во все горло закри-

Бабушкины сказки. *В. М. Максимовъ.*

чалъ: «Полно, полно, цыганъ! не свисти больше: и съ одного разу немного глаза не вылѣзли».—«Какъ знаешь, а я, пожалуй, готовъ и еще разокъ-другой свистнуть».—«Нѣтъ, не надо! не хочу больше спорить. Давай лучше съ тобой побратаемся: ты будь старшій братъ, а я меньшой».—«Пожалуй!»

«Ну, братъ,—говоритъ змѣй,—ступай — тамъ на степи пасется стадо воловъ; выбери самаго жирнаго, возьми за хвостъ и тащи на обѣдъ». Нечего дѣлать, пошелъ цыганъ въ степь; видитъ—пасется большой гуртъ воловъ, давай ихъ ловить да другъ къ дружкѣ за хвосты связывать. Змѣй ждалъ-ждалъ, не выдержалъ и побѣжалъ самъ: «Что такъ долго?» — «А вотъ постой: навяжу штукъ пятьдесятъ да за одинъ разъ и поволоку всѣхъ домой, чтобъ на цѣлый мѣсяцъ хватило!» — «Экой ты! нешто намъ здѣсь вѣкъ вѣковать? Будетъ и одного». Тутъ змѣй ухватилъ самаго жирнаго вола за хвостъ, сдернулъ съ него шкуру, мясо взвалилъ на плечи и потащилъ домой. «Какъ же, братъ! Я столько штукъ навязалъ—неужели жъ такъ бросить?» — «Ну, брось!» Пришли въ избу, наклали два котла говядины, а воды нѣту. «На тебѣ воловью шкуру,—говоритъ цыгану змѣй,—ступай набери полную воды и неси сюда: станемъ обѣдъ варить». Цыганъ взялъ шкуру, потащилъ къ колодцу — еле-еле порожнюю тащитъ, не то что съ водою. Пришелъ и давай окапывать кругомъ колодецъ. Змѣй опять ждалъ-ждалъ, не выдержалъ и побѣжалъ самъ: «Что ты, братъ, дѣлаешь?» — «Хочу колодецъ кругомъ окопать да весь въ избу притащить, чтобъ не нужно было ходить по воду».— «Экой ты! много затѣваешь! Чтобъ окопать, надо много времени». Опустилъ змѣй въ колодецъ шкуру, набралъ полную воды, вытащилъ и понесъ домой. «А ты, братъ,—говоритъ цыгану,—ступай пока въ лѣсъ, выбери сухой дубъ и волоки въ избу: пора огонь разводить!» Цыганъ пошелъ въ лѣсъ, началъ лыки драть да веревки вить, свилъ длинную-длинную веревку и принялся дубы опутывать. Змѣй ждалъ-ждалъ, не выдержалъ, побѣжалъ самъ: «Что такъ мѣшкаешь?» — «Да вотъ хочу за разъ дубовъ двадцать зацѣпить веревкою да и тащить всѣ съ кореньями, чтобъ надолго дровъ хватило!» — «Экой ты! все посвоему дѣлаешь», сказалъ змѣй, вырвалъ съ корнемъ самый толстый дубъ и поволокъ въ избу. Цыганъ притворился, что крѣпко сердитъ, надулъ губы и сидитъ молча. Змѣй наварилъ говядины, зоветъ его обѣдать, а онъ съ сердцемъ отвѣчаетъ:

«Не хочу!» Вотъ змѣй сожралъ цѣлаго вола, выпилъ воловью шкуру воды и сталъ цыгана допрашивать: «Скажи, братъ, за что сердишься?» — «А за то: что я ни сдѣлаю — все не такъ, все не по-твоему!» — «Ну, не сердись, помиримся!» — «Коли хочешь со мной помириться, поѣдемъ ко мнѣ въ гости». — «Изволь, готовъ, братъ!» Тотчасъ досталъ змѣй повозку, запрягъ тройку что ни есть лучшихъ коней, и поѣхали вдвоемъ въ цыганскій таборъ. Стали подъѣзжать; увидали цыганята своего батьку, бѣгутъ къ нему навстрѣчу голые да во все горло кричатъ: «Батька пріѣхалъ! змѣя привезъ!» Змѣй испугался спрашиваетъ цыгана: «Кто это?» — «А это мои дѣти! чай, голодны теперь; смотри, какъ за тебя примутся!» Змѣй изъ повозки да бѣжать; а цыганъ продалъ тройку лошадей вмѣстѣ съ повозкой и зажилъ себѣ припѣваючи.

Народная сказка.

Никита Кожемяка.

Въ старые годы проявился невдалекѣ отъ Кіева страшный змѣй. Много народа изъ Кіева потаскалъ онъ въ свою берлогу, потаскалъ и поѣлъ. Утащилъ змѣй и царскую дочь, но не съѣлъ ее, а крѣпко-накрѣпко заперъ въ своей берлогѣ. Увязалась за царевной изъ дому маленькая собачонка. Какъ улетитъ змѣй на промыселъ, царевна напишетъ записочку къ отцу, къ матери; привяжетъ записочку собачонкѣ на шею и пошлетъ ее домой. Собачонка записочку отнесетъ и отвѣтъ принесетъ.

Вотъ разъ царь и царица пишутъ къ царевнѣ: «узнай де отъ змѣя, кто его сильнѣй». Стала царевна отъ змѣя допытываться и допыталась: «есть,—говоритъ змѣй,—въ Кіевѣ Никита Кожемяка—тотъ меня сильнѣй». Какъ ушелъ змѣй на промыселъ, царевна и написала къ отцу, къ матери записочку: «есть де въ Кіевѣ Никита Кожемяка; онъ одинъ сильнѣе змѣя; пошлите Никиту меня изъ неволи выручить».

Сыскалъ царь Никиту и самъ съ царицею пошелъ его просить выручить ихъ дочку изъ тяжкой неволи. Въ ту пору мялъ Кожемяка разомъ двѣнадцать воловьихъ кожъ. Какъ увидалъ Никита царя — испугался: руки у Никиты задрожали — и разорвалъ онъ разомъ всѣ двѣнадцать кожъ. Разсердился тутъ

Никита, что его испугали и ему убытку надѣлали, и сколько ни упрашивали его царь и царица пойти выручить царевну— не пошелъ.

Вотъ и придумали царь съ царицею собрать пять тысячъ малолѣтнихъ сиротъ — осиротилъ ихъ лютый змѣй — и послали ихъ просить Кожемяку освободить всю русскую землю отъ великой бѣды. Сжалился Кожемяка на сиротскія слезы, самъ прослезился. Взялъ онъ 300 пудовъ пеньки, насмолилъ ее смолою, весь пенькою обмотался и пошелъ. Подходитъ Никита къ змѣиной берлогѣ; а змѣй заперся, бревнами завалился и къ нему не выходитъ. «Выходи лучше въ чистое поле, а не то я всю твою берлогу размечу», сказалъ Кожемяка и сталъ уже бревна руками разбрасывать. Видитъ змѣй бѣду неминучую, некуда ему отъ Никиты спрятаться, вышелъ въ чистое поле.

Долго ли, коротко ли они билися, только Никита повалилъ змѣя на землю и хотѣлъ его душить. Сталъ тутъ змѣй молить Никиту: «Не бей меня, Никитушка, до смерти! Сильнѣе насъ съ тобою никого на свѣтѣ нѣтъ; раздѣлимъ же весь свѣтъ поровну: ты будешь владѣть въ одной половинѣ, а я въ другой». — «Хорошо, — сказалъ Никита, — надо же прежде межу проложить, чтобы потомъ спору промежъ насъ не было».

Сдѣлалъ Никита соху въ 300 пудъ, запрягъ въ нее змѣя и сталъ отъ Кіева межу прокладывать, борозду пропахивать; глубиной та борозда въ двѣ сажени съ четвертью. Провелъ Никита борозду отъ Кіева до самаго Чернаго моря и говоритъ змѣю: «Землю мы раздѣлили, теперь давай море дѣлить, чтобъ и о водѣ промежъ насъ спору не вышло». Стали воду дѣлить: вогналъ Никита змѣя въ Черное море, да тамъ его и утопилъ.

Сдѣлавши святое дѣло, воротился Никита въ Кіевъ, сталъ опять кожи мять, не взялъ за свой трудъ ничего. Царевна же воротилась къ отцу, къ матери.

Борозда Никитина, говорятъ, и теперь кое-гдѣ по степи видна; стоитъ она валомъ сажени въ двѣ высотою. Кругомъ мужички пашутъ, а борозды не распахиваютъ: оставляютъ ее на память о Никитѣ Кожемякѣ.

Народная сказка.

Баба-яга.

I.

Жили себѣ дѣдъ да баба; дѣдъ овдовѣлъ и женился на другой женѣ, а отъ первой жены осталась у него дѣвочка. Злая мачеха ее не полюбила, била ее и думала, какъ бы вовсе извести. Разъ отецъ уѣхалъ куда-то; мачеха и говоритъ дѣвочкѣ: «Поди къ своей теткѣ, моей сестрѣ, попроси у ней иголочку и ниточку — тебѣ рубашку сшить». А тетка эта была баба-яга, костяная нога. Вотъ дѣвочка не была глупа, да зашла прежде къ своей родной теткѣ. — «Здравствуй, тетушка!» — «Здравствуй, родимая! Зачѣмъ пришла?» — «Матушка послала къ своей сестрѣ попросить иголочку и ниточку — мнѣ рубашку сшить».

Та ее и научаетъ: «Тамъ тебя, племянушка, будетъ березка въ глаза стегать — ты ее ленточкой перевяжи; тамъ тебѣ ворота будутъ скрипѣть и хлопать — ты подлей имъ подъ пяточки маслица; тамъ тебя собаки будутъ рвать — ты имъ хлѣба брось; тамъ тебѣ котъ будетъ глаза драть — ты ему ветчины дай». Пошла дѣвочка, вотъ идетъ и пришла.

II.

Стоитъ хатка, а въ ней сидитъ баба-яга, костяная нога, и ткетъ. «Здравствуй, тетушка!» — «Здравствуй, родимая!» — «Меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку — мнѣ рубашку сшить».—«Хорошо; садись покуда ткать». Вотъ дѣвочка сѣла за кросна, а баба-яга вышла и говоритъ своей работницѣ: «Ступай, истопи баню да вымой племянницу, да смотри хорошенько: я хочу ею позавтракать». Дѣвочка сидитъ ни жива ни мертва, вся перепуганная, и проситъ она работницу: «Родимая моя, ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, рѣшетомъ воду носи», — и дала ей платочекъ. Баба-яга дожидается; подошла она къ окну и спрашиваетъ: «Ткешь ли, племянушка, ткешь ли, милая?» — «Тку, тетушка, тку, милая!» Баба-яга и отошла, а дѣвочка дала коту ветчины и спрашиваетъ: «Нельзя ли какъ-нибудь уйти отсюда?» — «Вотъ тебѣ гребешокъ и полотенце, — говоритъ котъ, — возьми

ихъ и убѣги; за тобою будетъ гнаться баба-яга, ты приклони ухо къ землѣ, и какъ заслышишь, что она близко, брось сперва полотенце, — сдѣлается широкая-широкая рѣка; если жъ баба-яга перейдетъ черезъ рѣку и станетъ догонять тебя, ты опять приклони ухо къ землѣ, и какъ услышишь, что она близко, брось гребешокъ, — сдѣлается дремучій лѣсъ; сквозь него не проберется!»

III.

Дѣвочка взяла полотенце и гребешокъ и побѣжала: собаки хотѣли ее рвать — она бросила имъ хлѣбца, и онѣ ее пропустили; ворота хотѣли захлопнуться — она подлила имъ подъ пяточки маслица, и они ее пропустили; березка хотѣла ей глаза выстегать — она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила. А котъ сѣлъ за кросна и ткетъ: не столько наткалъ, сколько напуталъ. Баба-яга подошла къ окну и спрашиваетъ: «Ткешь ли, племянушка, ткешь ли, милая?» — «Тку, тетка, тку, милая», отвѣчаетъ грубо котъ. Баба-яга бросилась въ хатку, увидѣла, что дѣвочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачѣмъ не выцарапалъ дѣвочкѣ глаза. «Я тебѣ сколько служу, — говоритъ котъ, — ты мнѣ косточки не дала, а она мнѣ ветчинки дала».

Баба-яга накинулась на собакъ, на ворота, на березку и на работницу; давай всѣхъ ругать и колотить. Собаки говорятъ ей: «Мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ горѣлой корочки не бросила, а она намъ хлѣбца дала»; ворота говорятъ: «Мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ водицы подъ пяточки не подлила, а она намъ маслица подлила»; березка говоритъ: «Я тебѣ сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она меня ленточкой перевязала»; работница говоритъ: «Я тебѣ сколько служу, ты мнѣ тряпочки не подарила, а она платочекъ подарила».

IV.

Баба-яга, костяная нога, поскорѣй сѣла въ ступу, толкачомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ, и пустилась въ погоню за дѣвочкой. Вотъ дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что баба-яга гонится, — и ужъ близко, взяла да

и бросила полотенце: сдѣлалась рѣка такая широкая-широкая!

Баба-яга пріѣхала къ рѣкѣ и отъ злости зубами заскрипѣла; воротилась домой, взяла своихъ быковъ и пригнала къ рѣкѣ: быки выпили всю воду дочиста. Баба-яга пустилась опять въ погоню. Дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что баба-яга близко, бросила гребешокъ: сдѣлался лѣсъ такой дремучій да страшный! Баба-яга стала его грызть, но сколько ни старалась, — не могла прогрызть и возвратилась назадъ.

V.

А дѣдъ ужъ пріѣхалъ домой и спрашиваетъ: «Гдѣ же моя дочка?» — «Она пошла къ тетушкѣ», говоритъ мачеха. Немного погодя, и дѣвочка прибѣжала домой: «Гдѣ ты была?» спрашиваетъ отецъ. «Ахъ, батюшка, — говоритъ она, — такъ и такъ: меня матушка посылала къ теткѣ попросить иголочку съ ниточкой — мнѣ рубашку сшить, а тетка — баба-яга — меня съѣсть хотѣла». — «Какъ же ты ушла, дочка?» Такъ и такъ, разсказываетъ дѣвочка. Дѣдъ, какъ узналъ все это, разсердился на женъ и разстрѣлялъ ее, а самъ съ дочкою сталъ жить, да поживать, да добра наживать, и я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало.

Народная сказка.

Снѣгурочка.

I.

Жили на свѣтѣ старикъ со старухой. Жили они хорошо, да вотъ горе: не было у нихъ дѣтей. Сильно тужили старики, что подъ старость пришлось имъ одинокими вѣкъ коротать, да ничего не подѣлаешь. Только у нихъ и радости было, что, на чужихъ дѣтей глядючи, утѣшаться.

Вотъ разъ зимой сидятъ старикъ со старухой подъ окномъ и смотрятъ, какъ на улицѣ ребятишки въ снѣжки играютъ. А снѣгъ только что выпалъ, бѣлый такой, рыхлый... Кончили ребята въ снѣжки играть и стали изъ снѣгу бабу лѣпить. Старикъ и говоритъ:

— А что, старуха, не пойти ли и намъ на улицу, будемъ и мы бабу лѣпить.

— Что жъ, пойдемъ, разгуляемся на старости! Только на что тебѣ бабу? Слѣпимъ лучше себѣ дитя изъ снѣгу, коли Богъ живого намъ не далъ.

— Что правда, то правда, — говоритъ старикъ, взялъ шапку и пошелъ на улицу.

II.

Принялись наши старики лѣпить дитя изъ снѣгу. Слѣпили туловище съ ручками и съ ножками, наложили сверху круглый комъ снѣгу и обгладили изъ него головку.

— Богъ въ помощь! — кричитъ кто-то, проходя мимо.

— Спасибо, — отвѣчаетъ старикъ.

— Божья помощь на все хороша, — говоритъ старуха.

— Что это вы дѣлаете?..

— Да вотъ, что видишь: Снѣгурку!.. — сказали, а сами опять за дѣло.

Вотъ вылѣпили они носикъ и подбородокъ; сдѣлали двѣ ямочки на лбу, и только что старикъ прочертилъ ротикъ, какъ вдругъ изъ него тепломъ пахнуло. Смотрятъ старики: ямочки на лбу стали уже на выкатѣ, и изъ нихъ проглядываютъ голубенькіе глазки, а потомъ и губки, какъ малиновыя, улыбаются.

«Что это, Господи! Не наважденіе ли какое?» думаетъ старикъ.

А кукла наклоняетъ къ нему свою головку, точно живая, и шевелитъ ручками и ножками въ снѣгу, словно грудное дитя въ пеленкахъ.

Задрожала старуха отъ радости и бросилась обнимать Снѣгурочку.

— Ахъ ты, моя Снѣгурочка дорогая! — говоритъ старуха, обнимая свое нежданное дитя, и побѣжала съ нимъ въ избу.

III.

Растетъ Снѣгурочка не по днямъ, а по часамъ, и что день, то все лучше.

Старикъ со старухой не нарадуются на нее. И весело стало у нихъ въ домѣ. Дѣвушки съ села приходятъ забавлять бабушкину дочку; разговариваютъ съ нею, поютъ ей пѣсни,

играютъ съ нею во всякія игры, научаютъ ее всему, какъ что у нихъ ведется.

А Снѣгурочка такая смышленая: все примѣчаетъ и перенимаетъ. И стала она за зиму точно дѣвочка лѣтъ тринадцати: все разумѣетъ, обо всемъ говоритъ и такимъ сладкимъ голосомъ, что заслушаешься. А собою она — бѣленькая, какъ снѣгъ, глазки, какъ незабудочки; свѣтлорусая коса до пояса, одного румянца только нѣтъ вовсе, словно живой кровинки въ тѣлѣ нѣтъ. И всѣ не налюбуются Снѣгуркою; старушка же въ ней и души не чаетъ.

— Вотъ, — говоритъ она мужу, — даровалъ таки намъ Богъ радость на старость!

IV.

Прошла зима. Заиграло на небѣ весеннее солнце и пригрѣло землю. По проталинамъ зазеленѣла травка, и запѣлъ жаворонокъ.

Стали красны дѣвицы хороводы по селу водить да пѣсни пѣть. А Снѣгурочка что то скучна стала.

— Что съ тобою, дитя мое? — говоритъ ей старуха. — Не больна ли ты?

А Снѣгурка отвѣчаетъ ей всякій разъ:

— Ничего, бабушка, я здорова.

Сошелъ послѣдній снѣгъ. Зацвѣли сады и луга; запѣли соловей и всякая птица, и все въ Божьемъ мірѣ стало живѣй и веселѣй. А Снѣгурка еще сильнѣе скучать стала и все прячется отъ солнца подъ тѣнь. Въ дождикъ и сумракъ она веселѣе становится.

А разъ какъ надвинулась сѣрая туча да посыпала крупнымъ градомъ, Снѣгурочка такъ обрадовалась, какъ иная не была бы рада и жемчугу перекатному. Когда же опять припекло солнце, и градъ растаялъ, Снѣгурочка плакала по немъ да такъ сильно, какъ будто сама хотѣла разлиться слезами.

V.

Вотъ и весна прошла, насталъ Ивановъ день. Собрались дѣвушки съ села на гулянье въ рощу, зашли къ Снѣгуркѣ и пристали къ бабушкѣ:

— Пусти да пусти съ нами Снѣгурку!

Старухѣ сначала не хотѣлось пускать ее, но потомъ подумала: «Авось, разгуляется Снѣгурочка!» и отпустила ее съ подругами въ лѣсъ на гулянки.

Пришли онѣ въ лѣсъ, и пошло у нихъ тутъ веселье: вили вѣнки, вязали пучки изъ цвѣтовъ и распѣвали веселыя пѣсни. А когда закатилось солнце, дѣвушки разложили костеръ изъ мелкаго хвороста, зажгли его и всѣ въ вѣнкахъ стали въ рядъ одна за другою, а Снѣгурочку поставили позади всѣхъ.

— Смотри же, — сказали онѣ, — какъ мы побѣжимъ, такъ и ты бѣги слѣдомъ за нами, не отставай!

Вотъ стали дѣвушки прыгать черезъ костеръ.

Вдругъ что-то позади нихъ зашумѣло и жалобно такъ простонало «ау!» Оглянулись онѣ въ испугѣ, — нѣтъ никого. Смотрятъ другъ на дружку и не видятъ между собою Снѣгурки.

— А! вѣрно, она спряталась, шалунья, — и разбѣжались искать ее, но никакъ не могутъ найти; кличутъ, аукаютъ, — не отзывается.

— Куда бы это дѣлась она? Видно, домой убѣжала, — сказали онѣ и пошли въ село, но Снѣгурочки и въ селѣ не было.

Искали ее на другой день, искали на третій; исходили всю рощу — кустикъ за кустикъ, деревцо за деревцо: нѣтъ Снѣгурки, и слѣдъ простылъ!

Долго горевали старикъ со старухою и плакали по своей дочкѣ

Куда жъ дѣлась Снѣгурка?.. Лютый ли звѣрь уволокъ ее въ дремуій лѣсъ, или хищная птица унесла къ синему морю? Нѣтъ, не лютый звѣрь унесъ ее въ дремучій лѣсъ и не хищная птица унесла ее къ синему морю, а когда Снѣгурка побѣжала за подружками и вскочила въ огонь, — вдругъ потянулась она вверхъ легкимъ паромъ, свилась въ тонкое облачко и полетѣла въ высоту поднебесную.

Народная сказка.

Сказка объ Иванѣ-царевичѣ, жаръ-птицѣ и о сѣромъ волкѣ.

I.

Въ нѣкоторомъ было царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ былъ-жилъ царь, по имени Выславъ Андроновичъ. У него было три сына царевича: первый — Дмитрій-царевичъ, другой — Василій-царевичъ, а третій — Иванъ-царевичъ. У того царя Выслава Андроновича былъ садъ такой богатый, что ни въ которомъ государствѣ лучше того не было; въ томъ саду росли разныя дорогія деревья съ плодами и безъ плодовъ, и была у царя одна яблоня любимая, и на той яблонѣ росли яблочки и все золотыя. Повадилась къ царю Выславу въ садъ летать жаръ-птица; на ней перья золотыя, а глаза восточному хрусталю подобны. Летала она въ тотъ садъ каждую ночь и садилась на любимую Выслава-царя яблоню, срывала съ нея золотыя яблоки и опять улетала. Царь Выславъ Андроновичъ весьма крушился о той яблонѣ, что жаръ-птица много яблокъ съ нея сорвала; почему призвалъ къ себѣ трехъ своихъ сыновей и сказалъ имъ: «Дѣти мои любезныя! кто изъ васъ можетъ поймать въ моемъ саду жаръ-птицу? кто изловитъ ее живую, тому еще при жизни моей отдамъ половину царства, а по смерти и все». Тогда дѣти его, царевичи, возопили единогласно: «Милостивый государь-батюшка, ваше царское величество! мы съ великою радостью будемъ стараться поймать жаръ-птицу живую».

На первую ночь пошелъ караулить въ садъ Дмитрій-царевичъ и, усѣвшись подъ ту яблонь, съ которой жаръ-птица яблочки срывала, заснулъ и не слыхалъ, какъ та жаръ-птица прилетала и яблокъ весьма много ощипала. Поутру царь Выславъ Андроновичъ призвалъ къ себѣ своего сына Дмитрія-царевича и спросилъ: «Что, сынъ мой любезный, видѣлъ ли ты жаръ птицу, или нѣтъ?» Онъ родителю своему отвѣчалъ: «Нѣтъ, милостивый государь-батюшка, она эту ночь не прилетала». На другую ночь пошелъ въ садъ караулить жаръ-птицу Василій-царевичъ. Онъ сѣлъ подъ ту же яблонь и, сидя часъ и другой ночи, заснулъ такъ крѣпко, что не слыхалъ, какъ жаръ-птица прилетала и яблочки щипала. Поутру царь Вы-

славъ призвалъ его къ себѣ и спрашивалъ: «Что, сынъ мой любезный, видѣлъ ли ты жаръ-птицу, или нѣтъ?» — «Милостивый государь-батюшка, она эту ночь не прилетала».

На третью ночь пошелъ въ садъ караулить Иванъ-царевичъ и сѣлъ подъ ту же яблонь; сидитъ онъ часъ, другой и третій — вдругъ освѣтило весь садъ такъ, какъ бы онъ многими огнями освѣщенъ былъ: прилетѣла жаръ-птица, сѣла на яблоню и начала щипать яблочки. Иванъ-царевичъ подкрался къ ней такъ искусно, что ухватилъ ее за хвостъ; однако не могъ ее удержать: жаръ-птица вырвалась и полетѣла, и осталось у Ивана-царевича въ рукѣ только одно перо изъ хвоста, за которое онъ весьма крѣпко держался. Поутру, лишь только царь Выславъ отъ сна пробудился, Иванъ царевичъ пошелъ къ нему и отдалъ ему перышко жаръ-птицы. Царь Выславъ весьма былъ обрадованъ, что меньшому его сыну удалось хотя одно перо достать отъ жаръ-птицы. Это перо было такъ чудно и свѣтло, что ежели принесть его въ темную горницу, то оно такъ сіяло, какъ бы въ томъ покоѣ было зажжено великое множество свѣчъ. Царь Выславъ положилъ то перышко въ свой кабинетъ, какъ такую вещь, которая должна вѣчно храниться. Съ тѣхъ поръ жаръ-птица не летала уже въ садъ.

II.

Царь Выславъ опять призвалъ къ себѣ дѣтей своихъ и говорилъ имъ: «Дѣти мои любезныя! поѣзжайте, я даю вамъ благословеніе, отыщите жаръ-птицу и привезите ко мнѣ живую; а что прежде я обѣщалъ, то, конечно, получитъ тотъ, кто жаръ-птицу ко мнѣ привезетъ». Дмитрій и Василій-царевичи начали имѣть злобу на меньшого своего брата Ивана-царевича, что ему удалось выдернуть у жаръ-птицы изъ хвоста перо; взяли они у отца благословеніе и поѣхали двое отыскивать жаръ-птицу. А Иванъ-царевичъ также началъ у родителя своего просить на то благословенія. Царь Выславъ сказалъ ему: «Сынъ мой любезный, чадо мое милое! ты еще молодъ и къ такому дальнему и трудному пути не привыченъ; зачѣмъ тебѣ отъ меня отлучаться? Вѣдь братья твои и такъ поѣхали. Ну, ежели и ты отъ меня уѣдешь, и вы всѣ трое долго не возвратитесь? Я уже при старости и хожу подъ Богомъ; ежели во время отлучки вашей Господь Богъ отыметъ мою жизнь, то

кто, вмѣсто меня, будетъ управлять моимъ царствомъ? Тогда можетъ сдѣлаться бунтъ и несогласіе между нашимъ народомъ, а унять будетъ некому; или непріятель подъ наши области подступитъ, а управлять войсками нашими будетъ некому». Однако сколько царь Выславъ ни старался удерживать Ивана-царевича, но никакъ не могъ не отпустить его, по его неотступной просьбѣ. Иванъ-царевичъ взялъ у родителя своего благословеніе, выбралъ себѣ коня и поѣхалъ въ путь — и ѣхалъ, самъ не зная, куда ѣдетъ.

Ѣдучи путемъ-дорогою, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, — скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, — наконецъ, пріѣхалъ онъ въ чистое поле, въ зеленые луга. А въ чистомъ полѣ стоитъ столбъ, а на столбу написаны эти слова: «Кто поѣдетъ отъ столба сего прямо, тотъ будетъ голоденъ и холоденъ; кто поѣдетъ въ правую сторону, тотъ будетъ здравъ и живъ, а конь его будетъ мертвъ; а кто поѣдетъ въ лѣвую сторону, тотъ самъ будетъ убитъ, а конь живъ и здравъ останется». Иванъ-царевичъ прочелъ эту надпись и поѣхалъ въ правую сторону, держа на умѣ: хотя конь его и убитъ будетъ, зато самъ живъ останется и со временемъ можетъ достать себѣ другого коня. Онъ ѣхалъ день, другой и третій — вдругъ вышелъ ему навстрѣчу пребольшой сѣрый волкъ и сказалъ: «Охъ ты, гой еси, молодой юноша Иванъ-царевичъ! вѣдь ты читалъ на столбѣ написано, что конь твой будетъ мертвъ, такъ зачѣмъ сюда ѣдешь?» Волкъ вымолвилъ эти слова, разорвалъ коня Ивана-царевича надвое и пошелъ прочь въ сторону.

III.

Иванъ-царевичъ вельми сокрушался по своемъ конѣ, заплакалъ горько и пошелъ пѣшій. Онъ шелъ цѣлый день и усталъ несказанно, и только что хотѣлъ присѣсть отдохнуть, вдругъ нагналъ его сѣрый волкъ и сказалъ ему: «Жаль мнѣ тебя, Иванъ-царевичъ, что ты пѣшъ изнурился; жаль мнѣ и того, что я заѣлъ твоего добраго коня. Добро! садись на меня, на сѣраго волка, и скажи, куда тебя везти и зачѣмъ?» Иванъ-царевичъ сказалъ сѣрому волку, куда ему ѣхать надобно; и сѣрый волкъ помчался съ нимъ пуще коня, и черезъ нѣкоторое время, какъ разъ ночью, привезъ Ивана-царевича къ каменной

стѣнѣ негораздо высокой, остановился и сказалъ: «Ну, Иванъ-царевичъ! слѣзай съ меня, съ сѣраго волка, и полѣзай черезъ эту каменную стѣну: тутъ за стѣной садъ, а въ томъ саду жаръ-птица сидитъ въ золотой клѣткѣ. Ты жаръ-птицу возьми, а золотую клѣтку не трогай: ежели клѣтку возьмешь, то тебѣ оттуда не уйти будетъ: тебя тотчасъ поймаютъ!»

Иванъ-царевичъ перелѣзъ черезъ каменную стѣну въ садъ, увидѣлъ жаръ-птицу въ золотой клѣткѣ и очень на нее прельстился. Вынулъ птицу изъ клѣтки и пошелъ назадъ, да потомъ одумался и сказалъ самъ себѣ: «Что я взялъ жаръ-птицу безъ клѣтки, куда я ее посажу?» Воротился, и лишь только снялъ золотую клѣтку, то вдругъ пошелъ стукъ и громъ по всему саду, ибо къ той золотой клѣткѣ были струны проведены. Караульные тотчасъ проснулись, прибѣжали въ садъ, поймали Ивана-царевича съ жаръ-птицею и привели къ своему царю, котораго звали Долматомъ. Царь Долматъ весьма разгнѣвался на Ивана-царевича и вскричалъ на него громкимъ и сердитымъ голосомъ: «Какъ не стыдно тебѣ, младой юноша, воровать! Да кто ты таковъ, и которыя земли, и какого отца сынъ, и какъ тебя по имени зовутъ?» Иванъ-царевичъ ему молвилъ: «Я есмь изъ царства Выславова, сынъ царя Выслава Андроновича, а зовутъ меня Иванъ-царевичъ. Твоя жаръ-птица повадилась къ намъ летать въ садъ по всякую ночь и срывала съ любимой отца моего яблони золотыя яблочки и почти все дерево испортила; для того послалъ меня мой родитель, чтобъ сыскать жаръ-птицу и къ нему привезть». — «О ты, младой юноша, Иванъ-царевичъ! — молвилъ царь Долматъ. — Пригоже ли такъ дѣлать, какъ ты сдѣлалъ? Ты бы пришелъ ко мнѣ, я бы тебѣ жаръ-птицу честью отдалъ; а теперь хорошо ли будетъ, когда я разошлю во всѣ государства о тебѣ объявить, какъ ты въ моемъ государствѣ нечестно поступилъ? Однако слушай, Иванъ-царевичъ! ежели ты сослужишь мнѣ службу: съѣздишь за тридесять земель, въ тридесятое государство и достанешь мнѣ отъ царя Афрона коня златогриваго, то я тебя въ твоей винѣ прощу и жаръ-птицу съ великою честью отдамъ; а ежели не сослужишь этой службы, то дамъ о тебѣ знать во всѣ государства, что ты нечестный воръ». Иванъ-царевичъ пошелъ отъ царя Долмата въ великой печали, обѣщая ему достать коня златогриваго.

IV.

Пришелъ онъ къ сѣрому волку и разсказалъ ему обо всемъ, что царь Долматъ говорилъ. «Охъ ты, гой еси, младой юноша. Иванъ-царевичъ,—молвилъ ему сѣрый волкъ,—для чего ты слова моего не слушался и взялъ золотую клѣтку?»—«Виноватъ я предъ тобою», сказалъ волку Иванъ-царевичъ. «Добро, быть такъ!—молвилъ сѣрый волкъ.—Садись на меня, на сѣраго волка: я тебя свезу, куда тебѣ надобно». Иванъ-царевичъ сѣлъ сѣрому волку на спину; а волкъ побѣжалъ такъ скоро, аки стрѣла, и бѣжалъ онъ долго ли, коротко ли, наконецъ, прибѣжалъ въ государство царя Афрона ночью. И, пришедши къ бѣлокаменнымъ царскимъ конюшнямъ, сѣрый волкъ Ивану-царевичу сказалъ: «Ступай, Иванъ-царевичъ, въ эти бѣлокаменныя конюшни (теперь караульные конюхи всѣ крѣпко спятъ) и бери ты коня златогриваго. Только тутъ на стѣнѣ виситъ золотая узда, ты ея не бери, а то худо тебѣ будетъ».

Иванъ-царевичъ, вступая въ бѣлокаменныя конюшни, взялъ коня и пошелъ было назадъ; но увидѣлъ на стѣнѣ золотую узду и такъ на нее прельстился, что снялъ ее съ гвоздя, и только что снялъ, какъ вдругъ пошелъ громъ и шумъ по всѣмъ конюшнямъ, потому что къ той уздѣ были струны проведены. Караульные конюхи тотчасъ прибѣжали, Ивана-царевича поймали и повели къ царю Афрону. Царь Афронъ началъ его спрашивать: «Охъ ты, гой еси, младой юноша! скажи мнѣ, изъ котораго ты государства, и котораго отца сынъ, и какъ тебя по имени зовутъ?» На то отвѣчалъ ему Иванъ-царевичъ: «Я самъ изъ царства Выславова, сынъ царя Выслава Андроновича, а зовутъ меня Иваномъ-царевичемъ».—«Охъ ты, младой юноша, Иванъ-царевичъ,—сказалъ ему царь Афронъ,—честнаго ли рыцаря это дѣло, которое ты сдѣлалъ? Ты бы пришелъ ко мнѣ, я бы тебѣ коня златогриваго съ честію отдалъ. А теперь хорошо ли будетъ, когда я разошлю во всѣ государства объявить, какъ ты нечестно въ моемъ государствѣ поступилъ? Однако слушай, Иванъ-царевичъ! ежели ты сослужишь мнѣ службу и съѣздишь за тридевять земель, въ тридевятое государство и достанешь мнѣ королевну Елену Прекрасную, въ которую я давно и душою и сердцемъ влюбился, а достать не могу, то я тебѣ эту вину прощу и коня златогриваго съ во-

лотою уздою честью отдамъ. А ежели этой службы мнѣ не сослужишь, то я о тебѣ дамъ знать во всѣ государства, что ты нечестный воръ, и пропишу все, какъ ты въ моемъ государствѣ дурно сдѣлалъ». Тогда Иванъ-царевичъ обѣщался царю Афрону королевну Елену Прекрасную достать, а самъ пошелъ изъ палатъ его и горько заплакалъ.

V.

Пришелъ къ сѣрому волку и разсказалъ все, что съ нимъ случилося. «Охъ ты, гой еси, младой юноша, Иванъ-царевичъ!— молвилъ ему сѣрый волкъ.—Для чего ты слова моего не послушался и взялъ золотую узду?»—«Виноватъ я предъ тобою», сказалъ волку Иванъ-царевичъ. «Добро, быть такъ!—продолжалъ сѣрый волкъ.—Садись на меня, на сѣраго волка: я тебя свезу, куда тебѣ надобно». Иванъ-царевичъ сѣлъ сѣрому волку на спину, а волкъ побѣжалъ такъ скоро, какъ стрѣла, и бѣжалъ онъ, какъ бы въ сказкѣ сказать, недолгое время и, наконецъ, прибѣжалъ въ государство королевны Елены Прекрасной. И, пришедши къ золотой рѣшеткѣ, которая окружала чудесный садъ, волкъ сказалъ Ивану-царевичу: «Ну, Иванъ-царевичъ! слѣзай теперь съ меня, съ сѣраго волка, и ступай назадъ по той дорогѣ, по которой мы сюда пришли, и ожидай меня въ чистомъ полѣ, подъ зеленымъ дубомъ».

Иванъ-царевичъ пошелъ, куда ему велѣно. Сѣрый же волкъ сѣлъ близъ той золотой рѣшетки и дожидался, покуда пойдетъ прогуляться въ садъ королевна Елена Прекрасная. Къ вечеру, когда солнышко стало гораздо опускаться къ западу, почему и въ воздухѣ было не очень жарко, королевна Елена Прекрасная пошла въ садъ прогуливаться со своими нянюшками и съ придворными боярынями. Когда она вошла въ садъ и подходила къ тому мѣсту, гдѣ сѣрый волкъ сидѣлъ за рѣшеткою, вдругъ сѣрый волкъ перескочилъ черезъ рѣшетку въ садъ и ухватилъ королевну Елену Прекрасную, перескочилъ назадъ и побѣжалъ съ нею что есть силы-мочи. Прибѣжалъ въ чистое поле, подъ зеленый дубъ, гдѣ его Иванъ-царевичъ дожидался, и сказалъ ему: «Иванъ-царевичъ! садись поскорѣе на меня, на сѣраго волка». Иванъ-царевичъ сѣлъ на него, а сѣрый волкъ помчалъ ихъ обоихъ къ государству царя Афрона. Няньки и мамки и всѣ боярыни придворныя, которыя гуляли въ саду съ

В. М. Васнецовъ.

Иванъ-царевичъ на сѣромъ волкѣ.

прекрасною королевной Еленой, побѣжали тотчасъ во дворецъ и послали въ погоню, чтобы догнать сѣраго волка; однако сколько гонцы ни гнались, не могли нагнать и воротились назадъ.

VI.

Иванъ-царевичъ, сидя на сѣромъ волкѣ вмѣстѣ съ прекрасной королевной Еленой, возлюбилъ ее сердцемъ, а она Ивана-цавича; когда сѣрый волкъ прибѣжалъ въ государство царя Афрона, и Ивану-царевичу надобно было отвести прекрасную королевну Елену во дворецъ и отдать царю, тогда царевичъ весьма запечалился и началъ слезно плакать. Сѣрый волкъ спросилъ его: «О чемъ ты плачешь, Иванъ-царевичъ?» На то ему Иванъ-царевичъ отвѣчалъ: «Другъ мой, сѣрый волкъ! какъ мнѣ, доброму молодцу, не плакать и не крушиться? Я сердцемъ возлюбилъ прекрасную королевну Елену, а теперь долженъ отдать ее царю Афрону за коня златогриваго; а ежели ея не отдамъ, то царь Афронъ обезчеститъ меня во всѣхъ государствахъ».—«Служилъ я тебѣ много, Иванъ-царевичъ,—сказалъ сѣрый волкъ:—сослужу и эту службу. Слушай, Иванъ-царевичъ: я сдѣлаюсь прекрасной королевной Еленой, и ты меня отвези къ царю Афрону и возьми коня златогриваго; онъ меня почтетъ за настоящую королевну. И когда ты сядешь на коня златогриваго и уѣдешь далеко, тогда я выпрошусь у царя Афрона въ чисто поле погулять; и какъ онъ меня отпуститъ съ нянюшками и съ мамушками и со всѣми придворными боярынями, и я буду съ ними въ чистомъ полѣ, тогда ты меня вспомяни—и я опять у тебя буду».

Сѣрый волкъ вымолвилъ эти рѣчи, ударился о сыру-землю и сталъ прекрасною королевною Еленой, такъ что никакъ и узнать нельзя, чтобы то не она была. Иванъ-царевичъ взялъ сѣраго волка, пошелъ во дворецъ къ царю Афрону, а прекрасной королевнѣ Еленѣ велѣлъ дожидаться за городомъ. Когда Иванъ-царевичъ пришелъ къ царю Афрону съ мнимою Еленою Прекрасною, то царь вельми обрадовался въ сердцѣ своемъ, что получилъ такое сокровище, котораго онъ давно желалъ. Онъ принялъ ложную королевну, а коня златогриваго вручилъ Ивану-царевичу. Иванъ-царевичъ сѣлъ на того коня и выѣхалъ за городъ, посадилъ съ собою Елену Прекрасную и поѣхалъ, держа

путь къ государству царя Долмата. Сѣрый же волкъ живетъ у царя Афрона день, другой и третій, вмѣсто прекрасной королевны Елены, а на четвертый день пришелъ къ царю Афрону проситься въ чистомъ полѣ погулять, чтобъ разбить тоску-печаль лютую. Какъ возговорилъ ему царь Афронъ: «Ахъ, прекрасная моя королевна Елена! я для тебя все сдѣлаю, отпущу тебя въ чисто поле погулять». И тотчасъ приказалъ нянюшкамъ и мамушкамъ и всѣмъ придворнымъ боярынямъ съ прекрасною королевною итти въ чистое поле гулять.

VII.

Иванъ же царевичъ ѣхалъ путемъ-дорогою съ Еленою Прекрасною, разговаривалъ съ нею и забылъ было про сѣраго волка; да потомъ вспомнилъ: «Ахъ, гдѣ-то мой сѣрый волкъ?» Вдругъ откуда ни взялся,—сталъ онъ предъ Иванъ-царевичемъ и сказалъ ему: «Садись, Иванъ-царевичъ, на меня, на сѣраго волка, а прекрасная королевна пусть ѣдетъ на конѣ златогривомъ». Иванъ-царевичъ сѣлъ на сѣраго волка, и поѣхали они въ государство царя Долмата. Ѣхали они долго ли, коротко ли и, доѣхавъ до того государства, за три версты отъ города остановились. Иванъ-царевичъ началъ просить сѣраго волка: «Слушай ты, другъ мой любезный, сѣрый волкъ! сослужилъ ты мнѣ много службъ,—сослужи мнѣ и послѣднюю; а служба твоя будетъ вотъ какая: не можешь ли ты оборотиться въ коня златогриваго на мѣсто этого, потому что съ этимъ златогривымъ конемъ мнѣ разстаться не хочется». Вдругъ сѣрый волкъ ударился о сырую землю—и сталъ конемъ златогривымъ; Иванъ-царевичъ, оставя прекрасную королевну Елену въ зеленомъ лугу, сѣлъ на сѣраго волка и поѣхалъ во дворецъ къ царю Долмату. И какъ скоро туда пріѣхалъ, царь Долматъ увидѣлъ Ивана-царевича, что ѣдетъ онъ на конѣ златогривомъ, весьма обрадовался, тотчасъ вышелъ изъ палатъ своихъ, встрѣтилъ царевича на широкомъ дворѣ, поцѣловалъ его въ уста сахарныя, взялъ его за правую руку и повелъ въ палаты бѣлокаменныя. Царь Долматъ для такой радости велѣлъ сотворить пиръ, и они сѣли за столы дубовые, за скатерти браныя; пили, ѣли, забавлялися и веселилися ровно два дня, а на третій день царь Долматъ вручилъ Ивану-царевичу жаръ-птицу съ золотою клѣткою. Царевичъ взялъ жаръ-птицу, по-

шелъ за городъ, сѣлъ на коня златогриваго вмѣстѣ съ прекрасной королевной Еленою и поѣхалъ въ свое отечество, въ государство царя Выслава Андроновича. Царь же Долматъ вздумалъ на другой день своего коня златогриваго объѣздить въ чистомъ полѣ; велѣлъ его осѣдлать, потомъ сѣлъ на него и поѣхалъ въ чистое поле, и лишь только разъярилъ коня, какъ онъ сбросилъ съ себя царя Долмата и, оборотясь попрежнему въ сѣраго волка, побѣжалъ и нагналъ Ивана-царевича. «Иванъ-царевичъ,—сказалъ онъ,—садись на меня, на сѣраго волка, а королевна Елена Прекрасная пусть ѣдетъ на конѣ златогривомъ». Иванъ-царевичъ сѣлъ на сѣраго волка, и поѣхали они въ путь. Какъ скоро довезъ сѣрый волкъ Ивана-царевича до тѣхъ мѣстъ, гдѣ его коня разорвалъ, онъ остановился и сказалъ: «Ну, Иванъ-царевичъ! послужилъ я тебѣ довольно вѣрою и правдою. Вотъ на семъ мѣстѣ разорвалъ я твоего коня надвое, до этого мѣста и довезъ тебя. Слѣзай съ меня, съ сѣраго волка— теперь есть у тебя конь златогривый, такъ ты сядь на него и поѣзжай, куда тебѣ надобно; а я тебѣ больше не слуга». Сѣрый волкъ вымолвилъ эти слова и побѣжалъ въ сторону; а Иванъ-царевичъ заплакалъ горько по сѣромъ волкѣ и поѣхалъ въ путь свой съ прекрасною королевною.

VIII.

Долго ли, коротко ли ѣхалъ онъ съ прекрасною королевною Еленою на конѣ златогривомъ и, не доѣхавъ до своего государства за двадцать верстъ, остановился, слѣзъ съ коня и вмѣстѣ съ прекрасною королевною легъ отдохнуть отъ солнечнаго зноя подъ деревомъ; коня златогриваго привязалъ къ тому же дереву, а клѣтку съ жаръ-птицею поставилъ подлѣ себя. Лежа на мягкой травѣ и ведя разговоры полюбовные, они крѣпко уснули. Въ то самое время братья Ивана-царевича Дмитрій и Василій-царевичи, ѣздя по разнымъ государствамъ и не найдя жаръ-птицы, возвращались въ свое отечество съ порожними руками; нечаянно наѣхали они на своего соннаго брата Ивана-царевича съ прекрасною королевною Еленою. Увидя на травѣ коня златогриваго и жаръ-птицу въ золотой клѣткѣ, весьма на нихъ прельстились и вздумали брата своего Ивана-царевича убить до-смерти. Дмитрій-царевичъ вынулъ изъ ноженъ мечъ свой, заколол Ивана-царевича и изрубилъ его на

мелкія части; потомъ разбудилъ прекрасную королевну Елену и началъ ее спрашивать: «Прекрасная дѣвица! котораго ты государства, и какого отца дочь, и какъ тебя по имени зовутъ?» Прекрасная королевна Елена, увидя Ивана-царевича мертваго, крѣпко испугалась, стала плакать горькими слезами и во слезахъ говорила: «Я—королевна Елена Прекрасная, а досталъ меня Иванъ-царевичъ, котораго вы злой смерти предали. Вы тогда бъ были добрые рыцари, если бъ выѣхали съ нимъ въ чистое поле да живого побѣдили, а то убили соннаго, и тѣмъ какую себѣ похвалу получите? Сонный человѣкъ—что мертвый!» Тогда Дмитрій-царевичъ приложилъ свой мечъ къ сердцу прекрасной королевны Елены и сказалъ ей: «Слушай, Елена Прекрасная! ты теперь въ нашихъ рукахъ; мы повеземъ тебя къ нашему батюшкѣ, царю Выславу Андроновичу, и ты скажи ему, что мы тебя достали и жаръ-птицу и коня златогриваго. Ежели этого не скажешь, сейчасъ тебя смерти предамъ!» Прекрасная королевна Елена испугалась смерти, обѣщалась имъ и клялась всею святынею, что будетъ говорить такъ, какъ ей велѣно. Тогда Дмитрій-царевичъ съ Василіемъ-царевичемъ начали метать жеребей, кому достанется прекрасная королевна Елена и кому конь златогривый. И жеребей палъ, что прекрасная королевна должна достаться Василію-царевичу, а конь златогривый Дмитрію-царевичу. Тогда Василій царевичъ взялъ прекрасную королевну Елену, посадилъ на своего добраго коня, а Дмитрій царевичъ сѣлъ на коня златогриваго и взялъ жаръ-птицу, чтобы вручить ее родителю своему, царю Выславу Андроновичу, и поѣхали въ путь.

IX.

Иванъ-царевичъ лежалъ на томъ мѣстѣ ровно тридцать дней; въ то время набѣжалъ на него сѣрый волкъ и узналъ по духу Ивана-царевича. Захотѣлъ помочь ему—оживить, да не зналъ, какъ это сдѣлать. Въ то самое время увидѣлъ сѣрый волкъ одного ворона и двухъ воронятъ, которые летали надъ трупомъ и хотѣли спуститься на землю и наѣсться мяса Ивана-царевича. Сѣрый волкъ спрятался за кустъ, и какъ скоро воронята спустились на землю и начали ѣсть тѣло Ивана-царевича, онъ выскочилъ изъ-за куста, схватилъ одного вороненка и хотѣлъ было разорвать его надвое. Тогда воронъ спустился

на землю, сѣлъ поодаль отъ сѣраго волка и сказалъ ему: «Охъ, ты гой еси, сѣрый волкъ, не трогай моего младого дѣтища, вѣдь онъ тебѣ ничего не сдѣлалъ».—«Слушай, воронъ вороновичъ,—молвилъ сѣрый волкъ,—я твоего дѣтища не трону и отпущу здрава и невредима, когда ты мнѣ сослужишь службу: слетаешь за тридесять земель, въ тридесятое государство и принесешь мнѣ мертвой и живой воды». На то воронъ вороновичъ сказалъ сѣрому волку: «Я тебѣ службу эту сослужу, только не тронь ничѣмъ моего сына» Выговоря эти слова, воронъ полетѣлъ и скрылся изъ виду. На третій день воронъ прилетѣлъ и принесъ съ собой два пузырька: въ одномъ—живая вода, въ другомъ — мертвая, и отдалъ тѣ пузырьки сѣрому волку. Сѣрый волкъ взялъ пузырьки, разорвалъ вороненка надвое, спрыснулъ мертвою водою—и тотъ вороненокъ сросся; спрыснулъ живою водой—вороненокъ встрепенулся и полетѣлъ. Потомъ сѣрый волкъ спрыснулъ Ивана-царевича мертвою водою—его тѣло срослося, спрыснулъ живою водою—Иванъ-царевичъ всталъ и промолвилъ: «Ахъ, куды какъ я долго спалъ!» На то сказалъ ему сѣрый волкъ: «Да, Иванъ-царевичъ, спать бы тебѣ вѣчно, кабы не я: вѣдь тебя братья изрубили и прекрасную королевну Елену, коня златогриваго и жаръ-птицу увезли съ собою. Теперь поспѣшай, какъ можно скорѣе, въ свое отечество: братъ твой Василій-царевичъ женится сегодня на твоей невѣстѣ—на прекрасной королевнѣ Еленѣ. А чтобъ тебѣ поскорѣе туда поспѣть, садись лучше на меня, на сѣраго волка; я тебя на себѣ донесу». Иванъ-царевичъ сѣлъ на сѣраго волка; волкъ побѣжалъ съ нимъ въ государство царя Выслава Андроновича, и долго ли, коротко ли прибѣжали къ городу.

X.

Иванъ-царевичъ слѣзъ съ сѣраго волка, пошелъ въ городъ и, пришедши во дворецъ, засталъ, что братъ его Василій-царевичъ женится на прекрасной королевнѣ Еленѣ, воротился съ нею отъ вѣнца и сидитъ за столомъ. Иванъ-царевичъ вошелъ въ палаты, и какъ скоро Елена прекрасная увидала его, тотчасъ выскочила изъ-за стола, начала цѣловать его въ уста сахарныя и закричала: «Вотъ мой любезный женихъ Иванъ-царевичъ, а не тотъ злодѣй, который за столомъ сидитъ!»

Тогда царь Выславъ Андроповичъ всталъ съ мѣста и началъ прекрасную королевну спрашивать: что бы такое то значило, о чемъ она говорила? Елена прекрасная разсказала ему всю истинную правду, что и какъ было; какъ Иванъ-царевичъ добылъ ее, коня златогриваго и жаръ-птицу, какъ старшіе братья убили его соннаго до-смерти и какъ стращали ее, чтобъ говорила, будто все это они достали. Царь Выславъ весьма осердился на Дмитрія и Василія-царевичей и посадилъ ихъ въ темницу; а Иванъ-царевичъ женился на прекрасной королевнѣ Еленѣ и началъ съ нею жить дружно, полюбовно, такъ что одинъ безъ другого ниже единой минуты пробыть не могли.

Народная сказка.

Сивко-бурко, вѣщій воронко.

I.

Жилъ-былъ старикъ; у него было три сына. Третій-то Иванъ-дуракъ, ничего не дѣлалъ, только на печи сидѣлъ да сморкался. Отецъ сталъ умирать и говоритъ: «Дѣти! какъ я умру, вы поочередно ходите на могилу ко мнѣ спать три ночи»,— и умеръ. Старика схоронили. Приходитъ ночь: надо большому брату ночевать на могилѣ, а ему—кое лѣнь, кое боится; онъ и говоритъ малому брату: «Ночуй за меня, ты ничего же не дѣлаешь!» Иванъ-дуракъ собрался, пришелъ на могилу, лежитъ. Въ полночь вдругъ могила разступилась, старикъ выходитъ и спрашиваетъ: «Кто тутъ? ты, большой сынъ?»— «Нѣтъ, батюшка! я Иванъ-дуракъ».—«Что же большой-отъ сынъ не пришелъ?»—«А онъ меня послалъ, батюшка!»—«Ну, твое счастье!» Старикъ свистнулъ молодецкимъ посвистомъ, гайкнулъ богатырскимъ голосомъ: «Сивко-бурко, вѣщій воронко! стань передо мной, какъ листъ передъ травой!» Конь бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей искры сыплются, изъ ноздрей дымъ столбомъ. Прибѣжалъ и сталъ какъ вкопанный, спрашиваетъ: «Что велишь?» — «Вотъ тебѣ, сынъ мой, добрый конь; а ты, конь, служи ему, какъ мнѣ служилъ». Проговорилъ это старикъ, легъ въ могилу. Иванъ-дуракъ погладилъ, поласкалъ сивко и отпустилъ, самъ домой пошелъ. Дома спрашиваютъ братья: «Что, дуракъ, ладно ли ночевалъ?» — «Очень ладно,

братья!» Другая ночь приходитъ. Середній братъ и говоритъ: «Иванъ-дуракъ! поди на могилу-то къ батюшкѣ, ночуй за меня». Иванъ-дуракъ, не говоря ни слова, собрался, пришелъ на могилу и легъ. Въ полночь могила раскрылась, отецъ вышелъ, спрашиваетъ: Ты, середній сынъ?» — «Нѣтъ, я же опять, батюшка». Старикъ свистнулъ-гайкнулъ: «Сивко-бурко, вѣщій воронко!» Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ очей пламя пышетъ, изъ ноздрей дымъ столбомъ. «Ну, бурко, какъ мнѣ служилъ, такъ служи и сыну моему. Ступай теперь!» Бурко убѣжалъ, старикъ легъ въ могилу, а Иванъ-дуракъ пошелъ домой. Братья спрашиваютъ: «Ладно ли ночевалъ?» — «Очень ладно, братья». На третью ночь Иванова очередь; онъ не дожидается наряду, собрался и пошелъ. Въ полночь опять старикъ вышелъ изъ могилы, свистнулъ-гайкнулъ: «Сивко-бурко, вѣщій воронко!» Воронко бѣжитъ — земля дрожитъ, изъ очей пламя пышетъ, изъ ноздрей дымъ столбомъ. «Ну, воронко, какъ мнѣ служилъ, такъ и сыну моему служи». Сказалъ это старикъ, простился съ сыномъ и легъ въ могилу. Иванъ-дуракъ погладилъ воронка и отпустилъ, самъ пошелъ домой. Братья спрашиваютъ: «Каково, дуракъ, ночевалъ?» — «Очень ладно, братья.

II.

Живутъ; двое братьевъ работаютъ, а дуракъ ничего. Вдругъ отъ царя кличъ: кто на борзомъ конѣ поцѣлуетъ царевну въ окошко въ терему на двѣнадцати вѣнцахъ, за того ее и замужъ отдастъ. Братья собираются ѣхать смотрѣть, а Иванъ-дуракъ сидитъ на печи за трубой и говоритъ: «Братья, дайте мнѣ лошадь, я поѣду, посмотрю тоже».—«Э! сиди, дуракъ, на печи; чего ты поѣдешь? людей, что ли, смѣшить!» Нѣтъ, отъ дурака отступу нѣту! братья не могли отбиться. «Ну, возьми, дуракъ, вонъ трехногую кобыленку», — сами уѣхали. Иванъ-дуракъ поѣхалъ въ чисто поле, въ широко раздолье, кобыленку зарѣзалъ, кожу снялъ, на плетень повѣсилъ, а мясо воронамъ бросилъ; самъ свистнулъ молодецкимъ посвистомъ, гайкнулъ богатырскимъ голосомъ: «Сивко-бурко, вѣщій воронко!» Конь бѣжитъ — земля дрожитъ, изъ очей пламя пышетъ, изъ ноздрей дымъ столбомъ. Иванъ-дуракъ въ одно ушко залѣзъ — напился, наѣлся; въ другое вылѣзъ — одѣлся, сталъ такимъ молодцомъ,

что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать, не узнать и братьямъ! Сѣлъ на сивка и поѣхалъ царевну добывать. Народу тутъ было видимо-невидимо. Завидѣли молодца, всѣ начали смотрѣть. Иванъ-дуракъ съ размаху на конѣ скочилъ — не досталъ до царевны только черезъ три вѣнца. Видѣли, откуда пріѣхалъ, а не видали, куда уѣхалъ! Онъ коня отпустилъ, самъ пришелъ домой, сѣлъ на печь. Братья пріѣзжаютъ, сказываютъ женамъ: «Ну, жены, какой молодецъ пріѣзжалъ, такъ мы такого сроду не видали! не досталъ до царевны только черезъ три бревна. Видѣли, откуда пріѣхалъ, не видали, куда уѣхалъ!» Иванъ дуракъ сидитъ на печи и говоритъ: «Братья, не я ли тамъ былъ?» — «Куда тебѣ къ чорту быть! Сиди, дуракъ, на печи да протирай носъ-отъ».

III.

Черезъ нѣкоторое время отъ царя тотъ же кличъ. Братья опять стали собираться, и Иванъ-дуракъ лошади проситъ. «Сиди, дуракъ, дома! другую лошадь ты станешь переводить!» Нѣтъ, отбиться не могли, велѣли опять взять хромую кобылицу. Онъ и ту закололь, кожу развѣсилъ на плетнѣ, а мясо воронамъ бросилъ; самъ свистнулъ молодецкимъ посвистомъ, гайкнулъ богатырскимъ голосомъ: «Сивко-бурко, вѣщій воронко!» Бурко бѣжитъ — земля дрожитъ, изъ очей пламя пышетъ, изъ ноздрей дымъ столбомъ. Иванъ-дуракъ въ правое ухо залѣзъ — одѣлся, выскочилъ въ лѣвое — молодцомъ сдѣлался, сѣлъ на коня, поѣхалъ, не досталъ царевны только за два бревна. Видѣли, откуда пріѣхалъ, а не видали, куда уѣхалъ! Бурка отпустилъ, а самъ пошелъ домой, сѣлъ на печь. Братья пріѣхали и сказываютъ: «Бабы! тотъ же молодецъ пріѣзжалъ, да не досталъ царевны только за два бревна!» Иванъ-дуракъ говоритъ: «Братья, не я ли тамъ былъ?» — «Сиди, дуракъ! гдѣ у чорта былъ!»

IV.

Черезъ немного время отъ царя опять кличъ. Братья собираются, и Иванъ-дуракъ лошадь проситъ. «Сиди, дуракъ, дома! докуда лошадей-то у насъ станешь переводить!» Нѣтъ, бились-бились, отбиться не могли, велѣли взять худую

кобыленку; сами уѣхали. Иванъ-дуракъ и ту зарѣзалъ, самъ свистнулъ молодецкимъ посвистомъ, гайкнулъ богатырскимъ голосомъ: «Сивко-бурко, вѣщій воронко!» Воронко бѣжитъ — земля дрожитъ, изъ очей пламя пышетъ, изъ ноздрей дымъ столбомъ. Иванъ-дуракъ въ одно ушко влѣзъ, въ другое вылѣзъ: сталъ молодцомъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Доѣхалъ до царскихъ чертоговъ, подскочилъ на всѣ двѣнадцать вѣнцовъ, поцѣловалъ царевну во сахарны уста, а она ему въ лобъ звѣзду и припечатала для памяти. Видѣли, откуда пріѣхалъ, а не видали, куда уѣхалъ! Онъ воронка отпустилъ, пошелъ домой, голову тряпицей повязалъ, сѣлъ на печь, охаетъ, будто голова разболѣлась. Братья пріѣхали, сказываютъ: «Ну, хозяйки, тотъ же молодецъ, какъ прискакалъ, такъ царевну и поцѣловалъ». Иванъ-дуракъ сидитъ за трубой и говоритъ: «Братья, не я ли тамъ былъ?» — «Сиди, дуракъ! гдѣ ты у чорта былъ!»

V.

Черезъ немного время царь сдѣлалъ пиръ, созываетъ всѣхъ князей, бояръ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ. И Ивановы братья поѣхали; Иванъ-дуракъ тоже не отсталъ — поѣхалъ; сѣлъ въ палатѣ на печь за трубу, глядитъ, ротъ разинулъ. Царевна пошла по всѣмъ гостямъ, каждому подноситъ пива, не увидитъ ли у кого свою мѣточку. Всѣхъ обошла, виноватаго не нашла. «Что это, — думаетъ она себѣ, — нѣтъ моего суженаго!» взглянула за трубу и увидала Ивана-дурака: платьишко на немъ худое, весь въ сажѣ, волосы дыбомъ, голова тряпицей повязана. Она налила стаканъ пива, подноситъ ему, а братья глядятъ да думаютъ: царевна-то и дураку подноситъ! Царевна говоритъ: «Сними-ка ты тряпицу». Иванъ-дуракъ выпилъ и снялъ тряпицу; звѣзда у него во лбу такъ и засіяла. Царевна обрадовалась, беретъ его руку, ведетъ къ отцу и говоритъ: «Батюшка! вотъ мой суженый». Братьевъ тутъ ровно ножомъ по сердцу рѣзнуло. Разговоры тутъ коротки: веселымъ пиркомъ да за свадебку. Нашъ Иванъ тутъ сталъ не Иванъ-дуракъ, а Иванъ — царскій зять; молодецъ-молодцомъ сталъ, не стали люди узнавать! Тогда-то братья узнали, что значило ходить спать на могилу къ отцу.

Народная сказка.

Набитый дуракъ.

Въ одной семьѣ жилъ-былъ дуракъ набитый. И, бывало, нѣтъ того дня, чтобъ на него не жаловались люди: либо кого словомъ обидитъ, либо кого прибьетъ. Мать сжалилась надъ дуракомъ, стала смотрѣть за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ; бывало, куда дуракъ срядится итти, мать съ полчаса ему толкуетъ: ты такъ-то, дитятко, дѣлай и такъ-то! Вотъ однажды пошелъ дуракъ мимо гуменъ, увидалъ — молотятъ горохъ и закричалъ: «Молотить вамъ три дня и намолотить три зерна!» Мужики его за такія слова прибили цѣпами. Пришелъ дуракъ къ матери и вопитъ: «Матушка, матушка! нынѣ били хохла, колотили хохла!» — «Тебя, что ль, дитятко?» — «Да». —«За что?» — «Вотъ я шелъ мимо Дормидошкина гумна, а на гумнѣ молотили горохъ его семейные»... — «Ты что же, дитятко?» — «Да я имъ прогуторилъ: молотить вамъ три дня и намолотить три зерна. Они за то меня и прибили». — «Охъ, дитятко! ты бы сказалъ имъ: возить вамъ—не перевозить, носить — не переносить, таскать—не перетаскать!» Обрадовался дуракъ, пошелъ на другой день по селу. Вотъ навстрѣчу ему несутъ покойника. Дуракъ, помня вчерашнее наставленіе, зашумѣлъ въ превеликій голосъ: «Носить вамъ—не переносить, таскать— не перетаскать!» Опять отдули его! Дуракъ воротился къ матери и разсказалъ ей, за что его прибили. «Ты бы, дитятко, сказалъ имъ: канунъ да ладанъ!» Такія слова глубоко пали дураку въ умъ-разумъ. На другой день опять пошелъ онъ бродить по селу. Вотъ свадьба и ѣдетъ ему навстрѣчу. Дуракъ откашлялся, закричалъ, какъ только свадьба съ нимъ поравнялась: «Канунъ да ладанъ!» Пьяные мужики соскочили съ телѣги и прибили его жестоко. Дуракъ пошелъ домой, кричитъ: «Охъ, мать моя родимая! какъ больно-то прибили меня!» — «За что, дитятко?» Дуракъ разсказалъ ей, за что прибили. Мать сказала: «Ты бы, дитятко, поигралъ да поплясалъ имъ». — «Спасибо тебѣ, матушка моя!» И ушелъ опять на село да взялъ съ собою дудочку. Вотъ въ концѣ села занялся овинъ у мужика. Дуракъ со всѣхъ ногъ прибѣжалъ туда; забѣжалъ противъ овина, и ну плясать да играть въ свою дудочку. И тутъ дурака отколотили. Онъ опять пришелъ къ матери со слезами и разсказалъ, за что его побили. Мать ему сказала: «Ты

бы, дитятко, взялъ воды да заливалъ съ ними». Черезъ три дня, какъ зажили у дурака бока, пошелъ онъ бродить по селу. Вотъ увидалъ онъ: мужикъ свинью палитъ. Дуракъ схватилъ у мимо шедшей бабы съ коромысла ведро съ водою, побѣжалъ туда и началъ заливать огонь. И тутъ дурака порядкомъ поколотили. Опять воротился онъ къ матери и разсказалъ, за что его били. Мать заклялась пускать его по слободѣ, и съ тѣхъ поръ дуракъ и понынѣ, кромѣ двора своего, никуда не выходитъ.

Народная сказка.

Правда и кривда.

Жили два купца: одинъ кривдой, другой правдой; такъ всѣ и звали ихъ: одного Кривдою, другого Правдою. «Послушай, Правда, — сказалъ разъ Кривда: — вѣдь кривдою жить на свѣтѣ лучше!» — «Нѣтъ!» — «Давай спорить!» — «Давай!» — «Ну, слушай: у тебя три корабля, у меня два; если на трехъ встрѣчахъ намъ скажутъ, что жить правдою лучше, то всѣ твои корабли; а если кривдою, то мои». — «Хорошо!» Плыли они, много ль, мало ль — встрѣтился имъ купецъ. «Послушай, господинъ купецъ, чѣмъ на свѣтѣ жить лучше: кривдою или правдою?» — «Кривда лучше!» Плывутъ они дальше, много ль, мало ль, и встрѣчается имъ мужичокъ. «Послушай, добрый человѣкъ, чѣмъ на свѣтѣ лучше жить: кривдою или правдою?» — «Кривдою!» На третьей встрѣчѣ имъ сказали то же самое.

Отдалъ Правда три корабля Кривдѣ, вышелъ на берегъ и пошелъ тропинкою въ темный лѣсъ. Пришелъ онъ въ избушку и легъ подъ печку спать. Ночью поднялся страшный шумъ, и вотъ кто-то говоритъ: «А ну-ка, похвалитесь: кто изъ васъ нынче гуще кашу заварилъ?» — «Я поссорилъ Кривду съ Правдою!» — «Я разорилъ мельницу!» — «Я смутилъ человѣка убить!» — «А я напустилъ семьдесятъ чертенятъ на одну царскую дочь; а вылѣчитъ ее тотъ, кто сорветъ жаръ-цвѣтъ!»

Какъ ушли они, Правда вышелъ и запрудилъ мельницу, не далъ убить человѣка, досталъ жаръ-цвѣтъ и вылѣчилъ царевну. Подарилъ ему царь пять кораблей, и поѣхалъ онъ домой. На дорогѣ встрѣтилъ Кривду. Кривда удивился богатству Правды, повыспросилъ у него все, какъ что было, да и залегъ ночью

подъ печку въ той же избушкѣ. Слетѣлись духи и начали совѣтъ держать: какъ имъ узнать того, кто испортилъ имъ всѣ дѣла? Подозрѣвали они самаго изъ нихъ негоднаго. Какъ стали его бить да щипать, онъ бросился подъ печку, да и вытащилъ оттуда Кривду. «Я — Кривда!» говоритъ купецъ чертямъ, да все-таки они его не послушали и разорвали на мелкіе кусочки.

Такъ и выходитъ, что правдою-то жить лучше, чѣмъ кривдою.

Народная сказка.

Шемякинъ судъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ стояла деревня. Въ той деревнѣ жили-были два мужика: Голой Ерема да Ѳома, Большая Крома. Вотъ, пришла къ нимъ зима сиволапая, затрещали избушки, повалилъ снѣгъ. У кого тепло, у кого добро, а Ерема лежитъ на нетопленной печи, дуетъ въ кулаки да думаетъ: «Ухъ! холодно! нынѣ и морозы стали сердитѣе: нигдѣ мѣста не находишь! Дай-ка, поѣду я въ лѣсъ, дровъ нарублю да печку вытоплю!» Пошелъ къ сосѣду, попросилъ сани. Пришелъ къ Ѳомѣ, проситъ лошади. На Ѳому въ тотъ разъ добрый стихъ нашелъ.

— Изволь, — говоритъ, — возьми лошадь.

Ерема поклонился, взялъ лошадь, повелъ къ себѣ, да, идучи-то, и думаетъ: «Экой я дуралей! Выпросилъ я лошадь, а хомута не взялъ. Какъ же я запрягу ее? Итти опять къ Ѳомѣ — еще разсердится, и лошаденки не дастъ. Итти къ сосѣдямъ — скажутъ: что за дуракъ, хомутъ забылъ, когда лошадь бралъ! Да и придется ли чужой хомутъ по лошадкѣ?» Голь мудрена. Думалъ-думалъ, да и вздумалъ: «привяжу я лошадь къ санямъ хвостомъ?» Точно! привязалъ, перекрестился, поѣхалъ.

Ну, ѣхалъ онъ близко ли далеко, низко ли высоко, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Ерема нарубилъ возъ дровъ и поѣхалъ назадъ. Ладно дѣло! Пріѣхалъ домой, отворилъ ворота, да и забылъ подворотню вынуть: нукнулъ на лошадь; та уперлась, двинулась: сама-то на дворъ взошла, а возъ-то на улицѣ остался, и съ хвостомъ!

Этакое горе! Какъ теперь къ Ѳомѣ показаться? Что онъ скажетъ? Взялъ лошадь съ хвостомъ, а отдаешь безъ хвоста! Но,

такъ какъ дѣлать было нечего, побрелъ Ерема къ Ѳомѣ, повелъ съ собою и лошаденку безхвостую.

Какъ закричитъ на Ерему Ѳома, Большая Крома, закричитъ, какъ только богатые на бѣдныхъ кричать умѣютъ; у Еремы и ноги подкосились! Повалился онъ въ ноги Ѳомѣ, проситъ, плачетъ, умоляетъ. Нѣтъ пощады!

— Какъ ты смѣлъ! Какъ ты дерзнулъ! Какъ ты могъ у моей лошади хвостъ выдернуть!

Ерема увѣрялъ, что она сама его выдернула, отдавалъ себя въ заработку, просилъ простить, просилъ прибить, да только простить.

— Ни прощать ни бить тебя не стану,—отвѣчаетъ Ѳома, — а пойдемъ-ка, пріятель дорогой, къ судьѣ Шемякѣ! Пусть онъ разсудитъ, и что онъ велитъ, то и будь!

Что станешь дѣлать! Ѳома ухватилъ Ерему за воротъ и повелъ его къ судьѣ Шемякѣ.

Недалеко ужъ имъ и до Шемяки-судьи, и думаетъ Ерема: «Ну, и безъ бѣды судья бѣда, а у меня такая бѣда надъ головою — куда я дѣнусь! Сгинь моя голова побѣдная! Вотъ подходимъ мы къ мосту, а подъ мостомъ прорубь не малая. Перекрещусь, да брошусь въ прорубь — поминай, какъ звали!»

Сказано — сдѣлано. Только поравнялись съ серединой моста, Ерема говоритъ:

— Постой, Ѳома Карпычъ! Вонъ видно отсюда село, дай перекреститься на Божью церковь!

Отпустилъ Ѳома Ерему, а онъ снялъ шапку, положилъ ее на перила моста, перекрестился, да какъ махнетъ съ моста — только и видѣли его! Бросился Ѳома къ периламъ, глядитъ — глазамъ не вѣритъ: Ерема стоитъ подъ мостомъ па льду, живехонекъ, и держитъ его тамъ за воротъ здоровый мужчина; подлѣ стоитъ лошадь, запряженная въ сани, а въ саняхъ лежитъ кто-то и молчитъ.

Сбѣжалъ Ѳома внизъ, а мужчина уже навстрѣчу ползетъ, Ерему съ собой за воротъ волочетъ.

— Что, добрый человѣкъ, —сказалъ Ѳома, — какъ звать тебя, не знаю... Куда это волочешь ты этого окаяннаго Ерему?

— Зовутъ меня Артамономъ, сынъ я Сидорычъ, — отвѣчалъ мужчина. — А ѣхалъ я съ бачкой моимъ къ куму въ гости, новаго пива отвѣдать. Подъѣхали мы подъ этотъ мостъ, и вдругъ свалился съ моста вотъ этотъ окаянный на моего

бачку и отправилъ его въ дальнюю дорогу, такъ что онъ передъ смертью и пожалѣть не успѣлъ, что у кума пива молодого не отвѣдалъ. Вотъ я поворотилъ оглобли: веду этого прыгуна къ судьѣ Шемякѣ, пусть онъ у него попрыгаетъ да научится, каково съ мосту не оглядѣвшись бросаться да добрыхъ людей давить!

— Хе-хе! — возгласилъ тогда Ѳома, по прозванію Большая Крома. — Такъ я тебѣ добрый попутчикъ!

Подошли наши просители къ дому судьи Шемяки, смотрятъ: домъ стоитъ во дворѣ, на всей красотѣ, а надъ домомъ поставлена превеликая надпись:

«Домъ правосуднаго судіи Шемяки».

Ворота растворены настежь, и отъ самыхъ воротъ до крыльца дубоваго снѣгъ расчищенъ, песочкомъ дорожка посыпана — свободный входъ всякому, бѣдному и богатому.

— Ай да судья Шемяка! — говорятъ просители. — Да у насъ и къ сотскому такого свободнаго входа нѣтъ!

Смотрятъ они еще: подлѣ воротъ на улицѣ, по обѣ стороны, врыты два столба высокіе, и подлѣ каждаго столба стоитъ земскій ярыжка съ дубинкой, а на столбахъ прибиты листы, и на листахъ написано что-то такими крупными буквами, что и слѣпой прочитаетъ. Нашимъ просителямъ жаловаться судьѣ Шемякѣ было дѣло небывалое, не знаютъ они ни суда ни обряда. Сняли шапки, кланяются ярыжкамъ, и хотятъ итти прямо во дворъ, въ ворота.

— Стой! — закричалъ одинъ ярыжка. — Сперва прочитай, что на столбѣ написано!

Просители поглядѣли другъ на друга и отвѣчали:

— Грамотѣ не знаемъ, кормилецъ!

— Ну, такъ слушайте, я вамъ прочту: «Вѣдомо симъ чинится всякому, что никто изъ жалобщиковъ, приходящихъ къ судьѣ Шемякѣ, никакихъ взятокъ никому давать не долженъ, а паче чаянія кто что дастъ, будетъ судиться, яко виновный въ подкупѣ».

— Ай да кормилецъ судья Шемяка! — вскричали просители.

— Ну, теперь давай же за прочтеніе! — сказалъ имъ ярыжка, протягивая руку.

— Какъ: давай? Да вѣдь ты самъ о томъ читалъ, чтобы мы не давали?

— Да развѣ я взятку съ тебя прошу? — вскричалъ ярыжка. — Это законное дѣло. Кто тебѣ не велѣлъ грамотѣ знать самому!

— А если бы мы сами грамотѣ знали?

— Тогда вы должны бы были заплатить за то, что сами прочитали. Толковать нечего! Давай, а не то дубиной по лбу съѣзжу; забудешь, какъ твоего отца зовутъ, да еще въ тюрьмѣ насидишься за ослушаніе противъ начальства и своевольство!

Толковать было, въ самомъ дѣлѣ, нечего; просители вынули свои мошны, заплатили по алтыну.

— Теперь ступайте къ другому столбу! — проговорилъ ярыжка.

Просители подошли къ другому столбу.

— Знаете грамотѣ? — спросилъ товарищъ ярыжки.

— Нѣтъ, кормилецъ!

— Такъ слушайте: «Вѣдомо симъ чинится всякому, что каждый жалобщикъ, приходящій къ судьѣ Шемякѣ, имѣетъ быть къ нему допущенъ свободно во всѣ положенные часы, и никто не смѣетъ пришедши уйти назадъ, подъ опасеніемъ быть судимъ, яко виноватый».

— Слышимъ, кормилецъ! — отвѣчали просители, низко кланяясь.

— Давай же за объявленіе, — сказалъ ярыжка, — и отговариваться не смѣй, понеже за ослушаніе будешь виноватъ!

Просители поглядѣли другъ на друга и заплатили еще по алтыну.

— А ты, молодецъ, что не платишь? — спросили ярыжки Ерему.

— У меня нечего дать, — отвѣчалъ Ерема.

— Такъ и не смѣй ты итти къ судьѣ Шемякѣ, коли за прочтеніе да за объявленіе приказовъ не платишь — пошелъ прочь!

— Да я и не желаю итти къ судьѣ, — сказалъ Ерема: — спасибо вамъ, господа земскіе ярыжки! Пожалуй, хоть пріударьте еще меня въ толчки да прогоните!

— Давай затылокъ, за этимъ дѣло не станетъ!

Тутъ Ѳома и Артамонъ испугались, кланяются, говорятъ:

— Господа земскіе ярыжки! ведемъ мы его къ судьѣ Шемякѣ, а если вы его прогоните, такъ кого же судья судить будетъ?

— Намъ какое дѣло! Платите за него вы, а безъ того не пустимъ.

Просители постояли, подумали, опять развязали мошны и заплатили за Ерему по доброму грошу съ брата. А Ерема между тѣмъ расхаживалъ на улицѣ, подлѣ воротъ, увидѣлъ камешекъ порядочный, подумалъ, завернулъ его въ тряпичку и спряталъ за пазуху.

— Все вымѣстимъ на лиходѣѣ нашемъ, когда будемъ у судьи Шемяки! — говорили просители.

Идутъ, прошли сквозь широкія ворота, пошли по чистой, гладкой, широкой дорожкѣ.

— Стой! — закричали два новые ярыжки и выскочили изъ будокъ, которыя поставлены были въ дворѣ, по обѣимъ сторонамъ воротъ, такъ что съ улицы совсѣмъ не были видны. — Куда? зачѣмъ?

— Къ судьѣ Шемякѣ.

— Давай по три алтына!

— За что, кормильцы?

— Положенное за входъ во дворъ судейскій.

— Что, Артамонъ Сидоровичъ, платить ли намъ? — спросилъ Ѳома, который былъ скупѣе товарища. — Не вернуться ли намъ?

— Такъ заплатите по шести алтынъ за выходъ! — вскричали ярыжки.

Ни взадъ ни впередъ! Попались молодцы! Ерема и думать ни о чемъ не хотѣлъ, потому что ему, какъ голому, и тутъ угрожали только толчками, а просители поморщились, да опять за него заплатили.

— Шапки долой! пени по пяти алтынъ! — закричалъ главный ярыжка, когда просители подошли къ судейскому крыльцу.

Они и не замѣтили, какъ онъ вывернулся, откуда взялся. То то и бѣда, что просителямъ кажется чистая, широкая дорога къ судейскому крыльцу, а какъ пойдутъ по той дорогѣ, ярыжки словно изъ-подъ земли вывертываются да такъ змѣйкой въ карманъ и лѣзутъ.

— Послушай-ка, кормилецъ, — сказалъ Ѳома главному ярыжкѣ, — читали намъ приказы у воротъ, чтобы никому взятокъ не давать.

— Да развѣ вы давали кому-нибудь? Развѣ съ васъ взятки взялъ кто-нибудь? Скажите скорѣе: бѣда и вамъ и тому бѣда, кто взялъ!

— А вотъ, кормилецъ, заплатили по алтыну у перваго столба.

— За прочтенiе.

— Да по алтыну у другого столба.

— За объявленiе.

— Да по три алтына, когда вошли во дворъ.

— За вхожденiе.

— А ты, кормилецъ, за что берешь?

— За то, что вы у крыльца шапокъ не сняли.

— А если бы мы сняли?

— Такъ заплатили бы за здорово живешь.

— Какъ: за здорово живешь?

— Да такъ, потому что я приставленъ здѣсь говорить всякому, кто ни придетъ: «здорово живешь», а за это вносится по пяти алтынъ.

— Была не была!—Заплатили молодцы, взошли на высокое судейское крыльцо, подошли къ двери. Дверь заперта. Стукнули разъ, и за дверью кто-то сиплымъ голосомъ произнесъ: «Гривна!» Стукнули въ другой, и тотъ же голосъ произнесъ: «Другая!» Стукнули въ третiй, и тотъ же голосъ въ третiй разъ промолвилъ: «Третья!»

— Ой, братъ! да не на нашъ ли карманъ это насчитываютъ!—молвилъ Ѳома.

— Подразумѣвается! — произнесъ невидимка; маленькое окошечко въ двери отворилось; протянулась изъ него костлявая рука, крючкомъ изогнутая, и невидимка за дверью произнесъ:— Положи по три гривны съ брата.

— Кормилецъ! за что же?

— А за то, что вы въ положенный день пришли. Развѣ не читали приказа у входа?

— Артамонъ Сидоровичъ! не пойти ли намъ назадъ?— шепнулъ Ѳома.

— Такъ за безчестье положенному дню и напрасное челобитье давай по шести гривенъ.

— Отворяй двери—бери деньги!

— Нѣтъ! сперва заплати, тогда отворятъ.

— На, бери деньги.

— Взялъ.

— Отворяй.

— Нѣтъ! погоди—надобно еще дьяку доложить.

— Такъ иди да докладывай!

Рука опять протянулась, а дверь не отворялась.

— Иди же докладывать.

— Вы должны доложить, а тогда и двери настежь!

Еще по гривнѣ съ головы слетѣло въ костлявую руку невидимки. Дверь, наконецъ, растворилась. Глядятъ просители: стоитъ цѣлый рядъ подьячихъ, протянулся до самаго того стола, за которымъ сидитъ дьякъ, пишетъ, перомъ пощелкиваетъ и не глядитъ.

Не знали просители, что тутъ дѣлать. И вотъ съ правой стороны протянулась подьяческая рука крючкомъ, и говоритъ первый подьячій: «На отопленіе судейской!» Протянулась другая, говоритъ другой: «На бумагу для жалобы!» Протянулась третья, говоритъ третій: «За записку просьбы». Протянулась четвертая, говоритъ четвертый: «За печать!» Протянулась пятая... Словомъ, протянулось четырнадцать рукъ, и каждая вытянула изъ мошны у каждаго просителя по нѣскольку алтынъ.

И съ горя, и съ расходовъ, и съ холоду повалились просители въ ноги дьяку, кричатъ, вопятъ:

— Смилуйся, отецъ!

— Что вы?—спросилъ дьякъ.

— Жаловаться судьѣ Шемякѣ.

— На жалобу нѣтъ запрещенія. Справедлива ли жалоба?

— Эй, отецъ, ужъ какъ справедлива, кормилецъ!

— Не бралъ ли кто-нибудь съ васъ взятокъ, пока вы дошли до меня?

— Нѣтъ, кормилецъ! брали съ насъ много, а взятокъ не бралъ никто.

— Имѣешь ли ты н а л и ч н ы я доказательства въ правотѣ своего дѣла?—спросилъ дьякъ у Ѳомы.

Тотъ подумалъ-подумалъ и отвѣчалъ:

— Со мной никакихъ доказательствъ налицо нѣтъ!

— Хорошо, а ты имѣешь ли?

— Нѣтъ!

— А ты имѣешь ли?

Еремка смекнулъ и отвѣчалъ:

— Имѣю.

— Покажи.

Ерема вынулъ изъ-за пазухи камень въ тряпичкѣ и изъ-за спины Ѳоминой показалъ дьяку.

— Ладно! — молвилъ дьякъ. Онъ всталъ, растворилъ двери и ввелъ просителей въ судейскую.

Глядятъ наши молодцы: сидить старый судья Шемяка на большой скамьѣ, за большимъ столомъ; съ одной стороны стоитъ чернильница въ полтора ведра; съ другой лежать большою охапкою перья лебединыя. Хорошъ судья Шемяка, толстъ, красенъ, дороденъ, ноздри раздуваетъ, правду и рекаетъ. Испугались, струсили, оробѣли наши просители, кланяются въ землю.

— Судья Шемяка, — заговорилъ дьякъ, подошедши къ судейской скамьѣ,—бьютъ тебѣ челомъ два просителя на одного отвѣтчика!

— Гмъ! —промолвилъ Шемяка и поднялъ носъ кверху.

— Наличныхъ доказательствъ не имѣютъ!

— Гмъ!—промолвилъ опять Шемяка и погладилъ по широкой своей бородѣ рукою.

— Не имѣютъ! А отвѣтчикъ наличныя доказательства имѣетъ!

— Гмъ! — молвилъ еще разъ Шемяка, потянулся по лавкѣ, выдвинулъ брюхо впередъ, голову закинулъ за спину, глаза уставилъ въ потолокъ, сложилъ нога за ногу и сказалъ:— Объявленъ ли просителямъ приказъ, что посуловъ не принимаютъ?

— Объявленъ.

— Итакъ, судъ по формѣ начинается. Жалуйтесь по порядку!

И вотъ Ѳома повалился въ ноги судьѣ Шемякѣ, объясняетъ сущую правду, какъ Ерема у лошади его хвостъ выдернулъ.

— Ну, что ты, отвѣтчикъ, скажешь?—возговорилъ судья Шемяка.

— Я не виноватъ, что онъ не далъ мнѣ хомута и что у его лошади хвостъ не крѣпко держался.

— А чѣмъ докажешь?

Ерема не отвѣчалъ, а изъ-за Ѳомы показалъ судьѣ Шемякѣ камень въ тряпичкѣ.

— Гмъ!—промолвилъ судья Шемяка и тихо прибавилъ:— сто рублей, навѣрное. — Правъ!—возгласилъ онъ.— Слушай, проситель: отдай ты свою безхвостую лошадь этому

негодяю, и пусть онъ держитъ ее у себя до тѣхъ поръ, пока у нея опять хвостъ выростетъ. Тогда возьми себѣ лошадь съ хвостомъ, а если онъ хвоста отдавать не будетъ, дозволяется тебѣ жаловаться законнымъ порядкомъ. Дьякъ! вывести просителя и взять съ него надлежащую подписку, пошлины, приказный сборъ и прочее, какъ слѣдуетъ.

Ѳому подхватили и повели въ подьяческую, а Артамонъ повалился въ ноги судьѣ Шемякѣ, объясняетъ сущую правду, какъ Ерема съ моста прыгнулъ и отца его задавилъ.

— Ну, что ты, отвѣтчикъ, скажешь?—возговорилъ судья Шемяка.

— Я не виноватъ, что отцу его вздумалось подъѣхать подъ мостъ, когда я прыгнулъ, и что отецъ его не увернулся, когда я на него упалъ.

— А чѣмъ докажешь?

Ерема не отвѣчалъ, а изъ-за Артамона показалъ судьѣ Шемякѣ камень въ тряпичкѣ.

— Гмъ!—промолвилъ судья Шемяка и тихо прибавилъ:—Еще сто рублей, навѣрное! —Правъ!—возгласилъ онъ.—Слушай, проситель: поди ты, стань на мостъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ этотъ негодяй, а его поставь на то самое мѣсто, гдѣ стоялъ твой отецъ, и потомъ спрыгни на него съ моста и задави его, точно такъ же, какъ онъ задавилъ твоего отца. А если ты, спрыгнувши, его не задавишь, дозволяется тебѣ снова жаловаться на него законнымъ порядкомъ. Дьякъ! вывести просителя и взять съ него надлежащую подписку, пошлины, приказный сборъ и прочее, какъ слѣдуетъ.

Артамона подхватили и повели въ подьяческую. Остались въ судейской судья Шемяка, дьякъ да Ерема.

— Ну,—сказалъ судья Шемяка,—доволенъ ли ты моимъ судомъ?

— Доволенъ,—отвѣчалъ Ерема.

— Такъ подавай же доказательства того, что доволенъ.

— И за этимъ не станетъ!—отвѣчалъ Ерема, вынулъ тряпичку, развязалъ и показалъ судьѣ Шемякѣ камень.

— Какъ?—воскликнулъ Шемяка.—Стало-быть, ты не хотѣлъ мнѣ за каждое рѣшеніе давать по сту рублей, и не деньги, а камень мнѣ показывалъ? Для чего же ты мнѣ его показывалъ?

— А вотъ для чего: если бы ты судилъ не по мнѣ, такъ я этимъ камнемъ прямо бы тебѣ въ лобъ пустилъ!

Судья Шемяка посмотрѣлъ на камень, подумалъ и сказалъ:

— Увѣсистъ камешекъ выбралъ!—Потомъ онъ перекрестился и промолвилъ: — Слава Богу, что я по немъ судилъ! Если бы да пустилъ онъ мнѣ въ лобъ этимъ камнемъ, такъ, навѣрное, лбу моему уцѣлѣть было бы невозможно. Но на чемъ же ты основывался, оправдываясь въ судѣ такимъ образомъ?

— На извѣстной поговоркѣ, правосудный судья Шемяка: семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ.

— Правъ, правъ!—возгласилъ судья Шемяка.—Казусное, однакожъ, дѣло! Дьякъ! вытолкать этого негодяя, а впередъ поставить правиломъ на судѣ: не принимать наличныхъ доказательствъ безъ надлежащаго предварительнаго осмотрѣнія, и если кто таковыя или тѣмъ подобныя доказательства представить вознамѣрится, каковыя сей негодяй представилъ, то оныхъ не принимать, п о е л и к у... Ну, да «поелику»-то ты ужъ тамъ подведи, какъ законы повелѣваютъ!

Ерему вытолкали изъ судейской, а у воротъ на улицѣ встрѣтилъ онъ Ѳому и Артамона, которые стояли и думали: «Жаль хвоста, да все-таки лошадь-то и безъ хвоста денегъ стоитъ!»—«Жаль отца, да все-таки своя голова на что-нибудь да пригодится!»

— Ерема,—сказалъ Ѳома, — чѣмъ брать тебѣ у меня лошадь безхвостую, возьми лучше корову, и передъ тобой она! Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ!

— Пожалуй!—отвѣчалъ Ерема.

— Ерема, — сказалъ Артамонъ, — чѣмъ мнѣ прыгать на тебя съ моста, возьми лучше, я подарю тебѣ, хату теплую, владѣй на здоровье: вѣдь иной разъ такъ прыгнешь, что потомъ и прыгать не станешь!

— Пожалуй! — отвѣчалъ Ерема. — Давно бы вамъ такъ. Право, худой миръ лучше доброй ссоры.

И конецъ с к а з к ѣ о с у д ь ѣ Ш е м я к ѣ !

Перед. изъ народной сказки.

Спящая царевна.

I.

Жилъ-былъ добрый царь
Матвѣй;
Жилъ съ царицею своей
Онъ въ согласьи много лѣтъ,
А дѣтей все нѣтъ, какъ нѣтъ.
Разъ царица на лугу,
На зеленомъ берегу
Ручейка была одна;
Горько плакала она.
Вдругъ глядитъ, ползетъ
къ ней ракъ:
Онъ сказалъ царицѣ такъ:
«Мнѣ тебя, царица, жаль;
Но забудь свою печаль:
У тебя родится дочь».—
«Благодарствуй, добрый ракъ,
Не ждала тебя никакъ...»
Но ужъ ракъ уползъ въ ручей,
Не слыхавъ ея рѣчей.
Онъ, конечно, былъ пророкъ:
Что сказалъ, сбылося въ срокъ—
Дочь царица родила.
Дочь прекрасна такъ была,
Что въ ни сказкѣ разсказать,
Ни перомъ не описать.
Вотъ царемъ Матвѣемъ пиръ
Знатный данъ на цѣлый міръ;
И на пиръ веселый тотъ
Царь одиннадцать зоветъ
Чародѣекъ молодыхъ;
Было жъ всѣхъ двѣнадцать ихъ:
Но двѣнадцатой одной,
Хромоногой, старой, злой,
Царь на праздникъ не позвалъ.
Отчего жъ такъ оплошалъ
Нашъ разумный царь Матвѣй?
Было то обидно ей.
Такъ, но есть причина тутъ:
У царя двѣнадцать блюдъ
Драгоцѣнныхъ, золотыхъ
Было въ царскихъ кладовыхъ;
Приготовили обѣдъ;
А двѣнадцатаго нѣтъ!
(Кѣмъ украдено оно,
Знать объ этомъ не дано.)
«Что жъ тутъ дѣлать?—царь
сказалъ.—
Такъ и быть!» И не послалъ
Онъ на пиръ старухи звать.
Собралися пировать
Гостьи, званыя царемъ;
Пили, ѣли, а потомъ,
Хлѣбосольнаго царя
За пріемъ благодаря,
Стали дочь его дарить:
«Будешь въ золотѣ ходить;
Будешь чудо красоты;
Будешь всѣмъ на радость ты
Благонравна и тиха;
Дамъ красавца жениха
Я тебѣ, мое дитя;
Жизнь твоя пройдетъ шутя,
Межъ знакомыхъ и родныхъ...»
Словомъ, десять молодыхъ
Чародѣекъ, одаривъ
Такъ дитя наперерывъ,
Удалились; въ свой чередъ,
И послѣдняя идетъ;
Но еще она сказать
Не успѣла слова—глядь!
А незваная стоитъ
Надъ царевной и ворчитъ:
«На пиру я не была,

Но подарокъ принесла:
На шестнадцатомъ году
Повстрѣчаешь ты бѣду;
Въ этомъ возрастѣ своемъ
Руку ты веретеномъ
Оцарапаешь, мой свѣтъ,
И умрешь во цвѣтѣ лѣтъ!»
Проворчавши такъ, тотчасъ
Вѣдьма скрылася изъ глазъ;
Но оставшаяся тамъ
Рѣчь домолвила: «Не дамъ
Безъ пути ругаться ей
Надъ царевною моей;
Будетъ-то не смерть, а сонъ:
Триста лѣтъ продлится онъ;
Срокъ назначенный пройдетъ,
И царевна оживетъ;
Будешь долго въ свѣтѣ жить;
Будутъ внуки веселить
Вмѣстѣ съ нею мать, отца
До земного ихъ конца».

II.

Скрылась гостья. Царь груститъ;
Онъ ни ѣстъ, ни пьетъ, ни спитъ:
Какъ отъ смерти дочь спасти?
И, бѣду чтобъ отвести,
Онъ даетъ такой указъ:
«Запрещается отъ насъ
Въ нашемъ царствѣ сѣять ленъ,
Прясть, сучить, чтобъ веретенъ
Духу не было въ домахъ;
Чтобъ скорѣй, какъ можно, пряхъ
Всѣхъ изъ царства выслать вонъ».
Царь, издавъ такой законъ,
Началъ пить, и ѣсть, и спать,
Началъ жить да поживать,
Какъ дотолѣ, безъ заботъ.
Дни проходятъ; дочь растетъ!
Расцвѣла, какъ майскій цвѣтъ,
Вотъ ужъ ей пятнацать лѣтъ...
Что-то, что-то будетъ съ ней?
Разъ съ царицею своей
Царь отправился гулять;
Но съ собой царевну взять
Не случилось имъ; она
Вдругъ соскучилась одна
Въ душной горницѣ сидѣть
И на свѣтъ въ окно глядѣть.
«Дай, — сказала, наконецъ, —
Осмотрю я нашъ дворецъ».
По дворцу она пошла:
Пышныхъ комнатъ нѣтъ числа,
Всѣмъ любуется она;
Вотъ, глядитъ, отворена
Дверь въ покой; въ покоѣ томъ
Вьется лѣстница винтомъ
Вкругъ столба; по ступенямъ
Всходитъ вверхъ и видитъ тамъ:
Старушоночка сидитъ;
Гребень подъ носомъ торчитъ;
Старушоночка прядетъ
И за пряжею поетъ:
«Всретенце, не лѣнись;
Пряжа тонкая, не рвись:
Скоро будетъ въ добрый часъ
Гостья жданная у насъ».
Гостья жданная вошла;
Пряха, молча, подала
Въ руки ей веретено;
Та взяла, и вмигъ оно
Укололо руку ей...
Все исчезло изъ очей;
На нее находитъ сонъ;

Вмѣстѣ съ ней объемлетъ онъ
Весь огромный царскій домъ;
Все утихнуло кругомъ:
Возвращаясь во дворецъ,
На крыльцѣ ея отецъ
Пошатнулся и зѣвнулъ
И съ царицею заснулъ!
Свита вся за ними спитъ;
Стража царская стоитъ
Подъ ружьемъ въ глубокомъ
снѣ,
И на спящемъ спитъ конѣ
Передъ ней хорунжій самъ;
Неподвижно по стѣнамъ
Мухи сонныя сидятъ;
У воротъ собаки спятъ;
Въ стойлахъ головы склонивъ,
Пышны гривы опустивъ,
Кони корму не ѣдятъ, —
Кони сномъ глубокимъ спятъ;
Поваръ спитъ передъ огнемъ:
И огонь, объятый сномъ,
Не пылаетъ, не горитъ,
Соннымъ пламенемъ стоитъ;
И не тронется надъ нимъ,
Свившись клубомъ, сонный
дымъ;
И окрестность со дворцомъ
Вся объята мертвымъ сномъ;
И покрылъ окрестность боръ;
Изъ терновника заборъ
Дикій боръ тотъ окружилъ;
Онъ навѣкъ загородилъ
Къ дому царскому пути:
Долго-долго не найти
Никому туда слѣда —
И приблизиться бѣда!
Птица тамъ не пролетитъ,
Близко звѣрь не пробѣжитъ,
Даже облака небесъ
На дремучій, темный лѣсъ
Не навѣетъ вѣтерокъ.
Вотъ ужъ полный вѣкъ
протекъ;
Словно не жилъ царь
Матвѣй —
Такъ изъ памяти людей
Онъ изгладился давно.
Знали только то одно,
Что средь бора домъ стоитъ,
Что царевна въ домѣ спитъ,
Что проспать ей триста лѣтъ,
Что теперь къ ней слѣду нѣтъ.
Много было смѣльчаковъ
(По сказанью стариковъ),
Въ лѣсъ брались они сходить,
Чтобъ царевну разбудить,
Даже бились объ закладъ,
И ходили, но назадъ
Не пришелъ никто. Съ тѣхъ
поръ
Въ неприступный, страшный
боръ
Ни старикъ ни молодой
За царевной ни ногой.

III.

Время жъ все текло, текло;
Вотъ и триста лѣтъ прошло.
Что жъ случилося? Въ одинъ
День весенній царскій сынъ,
Забавляясь ловлей, тамъ
По долинамъ, по полямъ
Съ свитой ловчихъ разъѣзжалъ.
Вотъ отъ свиты онъ отсталъ,
И у бора вдругъ одинъ
Очутился царскій сынъ.
Боръ, онъ видитъ, теменъ,
дикъ...

Съ нимъ встрѣчается старикъ.
Съ старикомъ онъ въ разговоръ:
«Разскажи про этотъ боръ
Мнѣ, старинушка честной?»
Покачавши головой,
Все старикъ тутъ разсказалъ,
Что отъ дѣдовъ онъ слыхалъ
О чудесномъ борѣ томъ,
Какъ богатый царскій домъ
Въ немъ давнымъ-давно стоитъ,
Какъ царевна въ домѣ спитъ,
Какъ ея чудесенъ сонъ,
Какъ три вѣка длится онъ,
Какъ во снѣ царевна ждетъ,
Что спаситель къ ней придетъ;
Какъ опасны въ лѣсъ пути,
Какъ пыталася дойти
До царевны молодежь,
Какъ со всякимъ то жъ да то жъ
Приключалось: попадалъ
Въ лѣсъ, да тамъ и погибалъ.
Былъ дѣтина удалой
Царскій сынъ; отъ сказки той
Прянулъ конь отъ острыхъ шпоръ,
И стрѣлой помчался въ боръ,
И въ одно мгновенье тамъ.
Что жъ явилося очамъ
Сына царскаго? Заборъ,
Ограждавшій темный боръ,
Не терновникъ ужъ густой,
Но кустарникъ молодой;
Блещутъ розы по кустамъ;
Передъ витяземъ онъ самъ
Разступился, какъ живой;
Въ лѣсъ въѣзжаетъ витязь мой:
Все свѣжо, красно предъ нимъ;
По цвѣточкамъ молодымъ
Пляшутъ, блещутъ мотыльки;
Свѣтлой змѣйкой ручейки
Вьются, пѣнятся, журчатъ;
Птицы прыгаютъ, шумятъ
Въ густотѣ вѣтвей живыхъ;
Вспыхнулъ онъ, какъ отъ огня;
Шпоры втиснулъ онъ въ коня:
Лѣсъ душистъ, прохладенъ, тихъ,
И ничто не страшно въ немъ.
Ѣдетъ гладкимъ онъ путемъ
Часъ, другой. Вотъ, наконецъ,
Передъ нимъ стоитъ дворецъ,
Зданье — чудо старины;
Ворота отворены;
Въ ворота въѣзжаетъ онъ;
На дворѣ встрѣчаетъ онъ
Тьму людей, и каждый спитъ:
Тотъ, какъ вкопанный, сидитъ;
Тотъ, не двигаясь, идетъ;
Тотъ стоитъ, раскрывши ротъ,
Сномъ пресѣкся разговоръ,
И въ устахъ молчитъ съ тѣхъ поръ
Недоконченная рѣчь;
Тотъ, вздремавъ, когда-то лечь
Собрался, но не успѣлъ:
Сонъ волшебный овладѣлъ
Прежде сна простого имъ;
И три вѣка недвижимъ,
Не стоитъ онъ, не лежитъ
И, упасть готовый, спитъ.
Изумленъ и пораженъ
Царскій сынъ. Проходитъ онъ
Между сонными къ дворцу;
Приближается къ крыльцу;
По широкимъ ступенямъ
Хочетъ вверхъ итти; но тамъ
На ступеняхъ царь лежитъ
И съ царицей вмѣстѣ спитъ.
Путь на верхъ загороженъ.

«Какъ же быть?—подумалъ онъ. —
Гдѣ пробраться во дворецъ?»
Но рѣшился, наконецъ,
И, молитву сотворя,
Онъ шагнулъ черезъ царя.
Весь дворецъ обходитъ онъ:
Пышно все, но всюду сонъ,
Гробовая тишина.
Вдругъ глядитъ: отворена
Дверь въ покой; въ покоѣ томъ
Вьется лѣстница винтомъ
Вкругъ столба; по ступенямъ
Онъ взошелъ. И что же тамъ?
Вся душа его кипитъ:
Передъ нимъ царевна спитъ.
Какъ дитя, лежитъ она,
Распылалася отъ сна...
Онъ души не удержалъ
И ее поцѣловалъ.
Вмигъ проснулася она;
И за нею вмигъ отъ сна
Поднялося все кругомъ:
Царь, царица, царскій домъ,
Снова говоръ, крикъ, возня;
Все, какъ было; словно дня
Не прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ сонъ
Весь тотъ край былъ погруженъ.
Царь на лѣстницу идетъ,
Нагулявшися, ведетъ
Онъ царицу въ ихъ покой;
Сзади свита вся толпой;
Стражи ружьями стучатъ;
Мухи стаями летятъ;
Приворотный лаетъ песъ;
На конюшнѣ свой овесъ
Доѣдаетъ добрый конь;
Поваръ дуетъ на огонь,
И, треща, огонь горитъ,
И струею дымъ бѣжитъ;
Все бывалое: одинъ
Небывалый царскій сынъ.
Онъ съ царевной, наконецъ,
Сходитъ сверху; мать, отецъ
Принялись ихъ обнимать.
Что жъ осталось досказать?
Свадьба, пиръ, и я тамъ былъ,
И вино на свадьбѣ пилъ;
По усамъ вино бѣжало,
Въ ротъ же капли не попало.

В. Жуковскій.

Сказка

о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его славномъ и могучемъ богатырѣ князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрасной царевнѣ Лебеди.

I.

Три дѣвицы подъ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ.
«Кабы я была царица, —
Говоритъ одна дѣвица, —
То сама на весь бы міръ
Приготовила я пиръ». —
«Кабы я была царица, —
Говоритъ ея сестрица, —
То на весь бы міръ одна
Наткала я полотна». —
«Кабы я была царица, —
Третья молвила сестрица. —
Я бъ для батюшки-царя
Родила богатыря».

Только вымолвить успѣла,
Дверь тихонько заскрипѣла,
И въ свѣтлицу входитъ царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Онъ стоялъ позадь забора;
Рѣчь послѣдней по всему
Полюбилася ему.
«Здравствуй, красная дѣвица,—
Говоритъ онъ, — будь царица
И роди богатыря
Мнѣ къ исходу сентября.
Вы жъ, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь изъ свѣтлицы,
Поѣзжайте вслѣдъ за мной,
Вслѣдъ за мной и за сестрой:
Будь одна изъ васъ ткачиха,
А другая повариха».
Въ сѣни вышелъ царь-отецъ.
Всѣ пустились во дворецъ.
Царь недолго собирался:
Въ тотъ же вечеръ обвѣнчался.
Царь Салтанъ за пиръ честной
Сѣлъ съ царицей молодой;
Въ кухнѣ злится повариха,
Плачетъ у станка ткачиха —
И завидуютъ онѣ
Государевой женѣ.
Въ тѣ поры война была:
Царь Салтанъ, съ женой простяся,
На добра-коня садяся,
Ей наказывалъ — себя
Поберечь, его любя.
Между тѣмъ, какъ онъ далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступаетъ срокъ родинъ;
Сына Богъ имъ далъ въ аршинъ.
И царица надъ ребенкомъ,
Какъ орлица надъ орленкомъ.
Шлетъ съ письмомъ она гонца,
Чтобъ обрадовать отца.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой
Извести ее хотятъ,
Перенять гонца велятъ;
Сами шлютъ гонца другова
Вотъ съ чѣмъ отъ слова до слова:
«Родила царица въ ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А невѣдому звѣрюшку».
Какъ услышалъ царь-отецъ,
Что донесъ ему гонецъ,
Въ гнѣвѣ началъ онъ чудесить
И гонца хотѣлъ повѣсить;
Но, смягчившись на сей разъ,
Далъ гонцу такой приказъ:
«Ждать царева возвращенья
Для законнаго рѣшенья».
Ѣдетъ съ грамотой гонецъ,
И пріѣхалъ наконецъ.
А ткачиха съ поварихой
Съ сватьей бабой Бабарихой
Обобрать его велятъ;
Допьяна гонца поятъ,
И въ суму его пустую
Суютъ грамоту другую —
И привезъ гонецъ хмельной
Въ тотъ же день приказъ такой:
«Царь велитъ своимъ боярамъ,
Времени не тратя даромъ,
И царицу и приплодъ
Тайно бросить въ бездну водъ».
Дѣлать нечего: бояре,
Потуживъ о государѣ
И царицѣ молодой,
Въ спальню къ ней пришли толпой.

Объявили царску волю—
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслухъ указъ,
И царицу въ тотъ же часъ
Въ бочку съ сыномъ посадили,
Засмолили, покатили
И пустили въ окіянъ—
Такъ велѣлъ де царь Салтанъ.

II.

Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ,
Въ синемъ морѣ волны хлещутъ;
Тучка по небу идетъ,
Бочка по морю плыветъ.
Словно горькая вдовица,
Плачетъ, бьется въ ней царица;
И растетъ ребенокъ тамъ
Не по днямъ, а по часамъ.
День прошелъ, царица вопитъ...
А дитя волну торопитъ:
«Ты, волна моя, волна!
Ты гуллива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морскіе камни точишь,
Топишь берегъ ты земли,
Подымаешь корабли—
Не губи ты нашу душу,
Выплесни ты насъ на сушу!»
И послушалась волна:
Тутъ же на берегъ она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать съ младенцемъ спасена:
Землю чувствуетъ она.
Но изъ бочки кто ихъ вынетъ?
Богъ неужто ихъ покинетъ?
Сынъ на ножки поднялся,
Въ дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Какъ бы здѣсь на дворъ окошко
Намъ продѣлать?» молвилъ онъ,
Вышибъ дно и вышелъ вонъ.
Мать и сынъ теперь на волѣ.
Видятъ холмъ въ широкомъ полѣ;
Море синее кругомъ,
Дубъ зеленый надъ холмомъ.
Сынъ подумалъ: добрый ужинъ
Былъ бы намъ, однако, нуженъ.
Ломитъ онъ у дуба сукъ
И въ тугой сгибаетъ лукъ,
Со креста шнурокъ шелковый
Натянулъ на лукъ дубовый,
Тонку тросточку сломилъ,
Стрѣлкой легкой завострилъ,
И пошелъ на край долины
У моря искать дичины.
Къ морю лишь подходитъ онъ,
Вотъ и слышитъ будто стонъ...
Видно, на морѣ не тихо;
Смотритъ—видитъ дѣло лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршунъ носится надъ ней;
Та бѣдняжка такъ и плещетъ,
Воду вкругъ мутитъ и хлещетъ...
Тотъ ужъ когти распустилъ,
Клювъ кровавый навострилъ...
Но какъ разъ стрѣла запѣла,
Въ шею коршуна задѣла—
Коршунъ въ море кровь пролилъ,
Лукъ царевичъ опустилъ;

Смотритъ: коршунъ въ морѣ тонетъ
И не птичьимъ крикомъ стонетъ,
Лебедь около плыветъ,
Злого коршуна клюетъ,
Гибель близкую торопитъ,
Бьетъ крыломъ и въ морѣ топитъ—
И царевичу потомъ
Молвитъ русскимъ языкомъ:
«Ты, царевичъ, мой спаситель,
Мой могучій избавитель,
Не тужи, что за меня
Ѣсть не будешь ты три дня,
Что стрѣла пропала въ морѣ;
Это горе—все не горе.
Отплачу тебѣ добромъ,
Сослужу тебѣ потомъ:
Ты не лебедь вѣдь избавилъ,
Дѣвицу въ живыхъ оставилъ;
Ты не коршуна убилъ,
Чародѣя подстрѣлилъ.
Ввѣкъ тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись».
Улетѣла лебедь-птица,
А царевичъ и царица,
Цѣлый день проведши такъ,
Лечь рѣшились натощакъ.
Вотъ открылъ царевичъ очи,
Отрясая грезы ночи,
И, дивясь, передъ собой
Видитъ городъ онъ большой;
Стѣны съ частыми зубцами,
И за бѣлыми стѣнами
Блещутъ маковки церквей
И святыхъ монастырей.
Онъ скорѣй царицу будитъ;
Та какъ ахнетъ!... «То ли будетъ?—
Говоритъ онъ.—Вижу я:
Лебедь тѣшится моя».
Мать и сынъ идутъ ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвонъ
Поднялся со всѣхъ сторонъ:
Къ нимъ народъ навстрѣчу валитъ,
Хоръ церковный Бога хвалитъ;
Въ колымагахъ золотыхъ
Пышный дворъ встрѣчаетъ ихъ;
Всѣ ихъ громко величаютъ
И царевича вѣнчаютъ
Княжей шапкой, и главой
Возглашаютъ надъ собой;
И среди своей столицы,
Съ разрѣшенія царицы,
Въ тотъ же день сталъ княжить онъ,
И нарекся: князь Гвидонъ.

III.

Вѣтеръ на морѣ гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ.
Корабельщики дивятся,
На корабликѣ толпятся,
На знакомомъ острову
Чудо видятъ наяву:
Городъ новый, златоглавой,
Пристань съ крѣпкою заставой—
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости:

Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ
гости,
Ихъ онъ кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
«Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?»
Корабельщики въ отвѣтъ:
«Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь намъ вышелъ срокъ,
Ѣдемъ прямо на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана».
Князь имъ вымолвилъ тогда:
«Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіяну,
Къ славному царю Салтану:
Отъ меня ему поклонъ».
Гости въ путь, а князь
Гвидонъ
Съ берега душой печальной
Провожаетъ бѣгъ ихъ дальной;
Глядь—поверхъ текучихъ
водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой
прекрасной!
Что ты тихъ, какъ день
ненастной?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь печально отвѣчаетъ:
«Грусть-тоска меня съѣдаетъ,
Одолѣла молодца:
Видѣть я бъ хотѣлъ отца».
Лебедь князю: «Вотъ въ чемъ
горе!
Ну, послушай: хочешь въ море
Полетѣть за кораблемъ?
Будь же, князь, ты комаромъ».
И крылами замахала,
Воду съ шумомъ расплескала,
И обрызгала его
Съ головы до ногъ всего.
Тутъ онъ въ точку уменьшился,
Комаромъ оборотился;
Полетѣлъ и запищалъ,
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корабль—и въ щель
забился.

Вѣтеръ весело шумитъ;
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Къ царству славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ
гости—
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ
палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидятъ
И въ глаза ему глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ли за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?»
Корабельщики въ отвѣтъ:
«Мы объѣхали весь свѣтъ;

За моремъ житье не худо,
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Въ морѣ островъ былъ крутой,
Непривольный, нежилой;
Онъ лежалъ пустой равниной;
Росъ на немъ дубокъ единой;
А теперь стоитъ на немъ
Новый городъ со дворцомъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами,
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ».
Царь Салтанъ дивится чуду;
Молвитъ онъ: «Коль живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой
Не хотятъ его пустить
Чудный островъ навѣстить.
«Ужъ диковина, ну, право,—
Подмигнувъ другимъ лукаво,
Повариха говоритъ:—
Городъ у моря стоитъ!
Знайте, вотъ что не бездѣлка:
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
Бѣлка пѣсенки поетъ
И орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ.
Вотъ что чудомъ-то зовутъ».
Чуду царь Салтанъ дивится,
А комаръ-то злится, злится—
И впился комаръ какъ разъ
Теткѣ прямо въ правый глазъ.
Повариха поблѣднѣла,
Обмерла и окривѣла.
Слуги, сватья и сестра
Съ крикомъ ловятъ комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!..» А онъ въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

IV.

Снова князь у моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что жъ ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
«Грусть-тоска меня съѣдаетъ;
Чудо чудное завесть
Мнѣ бъ хотѣлось. Гдѣ-то есть
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
Диво, право, не бездѣлка—
Бѣлка пѣсенки поетъ
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;
Но, быть-можетъ, люди врутъ».
Князю лебедь отвѣчаетъ:
«Свѣтъ о бѣлкѣ правду баетъ;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебѣ я въ дружбу».
Съ ободренною душой

Князь пошелъ себѣ домой;
Лишь ступилъ на дворъ широкой —
Что жъ? Подъ елкою высокой,
Видитъ, бѣлочка при всѣхъ
Золотой грызетъ орѣхъ,
Изумрудецъ вынимаетъ,
А скорлупку собираетъ,
Кучки ровныя кладетъ
И съ присвисточкой поетъ
При честномъ при всемъ народѣ:
Во саду ли въ огородѣ.
Изумился князь Гвидонъ.
«Ну, спасибо, — молвилъ онъ, —
Ай да лебедь — дай ей Боже,
Что и мнѣ, веселье тоже».
Князь для бѣлочки потомъ
Выстроилъ хрустальный домъ,
Караулъ къ нему приставилъ
И притомъ дьяка заставилъ
Строгій счетъ орѣхамъ весть.
Князю прибыль, бѣлкѣ честь.

V.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости:
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ и кормитъ, и поитъ,
И отвѣтъ держать велитъ:
«Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики въ отвѣтъ:
«Мы объѣхали весь свѣтъ.
Торговали мы конями,
Все донскими жеребцами,
А теперь намъ вышелъ срокъ —
И лежитъ намъ путь далекъ:
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана».
Говоритъ имъ князь тогда:
«Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіяну,
Къ славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидонъ
Шлетъ царю де свой поклонъ».
Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь—а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Молитъ князь: душа де проситъ,
Такъ и тянетъ и уноситъ...
Вотъ опять она его
Вмигъ обрызгала всего:
Въ муху князь оборотился,
Полетѣлъ и опустился
Между моря и небесъ
На корабль — и въ щель залѣзъ.
Вѣтеръ весело шумитъ;
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана —
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна:
Вотъ на берегъ вышли гости:
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости.

И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ Бабарихой
Да съ кривою поварихой
Около царя сидятъ,
Злыми жабами глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо,
И какое въ свѣтѣ чудо?»
Корабельщики въ отвѣтъ:
«Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо;
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами да садами;
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка тамъ живетъ ручная,
Да затѣйница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ;
Слуги бѣлку стерегутъ,
Служатъ ей прислугой разной —
И приставленъ дьякъ приказной
Строгій счетъ орѣхамъ весть;
Отдаетъ ей войско честь;
Изъ скорлупокъ льютъ монету,
Да пускаютъ въ ходъ по свѣту;
Дѣвки сыплютъ изумрудъ
Въ кладовыя да подъ спудъ:
Всѣ въ томъ островѣ богаты,
Изобъ нѣтъ, вездѣ палаты;
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ;
Онъ тебѣ прислалъ поклонъ».
Царь Салтанъ дивится чуду.
«Если только живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой
Не хотятъ его пустить
Чудный островъ навѣстить.
Усмѣхнувшись исподтиха,
Говоритъ царю ткачиха:
«Что тутъ дивнаго? ну, вотъ!
Бѣлка камушки грызетъ,
Мечетъ золото и въ груды
Загребаетъ изумруды;
Этимъ насъ не удивишь,
Правду ль, нѣтъ ли говоришь.
Въ свѣтѣ есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разольется въ шумномъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
Это диво, такъ ужъ диво,
Можно молвить справедливо!»
Гости умные молчатъ,

Спорить съ нею не хотятъ.
Диву царь Салтанъ дивится,
А Гвидонъ-то злится, злится...
Зажужжалъ онъ и какъ разъ
Теткѣ сѣлъ на лѣвый глазъ,
И ткачиха поблѣднѣла:
«Ай!» и тутъ же окривѣла;
Всѣ кричатъ: «Лови, лови,
Да дави ее, дави...
Вотъ ужо! постой немножко,
Погоди»... А князь въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море прилетѣлъ.

VI.

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
«Грусть-тоска меня съѣдаетъ —
Диво бъ дивное хотѣлъ
Перенесть я въ мой удѣлъ». —
«А какое жъ это диво?»—
«Гдѣ-то вздуется бурливо
Окіянъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ шумномъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ».
Князю лебедь отвѣчаетъ:
«Вотъ что, князь, тебя смущаетъ!
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морскіе
Мнѣ вѣдь братья всѣ родные.
Не печалься же, ступай,
Въ гости братцевъ поджидай».
Князь пошелъ, забывши горе,
Сѣлъ на башню, и на море
Сталъ глядѣть онъ; море вдругъ
Всколыхалося вокругъ,
Расплескалось въ шумномъ бѣгѣ,
И оставило на брегѣ
Тридцать три богатыря;
Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
Идутъ витязи четами,
И, блистая сѣдинами,
Дядька впереди идетъ
И ко граду ихъ ведетъ.
Съ башни князь Гвидонъ сбѣгаетъ,
Дорогихъ гостей встрѣчаетъ;
Второпяхъ народъ бѣжитъ;
Дядька князю говоритъ:
«Лебедь насъ къ тебѣ послала
И наказомъ наказала
Славный городъ твой хранить
И дозоромъ обходить.
Мы отнынѣ ежеденно
Вмѣстѣ будемъ непремѣнно
У высокихъ стѣнъ твоихъ

Выходитъ изъ водъ морскихъ.
Такъ увидимся мы вскорѣ,
А теперь пора намъ въ море:
Тяжекъ воздухъ намъ земли».
Всѣ потомъ домой ушли.

VII.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ и кормитъ, и поитъ,
И отвѣтъ держать велитъ:
«Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете?
И куда теперь плывете?»
Корабельщики въ отвѣтъ:
«Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы булатомъ,
Чистымъ серебромъ и златомъ,
И теперь намъ вышелъ срокъ;
А лежитъ намъ путь далекъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана».
Говоритъ имъ князь тогда:
«Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіяну,
Къ славному царю Салтану;
Да скажите жъ: князь Гвидонъ
Шлетъ де свой царю поклонъ».
Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь, а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Князь опять: душа де проситъ,
Такъ и тянетъ и уноситъ —
И опять она его
Вмигъ обрызгала всего.
Тутъ онъ очень уменьшился,
Шмелемъ князь оборотился,
Полетѣлъ и зажужжалъ;
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корму—и въ щель забился.
Вѣтеръ весело шумитъ;
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидятъ,
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?»
Корабельщики въ отвѣтъ:

«Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо;
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Каждый день идетъ тамъ диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ скоромъ
бѣгѣ —
И останутся на брегѣ
Тридцать три богатыря,
Въ чешуѣ златой горя;
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ;
Старый дядька Черноморъ
Съ ними изъ моря выходитъ
И попарно ихъ выводитъ,
Чтобы островъ тотъ хранить
И дозоромъ обходить:
И той стражи нѣтъ надежнѣй
Ни храбрѣе ни прилежнѣй.
А сидитъ тамъ князь Гвидонъ
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ».
Царь Салтанъ дивится чуду.
«Коли живъ я только буду,
Чудный островъ навѣщу
И у князя погощу».
Повариха и ткачиха
Ни гугу — но Бабариха,
Усмѣхнувшись, говоритъ:
«Кто насъ этимъ удивитъ?
Люди изъ моря выходятъ
И себѣ дозоромъ ходятъ!
Правду ль баютъ или лгутъ,
Дива я не вижу тутъ.
Въ свѣтѣ есть такія ль дива?
Вотъ идетъ молва правдива:
За моремъ царевна есть,
Что не можно глазъ отвесть:
Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Молвить можно справедливо,
Это диво, такъ ужъ диво».
Гости умные молчатъ:
Спорить съ бабой не хотятъ.
Чуду царь Салтанъ дивится,
А царевичъ хоть и злится,
Но жалѣетъ онъ очей
Старой бабушки своей.
Онъ надъ ней жужжитъ,
кружится,
Прямо на носъ къ ней садится,
Носъ ужалилъ богатырь:
На носу вскочилъ волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради Бога!
Караулъ! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вотъ ужо! пожди немножко,
Погоди!..» А шмель въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

VIII.

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазѣ не сводитъ;
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой
прекрасной!

Что жъ ты тихъ, какъ день
ненастной?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
«Грусть-тоска меня съѣдаетъ—
Люди женятся; гляжу,
Не женатъ лишь я хожу».—
«А кого же на примѣтѣ
Ты имѣешь?»—«Да на свѣтѣ,
Говорятъ, царевна есть,
Что не можно глазъ отвесть;
Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
Сладку рѣчь-то говоритъ,
Будто рѣченька журчитъ.
Только, полно, правда ль
это?»
Князь со страхомъ ждетъ
отвѣта.
Лебедь бѣлая молчитъ
И, подумавъ, говоритъ:
«Да! такая есть дѣвица.
Но жена не рукавица:
Съ бѣлой ручки не стряхнешь
Да за поясъ не заткнешь.
Услужу тебѣ совѣтомъ—
Слушай: обо всемъ объ этомъ
Пораздумай ты путемъ,
Не раскаяться бъ потомъ».
Князь предъ нею сталъ
божиться,
Что пора ему жениться;
Что объ этомъ, обо всемъ
Передумалъ онъ путемъ;
Что готовъ душою страстной
За царевною прекрасной
Онъ пѣшкомъ итти отсель
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тутъ, вздохнувъ
глубоко,
Молвила: «Зачѣмъ далеко?
Знай, близка судьба твоя,
Вѣдь царевна эта — я».
Тутъ она, взмахнувъ крылами,
Полетѣла надъ волнами
И на берегъ съ высоты
Опустилася въ кусты,
Встрепенулась, отряхнулась
И царевной обернулась:
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Князь царевну обнимаетъ,
Къ бѣлой груди прижимаетъ
И ведетъ ее скорѣй
Къ милой матушкѣ своей.
Князь ей въ ноги, умоляя:
«Государыня родная!
Выбралъ я жену себѣ,
Дочь послушную тебѣ;
Просимъ оба разрѣшенья,
Твоего благословенья;
Ты дѣтей благослови
Жить въ совѣтѣ и въ любви».
Надъ главою ихъ покорной
Мать съ иконой чудотворной
Слезы льетъ и говоритъ:
«Богъ васъ, дѣти, наградитъ».
Князь недолго собирался,
На царевнѣ обвѣнчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

IX.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И кораблик подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости.
Онъ ихъ кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
«Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики въ отвѣтъ:
«Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы не даромъ
Неуказаннымъ товаромъ;
А лежитъ намъ путь далекъ:
Во-свояси на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана».
Князь имъ вымолвилъ тогда:
«Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіяну,
Къ славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
Къ намъ онъ въ гости обѣщался,
А доселѣ не собрался.
Шлю ему я свой поклонъ».
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Дома на сей разъ остался
И съ женою не разстался.
Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Къ царству славнаго Салтана.
И знакомая страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости.
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости.
Гости видятъ: во дворцѣ
Царь сидитъ въ своемъ вѣнцѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидятъ,
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?»
Корабельщики въ отвѣтъ:
«Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо,
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами;
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка въ немъ живетъ ручная,
Да чудесница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ
Да орѣшки все грызетъ;
А орѣшки не простые,
Скорлупы-то золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;
Бѣлку холятъ, берегутъ.
Тамъ еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,

Хлыпетъ на берегъ пустой.
Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе ни прилежнѣй.
А у князя женка есть,
Что не можно глазъ отвесть:
Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ;
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
Князь Гвидонъ тотъ городъ
правитъ,
Всякъ его усердно славитъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ,
Да тебѣ пеняетъ онъ:
Къ намъ де въ гости
обѣщался,
А доселѣ не собрался».
Тутъ ужъ царь не
утерпѣлъ,
Снарядить онъ флотъ велѣлъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой
Не хотятъ царя пустить
Чудный островъ навѣстить.
Но Салтанъ имъ не внимаетъ
И какъ разъ ихъ унимаетъ:
«Что я? царь или дитя?—
Говоритъ онъ не шутя.—
Нынче жъ ѣду!»—Тутъ онъ
топнулъ,
Вышелъ вонъ и дверью
хлопнулъ.

X.

Подъ окномъ Гвидонъ
сидитъ,
Молча на море глядитъ:
Не шумитъ оно, не хлещетъ,
Лишь едва-едва трепещетъ,
И въ лазоревой дали
Показались корабли;
По равнинамъ окіяна
Ѣдетъ флотъ царя Салтана.
Князь Гвидонъ тогда вскочилъ,
Громогласно возопилъ:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Ѣдетъ батюшка сюда».
Флотъ ужъ къ острову
подходитъ.
Князь Гвидонъ трубу наводитъ:
Царь на палубѣ стоитъ
И въ трубу на нихъ глядитъ;
Съ нимъ ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются онѣ
Незнакомой сторонѣ.
Разомъ пушки запалили,
Въ колокольняхъ зазвонили;
Къ морю самъ идетъ Гвидонъ,
Тамъ царя встрѣчаетъ онъ
Съ поварихой и ткачихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой;
Въ городъ онъ повелъ царя,
Ничего не говоря.
Всѣ теперь идутъ въ палаты
У воротъ блистаютъ латы,
И стоятъ въ глазахъ царя
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,

Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
Царь вступилъ на дворъ
широкой:
Тамъ подъ елкою высокой
Бѣлка пѣсенку поетъ,
Золотой орѣхъ грызетъ,
Изумрудецъ вынимаетъ
И въ мѣшочекъ опускаетъ;
И засѣянъ дворъ большой
Золотою скорлупой.
Гости далѣ—торопливо,
Смотрятъ—что жъ?
Княгиня-диво:
Подъ косой луна блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава,
И свекровь свою ведетъ.
Царь глядитъ—и узнаетъ...
Въ немъ взыграло ретивое!
«Что я вижу? Что такое?
Какъ!» и духъ въ немъ
занялся...
Царь слезами залился,
Обнимаетъ онъ царицу
И сынка и молодицу;
И садятся всѣ за столъ,
И веселый пиръ пошелъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой
Разбѣжались по угламъ;
Ихъ нашли насилу тамъ.
Тутъ во всемъ онѣ признались,
Повинились, разрыдались.
Царь для радости такой
Отпустилъ всѣхъ трехъ домой.
День прошелъ—царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я тамъ былъ; медъ, пиво
пилъ —
И усы лишь обмочилъ.

А. Пушкинъ.

Заколдованное мѣсто.

(Быль, разсказанная дьячкомъ ***ской церкви).

Ей Богу, уже надоѣло разсказывать! Да что вы думаете? Право, скучно: разсказывай да и разсказывай, и отвязаться нельзя! Ну, извольте, я разскажу, только, ей-ей, въ послѣдній разъ. Да, вотъ вы говорили насчетъ того, что человѣкъ можетъ совладать, какъ говорятъ, съ нечистымъ духомъ. Оно, конечно, то-есть, если хорошенько подумать, бываютъ на свѣтѣ всякіе случаи... Однакожъ не говорите этого: захочетъ обморочить дьявольская сила, то обморочитъ; ей Богу, обморочитъ!.. Вотъ извольте видѣть: насъ всѣхъ у отца было четверо: я тогда былъ еще дурень, всего мнѣ было лѣтъ одиннадцать... такъ нѣтъ же, не одиннадцать: я помню какъ теперь, когда разъ побѣжалъ было на четверенькахъ и сталъ лаять по-собачьи, батько закричалъ на меня, покачавъ головою: «Эй, Ѳома, Ѳома! тебя женить пора, а ты дурѣешь, какъ молодой лошакъ!»

Дѣдъ былъ еще тогда живъ и на ноги,—пусть ему легко икнется на томъ свѣтѣ, — довольно крѣпокъ. Бывало, вздумаетъ... Да что жъ этакъ разсказывать? Одинъ выгребаетъ изъ печки цѣлый часъ уголь для своей трубки, другой зачѣмъ-то побѣжалъ за комору. Что, въ самомъ дѣлѣ!.. Добро бы поневолѣ, а то вѣдь сами же напросились... Слушать, такъ слушать!

Батька еще въ началѣ весны повезъ въ Крымъ на продажу табакъ; не помню только, два или три воза снарядилъ онъ; табакъ былъ тогда въ цѣнѣ. Съ собою взялъ онъ трехгодового брата — пріучать заранѣе чумаковать; насъ осталось: дѣдъ, мать, я да братъ, да еще братъ. Дѣдъ засѣялъ баштанъ на самой дорогѣ и перешелъ жить въ курень; взялъ и насъ съ собою гонять воробьевъ и сорокъ съ баштану. Намъ это было, нельзя сказать, чтобы худо: бывало, наѣшься въ день столько огурцовъ, дынь, рѣпы, цыбули, гороху, что въ животѣ, ей Богу, какъ будто пѣтухи кричатъ. Ну, оно притомъ же и прибыльно: проѣзжіе толкутся по дорогѣ, всякому захочется полакомиться арбузомъ или дынею, да изъ окрестныхъ хуторовъ, бывало, нанесутъ на обмѣнъ куръ, яицъ, индѣекъ. Житье было хорошее.

Но дѣду болѣе всего любо было то, что чумаковъ каждый день возовъ пятьдесятъ проѣдетъ. Народъ, знаете, бывалый: пойдетъ разсказывать—только уши развѣшивай! А дѣду это все равно, что голодному галушки. Иной разъ, бывало, случится встрѣча съ старыми знакомыми,—дѣда всякій уже зналъ,—можете посудить сами, что бываетъ, когда соберется старье: тара, тара тогда-то да тогда-то, такое-то да такое-то было... Ну, и разольются! вспомянутъ, Богъ знаетъ, когдашнее.

Разъ,—ну, вотъ, право, какъ будто теперь случилось,—солнце стало уже садиться, дѣдъ ходилъ по баштану и снималъ съ кавуновъ листья, которыми прикрывалъ ихъ днемъ, чтобы не попеклись на солнцѣ.

«Смотри, Остапъ», говорю я брату: «вонъ чумаки ѣдутъ!»

— «Гдѣ чумаки?» сказалъ дѣдъ, положивши значокъ на большой дынѣ, чтобы на случай не съѣли хлопцы.

По дорогѣ тянулось, точно, возовъ шесть. Впереди шелъ чумакъ уже съ сизыми усами. Не дошедши шаговъ—какъ бы вамъ сказать?—на десять, онъ остановился.

«Здорово, Максимъ! Вотъ привелъ Богъ гдѣ увидѣться!»

Дѣдъ прищурилъ глаза: «А! здорово, здорово! Откуда Богъ несетъ? И Болячка здѣсь? Здорово, здорово, братъ! Что за дьяволъ! да тутъ всѣ: и Крутотрыщенко! и Печерыця! и Ковелекъ! и Стецко! Здорово! А, га, га! го, го!..» И пошли цѣловаться.

Воловъ распрягли и пустили пастись на траву, возы оставили на дорогѣ; а сами сѣли всѣ въ кружокъ впереди куреня и закурили люльки. Но куда уже тутъ до люлекъ? за розсказнями да за раздобарами врядъ ли и по одной досталось. Послѣ полдника сталъ дѣдъ потчевать гостей дынями. Вотъ каждый, взявши по дынѣ, обчистилъ ее чистенько ножикомъ (калачи всѣ были тертые, мыкали не мало, знали уже, какъ ѣдятъ въ свѣтѣ, — пожалуй, и за панскій столъ, хоть сейчасъ, готовы сѣсть); обчистивши хорошенько, проткнулъ каждый пальцемъ дырочку, выпилъ изъ нея кисель, сталъ рѣзать по кусочкамъ и класть въ ротъ.

«Что жъ вы, хлопцы», сказалъ дѣдъ, «рты свои разинули? танцуйте, собачьи дѣти! Гдѣ, Остапъ, твоя сопилка? А ну-ка казачка! Ѳома, берись въ боки! Ну! вотъ такъ! Гей, гопъ!»

Я былъ тогда малый подвижной. Старость проклятая! Теперь уже не пойду такъ; вмѣсто всѣхъ выкрутасовъ, ноги только спотыкаются. Долго глядѣлъ дѣдъ на насъ, сидя съ чумаками. Я замѣчаю, что у него ноги не постоятъ на мѣстѣ: такъ, какъ будто ихъ что-нибудь дергаетъ.

«Смотри, Ѳома», сказалъ Остапъ, «если старый хрѣнъ не пойдетъ танцовать!»

Что жъ вы думаете? не успѣлъ онъ сказать — не вытерпѣлъ старичина! Захотѣлось, знаете, прихвастнуть передъ чумаками. «Вишь, чортовы дѣти! развѣ такъ танцуютъ? Вотъ какъ танцуютъ!» сказалъ онъ, поднявшись на ноги, протянувъ руки и ударивъ каблуками.

Ну, нечего сказать, танцовать-то онъ танцовалъ такъ, что хоть бы и съ гетманшею. Мы посторонились, и пошелъ хрѣнъ вывертывать ногами по всему гладкому мѣсту, которое было возлѣ грядки съ огурцами. Только что дошелъ, однакожъ, до половины и хотѣлъ разгуляться и выметнуть ногами на вихрь какую-то свою штуку, — не подымаются ноги, да и только! Что за пропасть! Разогнался снова, дошелъ до середины — не

беретъ! Что хочь дѣлай — не беретъ, да и не беретъ! Ноги, какъ деревянныя, стали. «Вишь дьявольское мѣсто! вишь сатанинское наважденіе! Впутается же Иродъ, врагъ рода человѣческаго!» Ну, какъ надѣлать сраму передъ чумаками? Пустился снова и началъ чесать дробно, мелко, любо глядѣть; до середины—нѣтъ! не вытанцовывается, да и полно! «А, шельмовскій сатана! чтобъ ты подавился гнилою дынею! чтобъ еще маленькимъ издохнулъ, собачій сынъ! Вотъ на старость надѣлалъ стыда какого»!.. И въ самомъ дѣлѣ, сзади кто-то засмѣялся.

Оглянулся: ни баштану ни чумаковъ, ничего; назади, впереди, по сторонамъ — гладкое поле. «Э! ссс... вотъ тебѣ на!» Началъ прищуривать глаза — мѣсто, кажись, не совсѣмъ незнакомое: сбоку лѣсъ, изъ-за лѣса торчалъ какой-то шестъ и видѣлся прочь-далеко въ небѣ. Что за пропасть? Да это голубятня, что у попа въ огородѣ! Съ другой стороны тоже что-то сѣрѣетъ; вглядѣлся: гумно волостного писаря. Вотъ куда затащила нечистая сила! Поколесивши кругомъ, наткнулся онъ на дорожку. Мѣсяца не было: бѣлое пятно мелькало, вмѣсто него, сквозь тучу. «Быть завтра большому вѣтру!» подумалъ дѣдъ. Глядь — въ сторонѣ отъ дорожки на могилкѣ вспыхнула свѣчка. «Вишь!» Сталъ дѣдъ и руками подперся въ боки и глядитъ: свѣчка потухла; вдали и немного подалѣе загорѣлась другая. «Кладъ!» закричалъ дѣдъ. «Я ставлю, Богъ знаетъ что, если не кладъ!» И уже поплевалъ было въ руки, чтобы копать, да спохватился, что нѣтъ при немъ ни заступа ни лопаты. «Эхъ, жаль! Ну, — кто знаетъ? — можетъ-быть, стоитъ только поднять дернъ, а онъ тутъ и лежитъ, голубчикъ! Нечего дѣлать, назначить, по крайней мѣрѣ, мѣсто, чтобы не позабыть послѣ!»

Вотъ, перетянувши сломанную, видно, вихремъ, порядочную вѣтку дерева, навалилъ ее на ту могилку, гдѣ горѣла свѣчка, и пошелъ по дорожкѣ. Молодой дубовый лѣсъ сталъ рѣдѣть; мелькнулъ плетень. «Ну, такъ! не говорилъ ли я», подумалъ дѣдъ, «что это попова левада? Вотъ и плетень его! Теперь и версты нѣтъ до баштана.

Поздненько, однакожъ, пришелъ онъ домой, и галушекъ не захотѣлъ ѣсть. Разбудивши брата Остапа, спросилъ только, давно ли уѣхали чумаки, и завернулся въ тулупъ. И когда тотъ началъ было спрашивать: «А куда тебя, дѣдъ, черти дѣли

сегодня?» — «Не спрашивай», сказалъ онъ, завертываясь еще крѣпче. «Не спрашивай. Останъ: не то — посѣдѣешь! И захрапѣлъ такъ, что воробьи, которые забрались было на баштанъ, поподымались съ перепугу на воздухъ. Но гдѣ ужъ тамъ ему спалось? Нечего сказать, хитрая была бестія. — дай Боже ему царствіе небесное! — умѣлъ отдѣлаться всегда. Иной разъ такую запоетъ пѣсню, что губы станешь кусать.

На другой день, чуть только стало смеркаться въ полѣ, дѣдъ надѣлъ свитку, подпоясался, взялъ подъ мышку заступъ и лопату, надѣлъ на голову шапку, выпилъ кухоль сыровцу, утеръ губы полою и пошелъ прямо къ попову огороду. Вотъ минулъ и плетень и низенькій дубовый лѣсъ. Промежъ деревьевъ вьется дорожка и выходитъ въ поле; кажись, та самая. Вышелъ и на поле — мѣсто точь въ точь вчерашнее: вонъ и голубятня торчитъ; но гумна не видно. «Нѣтъ, это не то мѣсто. То, стало-быть, подалѣе; нужно, видно, поворотить къ гумну!» Поворотилъ назадъ, сталъ итти другою дорогою — гумно видно, а голубятни нѣтъ! Опять поворотилъ поближе къ голубятнѣ — гумно спряталось. Въ полѣ, какъ нарочно, сталъ накрапывать дождикъ. Побѣжалъ снова къ гумну — голубятня пропала; къ голубятнѣ — гумно пропало.

«А чтобъ ты, проклятый сатана, не дождалъ дѣтей своихъ видѣть!» А дождь пустился какъ изъ ведра.

Вотъ, скинувши новые сапоги и обернувши въ хустку, чтобы не покоробились отъ дождя, задалъ онъ такого бѣгуна, какъ будто панскій иноходецъ. Влѣзъ въ курень, промокши насквозь, накрылся тулупомъ и принялся ворчать что-то сквозь зубы и приголубливать чорта такими словами, какихъ я еще отроду не слыхивалъ. Признаюсь, я бы, вѣрно, покраснѣлъ, если бы случилось это среди дня.

На другой день проснулся, смотрю: уже дѣдъ ходитъ по баштану, какъ ни въ чемъ не бывало, и прикрываетъ лопухомъ арбузы. За обѣдомъ опять старичина разговорился, сталъ пугать меньшого брата, что онъ обмѣняетъ его на куръ, вмѣсто арбуза; а, пообѣдавши, сдѣлалъ самъ изъ дерева пищикъ и началъ на немъ играть; и далъ намъ забавляться дыню, свернувшуюся въ три погибели, словно змѣя, которую называлъ онъ турецкою. Теперь такихъ я дынь нигдѣ и не видывалъ: правда, сѣмена ему что-то издалека достались.

Ввечеру, уже повечерявши, дѣдъ пошелъ съ заступомъ прокопать новую грядку для позднихъ тыквъ. Сталъ проходить мимо того заколдованнаго мѣста, не вытерпѣлъ, чтобы не проворчать сквозь зубы: «Проклятое мѣсто!» взошелъ на середину, гдѣ не вытанцовалось позавчера, и ударилъ всердцахъ заступомъ. Глядь — вокругъ него опять то же самое поле: съ одной стороны торчитъ голубятня, а съ другой гумно. Ну, хорошо, что догадался взять съ собою заступъ. Вонъ и дорожка! вонъ и могилка стоитъ! вонъ и вѣтка навалена! вонъ-вонъ горитъ и свѣчка! Какъ бы только не ошибиться!»

Потихоньку побѣжалъ онъ, поднявши заступъ вверхъ, какъ будто бы хотѣлъ имъ попотчевать кабана, затесавшагося на баштанъ, и остановился передъ могилкою. Свѣчка погасла; на могилѣ лежалъ камень, заросшій травою. «Этотъ камень нужно поднять!» подумалъ дѣдъ, и началъ обкапывать его со всѣхъ сторонъ. Великъ проклятый камень! Вотъ, однакожъ, упершись крѣпко ногами въ землю, пихнулъ онъ его съ могилы. «Гу!» пошло по долинѣ. «Туда тебѣ и дорога! теперь живѣе пойдетъ дѣло».

Тутъ дѣдъ остановился, досталъ рожокъ, насыпалъ на кулакъ табаку и готовился было поднести къ носу, какъ вдругъ надъ головою его «чихи!»—чихнуло что-то такъ, что покачнулись деревья и дѣду забрызгало все лицо. «Отворотился хоть бы въ сторону, когда хочешь чихнуть!» проговорилъ дѣдъ, протирая глаза. Осмотрѣлся — никого нѣтъ. «Нѣтъ, не любитъ, видно, чортъ табаку!» продолжалъ онъ, кладя рожокъ въ пазуху и принимаясь за заступъ. «Дурень же онъ, а такого табаку ни дѣду ни отцу его не доводилось нюхать!» Сталъ копать — земля мягкая, заступъ такъ и уходитъ. Вотъ что-то звукнуло. Выкидавши землю, увидѣлъ онъ котелъ.

«А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!» вскрикнулъ дѣдъ, подсовывая подъ него заступъ.

«А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!» запищалъ птичій носъ, клюнувши котелъ.

Посторонился дѣдъ и выпустилъ заступъ.

«А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!» заблеяла баранья голова съ верхушки дерева.

«А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!» заревѣлъ медвѣдь, высунувши изъ-за дерева свое рыло. Дрожь проняла дѣда.

«Да тутъ страшно слово сказать!» проворчалъ онъ про себя.

«Тутъ страшно слово сказать!» пискнулъ птичій носъ.

«Страшно слово сказать!» заблеяла баранья голова.

«Слово сказать!» ревнулъ медвѣдь.

«Гмъ»... сказалъ дѣдъ, и самъ перепугался.

«Гмъ!» пропищалъ носъ.

«Гмъ!» проблеялъ баранъ.

«Гумъ!» заревѣлъ медвѣдь.

Со страхомъ оборотился дѣдъ: Боже ты мой, какая ночь! ни звѣздъ ни мѣсяца; вокругъ провалы; подъ ногами круча безъ дна; надъ головою свѣсилась гора, и вотъ-вотъ, кажись, такъ и хочетъ оборваться на него! И чудится дѣду, что изъ-за нея мигаетъ какая-то харя: у! у! носъ—какъ мѣхъ въ кузницѣ; ноздри—хоть по ведру воды влей въ каждую! губы, ей Богу, какъ двѣ колоды! красныя очи выкатились наверхъ, и еще и языкъ высунула и дразнитъ! «Чортъ съ тобою!» сказалъ дѣдъ, бросивъ котелъ. «На тебѣ и кладъ твой! Экая мерзостная рожа!» И уже ударился было бѣжать, да оглядѣлся и сталъ, увидѣвши, что все было попрежнему. «Это только пугаетъ нечистая сила!»

Принялся снова за котелъ—нѣтъ, тяжелъ! Что дѣлать? Тутъ же не оставить! Вотъ, собравши всѣ силы, ухватился онъ за него руками: «Ну, разомъ, разомъ! еще, еще!» и вытащилъ. «Ухъ! теперь понюхать табаку!»

Досталъ рожокъ. Прежде, однакожъ, чѣмъ сталъ насыпать, осмотрѣлся хорошенько, нѣтъ ли кого. Кажись, что нѣтъ; но вотъ чудится ему, что пень дерева пыхтитъ и дуется, показываются уши, наливаются красные глаза, ноздри раздулись, носъ поморщился и вотъ такъ и собирается чихнуть. «Нѣтъ, не понюхаю табаку», подумалъ дѣдъ, спрятавши рожокъ: «опять заплюетъ сатана очи!» Схватилъ скорѣе котелъ и давай бѣжать, сколько доставало духу; только слышитъ, что сзади что-то такъ и чешетъ прутьями по ногамъ... «Ай! ай! ай!» покрикивалъ только дѣдъ, ударивъ во всю мочь; и какъ добѣжалъ до попова огорода, тогда только перевелъ немного духъ.

«Куда это зашелъ дѣдъ?» думали мы, дожидаясь часа три. Уже съ хутора давно пришла мать и принесла горшокъ горячихъ галушекъ. Нѣтъ, да и нѣтъ дѣда! Стали опять вечерять сами. Послѣ вечери вымыла мать горшокъ и искала глазами,

куда бы вылить помои, потому что вокругъ все были гряды; какъ видитъ, идетъ прямо къ ней навстрѣчу кухва. На небѣ было-таки темненько. Вѣрно, кто-нибудь изъ хлопцевъ, шаля, спрятался сзади и подталкиваетъ ее. «Вотъ кстати, сюда вылить помои!» сказала и вылила горячіе помои.

«Ай!» закричало басомъ. Глядь—дѣдъ. Ну, кто его знаетъ! Ей Богу, думали, что бочка лѣзетъ! Признаюсь, хоть оно и грѣшно немного, а, право, смѣшно показалось, когда сѣдая голова дѣда вся была окунута въ помои и обвѣшана корками отъ арбузовъ и дынь.

«Вишь, чортова баба!» сказалъ дѣдъ, обтирая голову полою: «какъ опарила! какъ будто свинью передъ Рождествомъ! Ну, хлопцы, будетъ вамъ теперь на бублики! Будете, собачьи дѣти, ходить въ золотыхъ жупанахъ! Посмотрите-ка, посмотрите сюда, что я вамъ принесъ!» сказалъ дѣдъ и открылъ котелъ.

Что жъ бы, вы думали, такое тамъ было? Ну, по малой мѣрѣ, подумавши хорошенько: а? золото? Вотъ то-то, что не золото: соръ, дрязгъ... стыдно сказать, что такое. Плюнулъ дѣдъ, кинулъ котелъ и руки послѣ того вымылъ.

Съ той поры заклялъ дѣдъ и насъ вѣрить когда-либо чорту. «И не думайте!» говорилъ онъ часто намъ: «все, что ни скажетъ врагъ Господа Христа, все солжетъ, собачій сынъ! У него правды и на копейку нѣтъ!» И, бывало, чуть только услышитъ старикъ, что въ иномъ мѣстѣ не спокойно: «А, ну-те, ребята, давайте крестить!» закричитъ къ намъ: «такъ его! такъ его! хорошенько!» и начнетъ класть кресты. А то проклятое мѣсто, гдѣ не вытанцовалось, загородилъ плетнемъ, велѣлъ кидать все, что ни есть непотребнаго, весь бурьянъ и соръ, который выгребалъ изъ баштана.

Такъ вотъ какъ морочитъ нечистая сила человѣка! Я знаю хорошо эту землю: послѣ того нанимали ее у батьки подъ баштанъ сосѣдніе казаки. Земля славная, и урожай всегда бывалъ на диво; но на заколдованномъ мѣстѣ никогда не было ничего добраго. Засѣютъ, какъ слѣдуетъ, а взойдетъ такое, что и разобрать нельзя: арбузъ—не арбузъ, тыква—не тыква, огурецъ—не огурецъ... чортъ знаетъ, что такое!

Н. Гоголь.

Лягушка-путешественница.

I.

Жила-была на свѣтѣ лягушка-квакушка. Сидѣла она въ болотѣ, ловила комаровъ да мошку, весною громко квакала вмѣстѣ со своими подругами. И весь вѣкъ она прожила бы благополучно, конечно, въ томъ случаѣ, если бы не съѣлъ ее аистъ. Но случилось одно происшествіе.

Однажды она сидѣла на сучкѣ высунувшейся изъ воды коряги и наслаждалась теплымъ мелкимъ дождикомъ.

Ахъ, какая сегодня прекрасная мокрая погода! — думала она. — Какое это наслажденіе жить на свѣтѣ!

Дождикъ моросилъ по ея пестренькой лакированной спинкѣ: капли его подтекали ей подъ брюшко и за лапки, и это было восхитительно-пріятно, такъ пріятно, что она чуть-чуть не заквакала; но, къ счастью, вспомнила, что была уже осень и что осенью лягушки не квакають — на это есть весна — и что, заквакавъ, она можетъ уронить свое лягушечье достоинство. Поэтому она промолчала и продолжала нѣжиться.

II.

Вдругъ тонкій, свистящій, прерывистый звукъ раздался въ воздухѣ. Есть такая порода утокъ: когда онѣ летятъ, то ихъ крылья, разсѣкая воздухъ, точно поютъ, или, лучше сказать, посвистываютъ; фью-фью, фью-фью раздается въ воздухѣ, когда летитъ высоко надъ вами стадо такихъ утокъ, а ихъ самихъ даже и не видно — такъ онѣ высоко летятъ. На этотъ разъ утки, описавъ огромный полукругъ, спустились и сѣли какъ разъ въ то самое болото, гдѣ жила лягушка.

— Кря! кря! — сказала одна изъ нихъ. — Летѣть еще далеко: надо покушать.

И лягушка сейчасъ же спряталась. Хотя она и знала, что утки не станутъ ѣсть ее, большую и толстую квакушку, но все-таки, на всякій случай, нырнула подъ корягу. Однако, подумавъ, она рѣшилась высунуть изъ воды свою лупоглазую голову: ей было очень интересно узнать, куда летятъ утки.

— Кря, кря! — сказала другая утка. — Ужъ холодно становится! Скорѣй на югъ! скорѣй на югъ!

И всѣ утки стали громко крякать въ знакъ одобренія.

— Госпожи утки, — осмѣлилась сказать лягушка, — что такое югъ, на который вы летите? Прошу извиненія за безпокойство.

III.

И утки окружили лягушку. Сначала у нихъ явилось желаніе съѣсть ее, но каждая изъ нихъ подумала, что лягушка слишкомъ велика и не пролѣзетъ въ горло. Тогда всѣ онѣ начали кричать, хлопая крыльями:

— Хорошо на югѣ! Теперь тамъ тепло! Тамъ есть такія славныя, теплыя болота! Какіе тамъ червяки! Хорошо на югѣ.

Онѣ такъ кричали, что почти оглушили лягушку. Едва-едва она убѣдила ихъ замолчать и попросила одну изъ нихъ, которая казалась ей толще и умнѣе всѣхъ, объяснить ей, что такое югъ. И когда та разсказала ей о югѣ, то лягушка пришла въ восторгъ, но въ концѣ все-таки спросила, потому что была осторожна.

— А много ли тамъ мошекъ и комаровъ?

— О! цѣлыя тучи! — отвѣчала утка.

— Ква! — сказала лягушка, и тутъ же обернулась посмотрѣть, нѣтъ ли здѣсь подругъ, которыя могли бы услышать ее и осудить за кваканье осенью. Она ужъ никакъ не могла удержаться, чтобы не квакнуть хоть разикъ. — Возьмите меня съ собой!

— Это мнѣ удивительно! — воскликнула утка. — Какъ мы тебя возьмемъ? У тебя нѣтъ крыльевъ.

— Когда вы летите? — спросила лягушка.

— Скоро, скоро! — закричали всѣ утки. — Кря, кря! кря! кря! Тутъ холодно! На югъ! на югъ!

— Позвольте мнѣ подумать только пять минутъ, — сказала лягушка; — я сейчасъ вернусь, я, навѣрное, придумаю что-нибудь хорошее.

IV.

И она шлепнулась съ сучка, на который было снова взлѣзла, въ воду, нырнула въ тину и совершенно зарылась въ ней, чтобы посторонніе предметы не мѣшали ей размышлять. Пять минутъ прошло, утки совсѣмъ было собрались летѣть, какъ вдругъ изъ

Кама.

И. И. Шишкинъ.

воды, около сучка, на которомъ сидѣла лягушка, показалась ея морда, и выраженіе этой морды было самое сіяющее, на какое только способна лягушка.

— Я придумала! Я нашла! — сказала она. — Пусть двѣ изъ васъ возьмутъ въ свои клювы прутикъ, а я прицѣплюсь за него посрединѣ. Вы будете летѣть, а я — ѣхать. Нужно только, чтобы вы не крякали, а я не квакала, и все будетъ превосходно.

V.

Хотя молчать и тащить хотя бы и легкую лягушку три тысячи верстъ не Богъ знаетъ какое удовольствіе, но ея умъ привелъ утокъ въ такой восторгъ, что онѣ единодушно согласились нести ее. Рѣшили перемѣняться каждые два часа, и такъ какъ утокъ было, какъ говорится въ загадкѣ, столько, да еще столько, да полстолько, да четверть столько, а лягушка была одна, то нести ее приходилось не особенно часто. Нашли хорошій, прочный прутикъ, двѣ утки взяли его въ клювы, лягушка прицѣпилась ртомъ за середину, и все стадо поднялось на воздухъ. У лягушки захватило духъ отъ страшной высоты, на которую ее подняли; кромѣ того, утки летѣли неровно и дергали прутикъ; бѣдная квакушка болталась въ воздухѣ, какъ бумажный паяцъ, и изо всей мочи стискивала свои челюсти, чтобы не оторваться и не шлепнуться на землю. Однако она скоро привыкла къ своему положенію и даже начала осматриваться. Подъ нею быстро проносились поля, луга, рѣки и горы, которые ей, впрочемъ, было очень трудно разсматривать, потому что, вися на прутикѣ, она смотрѣла назадъ и немного вверхъ, но кое-что все-таки видѣла и радовалась и гордилась.

«Вотъ какъ я превосходно придумала!» думала она про себя.

VI.

А утки летѣли вслѣдъ за несшей ее передней парой, кричали и хвалили ее.

— Удивительно умная голова наша лягушка, — говорили онѣ, — даже между утками мало такихъ найдется.

Она едва удерживалась, чтобы не поблагодарить ихъ, но, вспомнивъ, что, открывъ ротъ, она свалится съ страшной высоты, еще крѣпче стиснула челюсти и рѣшилась терпѣть. Она

болталась такимъ образомъ цѣлый день: несшія ее утки перемѣнялись на лету, ловко подхватывая прутикъ; это было очень страшно: не разъ лягушка чуть было не квакнула отъ страха, но нужно было имѣть присутствіе духа, и она его имѣла. Вечеромъ вся компанія остановилась въ какомъ-то болотѣ; съ зарею утки съ лягушкой снова пустились въ путь, но на этотъ разъ путешественница, чтобы лучше видѣть, что дѣлается на пути, прицѣпилась спинкой и головой впередъ, а брюшкомъ назадъ. Утки летѣли надъ сжатыми полями, надъ пожелтѣвшими лѣсами и надъ деревнями, полными хлѣба въ скирдахъ; оттуда доносился людской говоръ и стукъ цѣповъ, которыми молотили рожь. Люди смотрѣли на стаю утокъ и, замѣчая въ ней что-то странное, показывали на нее руками. И лягушкѣ ужасно захотѣлось летѣть поближе къ землѣ, показать себя и послушать, что о ней говорятъ. На слѣдующемъ отдыхѣ она сказала:

— Нельзя ли намъ летѣть не такъ высоко? У меня отъ высоты кружится голова, и я боюсь свалиться, если мнѣ вдругъ сдѣлается дурно.

И добрыя утки обѣщали ей летѣть пониже.

VII.

На слѣдующій день онѣ летѣли такъ низко, что слышали голоса:

— Смотрите, смотрите! — кричали дѣти въ одной деревнѣ. — Утки лягушку несутъ.

Лягушка услышала это, и у нея прыгало сердце.

— Смотрите, смотрите! — кричали въ другой деревнѣ взрослые. — Вотъ чудо-то!

«Знаютъ ли они, что это придумала я, а не утки?» подумала квакушка.

— Смотрите, смотрите! — кричали въ третьей деревнѣ. — Экое чудо! И кто это придумалъ такую хитрую штуку?

Тутъ лягушка ужъ не выдержала и, забывъ всякую осторожность, закричала изо всей мочи:

— Это я! я!

И съ этимъ крикомъ она полетѣла вверхъ тормашками на землю. Утки громко закричали: одна изъ нихъ хотѣла подхватить бѣдную спутницу на лету, но промахнулась. Лягушка, дрыгая всѣми четырьмя лапками, быстро падала на землю; но

такъ какъ утки летѣли очень быстро, то и она упала не прямо на то мѣсто, надъ которымъ закричала и гдѣ была твердая дорога, а гораздо дальше, что было для нея большимъ счастьемъ, потому что она бултыхнулась въ грязный прудъ на краю деревни.

VIII.

Она скоро вынырнула изъ воды и тотчасъ же опять сгоряча закричала во все горло:

— Это я! Это я придумала!

Но вокругъ нея никого не было. Испуганныя неожиданнымъ плескомъ, мѣстныя лягушки всѣ попрятались въ воду. Когда онѣ начали показываться изъ нея, то съ удивленіемъ смотрѣли на новую.

И она разсказала имъ чудную исторію о томъ, какъ она думала всю жизнь и, наконецъ, изобрѣла новый необыкновенный способъ путешествія науткахъ; какъ у нея были свои собственныя утки, которыя носили ее, куда ей было угодно; какъ она побывала на прекрасномъ югѣ, гдѣ такъ хорошо, гдѣ такія прекрасныя, теплыя болота и такъ много мошекъ и всякихъ другихъ съѣдобныхъ насѣкомыхъ.

— Я заѣхала къ вамъ посмотрѣть, какъ вы живете, — сказала она,—я пробуду у васъ до весны, пока не вернутся мои утки, которыхъ я отпустила.

Но утки ужъ никогда не вернулись. Онѣ думали, что квакушка разбилась о землю, и очень жалѣли ее.

В. Гаршинъ.

Пріемышъ.

(Изъ разсказовъ стараго охотника.)

I.

Дождливый лѣтній день. Я люблю въ такую погоду бродить по лѣсу, особенно, когда впереди есть теплый уголокъ, гдѣ можно обсушиться и обогрѣться. Да къ тому же лѣтній дождь теплый. Въ городѣ въ такую погоду — грязь, а въ лѣсу земля жадно впитываетъ влагу, и вы идете по чуть отсырѣвшему ковру изъ прошлогодняго палаго листа и осыпавшихся иглъ сосны и ели. Деревья покрыты дождевыми каплями, которыя сыплются на васъ при каждомъ движеніи. А когда выглянетъ солнце послѣ

такого дождя, лѣсъ такъ ярко зеленѣетъ и весь горитъ алмазными искрами. Что-то праздничное и радостное кругомъ васъ, и вы чувствуете себя на этомъ праздникѣ желаннымъ, дорогимъ гостемъ.

Именно въ такой дождливый день я подходилъ къ Свѣтлому озеру, къ знакомому сторожу на рыбачьей соймѣ Тарасу. Дождь уже рѣдѣлъ. На одной сторонѣ неба показались просвѣты — еще немножко, и покажется горячее лѣтнее солнце. Лѣсная тропинка сдѣлала крутой поворотъ, и я вышелъ на отлогій мысъ, вдававшійся широкимъ языкомъ въ озеро. Собственно, здѣсь было не самое озеро, а широкій протокъ между двумя озерами, и сойма приткнулась въ излучинѣ, на низкомъ берегу, гдѣ въ заливчикѣ ютились рыбачьи лодки. Протокъ между озерами образовался, благодаря большому лѣсистому острову, разлегшемуся зеленой шапкой напротивъ соймы.

Мое появленіе на мысу вызвало сторожевой окликъ собаки Тараса, — на незнакомыхъ людей она всегда лаяла особеннымъ образомъ, отрывисто и рѣзко, точно сердито спрашивала: кто идетъ? Я люблю такихъ простыхъ собачонокъ за ихъ необыкновенный умъ и вѣрную службу...

Рыбачья избушка издали казалась повернутой вверхъ дномъ большой лодкой, — это горбилась старая деревянная крыша, проросшая веселой зеленой травой. Кругомъ избушки росла густая поросль изъ иванъ-чая, шалфея и «медвѣжьихъ дудокъ», такъ что у подходившаго къ избушкѣ человѣка виднѣлась одна голова. Такая густая трава росла только по берегамъ озера, потому что здѣсь достаточно было влаги, и почва была жирная.

Когда я подходилъ уже совсѣмъ къ избушкѣ, изъ травы кубаремъ вылетѣла на меня пестрая собачонка и залилась отчаяннымъ лаемъ.

— Соболько, перестань... Не узналъ?

Соболько остановился въ раздумьи, но, видимо, еще не вѣрилъ въ старое знакомство. Онъ осторожно подошелъ, обнюхалъ мои охотничьи сапоги и только послѣ этой церемоніи виновато завилялъ хвостомъ. Дескать, виноватъ, ошибся, — а все-таки я долженъ стеречь избушку.

Избушка оказалась пустой. Хозяина не было, т.-е. онъ, вѣроятно, отправился на озеро осматривать какую-нибудь рыболовную снасть. Кругомъ избушки все говорило о присутствіи живого человѣка: слабо курившійся огонекъ, охапка только что

нарубленныхъ дровъ, сушившаяся на кольяхъ сѣть, топоръ, воткнутый въ обрубокъ дерева. Въ пріотворенную дверь соймы виднѣлось все хозяйство Тараса: ружье на стѣнѣ, нѣсколько горшковъ на припечкѣ, сундучокъ подъ лавкой, развѣшенныя снасти. Избушка была довольно просторная, потому что зимой, во время рыбнаго лова, въ ней помѣщалась цѣлая артель рабочихъ. Лѣтомъ старикъ жилъ одинъ. Несмотря ни на какую погоду, онъ каждый день жарко натапливалъ русскую печь и спалъ на полатяхъ. Эта любовь къ теплу объяснялась почтеннымъ возрастомъ Тараса — ему было около девяноста лѣтъ; я говорю «около» потому, что самъ Тарасъ забылъ, когда онъ родился. «Еще до француза», какъ объяснялъ онъ, т.-е. до нашествія французовъ въ Россію въ 1812 году.

Снявъ намокшую куртку и развѣсивъ охотничьи доспѣхи по стѣнкѣ, я принялся разводить огонь. Соболько вертѣлся около меня, предчувствуя какую-нибудь поживу. Весело разгорѣлся огонекъ, пустивъ кверху синюю струйку дыма. Дождь уже прошелъ. По небу неслись разорванныя облака, роняя рѣдкія капли. Кое-гдѣ синѣли просвѣты неба. А потомъ показалось и солнце, горячее іюльское солнце, подъ лучами котораго трава точно задымилась. Вода въ озерѣ стояла тихо-тихо, какъ это бываетъ только послѣ дождя. Пахло свѣжей травой, шалфеемъ, смолистымъ ароматомъ недалеко стоявшаго сосняка. Вообще хорошо, какъ только можетъ быть хорошо въ такомъ глухомъ лѣсномъ уголкѣ. Направо, гдѣ кончался протокъ, синѣла гладь Свѣтлаго озера, а за зубчатой каймой поднимались горы. Чудный уголокъ! и не даромъ старый Тарасъ прожилъ здѣсь цѣлыхъ сорокъ лѣтъ. Гдѣ-нибудь въ городѣ онъ не прожилъ бы и половины, потому что въ городѣ не купишь ни за какія деньги чистаго воздуха, а главное — это спокойствіе, которое охватывало здѣсь. Хорошо на соймѣ!.. Весело горитъ яркій огонекъ; начинаетъ припекать горячее солнце, глазамъ больно смотрѣть на сверкающую даль чуднаго озера. Такъ сидѣлъ бы здѣсь и, кажется, не разстался бы съ чуднымъ лѣснымъ привольемъ. Мысль о городѣ мелькаетъ въ головѣ, какъ дурной сонъ.

Въ ожиданіи старика я прикрѣпилъ на длинной палкѣ мѣдный походный чайникъ съ водой и повѣсилъ его надъ огнемъ. Вода уже начинала кипѣть, а старика все не было.

— Куда бы ему дѣться? — раздумывалъ я вслухъ. — Снасти осматриваютъ утромъ, а теперь полдень... Можетъ-быть, поѣхалъ

посмотрѣть, не ловитъ ли кто рыбу безъ спроса... Соболько, куда дѣвался твой хозяинъ?

Умная собака только виляла пушистымъ хвостомъ, облизывалась и нетерпѣливо взвизгивала. По наружности Соболько принадлежалъ къ типу такъ называемыхъ «промысловыхъ» собакъ. Небольшого роста, съ острой мордой, стоячими ушами и загнутымъ вверхъ хвостомъ, онъ, пожалуй, напоминалъ обыкновенную дворнягу, съ той разницей, что дворняга не нашла бы въ лѣсу бѣлки, не сумѣла бы «облаять» глухаря, выслѣдить оленя, — однимъ словомъ, настоящая промысловая собака, лучшій другъ человѣка. Нужно видѣть такую собаку именно въ лѣсу, чтобы въ полной мѣрѣ оцѣнить всѣ ея достоинства.

Когда этотъ «лучшій другъ человѣка» радостно взвизгнулъ, я понялъ, что онъ завидѣлъ хозяина. Дѣйствительно, въ протокѣ черной точкой показалась рыбачья лодка, огибавшая островъ. Это и былъ Тарасъ... Онъ плылъ, стоя на ногахъ, и ловко работалъ однимъ весломъ, — настоящіе рыбаки всѣ такъ плаваютъ на своихъ лодкахъ-однодеревкахъ, называемыхъ не безъ основанія «душегубками». Когда онъ подплылъ ближе, я замѣтилъ, къ удивленію, плывшаго передъ лодкой лебедя.

— Ступай домой, гуляка! — ворчалъ старикъ, подгоняя красиво плывшую птицу. — Ступай, ступай... Вотъ я тебѣ дамъ... уплывать, Богъ знаетъ куда... Ступай домой, гуляка!..

Лебедь красиво подплылъ къ соймѣ, вышелъ на берегъ, встряхнулся и, тяжело переваливаясь на своихъ кривыхъ черныхъ ногахъ, направился къ избушкѣ.

II.

Старикъ Тарасъ былъ высокаго роста, съ окладистой сѣдой бородой и строгими, большими сѣрыми глазами. Онъ все лѣто ходилъ босой и безъ шляпы. Замѣчательно, что у него всѣ зубы были цѣлы, и волосы па головѣ сохранились. Загорѣлое широкое лицо было изборождено глубокими морщинами. Въ жаркое время онъ ходилъ въ одной рубахѣ изъ крестьянскаго синяго холста.

— Здравствуй, Тарасъ!

— Здравствуй, баринъ!

— Откуда Богъ несетъ?

— А вотъ за *Пріемышемъ* плавалъ, за лебедемъ... Все тутъ вертѣлся, въ протокѣ, а потомъ вдругъ и пропалъ. Ну,

я сейчасъ за нимъ. Выѣхалъ въ озеро—нѣтъ, по заводямъ проплылъ—нѣтъ; а онъ за островомъ плаваетъ.

— Откуда досталъ-то его, лебедя?

— А Богъ послалъ... да! Тутъ охотники изъ господъ наѣзжали; ну, лебедя съ лебедушкой пристрѣлили; а вотъ этотъ остался. Забился въ камыши и сидитъ. Летать-то не умѣетъ, вотъ и спрятался ребячьимъ дѣломъ. Я, конечно, ставилъ сѣти подлѣ камышей, ну, и поймалъ его. Пропадетъ одинъ-то, ястреба заѣдятъ, потому какъ смыслу въ немъ еще настоящаго нѣтъ. Сиротой остался. Вотъ я его привезъ и держу. И онъ тоже привыкъ... Теперь вотъ скоро мѣсяцъ будетъ, какъ живемъ вмѣстѣ. Утромъ на зарѣ поднимется, поплаваетъ въ протокѣ, покормится, а потомъ, домой. Знаетъ, когда я встаю, и ждетъ, чтобы покормили. Умная птица, однимъ словомъ, и свой порядокъ знаетъ...

Старикъ говорилъ необыкновенно любовно, какъ о близкомъ человѣкѣ. Лебедь приковылялъ къ самой избушкѣ и, очевидно, выжидалъ какой-нибудь подачки.

— Улетитъ онъ у тебя, дѣдушка...—замѣтилъ я.

— Зачѣмъ ему летѣть? И здѣсь хорошо: сытъ, кругомъ вода...

— А зимой?

— Перезимуетъ вмѣстѣ со мной въ избушкѣ. Мѣста хватитъ, а намъ съ Соболькой веселѣе. Какъ-то одинъ охотникъ забрелъ ко мнѣ на сойму, увидалъ лебедя и говоритъ вотъ такъ же: «Улетитъ, ежели крылья не подрѣжешь...» А какъ же можно увѣчить Божью птицу? Пусть живетъ, какъ ей отъ Господа указано... Человѣку указано одно, а птицѣ другое... Не возьму я въ толкъ, зачѣмъ господа лебедей застрѣлили. Вѣдь и ѣсть не станутъ, а такъ, для озорства...

Лебедь точно понималъ слова старика и посматривалъ на него своими умными глазами.

— А какъ онъ съ Соболькой?—спросилъ я.

— Сперва-то боялся, а потомъ привыкъ. Теперь лебедь-то въ другой разъ у Собольки и кусокъ отниметъ. Песъ заворчитъ на него, а лебедь на него крыломъ... Смѣшно на нихъ со стороны смотрѣть. А то гулять вмѣстѣ отправятся: лебедь по водѣ, а Соболько по берегу. Пробовалъ песъ плавать за нимъ, ну, да ремесло-то не то—чуть не потонулъ. А какъ лебедь уплыветъ, Соболько ищетъ его. Сядетъ на бережку и воетъ... дескать,

скучно мнѣ псу безъ тебя, другъ сердечный. Такъ вотъ и живемъ втроемъ.

Я очень любилъ старика. Разсказывалъ онъ ужъ очень хорошо и зналъ много. Бываютъ такіе хорошіе, умные старики. Много лѣтнихъ ночей приходилось коротать на соймѣ, и каждый разъ узнаешь что-нибудь новое. Прежде Тарасъ былъ охотникомъ и зналъ мѣста кругомъ верстъ на пятьдесятъ, зналъ всякій обычай лѣсной птицы и лѣсного звѣря; а теперь не могъ уходить далеко и зналъ одну свою рыбу. На лодкѣ плавать легче, чѣмъ ходить съ ружьемъ по лѣсу, а особенно по горамъ. Теперь ружье оставалось у Тараса только по старой памяти да на всякій случай, если бы забѣжалъ волкъ. По зимамъ волки заглядывали на сойму и давно уже точили зубы на Собольку. Только Соболько былъ хитеръ и не давался волкамъ.

Я остался на соймѣ на цѣлый день. Вечеромъ ѣздили удить рыбу и ставили сѣти на ночь. Хорошо Свѣтлое озеро, и не даромъ оно названо Свѣтлымъ,—вода въ немъ совершенно прозрачная, такъ что плывешь на лодкѣ и видишь все дно на глубинѣ нѣсколькихъ саженъ. Видны и пестрые камешки, и желтый рѣчной песокъ, и водоросли, видно, какъ и рыба ходитъ «руномъ», т.-е. стадомъ. Такихъ горныхъ озеръ на Уралѣ сотни, и всѣ они отличаются необыкновенной красотой. Отъ другихъ Свѣтлое озеро отличалось тѣмъ, что прилегало къ горамъ только одной стороной, а другой выходило «въ степь», гдѣ начиналась благословенная Башкирія. Кругомъ Свѣтлаго озера разлегались самыя привольныя мѣста, а изъ него выходила бойкая горная рѣка, разливавшаяся по степи на цѣлую тысячу верстъ. Длиной озеро было до двадцати верстъ, да въ ширину около десяти. Глубина достигала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ саженъ пятнадцати... Особенную красоту придавала ему группа лѣсистыхъ острововъ. Одинъ такой островокъ отбился на самую середину озера и назывался Голодаемъ, потому что, попавъ на него въ дурную погоду, рыбаки не разъ голодали по нѣскольку дней.

Тарасъ жилъ на Свѣтломъ уже сорокъ лѣтъ. Когда-то у него была и своя семья и домъ, а теперь онъ жилъ бобылемъ. Дѣти перемерли, жена тоже умерла, и Тарасъ безвыходно оставался на Свѣтломъ по цѣлымъ годамъ.

— Не скучно тебѣ, дѣдушка?—спросилъ я, когда мы возвратились съ рыбной ловли.—Жутко одинокому-то въ лѣсу.

— Одному? Тоже и скажетъ баринъ... Я тутъ князь-княземъ живу. Все у меня есть... И птица всякая, и рыбка, и травка. Конечно, говорить онѣ не умѣютъ, да я-то понимаю все. Сердце радуется въ другой разъ посмотрѣть на Божью тварь... У всякой свой порядокъ и свой умъ. Ты думаешь, зря рыбка плаваетъ въ водѣ или птица по лѣсу летаетъ? Нѣтъ, у нихъ заботы не меньше нашего... Эвонъ, погляди, лебедь-то дожидается насъ съ Соболькой. Ахъ, прокуратъ...

Старикъ ужасно былъ доволенъ своимъ Пріемышемъ, и всѣ разговоры, въ концѣ-концовъ, сводились на него.

— Гордая, настоящая царская птица,—объяснилъ онъ.— Помани его кормомъ, да не дай—въ другой разъ и не подойдетъ. Свой характеръ тоже имѣетъ, даромъ что птица... Съ Соболькой тоже себя очень гордо держитъ. Чуть что, сейчасъ крыломъ, а то и носомъ долбанетъ. Извѣстно, песъ въ другой разъ созорничать захочетъ, зубами норовитъ за хвостъ поймать, а лебедь его по мордѣ... Это тоже не игрушка, чтобы за хвостъ хватать.

Я переночевалъ и утромъ на другой день собрался уходить.

— Ужо по осени приходи, — говорилъ старикъ на прощаньи. — Тогда рыбу лучить будемъ съ острогой... Ну, рябчиковъ пострѣляемъ. Осенній рябчикъ жирный.

— Хорошо, дѣдушка, пріѣду когда-нибудь.

Когда я отходилъ, старикъ меня вернулъ.

— Посмотри-ка, баринъ, какъ лебедь-то разыгрался съ Соболькой...

Дѣйствительно, стоило полюбоваться оригинальной картиной. Лебедь стоялъ, раскрывъ крылья, а Соболько съ визгомъ и лаемъ нападалъ на него. Умная птица вытягивала шею и шипѣла на собаку, какъ это дѣлаютъ гуси. Старый Тарасъ отъ души смѣялся надъ этой сценой, какъ ребенокъ.

III.

Въ слѣдующій разъ я попалъ на Свѣтлое озеро уже поздней осенью, когда выпалъ первый снѣгъ. Лѣсъ и теперь былъ хорошъ. Кое-гдѣ на березахъ еще оставался желтый листъ. Ели и сосны казались зеленѣе, чѣмъ лѣтомъ. Сухая осенняя трава выглядывала изъ-подъ снѣга желтой щеткой. Мертвая тишина царила кругомъ, точно природа, утомленная лѣтней кипучей работой, теперь отдыхала. Свѣтлое озеро казалось больше, по-

тому что не стало прибрежной зелени. Прозрачная вода потемнѣла, и въ берегъ съ шумомъ била тяжелая осенняя волна.

Избушка Тараса стояла на томъ же мѣстѣ, но казалась выше, потому что не стало окружавшей ее высокой травы. Навстрѣчу мнѣ выскочилъ тотъ же Соболько. Теперь онъ узналъ меня и ласково завилялъ хвостомъ еще издали. Тарасъ былъ дома. Онъ чинилъ неводъ для зимняго лова.

— Здравствуй, старина!..

— Здравствуй, баринъ!

— Ну, какъ поживаешь?

— Да ничего... По осени-то, къ первому снѣгу, прихворнулъ малость. Ноги болѣли... Къ непогодѣ у меня завсегда такъ бываетъ.

Старикъ, дѣйствительно, имѣлъ утомленный видъ. Онъ казался теперь такимъ дряхлымъ и жалкимъ. Впрочемъ, это происходило, какъ оказалось, совсѣмъ не отъ болѣзни. За чаемъ мы разговорились, и старикъ разсказалъ свое горе.

— Помнишь, баринъ, лебедя-то?

— Пріемыша?

— Онъ самый... Ахъ, хороша была птица!.. А вотъ мы опять съ Соболькой остались одни... Да, не стало Пріемыша!..

— Убили охотники?

— Нѣтъ, самъ ушелъ... Вотъ какъ мнѣ обидно это, баринъ!.. Ужъ я ли, кажется, не ухаживалъ за нимъ, я ли не возился!.. Изъ рукъ кормилъ... Онъ ко мнѣ и на голосъ шелъ. Плаваетъ онъ по озеру,—я его окликну, онъ и подплыветъ. Ученая птица... И вѣдь совсѣмъ привыкла... да! Ужъ въ заморозки грѣхъ вышелъ. На перелетѣ стадо лебедей спустилось на Свѣтлое озеро. Ну, отдыхаютъ, кормятся, плаваютъ, а я любуюсь. Пусть Божья птица съ силой соберется: не близкое мѣсто летѣть... Ну, а тутъ и вышелъ грѣхъ. Мой-то Пріемышъ сначала сторонился отъ другихъ лебедей: подплыветъ къ нимъ и назадъ. Тѣ гогочутъ, по-своему зовутъ его, а онъ домой... Дескать, у меня свой домъ есть. Такъ дня три это у нихъ было. Все, значитъ, переговариваются, по-своему, по-птичьему. Ну, а потомъ, вижу, мой Пріемышъ затосковалъ... Вотъ все равно, какъ человѣкъ тоскуетъ. Выйдетъ это на берегъ, встанетъ на одну ногу и начнетъ кричать. Да вѣдь какъ жалобно кричитъ... На меня тоску нагонитъ, а Соболько, дуракъ, волкомъ воетъ. Извѣстно, вольная птица, кровь-то сказалась...

Старикъ замолчалъ и тяжело вздохнулъ.

— Ну, и что же, дѣдушка?

— Ахъ, и не спрашивай... Заперъ я его въ избушку на цѣлый день, такъ онъ и тутъ донялъ. Станетъ на одну ногу у самой двери и стоитъ, пока не сгонишь его съ мѣста. Только вотъ не скажетъ человѣчьимъ языкомъ: «Пусти, дѣдушка, къ товарищамъ. Они-то въ теплую сторону полетятъ, а что я съ вами тутъ буду зимой дѣлать?» Ахъ, ты, думаю, какая задача. Пустить—улетитъ за стадомъ и пропадетъ...

— Почему пропадетъ?

— А какъ же?.. Тѣ-то на вольной волѣ выросли. Ихъ, молодые которые, отецъ съ матерью летать выучили. Вѣдь ты думаешь, какъ у нихъ? Подрастутъ лебедята,—отецъ съ матерью выведутъ ихъ сперва на воду, а потомъ начнутъ учить летать. Исподволь учатъ; все дальше да дальше. Своими глазами я видѣлъ, какъ молодыхъ обучаютъ къ перелету. Сначала особнякомъ учатъ, потомъ небольшими стаями, а потомъ уже сгрудятся въ одно большое стадо. Похоже на то, какъ солдатъ муштруютъ... Ну, а мой-то Пріемышъ одинъ выросъ и почитай никуда не леталъ. Поплаваетъ по озеру—только и всего ремесла. Гдѣ же ему перелетѣть? Выбьется изъ силъ, отстанетъ отъ стада и пропадетъ... Не привыченъ къ дальнему лету.

Старикъ опять замолчалъ.

— А пришлось выпустить,—съ грустью заговорилъ онъ.—Все равно, думаю, ежели удержу его на зиму, затоскуетъ и схирѣетъ. Ужъ птица такая особенная. Ну, и выпустилъ. Присталъ мой Пріемышъ къ стаду, поплавалъ съ нимъ день, а къ вечеру опять домой. Такъ два дня приплывалъ. Тоже хоть и птица, а тяжело съ своимъ домомъ разставаться. Это онъ прощаться приплывалъ, баринъ... Въ послѣдній-то разъ отплылъ отъ берега этакъ саженъ на двадцать, остановился и какъ, братецъ ты мой, крикнетъ по-своему. Дескать, «спасибо, дѣдушка, за хлѣбъ, за соль!..» Только я его и видѣлъ. Остались мы опять съ Соболькой одни. Первое-то время сильно мы оба тосковали. Спрошу его: «Соболько, а гдѣ нашъ Пріемышъ?» А Соболько сейчасъ выть... Значитъ, жалѣетъ. И сейчасъ на берегъ, и сейчасъ искать друга милаго... Мнѣ по ночамъ все грезилось, что Пріемышъ-то тутъ вотъ полощется у берега и крылышками хлопаетъ. Выйду—никого нѣтъ...—Вотъ какое дѣло вышло, баринъ.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Перепелка.

I.

Мнѣ было лѣтъ десять, когда со мной случилось то, что я вамъ сейчасъ разскажу.

Дѣло было лѣтомъ. Я жилъ тогда съ отцомъ на хуторѣ въ южной Россіи. Кругомъ хутора, на нѣсколько верстъ тянулись степныя мѣста. Ни лѣсу ни рѣки близко не было; неглубокіе овраги, заросшіе кустарникомъ, точно длинныя зеленыя змѣи, прорѣзали тамъ и сямъ ровную степь. Ручейки сочились по дну этихъ овраговъ; кой-гдѣ, подъ самой кручью, виднѣлись родничкн съ чистой, какъ слеза, водою; къ нимъ вели протоптанныя тропинки — и возлѣ воды, на сырой грязцѣ, перекрещивались слѣды птицъ и мелкихъ звѣрьковъ. Имъ хорошая вода такъ же нужна, какъ и людямъ.

Отецъ мой былъ страстнымъ охотникомъ; и какъ только не былъ занятъ по хозяйству и погода стояла хорошая, онъ бралъ ружье, надѣвалъ ягдташъ, звалъ своего стараго Трезора и отправлялся стрѣлять куропатокъ и перепеловъ. Зайцами онъ пренебрегалъ, предоставляя ихъ псовымъ охотникамъ, которыхъ величалъ борзятниками. Другой дичи у насъ не водилось, развѣ вотъ осенью налетали вальдшнепы. Но перепеловъ и куропатокъ было много, особенно куропатокъ. По опушкамъ овраговъ то и дѣло попадались разрытые кружки сухой пыли, мѣстечки, гдѣ онѣ копались. Старый Трезоръ тотчасъ дѣлалъ стойку, при чемъ его хвостъ дрожалъ и кожа на лбу сдвигалась складками; а у отца лицо блѣднѣло — и онъ осторожно взводилъ курки. Онъ часто бралъ меня съ собою... Большое это было для меня удовольствіе! Я засовывалъ штаны въ голенища, надѣвалъ черезъ плечо фляжку — и самъ воображалъ себя охотникомъ! Потъ лилъ съ меня градомъ, мелкіе камешки забивались мнѣ въ сапоги; но я не чувствовалъ усталости и не отставалъ отъ отца. Когда же раздавался выстрѣлъ и птица падала, я всякій разъ подпрыгивалъ на мѣстѣ и даже кричалъ, — такъ мнѣ было весело! Раненая птица билась и хлопала крыльями то на травѣ, то въ зубахъ Трезора, — съ нея текла кровь, а мнѣ все-таки было весело, и никакой жалости я не ощущалъ. Чего бы я не далъ, чтобы самому стрѣлять изъ ружья и убивать куропатокъ и перепеловъ! Но отецъ объявилъ

мнѣ, что раньше двадцати лѣтъ у меня ружья не будетъ; и ружье онъ мнѣ дастъ одноствольное и стрѣлять позволитъ только жаворонковъ. Этихъ жаворонковъ въ нашихъ мѣстахъ водилось множество; бывало, въ хорошій солнечный день цѣлые десятки ихъ вились на ясномъ небѣ, поднимаясь все выше и выше и звеня, какъ колокольчики. Я глядѣлъ на нихъ, какъ на свою будущую добычу, и прицѣливался въ нихъ палочкой, которую носилъ на плечѣ замѣсто ружья. Попасть въ нихъ очень легко, когда они въ двухъ-трехъ аршинахъ отъ земли останавливаются въ воздухѣ и трепещутся, прежде чѣмъ вдругъ плюхнуть въ траву. Иногда далеко въ полѣ, на жнивьѣ или на зеленяхъ, торчали драхвы; вотъ, думалось мнѣ, такую большую штуку убить — да послѣ этого и жить не надо! Я указывалъ на нихъ отцу; но онъ всякій разъ говорилъ мнѣ, что драхва — птица осторожная и человѣка близко не подпускаетъ. Однако разъ онъ попытался подкрасться къ одинокой драхвѣ, полагая, что она подстрѣленная и отстала отъ своего стада. Велѣлъ Трезору итти за нимъ слѣдомъ, а мнѣ — такъ и вовсе остаться на мѣстѣ; зарядилъ ружье картечью, еще разъ обернулся къ Трезору, даже пригрозился ему, шопотомъ скомандовалъ: «аррьеръ! аррьеръ!», скорчился въ три погибели и пошелъ — не прямо къ драхвѣ, а стороною. Трезоръ хоть и не скорчился, но выступалъ тоже очень удивительно: раскорякой — и хвостъ поджалъ и одну губу закусилъ. Я не вытерпѣлъ и чуть не ползкомъ отправился за отцомъ и за Трезоромъ. Однако драхва и на триста шаговъ насъ не подпустила: сперва побѣжала, потомъ замахала крыльями и полетѣла. Отецъ выстрѣлилъ и только вслѣдъ ей посмотрѣлъ... Трезоръ выскочилъ впередъ и тоже смотрѣлъ... Посмотрѣлъ и я... и такъ мнѣ обидно стало! Что бы, кажется, ей еще немного подождать! Картечь непремѣнно бы ее достала!

II.

Вотъ однажды мы съ отцомъ отправились на охоту — подъ самый Петровъ день. Въ то время молодыя куропатки еще малы бываютъ, отецъ не хотѣлъ ихъ стрѣлять и пошелъ въ мелкіе дубовые кустики, возлѣ ржаного поля, гдѣ всегда попадались перепела. Косить тамъ было неудобно — и трава долго стояла нетронутой. Цвѣтовъ росло тамъ много: журавлинаго

горошку, кашки, колокольчиковъ, незабудокъ, полевыхъ гвоздикъ. Когда я ходилъ туда съ сестрой или съ горничной, то всегда набиралъ ихъ цѣлую охапку; но когда я ходилъ съ отцомъ, то цвѣтовъ не рвалъ: я находилъ это занятіе недостойнымъ охотника.

Вдругъ Трезоръ сдѣлалъ стойку; отецъ мой закричалъ: «пиль!», и изъ-подъ самаго носа Трезора вскочила перепелка— и полетѣла. Только полетѣла она очень странно: кувыркалась, вертѣлась, падала на землю — точно она была раненая, или крыло у ней надломилось. Трезоръ со всѣхъ ногъ бросился за нею... онъ этого не дѣлалъ, когда птица летѣла, какъ слѣдуетъ. Отецъ даже выстрѣлить не могъ: онъ боялся, что зацѣпитъ дробью собаку. И вдругъ смотрю: Трезоръ наддалъ—и цапъ! Схватилъ перепелку, принесъ и подалъ ее отцу. Отецъ взялъ ее и положилъ себѣ на ладонь, брюшкомъ кверху. Я подскочилъ. «Что это, говорю: она раненая была?» — «Нѣтъ, — отвѣтилъ мнѣ отецъ, — она не была раненая; а у ней, должно-быть, здѣсь близко гнѣздо съ маленькими, и она нарочно притворилась раненой, чтобы собака могла подумать, что ее легко поймать». — «Для чего же она это дѣлаетъ?» спросилъ я. «А для того, чтобы отвести собаку отъ своихъ маленькихъ. Потомъ бы она хорошо полетѣла. Только на этотъ разъ она не разочла: ужъ слишкомъ притворилась — и Трезоръ ее поймалъ». — «Такъ она не раненая?» спросилъ я опять. «Нѣтъ... но живой ей не быть... Трезоръ ее, должно-быть, давнулъ зубомъ». Я пододвинулся ближе къ перепелкѣ. Она неподвижно лежала на ладони отца, свѣсивъ головку, и глядѣла на меня съ боку своимъ каримъ глазкомъ. И мнѣ вдругъ такъ жаль ее стало! Мнѣ показалось, она глядитъ на меня и думаетъ: «За что я умирать должна? За что? Вѣдь я свой долгъ исполняла: маленькихъ своихъ старалась спасти, отвести собаку подальше — и вотъ попалась! Бѣдняжка я! Бѣдняжка! Несправедливо это! Несправедливо!»

«Папаша, — сказалъ я, — да, можетъ-быть, она не умретъ...» — и хотѣлъ погладить перепелочку по головкѣ. Но отецъ сказалъ мнѣ: «Нѣтъ! Вотъ посмотри: у ней сейчасъ лапки вытянутся, она вся затрепещется, и закроются ея глаза». Такъ оно точно и случилось. Какъ только у ней закрылись глаза, я заплакалъ. «Чему ты?» спросилъ отецъ и засмѣялся. «Жаль мнѣ ее, — сказалъ я. — Она долгъ свой исполняла, а ее убили!

Это несправедливо!» — «Она схитрить хотѣла, — отвѣтилъ мнѣ отецъ. — Только Трезоръ ее перехитрилъ». — «Злой Трезоръ!» подумалъ я, да и самъ отецъ показался мнѣ на этотъ разъ недобрымъ. Какая же тутъ хитрость? Тутъ любовь къ дѣтенышамъ, а не хитрость! Если ей приказано притворяться, чтобы дѣтей своихъ спасать — такъ не слѣдовало Трезору ее поймать! Отецъ хотѣлъ было сунуть перепелку въ ягдташъ, но я ее у него выпросилъ, положилъ ее бережно въ обѣ ладони, подышалъ на нее... не очнется ли она? Однако она не шевелилась. «Напрасно, братъ, — сказалъ отецъ, — ее не воскресишь. Вишь, головка у ней болтается». Я тихонько приподнялъ ее за носикъ; но только я отнялъ руку — головка опять упала. «Тебѣ все ее жаль?» спросилъ отецъ. «А кто же маленькихъ кормить будетъ?» спросилъ я въ свою очередь. Отецъ пристально посмотрѣлъ на меня. «Не безпокойся, говоритъ: самецъ-перепелъ, отецъ, ихъ выкормитъ. Да вотъ постой, — прибавилъ онъ, — никакъ Трезоръ опять стойку дѣлаетъ... Ужъ это не гнѣздо ли? Гнѣздо и есть».

И точно... въ травѣ, въ двухъ шагахъ отъ Трезоровой морды, тѣсно, рядышкомъ лежали четыре птенчика; прижались другъ къ дружкѣ, вытянули шейки — и всѣ такъ скоро, въ одинъ разъ дышатъ... точно дрожатъ! А уже оперились; пуху на нихъ нѣтъ — только хвостики еще очень короткіе. «Папа! папа! — закричалъ я благимъ матомъ: — отзови Трезора, а то онъ ихъ тоже убьетъ!»

III.

Отецъ крикнулъ на Трезора и, отойдя немного въ сторону, присѣлъ подъ кустикъ, чтобы позавтракать. А я остался возлѣ гнѣзда, не захотѣлъ завтракать. Вынулъ чистый платокъ, положилъ на него перепелку... «Смотрите, молъ, сиротки, вотъ ваша мать! Она собой для васъ пожертвовала!» Птенчики попрежнему дышали скоро, всѣмъ тѣломъ. Потомъ я подошелъ къ отцу. «Можешь ты мнѣ подарить эту перепелочку?» спросилъ я его. «Изволь. Но что ты хочешь съ ней сдѣлать?» — «Я хочу ее похоронить!» — «Похоронить?!» — «Да, возлѣ ея гнѣздышка. Дай мнѣ твой ножъ; я ей могилочку вырою». Отецъ удивился. «Чтобъ дѣтки къ ней на могилку ходили?» спросилъ онъ. «Нѣтъ, — отвѣчалъ я; — а такъ... мнѣ хочется.

Ей будетъ тутъ хорошо лежать, возлѣ своего гнѣзда!» Отецъ ни слова не промолвилъ; досталъ и подалъ мнѣ ножъ. Я тотчасъ же вырылъ ямочку; поцѣловалъ перепелочку въ грудку, положилъ ее въ ямочку и засыпалъ землею. Потомъ я тѣмъ же ножомъ срѣзалъ двѣ вѣтки, очистилъ ихъ отъ коры, сложилъ ихъ крестомъ, перевязалъ былинкой и воткнулъ въ могилку. Скоро мы съ отцомъ пошли дальше, но я все оглядывался... Крестъ былъ бѣленькій и далеко виднѣлся.

А ночью мнѣ приснился сонъ: будто я па небѣ; и что же? На небольшомъ облачкѣ сидитъ моя перепелочка, только тоже вся бѣленькая, какъ тотъ крестикъ! И на головѣ у ней маленькій золотой вѣнчикъ; и будто это ей въ награду за то, что она за своихъ дѣтей пострадала!

Дней черезъ пять мы съ отцомъ пришли опять на то же мѣсто. Я и могилку нашелъ по кресту, который хоть и пожелтѣлъ, но не свалился. Однако гнѣздышко было пусто, птенчиковъ ни слѣда. Мой отецъ меня увѣрилъ, что старикъ, ихъ отецъ, увелъ ихъ; и когда въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда вылетѣлъ изъ-подъ куста старый перепелъ, онъ его стрѣлять не сталъ... Я и подумалъ: «Нѣтъ, папа добрый!»

Но вотъ что удивительно: съ того дня пропала моя страсть къ охотѣ, и я уже не думалъ о томъ времени, когда отецъ подаритъ мнѣ ружье! Однако, когда я выросъ, я тоже началъ стрѣлять, но настоящимъ охотникомъ никогда не сдѣлался. Вотъ еще, что меня отучило.

Разъ мы вдвоемъ съ товарищемъ охотились па тетеревовъ. Нашли выводокъ. Матка вскочила, мы выстрѣлили и попали въ нее: но она не упала, а полетѣла дальше, вмѣстѣ съ молодыми тетеревятами. Я было хотѣлъ пойти за ними, но товарищъ сказалъ мнѣ: «Лучше здѣсь присѣсть и подманить ихъ... всѣ сейчасъ здѣсь будутъ». Товарищъ отлично умѣлъ свистать, какъ свищутъ тетерева. Мы присѣли; онъ сталъ свистать. И точно: сперва одинъ молодой откликнулся, потомъ другой, и вотъ слышимъ мы: сама матка квохчетъ, да нѣжно такъ и близко. Я приподнялъ голову и вижу: сквозь спутанныя травяныя былинки идетъ она къ намъ, спѣшитъ, спѣшитъ, а у самой вся грудь въ крови! Знать, не вытерпѣло материнское сердце! И тутъ я самому себѣ показался такимъ злодѣемъ!..

Всталъ и захлопалъ въ ладоши. Тетерка тотчасъ же и улетѣла — и молодые затихли. Товарищъ разсердился: онъ за сумасшедшаго меня счелъ... «Ты, молъ, испортилъ всю охоту!»

Но мнѣ съ того дня все тяжелѣй и тяжелѣй стало убивать и проливать кровь.

И. Тургеневъ.

Морское плаваніе.

Я плылъ изъ Гамбурга въ Лондонъ на небольшомъ пароходѣ. Насъ было двое пассажировъ: я да маленькая обезьяна, самка изъ породы уистити, которую одинъ гамбургскій купецъ отправлялъ въ подарокъ своему англійскому компаньону.

Она была привязана тонкой цѣпочкой къ одной изъ скамеекъ на палубѣ и металась и пищала жалобно, по-птичьи. Всякій разъ, когда я проходилъ мимо, она протягивала мнѣ свою черную холодную ручку — и взглядывала на меня своими грустными, почти человѣческими глазенками.

Я бралъ ея руку, и она переставала пищать и метаться.

Стоялъ полный штиль. Море растянулось кругомъ неподвижной скатертью свинцоваго цвѣта. Оно казалось невеликимъ; густой туманъ лежалъ на немъ, заволакивая самые концы мачтъ, и слѣпилъ, и утомлялъ взоръ своей мягкой мглою. Солнце висѣло тускло-краснымъ пятномъ въ этой мглѣ; а передъ вечеромъ она загоралась и алѣла таинственно и странно. Длинныя, прямыя складки, подобныя складкамъ тяжелыхъ шелковыхъ тканей, бѣжали одна за другой отъ носа парохода и, все ширясь, морщась да ширясь, сглаживались, наконецъ, колыхались, исчезали. Взбитая пѣна клубилась подъ однообразно топотавшими колесами; молочно бѣлѣя и слабо шипя, разбивалась она на змѣевидныя струи; а тамъ сливалась, исчезала тоже, поглощенная мглою.

Непрестанно и жалобно, не хуже писка обезьяны, звякалъ небольшой колоколъ у кормы.

Изрѣдка всплывалъ тюлень и, круто кувыркнувшись, уходилъ подъ едва возмущенную гладь.

А капитанъ, молчаливый человѣкъ, съ загорѣлымъ, сумрачнымъ лицомъ, курилъ короткую трубку и сердито плевалъ въ застывшее море.

Бурное море.

Судковскаго

На всѣ мои вопросы онъ отвѣчалъ отрывистымъ ворчаніемъ; поневолѣ приходилось обращаться къ моему единственному спутнику—обезьянѣ.

Я садился возлѣ нея; она переставала пищать — и опять протягивала мнѣ руку.

Снотворной сыростью обдавалъ насъ обоихъ неподвижный туманъ; и, погруженные въ одинаковую безсознательную думу, мы пребывали другъ возлѣ друга, словно родные.

Я улыбаюсь теперь... но тогда во мнѣ было другое чувство. Всѣ мы дѣти одной матери—и мнѣ было пріятно, что бѣдный звѣрекъ такъ довѣрчиво утихалъ и прислонялся ко мнѣ, словно къ родному.

И. Тургеневъ.

Емеля-охотникъ.

I.

Далеко-далеко, въ сѣверной части Уральскихъ горъ, въ непроходимой лѣсной глуши спряталась деревушка Тычки. Въ ней всего одиннадцать дворовъ, собственно, десять, потому что одиннадцатая избушка стоитъ совсѣмъ отдѣльно, у самаго лѣса.

Всѣ тычковскіе мужики—записные охотники. Лѣтомъ и зимой они почти не выходятъ изъ лѣсу, благо до него рукой подать. Всякое время года приноситъ съ собой извѣстную добычу: зимой бьютъ медвѣдей, куницъ, волковъ, лисицъ; осенью — бѣлку; весной—дикихъ козъ; лѣтомъ—всякую птицу. Однимъ словомъ, круглый годъ стоитъ тяжелая и часто опасная работа.

Въ той избушкѣ, которая стоитъ у самаго лѣса, живетъ старый охотникъ Емеля съ маленькимъ внучкомъ Гришуткой. Избушка Емели совсѣмъ вросла въ землю и глядитъ на свѣтъ Божій всего однимъ окномъ; крыша на избушкѣ давно прогнила, отъ трубы остались только обвалившіеся кирпичи. Ни забора, ни воротъ, ни сарая — ничего не было у Емелиной избушки. Только подъ крыльцомъ изъ неотесанныхъ бревенъ воетъ по ночамъ голодный Лыско—одна изъ самыхъ лучшихъ охотничьихъ собакъ въ Тычкахъ. Передъ каждой охотой Емеля дня три моритъ несчастнаго Лыска, чтобы онъ лучше искалъ дичь и выслѣживалъ всякаго звѣря.

— Дѣдко... а дѣдко!..—съ трудомъ спрашивалъ маленькій Гришутка однажды вечеромъ. — Теперь олени съ телятами ходятъ?

Утро въ сосновомъ лѣсу. *И. И. Шишкина.*

— Съ телятами, Гришукъ, — отвѣтилъ Емеля, доплетая новые лапти.

— Вотъ бы, дѣдко, теленочка добыть... А?..

— Погоди, добудемъ... Жары наступили, олени съ телятами въ чащѣ прятаться будутъ отъ оводовъ, тутъ я тебѣ и теленочка добуду, Гришукъ!

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ, а только тяжело вздохнулъ. Гришуткѣ всего было лѣтъ шесть, и онъ лежалъ теперь второй мѣсяцъ на широкой деревянной лавкѣ подъ теплой оленьей шкурой. Мальчикъ простудился еще весной, когда таялъ снѣгъ, и все не могъ поправиться. Его смуглое личико поблѣднѣло и вытянулось, глаза сдѣлались больше, носъ обострился. Емеля видѣлъ, какъ внучонокъ таялъ не по днямъ, а по часамъ, но не зналъ, чѣмъ помочь горю. Поилъ какой-то травой, два раза носилъ въ баню, — больному не дѣлалось лучше. Мальчикъ почти ничего не ѣлъ. Пожуетъ корочку чернаго хлѣба и только. Оставалась отъ весны соленая козлятина, но Гришукъ и смотрѣть на нее не могъ.

«Ишь, чего захотѣлъ: теленочка...—думалъ старый Емеля, доковыривая свой лапоть.—Ужо надо добыть»...

Емелѣ было лѣтъ семьдесятъ; сѣдой, сгорбленный, худой, съ длинными руками. Пальцы на рукахъ у Емели едва разгибались, точно это были деревянные сучья. Но ходилъ онъ еще бодро и кое-что добывалъ охотой. Только вотъ глаза сильно начали измѣнять старику, особенно зимой, когда снѣгъ искрится и блеститъ кругомъ алмазной пылью. Изъ-за Емелиныхъ глазъ и труба развалилась, и крыша прогнила, и самъ онъ сидитъ частенько въ своей избушкѣ, когда другіе въ лѣсу.

Пора старику и на покой, на теплую печку, да замѣниться некѣмъ, а тутъ вотъ еще Гришутка на рукахъ очутился, о немъ нужно позаботиться... Отецъ Гришутки умеръ три года назадъ отъ горячки, мать заѣли волки, когда она съ маленькимъ Гришуткой зимнимъ вечеромъ возвращалась изъ деревни въ свою избушку. Ребенокъ спасся какимъ-то чудомъ. Мать, пока волки грызли ей ноги, закрыла ребенка своимъ тѣломъ, и Гришутка остался живъ.

Старому дѣду пришлось выращивать внучка, а тутъ еще болѣзнь приключилась. Бѣда не приходитъ одна...

II.

Стояли послѣдніе дни іюня мѣсяца, самое жаркое время въ Тычкахъ. Дома оставались только старые да малые. Охотники давно разбрелись по лѣсу за оленями.

Емеля вышелъ изъ своей избушки съ кремневой винтовкой въ рукѣ, отвязалъ Лыска и направился къ лѣсу. На немъ были новые лапти, котомка съ хлѣбомъ за плечами, рваный кафтанъ и теплая оленья шапка на головѣ. Старикъ давно уже не носилъ шляпы, а зиму и лѣто ходилъ въ своей оленьей шапкѣ, которая отлично защищала его лысую голову отъ зимняго холода и отъ лѣтняго зноя.

— Ну, Гришукъ, поправляйся, безъ меня... — говорилъ Емеля внуку на прощанье. — За тобой приглядитъ старуха Маланья, пока я за теленкомъ схожу...

— А принесешь теленка-то, дѣдко?

— Принесу, сказалъ.

— Желтенькаго?

— Желтенькаго...

— Ну, я буду тебя ждать... Смотри, не промахнись, когда стрѣлять будешь...

III.

Три дня бродилъ Емеля по лѣсу съ Лыскомъ и все напрасно: оленя съ теленкомъ не попадалось. Старикъ чувствовалъ, что выбивается изъ силъ, но вернуться домой съ пустыми руками не рѣшался. Лыско тоже пріунылъ и совсѣмъ отощалъ, хотя и успѣлъ перехватить пару молодыхъ зайчатъ.

Приходилось заночевать въ лѣсу у огонька третью ночь. Но и во снѣ старый Емеля все видѣлъ желтенькаго теленка, о которомъ его просилъ Гришукъ; старикъ долго выслѣживалъ свою добычу, прицѣливался, но олень каждый разъ убѣгалъ отъ него изъ-подъ носу. Лыско тоже, вѣроятно, бредилъ оленями, потому что нѣсколько разъ во снѣ взвизгивалъ и принимался глухо лаять.

Только на четвертый день, когда охотникъ и собака совсѣмъ выбились изъ силъ, они совершенно случайно напали на слѣдъ оленя съ теленкомъ. Это было въ густой еловой заросли

на скатѣ горы. Прежде всего Лыско отыскалъ мѣсто, гдѣ почевалъ олень, а потомъ разнюхалъ и запутанный слѣдъ въ травѣ.

«Матка съ теленкомъ, — думалъ Емеля, разглядывая на травѣ слѣды большихъ и маленькихъ копытъ. — Сегодня утромъ были здѣсь... Лыско, ищи, голубчикъ!..»

День былъ знойный. Солнце палило нещадно. Собака обнюхивала кусты и траву съ высунутымъ языкомъ; Емеля едва таскалъ ноги. Но вотъ знакомый трескъ и шорохъ... Лыско упалъ на траву и не шевелился. Въ ушахъ Емели стоятъ слова внучка: «Дѣдко, добудь теленка... И непремѣнно, чтобы былъ желтенькій». Вонъ и матка... Это былъ великолѣпный олень-самка. Онъ стоялъ па опушкѣ лѣса и пугливо смотрѣлъ прямо на Емелю. Кучка жужжавшихъ насѣкомыхъ кружилась надъ оленемъ и заставляла его вздрагивать.

«Нѣтъ, ты меня не обманешь»... думалъ Емеля, выползая изъ своей засады.

Олень давно почуялъ охотника, но смѣло слѣдилъ за его движеніями.

«Это матка меня отъ теленка отводитъ», думалъ Емеля, подползая все ближе и ближе.

Когда старикъ хотѣлъ прицѣлиться въ оленя, онъ осторожно перебѣжалъ нѣсколько саженъ далѣе и опять остановился. Емеля снова поползъ съ своей винтовкой. Опять медленное подкрадываніе, и опять олень скрылся, какъ только Емеля хотѣлъ стрѣлять.

— Не уйдешь отъ теленка,—шепталъ Емеля, терпѣливо выслѣживая звѣря въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Эта борьба человѣка съ животнымъ продолжалась до самаго вечера. Благородное животное десять разъ рисковало жизнью, стараясь отвести охотника отъ спрятавшагося олененка; старый Емеля и сердился и удивлялся смѣлости своей жертвы. Вѣдь, все равно, она не уйдетъ отъ него... Сколько разъ приходилось ему убивать такимъ образомъ жертвовавшую собою мать. Лыско, какъ тѣнь, ползалъ за хозяиномъ и, когда тотъ совсѣмъ потерялъ оленя изъ виду, осторожно ткнулъ его своимъ горячимъ носомъ. Старикъ оглянулся и присѣлъ. Въ десяти саженяхъ отъ него, подъ кустомъ жимолости, стоялъ тотъ самый желтенькій теленокъ, за которымъ онъ бродилъ цѣлыхъ три дня. Это былъ прехорошенькій олененокъ, всего нѣсколькихъ недѣль, съ желтымъ пушкомъ и тоненькими ножками; красивая

Сосновый боръ. *И. И. Шишкина.*

головка была откинута назадъ, и онъ вытягивалъ тонкую шею впередъ, когда старался захватить вѣточку повыше. Охотникъ съ замиравшимъ сердцемъ взвелъ курокъ винтовки и прицѣлился въ голову маленькому беззащитному животному.

Еще одно мгновеніе, и маленькій олененокъ покатился бы по травѣ съ жалобнымъ предсмертнымъ крикомъ, но именно въ это мгновеніе старый охотникъ припомнилъ, съ какимъ геройствомъ защищала теленка его мать, припомнилъ, какъ мать его Гришутки спасла сына отъ волковъ своей жизнью... Точно что оборвалось въ груди у стараго Емели, и онъ опустилъ ружье. Олененокъ попрежнему ходилъ около куста, общипывая листочки и прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Емеля быстро поднялся и свистнулъ,—маленькое животное скрылось въ кустахъ съ быстротой молніи.

— Ишь, какой бѣгунъ... — говорилъ старикъ, задумчиво улыбаясь.—Только его и видѣлъ: какъ стрѣла... Вѣдь убѣжалъ, Лыско, нашъ олененокъ-то? Ну, ему, бѣгуну, еще надо подрасти... Ахъ ты, какой шустрый!..

Старикъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ и все улыбался, припоминая бѣгуна.

На другой день Емеля подходилъ къ своей избушкѣ.

— А... дѣдко, принесъ теленка? — встрѣтилъ его Гриша, ждавшій все время старика съ нетерпѣніемъ.

— Нѣтъ, Гришукъ... видѣлъ его...

— Желтенькій?

— Желтенькій самъ, а мордочка черная. Стоитъ подъ кустикомъ и листочки ощипываетъ... Я прицѣлился...

— И промахнулся?

— Нѣтъ, Гришукъ: пожалѣлъ малаго звѣря... матку пожалѣлъ... Какъ свистну, а онъ, теленокъ-то, какъ стреканетъ въ чащу,—только его и видѣлъ. Убѣжалъ, пострѣлъ этакій...

Старикъ долго разсказывалъ мальчику, какъ онъ искалъ теленка по лѣсу три дня, и какъ тотъ убѣжалъ отъ него. Мальчикъ слушалъ и весело смѣялся вмѣстѣ съ старымъ дѣдомъ.

— А я тебѣ глухаря принесъ, Гришукъ, — прибавилъ Емеля, кончивъ разсказъ. — Этого, все равно, волки бы съѣли.

Глухарь былъ ощипанъ, а потомъ попалъ въ горшокъ. Больной мальчикъ съ удовольствіемъ поѣлъ глухариной похлебки и, засыпая, нѣсколько разъ спрашивалъ старика:

— Такъ онъ убѣжалъ, олененокъ-то?

— Убѣжалъ, Гришукъ...

— Желтенькій?

— Весь желтенькій, только мордочка черная да копытца.

Мальчикъ такъ и уснулъ и всю ночь видѣлъ маленькаго желтаго олененка, который весело гулялъ по лѣсу съ своей матерью; а старикъ спалъ на печкѣ и тоже улыбался во снѣ.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Исторія моего дѣтства.

I.

Учитель Карлъ Иванычъ.

12-го августа 18.. г., ровно въ третій день послѣ дня моего рожденія, въ который мнѣ минуло десять лѣтъ и въ который я получилъ такіе чудесные подарки, въ 7 часовъ утра Карлъ Иванычъ разбудилъ меня, ударивъ надъ самой моей головой хлопушкой — изъ сахарной бумаги на палкѣ — по мухѣ. Онъ сдѣлалъ это такъ неловко, что задѣлъ образокъ моего ангела, висѣвшій на дубовой спинкѣ кровати, и что убитая муха упала мнѣ прямо на голову. Я высунулъ носъ изъ-подъ одѣяла, остановилъ рукою образокъ, который продолжалъ качаться, скинулъ убитую муху на полъ и хотя заспанными, но сердитыми глазами окинулъ Карла Иваныча. Онъ же въ пестромъ ваточномъ халатѣ, подпоясанномъ поясомъ изъ той же матеріи, въ красной вязаной ермолкѣ съ кисточкой и въ мягкихъ козловыхъ сапогахъ продолжалъ ходить около стѣнъ, прицѣливаться и хлопать.

«Положимъ, — думалъ я, — я маленькій, но зачѣмъ онъ тревожитъ меня? Отчего онъ не бьетъ мухъ около Володиной постели? вонъ ихъ сколько! Нѣтъ, Володя старше меня; а я меньше всѣхъ: оттого онъ меня и мучитъ. Только о томъ и думаетъ всю жизнь, — прошепталъ я, — какъ бы мнѣ дѣлать непріятности. Онъ очень хорошо видитъ, что разбудилъ и испугалъ меня, но выказываетъ, какъ будто не замѣчаетъ... противный человѣкъ! И халатъ, и шапочка, и кисточка — какіе противные!»

Въ то время, какъ я такимъ образомъ мысленно выражалъ свою досаду на Карла Иваныча, онъ подошелъ къ своей кровати, взглянулъ на часы, которые висѣли надъ нею въ шитомъ бисеромъ башмачкѣ, повѣсилъ хлопушку на гвоздикъ и, какъ замѣтно было, въ самомъ пріятномъ расположеніи духа повернулся къ намъ.

— Auf, Kinder, auf... s'ist Zeit. Die Mutter ist schon im Saal[1]),—крикнулъ онъ добрымъ нѣмецкимъ голосомъ, потомъ подошелъ ко мнѣ, сѣлъ у ногъ и досталъ изъ кармана табакерку. Я притворился, будто сплю. Карлъ Иванычъ сначала понюхалъ, утеръ носъ, щелкнулъ пальцами и тогда только принялся за меня. Онъ, посмѣиваясь, началъ щекотать мои пятки.— Nu, nun. Faulenzer[2]),—говорилъ онъ.

Какъ я ни боялся щекотки, я не вскочилъ съ постели и не отвѣчалъ ему, а только глубже запряталъ голову подъ подушки, изо всѣхъ силъ брыкалъ ногами и употреблялъ всѣ старанія удержаться отъ смѣха.

— Какой онъ добрый и какъ насъ любитъ, а я могъ такъ дурно о немъ думать!

Мнѣ было досадно и на самого себя и на Карла Иваныча, хотѣлось смѣяться и хотѣлось плакать, нервы были разстроены.

— Ach, lassen sie[3]), Карлъ Иванычъ!—закричалъ я со слезами на глазахъ, высовывая голову изъ-подъ подушекъ.

Карлъ Иванычъ удивился, оставилъ въ покоѣ мои подошвы и съ безпокойствомъ сталъ спрашивать меня: о чемъ я? не видѣлъ ли я чего дурного во снѣ?.. Его доброе нѣмецкое лицо, участіе, съ которымъ онъ старался угадать причину моихъ слезъ, заставляли ихъ течь еще обильнѣе: мнѣ было совѣстно и я не понималъ, какъ за минуту предъ тѣмъ я могъ не любить Карла Иваныча и находить противными его халатъ, шапочку и кисточку; теперь, напротивъ, все это казалось чрезвычайно милымъ, и даже кисточка казалась явнымъ доказательствомъ его доброты. Я сказалъ ему, что плачу оттого, что видѣлъ дурной сонъ — будто maman умерла и ее несутъ хоронить. Все это я выдумалъ, потому что рѣшительно не помнилъ, что мнѣ снилось въ эту ночь; но когда Карлъ Иванычъ, тронутый моимъ разсказомъ, сталъ утѣшать и успокаивать меня, мнѣ казалось,

---

[1]) Вставать, вставать, дѣти, пора. Мать уже въ столовой.
[2]) Ну, ну, лѣнтяи.
[3]) Ахъ, оставьте.

что я точно видѣлъ этотъ страшный сонъ, и слезы полились уже отъ другой причины.

Когда Карлъ Иванычъ оставилъ меня и я, приподнявшись на постели, сталъ натягивать чулки на свои маленькія ноги, слезы немного унялись, но мрачныя мысли о выдуманномъ снѣ не оставляли меня. Вошелъ дядька Николай—маленькій, чистенькій человѣкъ, всегда серьезный, аккуратный, почтительный и большой пріятель Карла Иваныча. Онъ несъ наши платья и обувь: Володѣ сапоги, а мнѣ покуда еще несносные башмаки съ бантиками. При немъ мнѣ было совѣстно плакать; притомъ утреннее солнышко весело свѣтило въ окна, а Володя, передразнивая Марью Ивановну (гувернантку сестры), такъ весело и звучно смѣялся, стоя надъ умывальникомъ, что даже серьезный Николай, съ полотенцемъ на плечѣ, съ мыломъ въ одной рукѣ и съ рукомойникомъ въ другой, улыбаясь говорилъ:

— Будетъ вамъ, Владиміръ Петровичъ, извольте умываться.

Я совсѣмъ развеселился.

— Sind sie bald fertig [1])?—послышался изъ классной голосъ Карла Иваныча.

Голосъ его былъ строгъ и не имѣлъ уже того выраженія доброты, которое тронуло меня до слезъ. Въ классной Карлъ Иванычъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ: онъ былъ наставникъ. Я живо одѣлся, умылся и еще со щеткой въ рукѣ, приглаживая мокрые волосы, явился на его зовъ.

Карлъ Иванычъ, съ очками на носу и книгой въ рукѣ, сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, между дверью и окошкомъ. Налѣво отъ двери были двѣ полочки: одна—наша дѣтская, другая — Карла Иваныча, *собственная*. На нашей были всѣхъ сортовъ книги — учебныя и не учебныя; однѣ стояли, другія лежали. Только два большихъ тома Histoire des voyages [2]), въ красныхъ переплетахъ, чинно упирались въ стѣну; а потомъ и пошли — длинныя, толстыя, большія и маленькія книги, — корочки безъ книгъ и книги безъ корочекъ: все туда же, бывало, нажмешь и всунешь, когда прикажутъ, предъ рекреаціей, привести въ порядокъ библіотеку, какъ громко называлъ Карлъ Иванычъ эту полочку. Коллекція книгъ на *собственной* если не была такъ велика, какъ на нашей, то была еще разнообразнѣе. Я помню изъ нихъ три: нѣмецкую брошюру объ унавожи-

---

[1]) Скоро будете готовы?
[2]) Исторія путешествій.

ваніи огородовъ подъ капусту — безъ переплета, одинъ томъ исторіи семилѣтней войны — въ пергаментѣ, прожженномъ съ одного угла, и полный курсъ гидростатики. Карлъ Иванычъ большую часть своего времени проводилъ за чтеніемъ, даже испортилъ имъ свое зрѣніе; но, кромѣ этихъ книгъ и «Сѣверной Пчелы», онъ ничего не читалъ.

Въ числѣ предметовъ, лежавшихъ на полочкѣ Карла Иваныча, былъ одинъ, который больше всего мнѣ его напоминаетъ: это — кружокъ изъ картона, вставленный въ деревянную ножку, въ которой кружокъ этотъ подвигался посредствомъ шпеньковъ. На кружкѣ была наклеена картина, представляющая карикатуры какой-то барыни и парикмахера. Карлъ Иванычъ очень хорошо клеилъ и кружокъ этотъ самъ изобрѣлъ и сдѣлалъ для того, чтобы защищать свои слабые глаза отъ яркаго свѣта.

Какъ теперь вижу я передъ собой длинную фигуру въ ваточномъ халатѣ и въ красной шапочкѣ, изъ-подъ которой виднѣются рѣдкіе сѣдые волосы. Онъ сидитъ подлѣ столика, на которомъ стоитъ кружокъ съ парикмахеромъ, бросавшимъ тѣнь на его лицо; въ одной рукѣ онъ держитъ книгу, другая покоится на ручкѣ креселъ; подлѣ него часы съ нарисованнымъ егеремъ на циферблатѣ, клѣтчатый платокъ, черная круглая табакерка, зеленый футляръ для очковъ, щипцы на лоточкѣ. Все это такъ чинно, аккуратно лежитъ на своемъ мѣстѣ, что по одному этому порядку можно заключить, что у Карла Иваныча совѣсть чиста и душа покойна.

Бывало, какъ досыта набѣгаешься внизу по залѣ, на цыпочкахъ прокрадешься наверхъ, въ классную, смотришь — Карлъ Иванычъ сидитъ себѣ одинъ на своемъ мѣстѣ и съ спокойно-величавымъ выраженіемъ читаетъ какую-нибудь изъ своихъ любимыхъ книгъ. Иногда я заставалъ его въ такія минуты, когда онъ не читалъ: очки спускались ниже на большомъ орлиномъ носу; голубые полузакрытые глаза смотрѣли съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, а губы грустно улыбались. Въ комнатѣ тихо; только слышно его равномѣрное дыханіе и бой часовъ съ егеремъ.

Бывало, онъ меня не замѣчаетъ, а я стою у двери и думаю: бѣдный, бѣдный старикъ! Насъ много, мы играемъ, намъ весело, а онъ — одинъ-одинешенекъ и никто-то его не приласкаетъ. Правду онъ говоритъ, что онъ сирота. И исторія его жизни какая ужасная! я помню, какъ онъ разсказывалъ ее Николаю —

ужасно быть въ его положеніи! И такъ жалко станетъ, что, бывало, подойдешь къ нему, возьмешь за руку и скажешь: «Lieber [1]) Карлъ Иванычъ!» Онъ любилъ, когда я ему говорилъ такъ: всегда приласкаетъ и видно, что растроганъ.

На другой стѣнѣ висѣли ландкарты, всѣ почти изорванныя, но искусно подклеенныя рукой Карла Иваныча. На третьей стѣнѣ, въ серединѣ которой была дверь внизъ, съ одной стороны висѣли двѣ линейки: одна — изрѣзанная, наша, другая — новенькая, *собственная*, употребляемая имъ болѣе для поощренія, чѣмъ для линеванія; съ другой — черная доска, на которой кружками отмѣчались наши большіе проступки и крестиками — маленькіе. Налѣво отъ доски былъ уголъ, въ который насъ ставили на колѣни.

Какъ мнѣ памятенъ этотъ уголъ! Помню заслонку въ печи, отдушникъ въ этой заслонкѣ и шумъ, который онъ производилъ, когда его поворачивали. Бывало, стоишь въ углу, такъ что колѣни и спина заболятъ, и думаешь: забылъ про меня Карлъ Иванычъ: ему, должно-быть, покойно сидѣть на мягкомъ креслѣ и читать свою гидростатику, а каково мнѣ? и начнешь, чтобы напоминать о себѣ, потихоньку отворять и затворять заслонку или ковырять штукатурку со стѣны; но если вдругъ упадетъ съ шумомъ слишкомъ большой кусокъ на землю, — право, одинъ страхъ хуже всякаго наказанія. Оглянешься на Карла Иваныча, а онъ сидитъ себѣ съ книгой въ рукѣ и какъ будто ничего не замѣчаетъ.

Въ серединѣ комнаты стоялъ столъ, покрытый оборванной черной клеенкой, изъ-подъ которой во многихъ мѣстахъ виднѣлись края, изрѣзанные перочинными ножами. Кругомъ стола было нѣсколько некрашенныхъ, но отъ долгаго употребленія залакированныхъ табуретовъ. Послѣдняя стѣна была занята тремя окошечками. Вотъ какой былъ видъ изъ нихъ: прямо подъ окнами дорога, на которой каждая выбоина, каждый камешекъ, каждая колея давно знакомы и милы мнѣ; за дорогой — стриженая липовая аллея, изъ-за которой кое-гдѣ виднѣется плетеный частоколъ; чрезъ аллею виденъ лугъ, съ одной стороны котораго гумно, а напротивъ лѣсъ; далеко въ лѣсу видна избушка сторожа. Изъ окна, направо, видна часть террасы, на которой сиживали обыкновенно большіе до обѣда. Бывало, покуда по-

---

[1]) Милый.

правляетъ Карлъ Иванычъ листъ съ диктовкой, выглянешь въ ту сторону, видишь черную головку матушки, чью-нибудь спину и смутно слышишь оттуда говоръ и смѣхъ; такъ сдѣлается досадно, что нельзя тамъ быть, и думаешь: когда же я буду большой, перестану учиться и всегда буду сидѣть не за діалогами, а съ тѣми, кого я люблю? Досада перейдетъ въ грусть и. Богъ знаетъ отчего и о чемъ, такъ задумаешься, что и не слышишь, какъ Карлъ Иванычъ сердится за ошибки.

Карлъ Иванычъ снялъ халатъ, надѣлъ синій фракъ съ возвышеніями и сборками на плечахъ, оправилъ передъ зеркаломъ свой галстукъ и повелъ насъ внизъ — здороваться съ матушкой.

II.

Maman.

Матушка сидѣла въ гостиной и разливала чай; одною рукой она придерживала чайникъ, другою — кранъ самовара, изъ котораго вода текла черезъ верхъ чайника на подносъ. Но хотя она смотрѣла пристально, она не замѣчала этого, не замѣчала того, что мы вошли.

Такъ много возникаетъ воспоминаній прошедшаго, когда стараешься воскресить въ воображеніи черты любимаго существа, что сквозь эти воспоминанія, какъ сквозь слезы, смутно видишь ихъ. Это слезы воображенія. Когда я стараюсь вспомнить матушку такою, какою она была въ это время, мнѣ представляются только ея каріе глаза, выражающіе всегда одинаковую доброту и любовь, родинка на шеѣ, немного ниже того мѣста, гдѣ вьются маленькіе волосики, шитый бѣлый воротничокъ, нѣжная сухая рука, которая такъ часто меня ласкала и которую я такъ часто цѣловалъ; но общее выраженіе ускользаетъ отъ меня.

Налѣво отъ дивана стоялъ старый англійскій рояль; передъ рояломъ сидѣла черномазенькая моя сестрица Любочка и розовенькими, только что вымытыми холодной водой пальчиками съ замѣтнымъ напряженіемъ разыгрывала этюды Clementi. Ей было одиннадцать лѣтъ; она ходила въ коротенькомъ холстинковомъ платьицѣ, въ бѣленькихъ, обшитыхъ кружевомъ панталончикахъ и октавы могла брать только «arpeggio». Подлѣ нея вполоборота сидѣла Марья Ивановна, въ чепцѣ съ розовыми лентами, въ голубой кацавейкѣ и съ краснымъ сердитымъ лицомъ, которое приняло еще болѣе строгое выраженіе, какъ только вошелъ

Карлъ Иванычъ. Она грозно посмотрѣла на него и, не отвѣчая на его поклонъ, продолжала, топая ногой, считать: un, deux, trois; un, deux, trois[1]), еще громче и повелительнѣе, чѣмъ прежде.

Карлъ Иванычъ, не обращая на это ровно никакого вниманія, по своему обыкновенію, съ нѣмецкимъ привѣтствіемъ подошелъ прямо къ ручкѣ матушки. Она опомнилась, тряхнула головкой, какъ будто желая этимъ движеніемъ отогнать грустныя мысли, подала руку Карлу Иванычу и поцѣловала его въ морщинистый високъ въ то время, какъ онъ цѣловалъ ея руку.

— Ich danke, lieber[2]) Карлъ Иванычъ,—и, продолжая говорить по-нѣмецки, она спросила:

— Хорошо ли спали дѣти?

Карлъ Иванычъ былъ глухъ на одно ухо, а теперь отъ шума за роялемъ вовсе ничего не слыхалъ. Онъ нагнулся ближе къ дивану, оперся одною рукой о столъ, стоя на одной ногѣ, и съ улыбкой, которая тогда мнѣ казалась верхомъ утонченности, приподнялъ шапочку надъ головой и сказалъ:

— Вы меня извините, Наталья Николаевна?

Карлъ Иванычъ, чтобы не простудить своей голой головы, никогда не снималъ красной шапочки, но всякій разъ, входя въ гостиную, спрашивалъ на это позволенія.

— Надѣньте, Карлъ Иванычъ... Я васъ спрашиваю, хорошо ли спали дѣти? — сказала maman, подвинувшись къ нему и довольно громко.

Но онъ опять ничего не слыхалъ, прикрылъ лысину красною шапочкой и еще милѣе улыбался.

— Постойте на минутку, Мими, — сказала maman Марьѣ Ивановнѣ съ улыбкой: — ничего не слышно.

Когда матушка улыбалась, какъ ни хорошо было ея лицо, оно дѣлалось несравненно лучше и кругомъ все какъ будто веселѣло. Если бы въ тяжелыя минуты жизни я хоть мелькомъ могъ видѣть эту улыбку, я бы не зналъ, что такое горе. Мнѣ кажется, что въ одной улыбкѣ состоитъ то, что называютъ красотою лица: если улыбка прибавляетъ прелести лицу, то лицо прекрасно; если она не измѣняетъ его, то оно обыкновенно; если она портитъ его, то оно дурно.

---

[1]) Разъ, два, три! разъ, два, три.

[2]) Благодарствуйте, милый Карлъ Иванычъ.

Поздоровавшись со мною, maman взяла обѣими руками мою голову и откинула ее назадъ, потомъ посмотрѣла пристально на меня и сказала:

— Ты плакалъ сегодня?

Я не отвѣчалъ. Она поцѣловала меня въ глаза и по-нѣмецки спросила:

— О чемъ ты плакалъ?

Когда она разговаривала съ нами дружески, она всегда говорила на этомъ языкѣ, который знала въ совершенствѣ.

— Это я во снѣ плакалъ, maman,—сказалъ я, припоминая со всѣми подробностями выдуманный сонъ и невольно содрогаясь при этой мысли.

Карлъ Иванычъ подтвердилъ мои слова, но умолчалъ о снѣ. Поговоривъ еще о погодѣ — разговоръ, въ которомъ приняла участіе и Мими, — maman положила на подносъ шесть кусочковъ сахару для нѣкоторыхъ почетныхъ слугъ, встала и подошла къ пяльцамъ, которые стояли у окна.

— Ну, ступайте теперь къ папа, дѣти, да скажите ему, чтобы онъ непремѣнно ко мнѣ зашелъ прежде, чѣмъ пойдетъ на гумно.

Музыка, считанье и грозные взгляды опять начались, а мы пошли къ папа. Пройдя комнату, удержавшую еще отъ временъ дѣдушки названіе *официантской*, мы вошли въ кабинетъ.

III.

Папа.

Онъ стоялъ подлѣ письменнаго стола и, указывая на какіе-то конверты, бумаги и кучки денегъ, горячился и съ жаромъ толковалъ что-то приказчику Якову Михайлову, который, стоя на своемъ обычномъ мѣстѣ—между дверью и барометромъ, заложивъ руки за спину, очень быстро и въ разныхъ направленіяхъ шевелилъ пальцами.

Чѣмъ больше горячился папа, тѣмъ быстрѣе двигались пальцы, и наоборотъ: когда папа замолкалъ, и пальцы останавливались; но когда Яковъ самъ начиналъ говорить, пальцы приходили въ сильнѣйшее безпокойство и отчаянно прыгали въ разныя стороны. По ихъ движеніямъ, мнѣ кажется, можно было бы угадывать тайныя мысли Якова; лицо же его всегда

было спокойно—выражало сознаніе своего достоинства и вмѣстѣ съ тѣмъ подвластности, то-есть: я правъ, а впрочемъ воля ваша.

Увидавъ насъ, папа только сказалъ:

— Погодите, сейчасъ.

И показалъ движеніемъ головы дверь, чтобы кто-нибудь изъ насъ затворилъ ее.

— Ахъ, Боже мой милостивый! Что съ тобой нынче, Яковъ? — продолжалъ онъ къ приказчику, подергивая плечомъ (у него была эта привычка). — Этотъ конвертъ со вложеніемъ 800 рублей...

Яковъ подвинулъ счеты, кинулъ 800 и устремилъ взоры на неопредѣленную точку, ожидая, что будетъ дальше.

—...Для расходовъ по экономіи въ моемъ отсутствіи. Понимаешь? За мельницу ты долженъ получить 1.000 рублей... такъ или нѣтъ? Залоговъ изъ казны ты долженъ получить обратно 8.000; за сѣно, котораго, по твоему же расчету, можно продать 7.000 пудовъ — кладу по 45 копеекъ — ты получишь 3.000; слѣдовательно, всѣхъ денегъ у тебя будетъ сколько? 12.000... такъ или нѣтъ?

— Такъ точно-съ, — сказалъ Яковъ.

Но по быстротѣ движеній пальцами я замѣтилъ, что онъ хотѣлъ возразить; папа перебилъ его.

— Ну, изъ этихъ-то денегъ ты и пошлешь 10.000 въ Совѣтъ за Петровское... Теперь деньги, которыя находятся въ конторѣ,—продолжалъ папа (Яковъ смѣшалъ прежнія 12.000 и кинулъ 21.000),—ты принесешь мнѣ и нынѣшнимъ же числомъ покажешь въ расходѣ. (Яковъ смѣшалъ счеты и перевернулъ ихъ, показывая, должно-быть, этимъ, что и деньги 21.000 пропадутъ также.) Этотъ же конвертъ съ деньгами ты передашь отъ меня по адресу.

Я близко стоялъ отъ стола и взглянулъ на надпись. Было написано: «Карлу Ивановичу Мауеру».

Должно-быть, замѣтивъ, что я прочелъ то, чего мнѣ знать не нужно, папа положилъ мнѣ руки на плечо и легкимъ движеніемъ показалъ направленіе прочь отъ стола. Я не понялъ, ласка ли это или замѣчаніе, на всякій же случай поцѣловалъ большую, жилистую руку, которая лежала на моемъ плечѣ.

— Слушаю-съ,—сказалъ Яковъ.—А какое приказаніе будетъ на счетъ хабаровскихъ денегъ?

Хабаровка была деревня maman.

— Оставить въ конторѣ и отнюдь никуда не употреблять безъ моего приказанія.

Яковъ помолчалъ нѣсколько секундъ; потомъ вдругъ пальцы его завертѣлись съ усиленной быстротой, и онъ, перемѣнивъ выраженіе послушнаго тупоумія, съ которымъ слушалъ господскія приказанія, на свойственное ему выраженіе плутоватой смѣтливости, подвинулъ къ себѣ счеты и началъ говорить:

— Позвольте вамъ доложить, Петръ Александрычъ, что какъ вамъ будетъ угодно, а въ Совѣтъ къ сроку заплатить нельзя. Вы изволите говорить,—продолжалъ онъ съ разстановкой,— что должны получиться деньги съ залоговъ, съ мельницы и съ сѣна... (Высчитывая эти статьи, онъ кинулъ ихъ на кости.) Такъ я боюсь, какъ бы намъ не ошибиться въ расчетахъ,—прибавилъ онъ, помолчавъ немного и глубокомысленно взглянувъ на папа.

— Отчего?

— А вотъ изволите видѣть: насчетъ мельницы,—такъ мельникъ уже два раза приходилъ ко мнѣ отсрочки просить и Христомъ Богомъ божился, что денегъ у него нѣтъ... да онъ и теперь здѣсь: такъ не угодно ли вамъ будетъ самимъ съ нимъ поговорить?

— Что же онъ говоритъ?—спросилъ папа, дѣлая головою знакъ, что не хочетъ говорить съ мельникомъ.

— Да извѣстно что: говоритъ, что помолу совсѣмъ не было, что какія деньжонки были, такъ всѣ въ плотину посадилъ. Что жъ, коли намъ его снять, *судырь*, такъ опять-таки найдемъ ли тутъ расчетъ?.. Насчетъ залоговъ изволили говорить,— такъ я уже, кажется, вамъ докладывалъ, что наши денежки тамъ сѣли и скоро ихъ получить не придется. Я намедни посылалъ въ городъ къ Иванъ Аѳанасьичу возъ муки и записку объ этомъ дѣлѣ: такъ они опять-таки отвѣчаютъ, что и радъ бы стараться для Петра Александровича, но дѣло не въ моихъ рукахъ, а что какъ по всему видно, такъ врядъ ли и черезъ два мѣсяца получится ваша квитанція... Насчетъ сѣна изволили говорить,—положимъ, что и продастся на 3.000...

Онъ кинулъ на счеты 3.000 и съ минуту молчалъ, посматривая то на счеты, то въ глаза папа съ такимъ выраженіемъ:

— Вы сами видите, какъ это мало! Да и на сѣнѣ опять-таки проторгуемъ, коли его теперь продавать, вы сами изволите знать...

Видно было, что у него еще большой запасъ доводовъ; должно-быть, поэтому папа перебилъ его.

— Я распоряженій своихъ не перемѣню, — сказалъ онъ, — но если въ полученіи этихъ денегъ дѣйствительно будетъ задержка, то, нечего дѣлать, возьмешь изъ хабаровскихъ сколько нужно будетъ.

— Слушаю-съ.

По выраженію лица и пальцевъ Якова замѣтно было, что послѣднее приказаніе доставило ему большое удовольствіе.

Яковъ былъ крѣпостной, весьма усердный и преданный человѣкъ; онъ, какъ и всѣ хорошіе приказчики, былъ до крайности скупъ за своего господина и имѣлъ о выгодахъ господскихъ самыя странныя понятія. Онъ вѣчно заботился о приращеніи собственности своего господина на счетъ собственности госпожи, стараясь доказывать, что необходимо употреблять всѣ доходы съ ея имѣній на Петровское (село, въ которомъ мы жили). Въ настоящую минуту онъ торжествовалъ, потому что совершенно успѣлъ въ этомъ.

Поздоровавшись, папа сказалъ, что будетъ намъ въ деревнѣ баклуши бить, что мы перестали быть маленькими и что пора намъ серьезно учиться.

— Вы уже знаете, я думаю, что я нынче въ ночь ѣду въ Москву и беру васъ съ собою, — сказалъ онъ. — Вы будете жить у бабушки, а maman съ дѣвочками остается здѣсь. И вы это знайте, что одно для нея будетъ утѣшеніе — слышать, что вы учитесь хорошо и что вами довольны.

Хотя по приготовленіямъ, которыя за нѣсколько дней замѣтны были, мы уже ожидали чего-то необыкновеннаго, однако новость эта поразила насъ ужасно. Володя покраснѣлъ и дрожащимъ голосомъ передалъ порученіе матушки.

«Такъ вотъ что предвѣщалъ мнѣ мой сонъ! — подумалъ я. — Дай Богъ только, чтобы не было чего-нибудь еще хуже».

Мнѣ очень, очень жалко стало матушку, и вмѣстѣ съ тѣмъ мысль, что мы точно стали большіе, радовала меня.

«Ежели мы нынче ѣдемъ, то вѣрно классовъ не будетъ: это славно! — думалъ я. — Однако жалко Карла Иваныча. Его вѣрно отпустятъ, потому что иначе не приготовили бы для него конверта. Ужъ лучше бы вѣкъ учиться да не уѣзжать, не разставаться съ матушкой и не обижать бѣднаго Карла Иваныча. Онъ и такъ очень несчастливъ!»

Мысли эти мелькали въ моей головѣ; я не трогался съ мѣста и пристально смотрѣлъ на черные бантики своихъ башмаковъ.

Сказавъ съ Карломъ Иванычемъ еще нѣсколько словъ о пониженіи барометра и приказавъ Якову не кормить собакъ, съ тѣмъ чтобы на прощаніи выѣхать послѣ обѣда послушать молодыхъ гончихъ, папа, противъ моего ожиданія, послалъ насъ учиться, утѣшивъ однако обѣщаніемъ взять на охоту.

По дорогѣ наверхъ я забѣжалъ на террасу. У дверей, на солнышкѣ, зажмурившись, лежала любимая борзая собака отца—Милка.

— Милочка,—говорилъ я, лаская ее и цѣлуя въ морду,—мы нынче ѣдемъ; прощай! Никогда больше не увидимся.

Я расчувствовался и заплакалъ.

IV.

Классы.

Карлъ Иванычъ былъ очень не въ духѣ. Это было замѣтно по его сдвинутымъ бровямъ и по тому, какъ онъ швырнулъ свой сюртукъ въ комодъ и какъ сердито подпоясался и какъ сильно черкнулъ ногтемъ по книгѣ діалоговъ, чтобы означить то мѣсто, до котораго мы должны были вытвердить. Володя учился порядочно; я же такъ былъ разстроенъ, что рѣшительно ничего не могъ дѣлать. Долго безсмысленно смотрѣлъ я въ книгу діалоговъ, но отъ слезъ, набравшихся мнѣ въ глаза при мысли о предстоящей разлукѣ, не могъ читать; когда же пришло время говорить ихъ Карлу Иванычу, который, зажмурившись, слушалъ меня (это былъ дурной признакъ), именно на томъ мѣстѣ, гдѣ одинъ говоритъ: Wo kommen Sie her [1])? а другой отвѣчаетъ: Ich komme vom Kaffe-Hause [2]), я не могъ болѣе удерживать слезъ и отъ рыданій не могъ произнести: Haben Sie die Zeitung nicht gelesen [3])? Когда дѣло дошло до чистописанія, я отъ слезъ, падавшихъ на бумагу, надѣлалъ такихъ кляксъ, какъ будто писалъ водой на оберточной бумагѣ.

Карлъ Иванычъ разсердился, поставилъ меня на колѣни, твердилъ, что это упрямство, кукольная комедія (это было лю-

---

1) Откуда вы идете?
2) Я иду изъ кофейни.
3) Не читали ли вы газеты?

бимое его слово), угрожалъ линейкой и требовалъ, чтобы я просилъ прощенія, тогда какъ я отъ слезъ не могъ слова вымолвить; наконецъ, должно-быть, чувствуя свою несправедливость, онъ ушелъ въ комнату Николая и хлопнулъ дверью.

Изъ классной слышенъ былъ разговоръ въ комнатѣ дядьки.

— Ты слышалъ, Николай, что дѣти ѣдутъ въ Москву?— сказалъ Карлъ Иванычъ, входя въ комнату.

— Какъ же-съ, слышалъ.—Должно-быть, Николай хотѣлъ встать, потому что Карлъ Иванычъ сказалъ: «Сиди, Николай!» и вслѣдъ за этимъ затворилъ дверь. Я вышелъ изъ угла и подошелъ къ двери подслушивать.

— Сколько ни дѣлай добра людямъ, какъ ни будь привязанъ, видно благодарности нельзя ожидать, Николай!—говорилъ Карлъ Иванычъ съ чувствомъ.

Николай, сидя у окна за сапожной работой, утвердительно кивнулъ головой.

— Я двѣнадцать лѣтъ живу въ этомъ домѣ и могу сказать передъ Богомъ, Николай, — продолжалъ Карлъ Иванычъ, поднимая глаза и табакерку къ потолку, — что я ихъ любилъ и занимался ими больше, чѣмъ ежели это были мои собственныя дѣти. Ты помнишь, Николай, когда у Володеньки была горячка, помнишь, какъ я девять дней, не смыкая глазъ, сидѣлъ у его постели. Да! тогда я былъ добрый, милый Карлъ Иванычъ, тогда я былъ нуженъ; а теперь,—прибавилъ онъ, иронически улыбаясь,—теперь *дѣти стали большія: имъ надо серьезно учиться*. Точно они здѣсь не учатся, Николай?

— Какъ же еще учиться, кажется?—сказалъ Николай, положивъ шило и протягивая обѣими руками дратвы.

— Да, теперь я не нуженъ сталъ, и меня надо прогнать; а гдѣ обѣщанія? гдѣ благодарность? Наталью Николаевну я уважаю и люблю, Николай,—сказалъ онъ, прикладывая руку къ груди:—да что она?.. Ея воля въ этомъ домѣ все равно, что вотъ это.—При этомъ онъ съ выразительнымъ жестомъ кинулъ на полъ обрѣзокъ кожи.—Я знаю, чьи это штуки и отчего я сталъ не нуженъ: оттого что я не льщу и не потакаю во всемъ, какъ *иные люди*. Я привыкъ всегда и передъ всѣми говорить правду,—сказалъ онъ гордо.—Богъ съ ними! Оттого, что меня не будетъ, они не разбогатѣютъ, а я, Богъ милостивъ, найду себѣ кусокъ хлѣба... не такъ ли, Николай?

Николай поднялъ голову и посмотрѣлъ на Карла Иваныча такъ, какъ будто желая удостовѣриться, дѣйствительно ли можетъ онъ найти кусокъ хлѣба, но ничего не сказалъ.

Много и долго говорилъ въ этомъ духѣ Карлъ Иванычъ; говорилъ о томъ, какъ лучше умѣли цѣнить его заслуги у какого-то генерала, гдѣ онъ прежде жилъ (мнѣ очень больно было это слышать), говорилъ о Саксоніи, о своихъ родителяхъ, о другѣ своемъ портномъ Schönheit и т. д. и т. д.

Я сочувствовалъ его горю и мнѣ больно было, что отецъ и Карлъ Иванычъ, которыхъ я почти одинаково любилъ, не поняли другъ друга; я опять отправился въ уголъ, сѣлъ на пятки и разсуждалъ о томъ, какъ бы возстановить между ними согласіе.

Вернувшись въ классную, Карлъ Иванычъ велѣлъ мнѣ встать и приготовить тетрадь для писанія подъ диктовку. Когда все было готово, онъ величественно опустился въ свое кресло и голосомъ, который, казалось, выходилъ изъ какой-то глубины, началъ диктовать слѣдующее: Von allen Lei-den-schaf-ten, die grausamste ist [1]... «haben sie geschrieben [2]?»—Здѣсь онъ остановился, медленно понюхалъ табаку и продолжалъ съ новой силой: die grausamste ist, die Undank-bar-keit... [3]) «Ein grosse U [4])».—Въ ожиданіи продолженія, написавъ послѣднее слово, я посмотрѣлъ на него.

— Punctum [5]),—сказалъ онъ съ едва замѣтной улыбкой и сдѣлалъ знакъ, чтобы мы подали ему тетради.

Нѣсколько разъ съ различными интонаціями и съ выраженіемъ величайшаго удовольствія прочелъ онъ это изреченіе, выражавшее его задушевную мысль, потомъ задалъ намъ урокъ изъ исторіи и сѣлъ у окна. Лицо его не было угрюмо, какъ прежде: оно выражало довольство человѣка, достойно отомстившаго за нанесенную обиду.

Было безъ четверти часъ; но Карлъ Иванычъ, казалось, и не думалъ о томъ, чтобы отпустить насъ: онъ то и дѣло задавалъ новые уроки. Скука и аппетитъ увеличивались въ одинаковой мѣрѣ. Я съ сильнымъ нетерпѣніемъ слѣдилъ за всѣми признаками, доказывавшими близость обѣда. Вотъ дворовая женщина съ мочалкой идетъ мыть тарелки, вотъ слышно, какъ

---

1) Изъ всѣхъ страстей—самая жестокая...
2) Написали ли?
3) Самая жестокая это неблагодарность.
4) Большое U.
5) Точка.

шумятъ посудой въ буфетѣ, раздвигаютъ столъ и ставятъ стулья, вотъ и Мими съ Любочкой и Катенькой (Катенька — двѣнадцатилѣтняя дочь Мими) идутъ изъ сада; но не видать Фоки, дворецкаго Фоки, который всегда приходитъ и объявляетъ, что кушать готово. Тогда только можно будетъ бросить книги и, не обращая вниманія на Карла Иваныча, бѣжать внизъ.

Вотъ слышны шаги по лѣстницѣ; но это не Фока! Я изучилъ его походку и всегда узнаю скрипъ его сапогъ. Дверь отворилась, и въ ней показалась фигура, мнѣ совершенно незнакомая.

V.

Юродивый.

Въ комнату вошелъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ блѣднымъ, изрытымъ оспою, продолговатымъ лицомъ, длинными сѣдыми волосами и рѣдкой рыжеватой бородкой. Онъ былъ такого большого роста, что для того, чтобы пройти въ дверь, ему не только нужно было нагнуть голову, но и согнуться всѣмъ тѣломъ. На немъ было надѣто что-то изорванное, похожее на кафтанъ и на подрясникъ; въ рукѣ онъ держалъ огромный посохъ. Войдя въ комнату, онъ изо всѣхъ силъ стукнулъ имъ по полу и, скрививъ брови и чрезмѣрно раскрывъ ротъ, захохоталъ самымъ страшнымъ и неестественнымъ образомъ. Онъ былъ кривъ на одинъ глазъ и бѣлый зрачокъ этого глаза прыгалъ безпрестанно и придавалъ его и безъ того некрасивому лицу еще болѣе отвратительное выраженіе.

— Ага! попались! — закричалъ онъ, маленькими шажками подбѣгая къ Володѣ, схватилъ его за голову и началъ тщательно разсматривать его макушку, потомъ съ совершенно серьезнымъ выраженіемъ отошелъ отъ него, подошелъ къ столу и началъ дуть на клеенку и крестить ее. — О-охъ, жалко! о-охъ, больно!.. сердечные... улетятъ, — заговорилъ онъ потомъ дрожащимъ отъ слезъ голосомъ, съ чувствомъ всматриваясь въ Володю, и сталъ утирать рукавомъ дѣйствительно падавшія слезы.

Голосъ его былъ грубъ и хриплъ, движенія торопливы и нервны, рѣчь безсмысленна и несвязна (онъ никогда не употреблялъ мѣстоимѣній), но ударенія были такъ трогательны и желтое уродливое лицо его принимало иногда такое откровенно-печальное выраженіе, что, слушая его, нельзя было удер-

жаться отъ какого-то смѣшаннаго чувства сожалѣнія, страха и грусти.

Это былъ юродивый и странникъ Гриша.

Откуда былъ онъ? кто были его родители? что побудило его избрать странническую жизнь, какую онъ велъ? никто не зналъ этого. Знаю только то, что онъ съ пятнадцатаго года сталъ извѣстенъ какъ юродивый, который зиму и лѣто ходитъ босикомъ, посѣщаетъ монастыри, даритъ образочки тѣмъ, кого полюбитъ, и говоритъ загадочныя слова, которыя нѣкоторыми принимаются за предсказанія; что никто никогда не зналъ его въ другомъ видѣ, что онъ изрѣдка хаживалъ къ бабушкѣ и что одни говорили, будто онъ несчастный сынъ богатыхъ родителей и чистая душа, а другіе — что онъ просто мужикъ и лѣнтяй.

Наконецъ явился давно желанный и пунктуальный Фока, и мы пошли внизъ. Гриша, всхлипывая и продолжая говорить разную нелѣпицу, шелъ за нами и стучалъ костылемъ по ступенькамъ лѣстницы. Папа и maman ходили рука объ руку по гостиной и о чемъ-то тихо разговаривали. Марья Ивановна чинно сидѣла на одномъ изъ креселъ, симметрично, подъ прямымъ угломъ, примыкавшимъ къ дивану, и строгимъ, но сдержаннымъ голосомъ давала наставленія сидѣвшимъ подлѣ нея дѣвочкамъ. Какъ только Карлъ Иванычъ вошелъ въ комнату, она взглянула на него, тотчасъ же отвернулась, и лицо ея приняло выраженіе, которое можно передать такъ: я васъ не замѣчаю, Карлъ Иванычъ. По глазамъ дѣвочекъ замѣтно было, что онѣ хотѣли поскорѣе передать намъ очень важное извѣстіе; но вскочить съ своихъ мѣстъ и подойти къ намъ было бы нарушеніемъ правилъ Мими. Мы сначала должны были подойти къ ней, сказать: «bonjour, Mimi», шаркнуть ногой, а потомъ уже позволялось вступать въ разговоры.

Что за несносная особа была эта Мими! При ней, бывало, ни о чемъ нельзя было говорить: она все находила неприличнымъ. Сверхъ того она безпрестанно приставала: parlez donc français [1]), а тутъ-то, какъ на зло, такъ и хочется болтать по-русски; или за обѣдомъ — только что войдешь во вкусъ какого-нибудь кушанья и желаешь, чтобы никто не мѣшалъ, ужъ она непремѣнно: mangez donc avec du pain, или comment ce que vous

---

1) Говорите же по-французски.

tenez votre fourchette[1])? «И какое ей до насъ дѣло! — подумаешь. — Пускай она учитъ своихъ дѣвочекъ, а у насъ есть на это Карлъ Иванычъ». Я вполнѣ раздѣлялъ его ненависть къ *инымъ людямъ*.

— Попроси мамашу, чтобы насъ взяли на охоту, — сказала Катенька шопотомъ, останавливая меня за курточку, когда большіе прошли впередъ въ столовую.

— Хорошо; постараемся.

Гриша обѣдалъ въ столовой, но за особеннымъ столикомъ; онъ не поднималъ глазъ съ своей тарелки, изрѣдка вздыхалъ, дѣлалъ страшныя гримасы и говорилъ какъ будто самъ съ собою: — Жалко!.. улетѣла... улетитъ голубь въ небо... охъ, на могилѣ камень!.. и т. п.

Maman съ утра была разстроена; присутствіе, слова и поступки Гриши замѣтно усиливали въ ней это расположеніе.

— Ахъ да, я было забыла попросить тебя объ одной вещи, — сказала она, подавая отцу тарелку съ супомъ.

— Что такое?

— Вели пожалуйста запирать своихъ страшныхъ собакъ, а то онѣ чуть не закусали бѣднаго Гришу, когда онъ проходилъ по двору. Онѣ этакъ и на дѣтей могутъ броситься.

Услыхавъ, что рѣчь идетъ о немъ, Гриша повернулся къ столу, сталъ показывать изорванныя полы своей одежды и, пережевывая, приговаривалъ:

— Хотѣлъ, чтобы загрызли... Богъ не попустилъ. Грѣхъ собакъ травить! большой грѣхъ! Не бей, *большакъ*...[2]) что бить? Богъ проститъ... дни не такіе.

— Что это онъ говоритъ? — спросилъ папа, пристально и строго осматривая его. — Я ничего не понимаю.

— А я понимаю, — отвѣчала maman: — онъ мнѣ разсказалъ, что какой-то охотникъ нарочно на него напускалъ собакъ, такъ онъ и говоритъ: «Хотѣлъ, чтобы загрызли, но Богъ не попустилъ», и проситъ тебя, чтобы за это не наказывалъ его.

— А! вотъ что! — сказалъ папа. — Почемъ же онъ знаетъ, что я хочу наказывать этого охотника? Ты знаешь, я вообще не большой охотникъ до этихъ господъ, — продолжалъ онъ по-французски, — но этотъ особенно мнѣ не нравится и долженъ быть...

---

[1]) Кушайте съ хлѣбомъ, или — какъ вы держите вашу вилку?
[2]) Такъ онъ безразлично называлъ всѣхъ мужчинъ.

— Ахъ, не говори этого, мой другъ, — прервала его maman, какъ будто испугавшись чего-нибудь. — Почемъ ты знаешь?

— Кажется, я имѣлъ случай изучить эту породу людей — ихъ столько къ тебѣ ходитъ, — всѣ на одинъ покрой. Вѣчно одна и та же исторія...

Видно было, что матушка на этотъ счетъ была совершенно другого мнѣнія и не хотѣла спорить.

— Передай мнѣ пожалуйста пирожокъ, — сказала она. — Что, хороши ли они нынче?

— Нѣтъ, меня сердитъ, — продолжалъ папа, взявъ въ руку пирожокъ, но держа его на такомъ разстояніи, чтобы maman не могла достать его, — нѣтъ, меня сердитъ, когда я вижу, что люди умные и образованные вдаются въ обманъ.

И онъ ударилъ вилкой по столу.

— Я тебя просила передать мнѣ пирожокъ, — говорила она, протягивая руку.

— И прекрасно дѣлаютъ, — продолжалъ папа, отодвигая руку, — что такихъ людей сажаютъ въ полицію. Они приносятъ только ту пользу, что разстраиваютъ и безъ того слабые нервы нѣкоторыхъ особъ, — прибавилъ онъ съ улыбкой, замѣтивъ, что этотъ разговоръ очень не нравился матушкѣ, и подалъ ей пирожокъ.

— Я на это тебѣ только одно скажу: трудно повѣрить, чтобы человѣкъ, который, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, зиму и лѣто ходитъ босой и не снимая носитъ подъ платьемъ вериги въ два пуда вѣсомъ, и который не разъ отказывался отъ предложенія жить спокойно и на всемъ готовомъ, — трудно повѣрить, чтобы такой человѣкъ все это дѣлалъ только изъ лѣни.

— Насчетъ предсказаній, — прибавила она со вздохомъ и помолчавъ немного, — je suis payée pour y croire [1]), я тебѣ разсказывала, кажется, какъ Кирюша, день въ день, часъ въ часъ, предсказалъ покойнику папенькѣ его кончину.

— Ахъ, что ты со мной сдѣлала! — сказалъ папа, улыбаясь и приставивъ руку ко рту съ той стороны, съ которой сидѣла Мими. (Когда онъ это дѣлалъ, я всегда слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, ожидая чего-нибудь смѣшного.) — Зачѣмъ ты мнѣ напомнила о его ногахъ? я посмотрѣлъ и теперь ничего ѣсть не буду.

---

[1]) Мнѣ пришлось поплатиться за мою вѣру.

Обѣдъ клонился къ концу. Любочка и Катенька безпрестанно подмигивали намъ, вертѣлись на своихъ стульяхъ и вообще изъявляли сильное безпокойство. Подмигиванье это значило: «что же вы не просите, чтобы насъ взяли на охоту?» Я толкнулъ локтемъ Володю, Володя толкнулъ меня и, наконецъ, рѣшился: сначала робкимъ голосомъ, потомъ довольно твердо и громко онъ объяснилъ, что такъ какъ мы должны нынче ѣхать, то желали бы, чтобы дѣвочки вмѣстѣ съ нами поѣхали на охоту въ линейкѣ. Послѣ небольшого совѣщанія между большими вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ нашу пользу, и—что было еще пріятнѣе— maman сказала, что она сама поѣдетъ съ нами.

VI.

Приготовленія къ охотѣ.

Во время пирожнаго былъ позванъ Яковъ и отданы приказанія насчетъ линейки, собакъ и верховыхъ лошадей — все съ величайшею подробностью, называя каждую лошадь по имени. Володина лошадь хромала; папа велѣлъ осѣдлать для него охотничью. Это слово: «охотничья лошадь», какъ-то странно звучало въ ушахъ maman: ей казалось, что охотничья лошадь должна быть что-то въ родѣ бѣшенаго звѣря и что она непремѣнно понесетъ и убьетъ Володю. Несмотря на увѣщанія папы и Володи, который съ удивительнымъ молодечествомъ говорилъ, что это ничего и что онъ очень любитъ, когда лошадь несетъ, бѣдняжка maman продолжала твердить, что она все гулянье будетъ мучиться.

Обѣдъ кончился; большіе пошли въ кабинетъ пить кофе, а мы побѣжали въ садъ шаркать ногами по дорожкамъ, покрытымъ упавшими желтыми листьями, и разговаривать. Начались разговоры о томъ, что Володя поѣдетъ на охотничьей лошади, о томъ, какъ стыдно, что Любочка тише бѣгаетъ, чѣмъ Катенька, о томъ, что интересно было бы посмотрѣть вериги Гриши, и т. д.; о томъ же, что мы разстаемся, ни слова не было сказано. Разговоръ нашъ былъ прерванъ стукомъ подъѣзжавшей линейки, на которой у каждой рессоры сидѣло по дворовому мальчику. За линейкой ѣхали охотники съ собаками, за охотниками — кучеръ Игнатъ, на назначенной Володѣ лошади, и велъ въ поводу моего стариннаго клепера. Сначала мы всѣ бросились къ забору, отъ котораго видны были всѣ эти интерес-

ныя вещи, а потомъ съ визгомъ и топотомъ побѣжали наверхъ одѣваться, и одѣваться такъ, чтобы какъ можно болѣе походить на охотниковъ. Одно изъ главныхъ къ тому средствъ было всучиваніе панталонъ въ сапоги. Нимало не медля, мы принялись за это дѣло, торопясь скорѣе кончить его и бѣжать на крыльцо наслаждаться видомъ собакъ, лошадей и разговоромъ съ охотниками.

День былъ жаркій. Бѣлыя, причудливыхъ формъ тучки съ утра показались на горизонтѣ; потомъ все ближе и ближе сталъ сгонять ихъ маленькій вѣтерокъ, такъ что изрѣдка онѣ закрывали солнце. Сколько ни ходили и ни чернѣли тучи, видно, не суждено имъ было собраться въ грозу и въ послѣдній разъ помѣшать нашему удовольствію. Къ вечеру онѣ опять стали расходиться: однѣ поблѣднѣли, подлиннѣли и бѣжали на горизонтъ; другія, надъ самой головой, превратились въ бѣлую прозрачную чешую; одна только черная большая туча остановилась на востокѣ. Карлъ Иванычъ всегда зналъ, куда такая туча пойдетъ; онъ объявилъ, что эта туча пойдетъ къ Масловкѣ, что дождя не будетъ и погода будетъ превосходная.

Фока, несмотря на свои преклонныя лѣта, сбѣжалъ съ лѣстницы очень ловко и скоро, крикнулъ: «Подавай!» и, раздвинувъ ноги, твердо всталъ посрединѣ подъѣзда, между тѣмъ мѣстомъ, куда долженъ былъ подкатить линейку кучеръ, и порогомъ, въ позиціи человѣка, которому не нужно напоминать объ его обязанности. Барыни сошли и послѣ небольшого пренія о томъ, кому на какой сторонѣ сидѣть и за кого держаться (хотя, мнѣ кажется, совсѣмъ не нужно было держаться), усѣлись, раскрыли зонтики и поѣхали. Когда линейка тронулась, maman, указывая на «охотничью лошадь», спросила дрожащимъ голосомъ у кучера:

— Эта для Владиміра Петровича лошадь?

И когда кучеръ отвѣчалъ утвердительно, она махнула рукой и отвернулась. Я былъ въ сильномъ нетерпѣніи: влѣзъ на свою лошадку, смотрѣлъ ей между ушей и дѣлалъ по двору разныя эволюціи.

— Собакъ не извольте раздавить, — сказалъ мнѣ какой-то охотникъ.

— Будь покоенъ: мнѣ не въ первый разъ, — отвѣчалъ я гордо.

Володя сѣлъ на «охотничью лошадь», несмотря на твердость своего характера, не безъ нѣкотораго содроганія и, оглаживая ее, нѣсколько разъ спросилъ:

— Смирна ли она?

На лошади же онъ былъ очень хорошъ — точно большой. Обтянутыя ляжки его лежали на сѣдлѣ такъ хорошо, что мнѣ было завидно, особенно потому, что, сколько я могъ судить по тѣни, я далеко не имѣлъ такого прекраснаго вида.

Вотъ послышались шаги папа на лѣстницѣ; выжлятникъ подогналъ отрыскавшихъ гончихъ; охотники съ борзыми подозвали своихъ и стали садиться. Стремянный подвелъ лошадь къ крыльцу; собаки своры папа, которыя прежде лежали въ разныхъ живописныхъ позахъ около нея, бросились къ нему. Вслѣдъ за нимъ, въ бисерномъ ошейникѣ, побрякивая желѣзкой, весело побѣжала Милка. Она выходя всегда здоровалась съ псарными собаками: съ одними поиграетъ, съ другими понюхается и порычитъ, а у нѣкоторыхъ поищетъ блохъ.

Папа сѣлъ на лошадь, и мы поѣхали.

VII.

Охота.

Доѣзжачій, прозывавшійся Турка, на голубой горбоносой лошади, въ мохнатой шапкѣ, съ огромнымъ рогомъ за плечами и ножомъ на поясѣ, ѣхалъ впереди всѣхъ. По мрачной и свирѣпой наружности этого человѣка скорѣе можно было подумать, что онъ ѣдетъ на смертный бой, чѣмъ на охоту. Около заднихъ ногъ его лошади, пестрымъ волнующимся клубомъ, бѣжали сомкнутыя гончія. Жалко было видѣть, какая участь постигала ту несчастную, которой вздумалось отстать. Ей надо было съ большими усиліями перетянуть свою подругу, и когда она достигала этого, одинъ изъ выжлятниковъ, ѣхавшій сзади, непремѣнно хлопалъ по ней арапникомъ, приговаривая: «Въ кучу!» Выѣхавъ за ворота, папа велѣлъ охотникамъ и намъ ѣхать по дорогѣ, а самъ повернулъ въ ржаное поле.

Хлѣбная уборка была во всемъ разгарѣ. Необозримое блестяще-желтое поле замыкалось только съ одной стороны высокимъ синѣющимъ лѣсомъ, который тогда казался мнѣ самымъ отдаленнымъ, таинственнымъ мѣстомъ, за которымъ или кончается свѣтъ, или начинаются необитаемыя страны. Все поле

было покрыто копнами и народомъ. Въ высокой, густой ржи виднѣлись кое-гдѣ, на выжатой полосѣ, согнутая спина жницы, взмахъ колосьевъ, когда она перекладывала ихъ между пальцевъ, женщина въ тѣни, нагнувшаяся надъ люлькой, и разбросанные снопы по усѣянному васильками жнивью. Въ другой сторонѣ мужики въ однѣхъ рубахахъ, стоя на телѣгахъ, накладывали копны и пылили по сухому, раскаленному полю. Староста, въ сапогахъ и въ армякѣ въ накидку, съ бирками въ рукѣ, издалека замѣтивъ папа, снялъ свою поярковую шляпу, утиралъ рыжую голову и бороду полотенцемъ и покрикивалъ на бабъ. Рыженькая лошадка, на которой ѣхалъ папа, шла легкой, игривой ходой, изрѣдка опуская голову къ груди, вытягивая поводья и смахивая густымъ хвостомъ оводовъ и мухъ, которые жадно лѣпились на нее. Двѣ борзыя собаки, напряженно загнувъ хвостъ серпомъ и высоко поднимая ноги, граціозно перепрыгивали по высокому жнивью, за ногами лошади; Милка бѣжала впереди и, загнувъ голову, ожидала прикормки. Говоръ народа, топотъ лошадей и телѣгъ, веселый свистъ перепеловъ, жужжаніе насѣкомыхъ, которыя неподвижными стаями вились въ воздухѣ, запахъ полыни, соломы и лошадинаго пота, тысячи различныхъ цвѣтовъ и тѣней, которые разливало палящее солнце по свѣтло-желтому жнивью, синей дали лѣса и бѣло-лиловымъ облакамъ, бѣлыя паутины, которыя носились въ воздухѣ или ложились по жнивью, — все это я видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ.

Подъѣхавъ къ Калиновому лѣсу, мы нашли линейку уже тамъ и, сверхъ всякаго ожиданія, еще телѣгу въ одну лошадь, на срединѣ которой сидѣлъ буфетчикъ. Изъ-подъ сѣна виднѣлись самоваръ, кадка съ мороженой формой и еще кое-какіе привлекательные узелки и коробочки. Нельзя было ошибиться: это былъ чай на чистомъ воздухѣ, мороженое и фрукты. При видѣ телѣги мы изъявили шумную радость, потому что пить чай въ лѣсу на травѣ и вообще на такомъ мѣстѣ, на которомъ никто и никогда не пивалъ чаю, считалось большимъ наслажденіемъ.

Турка подъѣхалъ къ острову, остановился, внимательно выслушалъ отъ папа подробное наставленіе, какъ равняться и куда выходить (впрочемъ, онъ никогда не соображался съ этимъ наставленіемъ, а дѣлалъ по-своему), разомкнулъ собакъ, не спѣша второчилъ смычки, сѣлъ на лошадь и, посвистывая, скрылся за молодыми березками. Разомкнутыя гончія прежде всего ма-

ханіями хвостовъ выразили свое удовольствіе, встряхнулись, оправились и потомъ уже маленькой рысцой. принюхиваясь и махая хвостами, побѣжали въ разныя стороны.

— Есть у тебя платокъ? — спросилъ папа.

Я вынулъ изъ кармана и показалъ ему.

— Ну, такъ возьми на платокъ эту сѣрую собаку.

— Жирана? — сказалъ я съ видомъ знатока.

— Да; и бѣги по дорогѣ. Когда придетъ полянка, остановись, и смотри: ко мнѣ безъ зайца не приходить!

Я обмоталъ платкомъ мохнатую шею Жирана и опрометью бросился бѣжать къ назначенному мѣсту. Папа смѣялся и кричалъ мнѣ вслѣдъ:

— Скорѣй, скорѣй, а то опоздаешь.

Жиранъ безпрестанно останавливался, поднимая уши, и прислушивался къ порсканью охотниковъ. У меня недоставало силъ тащить его съ мѣста, и я начиналъ кричать: «Ату! ату!» Тогда Жиранъ рвался такъ сильно, что я насилу могъ удерживать его, и не разъ упалъ, покуда добрался до мѣста. Избравъ у корня высокаго дуба тѣнистое и ровное мѣсто, я легъ на траву, усадилъ подлѣ себя Жирана и началъ ожидать. Воображеніе мое, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ушло далеко впередъ дѣйствительности: я воображалъ себѣ, что травлю уже третьяго зайца, въ то время, какъ отозвалась въ лѣсу первая гончая. Голосъ Турка громче и воодушевленнѣе раздался по лѣсу; гончая взвизгивала, и голосъ ея слышался чаще и чаще; къ нему присоединились другой, басистый голосъ, потомъ третій, четвертый... Голоса эти то замолкали, то перебивали другъ друга. Звуки постепенно становились сильнѣе и непрерывнѣе и, наконецъ, слились въ одинъ звонкій заливистый гулъ. *Островъ былъ голосистый, и гончія варили варомъ.*

Услыхавъ это, я замеръ на своемъ мѣстѣ. Впяривъ глаза въ опушку, я безсмысленно улыбался; потъ катился съ меня градомъ, и хотя капли его, сбѣгая по подбородку, щекотали меня, я не вытиралъ ихъ. Мнѣ казалось, что не можетъ быть рѣшительнѣе этой минуты. Положеніе этой напряженности было слишкомъ неестественно, чтобы продолжаться долго. Гончія то заливались около самой опушки, то постепенно отдалялись отъ меня: зайца не было. Я сталъ смотрѣть по сторонамъ. Съ Жираномъ было то же самое: сначала онъ рвался и взвизгивалъ, потомъ легъ подлѣ меня, положилъ морду мнѣ на колѣни и успокоился.

Около оголившихся корней того дуба, подъ которымъ я сидѣлъ, по сѣрой, сухой землѣ, между сухими дубовыми листьями, желудями, пересохшими, обомшалыми хворостинками, желто-зеленымъ мхомъ и изрѣдка пробивавшимися тонкими зелеными травками, кишмя кишѣли муравьи. Они одинъ за другимъ торопились по пробитымъ ими торнымъ дорожкамъ: нѣкоторые съ тяжестями, другіе порожнякомъ. Я взялъ въ руки хворостинку и загородилъ ею дорогу. Надо было видѣть, какъ они, презирая опасность, подлѣзали подъ нее, другіе перелѣзали черезъ, а нѣкоторые, особенно тѣ, которые были съ тяжестями, совершенно терялись и не знали, что дѣлать: останавливались, искали обхода или ворочались назадъ, или по хворостинкѣ добирались до моей руки и, кажется, намѣревались забраться подъ рукавъ моей курточки. Отъ этихъ интересныхъ наблюденій я былъ отвлеченъ бабочкой съ желтыми крылышками, которая чрезвычайно заманчиво вилась предо мною. Какъ только я обратилъ на нее вниманіе, она отлетѣла отъ меня шага на два, повилась надъ почти увядшимъ бѣлымъ цвѣткомъ дикаго клевера и сѣла на него. Не знаю, солнышко ли ее пригрѣло, или она брала сокъ изъ этой травки, только видно было, что ей очень хорошо. Она изрѣдка взмахивала крылышками и прижималась къ цвѣтку, наконецъ, совсѣмъ замерла. Я положилъ голову на обѣ руки и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нее.

Вдругъ Жиранъ завылъ и рванулся съ такою силой, что я чуть было не упалъ. Я оглянулся. На опушкѣ лѣса, приложивъ одно ухо и приподнявъ другое, перепрыгивалъ заяцъ. Кровь ударила мнѣ въ голову, и я все забылъ въ эту минуту: кричалъ что-то неистовымъ голосомъ; пустилъ собаку и бросился бѣжать. Но не успѣлъ я этого сдѣлать, какъ уже сталъ раскаиваться: заяцъ присѣлъ, сдѣлалъ прыжокъ и—больше я его не видалъ.

Но каковъ былъ мой стыдъ, когда вслѣдъ за гончими, которыя въ голосъ вывели на опушку, изъ-за кустовъ показался Турка! Онъ видѣлъ мою ошибку (которая состояла въ томъ, что я не *выдержалъ*) и, презрительно взглянувъ на меня, сказалъ только: «Эхъ, баринъ!» Но надо знать, какъ это было сказано! Мнѣ было бы легче, ежели бы онъ меня, какъ зайца, повѣсилъ на сѣдло.

Долго стоялъ я въ сильномъ отчаяніи на томъ же мѣстѣ, не звалъ собаки и только твердилъ, ударяя себя по ляжкамъ:

— Боже мой, что я надѣлалъ!

Я слышалъ, какъ гончія погнали дальше, какъ застукали на другой сторонѣ острова, отбили зайца и какъ Турка въ свой огромный рогъ вызывалъ собакъ,—но все не трогался съ мѣста...

VIII.

Игры.

Охота кончилась. Въ тѣни молодыхъ березокъ былъ разостланъ коверъ и на коврѣ кружкомъ сидѣло все общество. Буфетчикъ Гаврило, примявъ около себя зеленую сочную траву, перетиралъ тарелки и доставалъ изъ коробочки завернутые въ листья сливы и персики. Сквозь зеленыя вѣтви молодыхъ березъ просвѣчивало солнце и бросало на узоры ковра, на мои ноги и даже на плѣшивую, вспотѣвшую голову Гаврилы круглые, колеблющіеся просвѣты. Легкій вѣтерокъ, пробѣгая по листвѣ деревьевъ, по моимъ волосамъ и вспотѣвшему лицу, чрезвычайно освѣжалъ меня.

Когда насъ одѣлили мороженымъ и фруктами, дѣлать на коврѣ было нечего, и мы, несмотря на косые, палящіе лучи солнца, встали и отправились играть.

— Ну, во что?—сказала Любочка, щурясь отъ солнца и припрыгивая по травѣ.—Давайте въ Робинзона.

— Нѣтъ... скучно,—сказалъ Володя, лѣниво повалившись на траву и пережевывая листья:—вѣчно Робинзонъ! Ежели непремѣнно хотите, такъ давайте лучше бесѣдочку строить.

Володя замѣтно важничалъ. Должно-быть, онъ гордился тѣмъ, что пріѣхалъ на охотничьей лошади, и притворялся, что очень усталъ. Можетъ-быть, и то, что у него уже было слишкомъ много здраваго смысла и слишкомъ мало силы воображенія, чтобы вполнѣ наслаждаться игрою въ Робинзона. Игра эта состояла въ представленіи сценъ изъ «Robinson Suisse», котораго мы читали незадолго передъ этимъ.

— Ну, пожалуйста... отчего ты не хочешь сдѣлать намъ этого удовольствія?—приставали къ нему дѣвочки.—Ты будешь Charles или Ernest, или отецъ—какъ хочешь,—говорила Катенька, стараясь за рукавъ курточки приподнять его съ земли.

— Право, не хочется—скучно!—сказалъ Володя, потягиваясь и вмѣстѣ съ тѣмъ самодовольно улыбаясь.

— Такъ лучше бы дома сидѣть, коли никто не хочетъ играть, — сквозь слезы выговорила Любочка.

Она была страшная плакса.

— Ну, пойдемте; только не плачь пожалуйста: терпѣть не могу!

Снисхожденіе Володи доставило намъ очень мало удовольствія; напротивъ, его лѣнивый и скучный видъ разрушалъ все очарованіе игры. Когда мы сѣли на землю и, воображая, что плывемъ на рыбную ловлю, изо всѣхъ силъ начали грести, Володя сидѣлъ сложа руки и въ позѣ, не имѣющей ничего схожаго съ позой рыболова. Я замѣтилъ ему это; но онъ отвѣчалъ, что отъ того, что мы будемъ больше или меньше махать руками, мы ничего не выиграемъ и не проиграемъ и все же далеко не уѣдемъ. Я невольно согласился съ нимъ. Когда, воображая, что я иду на охоту, съ палкой на плечѣ я отправился въ лѣсъ, Володя легъ на спину, закинулъ руки подъ голову и сказалъ мнѣ, что будто бы и онъ ходилъ. Такіе поступки и слова, охлаждая насъ къ игрѣ, были крайне непріятны, тѣмъ болѣе, что нельзя было въ душѣ не согласиться, что Володя поступаетъ благоразумно.

Я самъ знаю, что изъ палки не только что убить птицу, да и выстрѣлить никакъ нельзя. Это игра. Коли такъ разсуждать, то и на стульяхъ ѣздить нельзя; а Володя, я думаю, самъ помнитъ, какъ въ долгіе зимніе вечера мы накрывали кресло платками, дѣлали изъ него коляску, одинъ садился кучеромъ, другой лакеемъ, дѣвочки въ середину, три стула были тройка лошадей,—и мы отправлялись въ дорогу. И какія разныя приключенія случались въ этой дорогѣ! и какъ весело и скоро проходили зимніе вечера!.. Ежели судить по-настоящему, то игры никакой не будетъ. А игры не будетъ, что же тогда остается?..

IX.

Занятія въ кабинетѣ и гостиной.

Уже смеркалось, когда мы пріѣхали домой. Maman сѣла за рояль, а мы, дѣти, принесли бумаги, карандаши, краски и расположились рисовать около круглаго стола. У меня была только синяя краска, но, несмотря на это, я затѣялъ нарисовать охоту. Очень живо изобразивъ синяго мальчика верхомъ на синей лошади и синихъ собакъ, я не зналъ навѣрное, можно

ли нарисовать синяго зайца, и побѣжалъ къ папа въ кабинетъ посовѣтоваться объ этомъ. Папа читалъ что-то и на вопросъ мой: «Бываютъ ли синіе зайцы?» не поднимая головы, отвѣчалъ: «Бываютъ, мой другъ, бываютъ». Возвратившись къ круглому столу, я изобразилъ синяго зайца, потомъ нашелъ нужнымъ передѣлать изъ синяго зайца кустъ. Кустъ тоже мнѣ не понравился; я сдѣлалъ изъ него дерево, изъ дерева— скирдъ, изъ скирда—облако и, наконецъ, такъ испачкалъ всю бумагу синею краской, что съ досады разорвалъ ее и пошелъ дремать на вольтеровское кресло.

Maman играла второй концертъ Фильда—своего учителя. Я дремалъ, и въ моемъ воображеніи возникали какія-то легкія, свѣтлыя и прозрачныя воспоминанія. Она заиграла патетическую сонату Бетховена, и я вспоминалъ что-то грустное, тяжелое и мрачное. Maman часто играла эти двѣ пьесы, поэтому я очень хорошо помню чувство, которое онѣ во мнѣ возбуждали. Чувство это было похоже на воспоминанія; но воспоминанія чего? казалось, что вспоминаешь то, чего никогда не было.

Противъ меня была дверь въ кабинетъ, и я видѣлъ, какъ туда вошли Яковъ и еще какіе-то люди въ кафтанахъ и съ бородами. Дверь тотчасъ затворилась за ними. «Ну, начались занятія», подумалъ я. Мнѣ казалось, что важнѣе тѣхъ дѣлъ, которыя дѣлались въ кабинетѣ, ничего въ мірѣ быть не могло; въ этой мысли подтверждало меня еще то, что къ дверямъ кабинета подходили обыкновенно перешептываясь и на цыпочкахъ; оттуда же былъ слышенъ громкій голосъ папа и запахъ сигары, который всегда, не знаю почему, меня очень привлекалъ. Впросонкахъ меня вдругъ поразилъ очень знакомый скрипъ сапогъ въ офиціантской. Карлъ Иванычъ на цыпочкахъ, но съ лицомъ мрачнымъ и рѣшительнымъ, съ какими-то записками въ рукѣ, подошелъ къ двери и слегка постучался. Его впустили, и дверь опять захлопнулась.

«Какъ бы не случилось какого-нибудь несчастія,—подумалъ я.—Карлъ Иванычъ разсерженъ; онъ на все готовъ...»

Я опять задремалъ.

Однако несчастія никакого не случилось; черезъ часъ времени меня разбудилъ тотъ же скрипъ сапогъ. Карлъ Иванычъ, утирая платкомъ слезы, которыя я замѣтилъ на его щекахъ, вышелъ изъ двери и, бормоча что-то себѣ подъ носъ, пошелъ наверхъ. Вслѣдъ за нимъ вышелъ папа и вошелъ въ гостиную.

— Знаешь, что я сейчасъ рѣшилъ?—сказалъ онъ веселымъ голосомъ, положивъ руку на плечо maman.

— Что, мой другъ?

— Я беру Карла Иваныча съ дѣтьми. Мѣсто въ бричкѣ есть. Они къ нему привыкли, и онъ къ нимъ, кажется, точно привязанъ; а 700 рублей въ годъ никакого счета не дѣлаютъ, et puis au fond c'est un très bon diable [1]).

Я никакъ не могъ постигнуть, зачѣмъ папа бранитъ Карла Иваныча.

— Я очень рада,—сказала maman,—за дѣтей, за него: онъ славный старикъ.

— Если бы ты видѣла, какъ онъ былъ тронутъ, когда я ему сказалъ, чтобы онъ оставилъ эти 500 рублей въ видѣ подарка... но что забавнѣе всего — это счетъ, который онъ принесъ мнѣ. Это стоитъ посмотрѣть,—прибавилъ онъ съ улыбкой, подавая ей записку, написанную рукою Карла Иваныча:— прелесть!

Вотъ содержаніе этой записки:

«Дльс дѣтей два удочка—76 копекъ.

«Цвѣтной бумага, золотой коемочка, клестиръ и болванъ для коробочка, въ подаркахъ—6 р. 55 к.

«Книга, и лукъ подарка дѣтьямъ—8 р. 16 к.

«Панталонъ Николаю—4 рубли.

«Обѣщаны Петромъ Александровичъ изъ Москву въ 18.. году золотые часы въ 140 рублей.

«Итого слѣдуетъ получить Карлу Мауеру кромѣ жалованію—159 рублей 79 копекъ».

Прочтя эту записку, въ которой Карлъ Иванычъ требуетъ, чтобы ему заплатили всѣ деньги, издержанныя имъ на подарки, и даже заплатили бы за обѣщанный подарокъ, всякій подумаетъ, что Карлъ Иванычъ больше ничего, какъ безчувственный и корыстолюбивый себялюбецъ,—и всякій ошибется.

Войдя въ кабинетъ съ записками въ рукѣ и съ приготовленною рѣчью въ головѣ, онъ намѣревался краснорѣчиво изложить предъ папа всѣ несправедливости, претерпѣнныя имъ въ нашемъ домѣ; но когда онъ началъ говорить тѣмъ же трогательнымъ голосомъ и съ тѣми же чувствительными интонаціями, съ которыми онъ обыкновенно диктовалъ намъ, его краснорѣчіе по-

---

[1]) И потомъ въ сущности (по существу) это очень хорошій человѣкъ.

дѣйствовало сильнѣе всего на него самого; такъ что, дойдя до того мѣста, въ которомъ онъ говорилъ: «какъ ни грустно мнѣ будетъ разстаться съ дѣтьми», онъ совсѣмъ сбился, голосъ его задрожалъ и онъ принужденъ былъ достать изъ кармана клѣтчатый платокъ.

— Да, Петръ Александрычъ, — сказалъ онъ сквозь слезы (этого мѣста совсѣмъ не было въ приготовленной рѣчи),—я такъ привыкъ къ дѣтямъ, что не знаю, что буду дѣлать безъ нихъ. Лучше я безъ жалованья буду служить вамъ,—прибавилъ онъ, одною рукой утирая слезы, а другой подавая счетъ.

Что Карлъ Иванычъ въ эту минуту говорилъ искренно, это я утвердительно могу сказать, потому что знаю его доброе сердце; но какимъ образомъ согласовался счетъ съ его словами, остается для меня тайной.

— Если вамъ грустно, то мнѣ было бы еще грустнѣе разстаться съ вами,—сказалъ папа, потрепавъ его по плечу;—я теперь раздумалъ.

Незадолго передъ ужиномъ въ комнату вошелъ Гриша. Онъ съ самаго того времени, какъ вошелъ въ нашъ домъ, не переставалъ вздыхать и плакать, что, по мнѣнію тѣхъ, которые вѣрили въ его способность предсказывать, предвѣщало какую-нибудь бѣду нашему дому. Онъ сталъ прощаться и сказалъ, что завтра утромъ пойдетъ дальше. Я подмигнулъ Володѣ и вышелъ въ дверь.

— Что?

— Если хотите посмотрѣть Гришины вериги, то пойдемте сейчасъ на мужской верхъ—Гриша спитъ во второй комнатѣ—въ чуланѣ прекрасно можно сидѣть, и мы все увидимъ.

— Отлично! Подожди здѣсь: я позову дѣвочекъ.

Дѣвочки выбѣжали, и мы отправились наверхъ. Не безъ спора рѣшивъ, кому первому войти въ темный чуланъ, мы усѣлись и стали ждать.

X.

Гриша.

Намъ всѣмъ было жутко въ темнотѣ; мы жались одинъ къ другому и ничего не говорили. Почти вслѣдъ за нами тихими шагами вошелъ Гриша. Въ одной рукѣ онъ держалъ свой посохъ, въ другой—сальную свѣчку въ мѣдномъ подсвѣчникѣ. Мы не переводили дыханія.

— Господи Іисусе Христе! Мати Пресвятая Богородица! Отцу и Сыну и Святому Духу...—вдыхая въ себя воздухъ, твердилъ онъ, съ различными интонаціями и сокращеніями, свойственными только тѣмъ, которые часто повторяютъ эти слова.

Съ молитвой поставивъ свой посохъ въ уголъ и осмотрѣвъ постель, онъ сталъ раздѣваться. Распоясавъ свой старенькій черный кушакъ, онъ медленно снялъ изорванный нанковый зипунъ, тщательно сложилъ его и повѣсилъ на спинку стула. Лицо его теперь не выражало, какъ обыкновенно, торопливости и тупоумія, напротивъ, онъ былъ спокоенъ, задумчивъ и даже величавъ. Движенія его были медленны и обдуманны.

Оставшись въ одномъ бѣльѣ, онъ тихо опустился на кровать, окрестилъ ее со всѣхъ сторонъ и, какъ видно было, съ усиліемъ—потому что поморщился—поправилъ подъ рубашкой вериги. Посидѣвъ немного и заботливо осмотрѣвъ порванное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бѣлье, онъ всталъ, съ молитвой поднялъ свѣчу въ уровень съ кивотомъ, въ которомъ стояло нѣсколько образовъ, перекрестился на нихъ и перевернулъ свѣчу огнемъ внизъ. Она съ трескомъ потухла.

Въ окна, обращенныя въ лѣсъ, ударяла почти полная луна. Длинная бѣлая фигура юродиваго съ одной стороны была освѣщена блѣдными, серебристыми лучами мѣсяца, съ другой—черною тѣнью, и вмѣстѣ съ тѣнями отъ рамъ, падала на полъ, стѣны и доставала до потолка. На дворѣ караульщикъ стучалъ въ мѣдную доску.

Сложивъ свои огромныя руки на груди, опустивъ голову и безпрестанно тяжело вздыхая, Гриша молча стоялъ предъ иконами, потомъ съ трудомъ опустился на колѣни и сталъ молиться.

Сначала онъ тихо говорилъ извѣстныя молитвы, ударяя только на нѣкоторыя слова, потомъ повторилъ ихъ, но громче и съ большимъ одушевленіемъ. Онъ началъ говорить свои слова, съ замѣтнымъ усиліемъ стараясь выражаться по-славянски. Слова его были не складны, но трогательны. Онъ молился о всѣхъ благодѣтеляхъ своихъ (такъ онъ называлъ тѣхъ, которые принимали его), въ томъ числѣ о матушкѣ, о насъ, молился о себѣ, просилъ, чтобы Богъ простилъ ему его тяжкіе грѣхи, твердилъ: «Боже, прости врагамъ моимъ», кряхтя поднимался и, повторяя еще и еще тѣ же слова, припадалъ къ землѣ и опять поднимался,

несмотря на тяжесть веригъ, которыя издавали сухой рѣзкій звукъ, ударяясь о землю.

Володя ущипнулъ меня очень больно за ногу; но я даже не оглянулся: потеръ только рукой то мѣсто и продолжалъ съ чувствомъ дѣтскаго удивленія, жалости и благоговѣнія слѣдить за всѣми движеніями и словами Гриши.

Вмѣсто веселья и смѣха, на которые я разсчитывалъ, входя въ чуланъ, я чувствовалъ дрожь и замираніе сердца.

Долго еще находился Гриша въ этомъ положеніи религіознаго восторга и импровизировалъ молитвы. То твердилъ онъ нѣсколько разъ сряду: *Господи помилуй*, но каждый разъ съ новой силой и выраженіемъ; то говорилъ онъ: *прости мя, Господи, научи мя, что творити... научи мя, что творити, Господи!* съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ожидалъ сейчасъ же отвѣта на свои слова; то слышны были одни жалобныя рыданія... Онъ приподнялся на колѣни, сложилъ руки на груди и замолкъ.

Я потихоньку высунулъ голову изъ двери и не переводилъ дыханія. Гриша не шевелился; изъ груди его вырывались тяжелые вздохи; въ мутномъ зрачкѣ его криваго глаза, освѣщеннаго луною, остановилась слеза.

— Да будетъ воля Твоя! — вскричалъ онъ вдругъ съ неподражаемымъ выраженіемъ, упалъ лбомъ на землю и зарыдалъ какъ ребенокъ.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, много воспоминаній о быломъ потеряли для меня значеніе и стали смутными мечтами, даже и странникъ Гриша давно окончилъ свое послѣднее странствованіе; но впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня, и чувство, которое возбудилъ, никогда не умрутъ въ моей памяти.

О, великій христіанинъ Гриша! Твоя вѣра была такъ сильна, что ты чувствовалъ близость Бога, твоя любовь такъ велика, что слова сами собой лились изъ устъ твоихъ, — ты ихъ не повѣрялъ разсудкомъ... И какую высокую хвалу принесъ Его величію, когда, не находя словъ, въ слезахъ повалился на землю!..

Чувство умиленія, съ которымъ я слушалъ Гришу, не могло долго продолжаться, во-первыхъ, потому, что любопытство мое было насыщено, а во-вторыхъ, потому, что я отсидѣлъ себѣ ноги, сидя на одномъ мѣстѣ, и мнѣ хотѣлось присоединиться къ общему шептанью и вознѣ, которыя слышались сзади меня въ

темномъ чуланѣ. Кто-то взялъ меня за руки и шопотомъ сказалъ: чья это рука? Въ чуланѣ было совершенно темно; но по одному прикосновенію и голосу, который шепталъ мнѣ надъ самымъ ухомъ, я тотчасъ узналъ Катеньку.

Совершенно безсознательно я схватилъ руку въ коротенькихъ рукавчикахъ за локоть и припалъ къ ней губами. Катенька вѣрно удивилась этому поступку и отдернула руку; этимъ движеніемъ она толкнула сломанный стулъ, стоявшій въ чуланѣ. Гриша поднялъ голову, тихо оглянулся и, читая молитвы, сталъ крестить всѣ углы. Мы съ шумомъ и шопотомъ выбѣжали изъ чулана.

XI.

Наталья Савишна.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія по дворамъ села Хабаровки бѣгала въ затрапезномъ платьѣ босоногая, но веселая, толстая и краснощекая дѣвка *Наташка*. По заслугамъ и просьбѣ отца ея, кларнетиста Саввы, дѣдъ мой взялъ ее *вверхъ* — находиться въ числѣ женской прислуги бабушки. Горничная *Наташка* отличалась въ этой должности кротостью нрава и усердіемъ. Когда родилась матушка и понадобилась няня, эту обязанность возложили на *Наташку*. И на этомъ новомъ поприщѣ она заслужила похвалы и награды за свою дѣятельность, вѣрность и привязанность къ молодой госпожѣ. Но напудренная голова и чулки съ пряжками молодого, бойкаго офиціанта Фоки, имѣвшаго по службѣ частыя сношенія съ Натальей, плѣнили ея грубое, но любящее сердце. Она даже сама рѣшилась итти къ дѣдушкѣ просить позволенія выйти за Фоку замужъ. Дѣдушка принялъ ея желаніе за неблагодарность, прогнѣвался и сослалъ бѣдную Наталью въ наказаніе на скотный дворъ въ степную деревню. Черезъ шесть мѣсяцевъ, однако, такъ какъ никто не могъ замѣнить Наталью, она была возвращена въ дворъ и въ прежнюю должность. Возвратившись въ затрапезкѣ изъ изгнанія, она явилась къ дѣдушкѣ, упала ему въ ноги и просила возвратить ей милость, ласку и забыть ту дурь, которая на нее нашла было и которая, она клялась, уже больше не возвратится. И дѣйствительно, она сдержала свое слово.

Съ тѣхъ поръ Наташка сдѣлалась Натальей Савишной и надѣла чепецъ; весь запасъ любви, который въ ней хранился, она перенесла на барышню свою.

Когда подлѣ матушки замѣнила ее гувернантка, она получила ключи отъ кладовой, и ей на руки сданы были бѣлье и вся провизія. Всѣ обязанности эти она исполняла съ тѣмъ же усердіемъ и любовью. Она вся жила въ барскомъ добрѣ, во всемъ видѣла трату, порчу и расхищеніе и всѣми средствами старалась противодѣйствовать.

Когда maman вышла замужъ, желая чѣмъ-нибудь отблагодарить Наталью Савишну за ея двадцатилѣтніе труды и привязанность, она позвала ее къ себѣ и, выразивъ въ самыхъ лестныхъ словахъ всю свою къ ней признательность и любовь, вручила ей листъ гербовой бумаги, на которомъ была написана вольная Натальѣ Савишнѣ, и сказала, что, несмотря на то, будетъ ли она или нѣтъ продолжать служить въ нашемъ домѣ, она всегда будетъ получать ежегодную пенсію въ 300 рублей. Наталья Савишна молча выслушала все это, потомъ, взявъ въ руки документъ, злобно взглянула на него, пробормотала что-то сквозь зубы и выбѣжала изъ комнаты, хлопнувъ дверью. Не понимая причины такого страннаго поступка, maman немного погодя вошла въ комнату Натальи Савишны. Она сидѣла съ заплаканными глазами на сундукѣ, перебирая пальцами носовой платокъ, и пристально смотрѣла на валявшіеся на полу передъ ней клочки изорванной вольной.

— Что съ вами, голубушка Наталья Савишна? — спросила maman, взявъ ее за руку.

— Ничего, матушка, — отвѣчала она, — должно-быть, я вамъ чѣмъ-нибудь противна, что вы меня со двора гоните... Что жъ, я пойду.

Она вырвала свою руку и, едва удерживаясь отъ слезъ, хотѣла уйти изъ комнаты. Maman удержала ее, обняла и онѣ обѣ расплакались.

Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, помню я и Наталью Савишну, ея любовь и ласки; но теперь только умѣю цѣнить ихъ, — тогда же мнѣ и въ голову не приходило, какое рѣдкое, чудесное созданіе была эта старушка. Она не только никогда не говорила, но и не думала, кажется, о себѣ — вся жизнь ея была любовь и самопожертвованіе. Я такъ привыкъ къ ея безкорыстной, нѣжной любви къ намъ, что не воображалъ, чтобы это могло быть иначе, нисколько не былъ благодаренъ ей и никогда не задавалъ себѣ вопросовъ: а что, счастлива ли она? довольна ли?

Бывало, подъ предлогомъ необходимой надобности, прибѣжишь отъ урока въ ея комнату, усядешься и начинаешь мечтать вслухъ, нисколько не стѣсняясь ея присутствіемъ. Всегда она бывала чѣмъ-нибудь занята: или вязала чулокъ, или записывала бѣлье, и, слушая всякій вздоръ, который я говорилъ, какъ «когда я буду генераломъ, я женюсь на чудесной красавицѣ, куплю себѣ рыжую лошадь, построю стеклянный домъ и выпишу родныхъ Карла Иваныча изъ Саксоніи» и т. д., она приговаривала: «да, мой батюшка, да». Обыкновенно, когда я вставалъ и собирался уходить, она отворяла голубой сундукъ, на крышкѣ котораго снутри—какъ теперь помню—были наклеены: крашеное изображеніе какого-то гусара, картинка съ помадной баночки и рисунокъ Володи, вынимала изъ этого сундука куренье, зажигала его и, помахивая, говорила:

— Это, батюшка, еще очаковское куренье. Когда вашъ покойный дѣдушка — царство небесное — подъ турку ходили, такъ оттуда еще привезли. Вотъ ужъ послѣдній кусочекъ остался,—прибавляла она со вздохомъ.

Въ сундукахъ, которыми была наполнена ея комната, было рѣшительно все. Что бы ни понадобилось, обыкновенно говаривали: «надо спросить у Натальи Савишны», и дѣйствительно, порывшись немного, она находила требуемый предметъ и говаривала: «вотъ и хорошо, что припрятала». Въ сундукахъ этихъ были тысячи такихъ предметовъ, о которыхъ никто въ домѣ, кромѣ ея, не зналъ и не заботился.

Одинъ разъ я на нее разсердился. Вотъ какъ это было. За обѣдомъ, наливая себѣ квасу, я уронилъ графинъ и облилъ скатерть.

— Позовите-ка Наталью Савишну, чтобы она порадовалась на своего любимчика,—сказала maman.

Наталья Савишна вошла и, увидавъ лужу, которую я сдѣлалъ, покачала головой; потомъ maman сказала ей что-то на ухо, и она, погрозившись на меня, вышла.

Послѣ обѣда я въ самомъ веселомъ расположеніи духа, припрыгивая, отправился въ залу, какъ вдругъ изъ-за двери выскочила Наталья Савишна, со скатертью въ рукѣ, поймала меня, и, несмотря на отчаянное сопротивленіе съ моей стороны, начала тереть меня мокрымъ по лицу, приговаривая: «не пачкай скатертей, не пачкай скатертей!» Меня это такъ обидѣло, что я разревѣлся отъ злости.

«Какъ! — говорилъ я самъ себѣ, прохаживаясь по залѣ и захлебываясь отъ слезъ, — Наталья Савишна, просто *Наталья*, говоритъ *мнѣ ты* и еще бьетъ меня по лицу мокрою скатертью, какъ двороваго мальчишку. Нѣтъ, это ужасно!»

Когда Наталья Савишна увидала, что я распустилъ нюни, она тотчасъ же убѣжала, а я, продолжая прохаживаться, разсуждалъ о томъ, какъ бы отплатить дерзкой *Натальѣ* за нанесенное мнѣ оскорбленіе.

Черезъ нѣсколько минутъ Наталья Савишна вернулась, робко подошла ко мнѣ и начала увѣщавать:

— Полноте, мой батюшка, не плачьте... простите меня дуру... я виновата... ужъ вы меня простите, мой голубчикъ..- вотъ вамъ.

Она вынула изъ-подъ платка корнетъ, сдѣланный изъ красной бумаги, въ которомъ были двѣ карамельки и одна винная ягода, и дрожащею рукой подала его мнѣ. У меня недоставало силъ взглянуть въ лицо доброй старушкѣ; я, отвернувшись, принялъ подарокъ, и слезы потекли еще обильнѣе, но уже не отъ злости, а отъ любви и стыда.

XII.

Разлука.

На другой день послѣ описанныхъ мною происшествій, въ двѣнадцатомъ часу утра, коляска и бричка стояли у подъѣзда. Николай былъ одѣтъ по-дорожному, то-есть штаны были всунуты въ сапоги, и старый сюртукъ туго-натуго подпоясанъ кушакомъ. Онъ стоялъ въ бричкѣ и укладывалъ шинели и подушки подъ сидѣнье; когда оно ему казалось высоко, онъ садился на подушки и, припрыгивая, обминалъ ихъ.

— Сдѣлайте божескую милость, Николай Дмитричъ, нельзя ли къ вамъ будетъ баринову щикатулку положить, — сказалъ запыхавшійся камердинеръ папа, высовываясь изъ коляски: — она маленькая...

— Вы бы прежде говорили, Михей Ивановичъ, — отвѣчалъ Николай скороговоркой и съ досадой, изо всѣхъ силъ бросая какой-то узелокъ на дно брички. — Ей-Богу, голова и такъ кругомъ идетъ, а тутъ еще вы съ вашими щикатулками, — прибавилъ онъ, приподнявъ фуражку и утирая съ загорѣлаго лба крупныя капли пота.

Дворовые мужчины въ сюртукахъ, кафтанахъ, рубашкахъ, безъ шапокъ, женщины въ затрапезахъ, полосатыхъ платкахъ, съ дѣтьми на рукахъ, и босоногіе ребятишки стояли около крыльца, посматривали на экипажи и разговаривали между собою. Одинъ изъ ямщиковъ—сгорбленный старикъ въ зимней шапкѣ и армякѣ—держалъ въ рукѣ дышло коляски, потрогивалъ его и глубокомысленно посматривалъ на ходъ; другой—видный молодой парень, въ одной бѣлой рубахѣ съ кумачевыми ластовицами, въ черной поярковой шляпѣ черепейникомъ, которую онъ, почесывая свои бѣлокурые кудри, сбивалъ то на одно, то на другое ухо,—положилъ свой армякъ на козлы, закинулъ туда же вожжи и, постегивая плетенымъ кнутикомъ, посматривалъ то на свои сапоги, то на кучеровъ, которые мазали бричку. Одинъ изъ нихъ, натужившись, держалъ подъемъ; другой, нагнувшись надъ колесомъ, тщательно мазалъ ось и втулку—даже, чтобы не пропадалъ остальной на помазкѣ деготь, мазнулъ имъ снизу по кругу. Почтовыя, разномастныя, разбитыя лошади стояли у рѣшетки и отмахивались отъ мухъ хвостами. Однѣ изъ нихъ, выставляя свои косматыя, оплывшія ноги, жмурили глаза и дремали; другія отъ скуки чесали другъ друга или щипали листья и стебли жесткаго темно-зеленаго папоротника, который росъ подлѣ крыльца. Нѣсколько борзыхъ собакъ — однѣ тяжело дышали, лежа на солнцѣ, другія въ тѣни ходили подъ коляской и бричкой и вылизывали сало около осей. Во всемъ воздухѣ была какая-то пыльная мгла, горизонтъ былъ сѣро-лиловаго цвѣта; но ни одной тучки не было на небѣ. Сильный западный вѣтеръ поднималъ столбами пыль съ дорогъ и полей, гнулъ макушки высокихъ липъ и березъ сада и далеко относилъ падавшіе желтые листья. Я сидѣлъ у окна и съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія всѣхъ приготовленій.

Когда всѣ собрались въ гостиной около круглаго стола, чтобы въ послѣдній разъ провести нѣсколько минутъ вмѣстѣ, мнѣ и въ голову не приходило, какая грустная минута предстоитъ намъ. Самыя пустыя мысли бродили въ моей головѣ. Я задавалъ себѣ вопросы: какой ямщикъ поѣдетъ въ бричкѣ и какой въ коляскѣ? кто поѣдетъ съ папа, кто съ Карломъ Иванычемъ? и для чего непремѣнно хотятъ меня укутать въ шарфъ и ваточную чуйку?

«Что я за нѣженка? авось не замерзну. Хоть бы поскорѣе это все кончилось: сѣсть бы и ѣхать».

— Кому прикажете записку о дѣтскомъ бѣльѣ отдать?— сказала вошедшая съ заплаканными глазами и съ запиской въ рукѣ Наталья Савишна, обращаясь къ maman.

— Николаю отдайте, да приходите же послѣ съ дѣтьми проститься.

Старушка хотѣла что-то сказать, но вдругъ остановилась, закрыла лицо платкомъ и, махнувъ рукою, вышла изъ комнаты. У меня немного защемило въ сердцѣ, когда я увидалъ это движеніе, но нетерпѣніе ѣхать было сильнѣе этого чувства, и я продолжалъ совершенно равнодушно слушать разговоръ отца съ матушкой. Они говорили о вещахъ, которыя замѣтно не интересовали ни того ни другого: что нужно купить для дома? что сказать княжнѣ Sophie и madame Julie? и хороша ли будетъ дорога?

Вошелъ Фока и точно тѣмъ же голосомъ, которымъ онъ докладывалъ «кушать готово», остановившись у притолоки, сказалъ: «лошади готовы». Я замѣтилъ, что maman вздрогнула и поблѣднѣла при этомъ извѣстіи, какъ будто оно было для нея неожиданно.

Фокѣ приказано было затворить всѣ двери въ комнатѣ. Меня это очень забавляло, «какъ будто всѣ спрятались отъ кого-нибудь».

Когда всѣ сѣли, Фока тоже присѣлъ на кончикѣ стула, но только что онъ это сдѣлалъ, дверь скрипнула и всѣ оглянулись. Въ комнату торопливо вошла Наталья Савишна и, не поднимая глазъ, пріютилась около двери на одномъ стулѣ съ Фокой. Какъ теперь вижу я плѣшивую голову, морщинистое неподвижное лицо Фоки и сгорбленную добрую фигурку въ чепцѣ, изъ-подъ котораго виднѣются сѣдые волосы. Они жмутся на одномъ стулѣ и имъ обоимъ неловко.

Я продолжалъ быть беззаботенъ и нетерпѣливъ. Десять секундъ, которыя просидѣли съ закрытыми дверьми, показались мнѣ за цѣлый часъ. Наконецъ всѣ встали, перекрестились и стали прощаться. Папа обнялъ maman и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее.

— Полно, мой дружокъ,—сказалъ папа,—вѣдь не навѣкъ разстаемся.

— Все-таки грустно!—сказала maman дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

Когда я услыхалъ этотъ голосъ, увидалъ ея дрожащія губы и глаза, полные слезъ, я забылъ про все и мнѣ такъ стало грустно, больно и страшно, что хотѣлось бы лучше убѣжать, чѣмъ прощаться съ нею. Я понялъ въ эту минуту, что, обнимая отца, она уже прощалась съ нами.

Она столько разъ принималась цѣловать и крестить Володю, что—полагая, что она теперь обратится ко мнѣ,—я совался впередъ; но она еще и еще благословляла его и прижимала къ груди Наконецъ я обнялъ ее и, прильнувъ къ ней, плакалъ, ни о чемъ не думая, кромѣ своего горя.

Когда мы пошли садиться, въ передней приступила прощаться докучная дворня. Ихъ «пожалуйте ручку-съ», звучные поцѣлуи въ плечико и запахъ сала отъ ихъ головъ возбудили во мнѣ чувство, самое близкое къ отвращенію у людей раздражительныхъ. Подъ вліяніемъ этого чувства я чрезвычайно холодно поцѣловалъ въ чепецъ Наталью Савишну, когда она, вся въ слезахъ, прощалась со мною.

Странно то, что я какъ теперь вижу лица дворовыхъ и могъ бы нарисовать ихъ со всѣми мельчайшими подробностями, но лицо и положеніе maman рѣшительно ускользаютъ изъ моего воображенія: можетъ-быть, отъ того, что во все это время я ни разу не могъ собраться съ духомъ взглянуть на нее. Мнѣ казалось, что если бы я это сдѣлалъ, ея и моя горесть должны бы были дойти до невозможныхъ предѣловъ.

Я бросился прежде всѣхъ въ коляску и усѣлся на заднемъ мѣстѣ. За поднятымъ верхомъ я ничего не могъ видѣть, но какой-то инстинктъ говорилъ мнѣ, что maman еще здѣсь.

«Посмотрѣть ли на нее еще, или нѣтъ?.. Ну, въ послѣдній разъ!» сказалъ я самъ себѣ и высунулся изъ коляски къ крыльцу. Въ это время maman, съ тою же мыслью, подошла съ противоположной стороны коляски и позвала меня по имени. Услыхавъ ея голосъ сзади себя, я повернулся къ ней, но такъ быстро, что мы стукнулись головами; она грустно улыбнулась и крѣпко, крѣпко поцѣловала меня въ послѣдній разъ.

Когда мы отъѣхали нѣсколько саженъ, я рѣшился взглянуть на нее. Вѣтеръ поднималъ голубенькую косыночку, которою была повязана ея голова; опустивъ голову и закрывъ лицо руками, она медленно всходила на крыльцо.

Фока поддерживалъ ее.

Папа сидѣлъ со мной рядомъ и ничего не говорилъ; я же захлебывался отъ слезъ, и что-то такъ давило мнѣ въ горлѣ, что я боялся задохнуться... Выѣхавъ на большую дорогу, мы увидали бѣлый платокъ, которымъ кто-то махалъ съ балкона. Я сталъ махать своимъ, и это движеніе немного успокоило меня. Я продолжалъ плакать, и мысль, что слезы мои доказываютъ мою чувствительность, доставляла мнѣ удовольствіе и отраду.

Отъѣхавъ съ версту, я усѣлся поспокойнѣе и съ упорнымъ вниманіемъ сталъ смотрѣть на ближайшій предметъ передъ глазами — заднюю часть пристяжной, которая бѣжала съ моей стороны. Смотрѣлъ я, какъ махала хвостомъ эта пѣгая пристяжная, какъ забивала она одну ногу о другую, какъ доставалъ по ней плетеный кнутъ ямщика, и ноги начинали прыгать вмѣстѣ; смотрѣлъ, какъ прыгала на ней шлея и на шлеѣ кольца, и смотрѣлъ до тѣхъ поръ, покуда эта шлея покрылась около хвоста мыломъ. Я сталъ смотрѣть кругомъ: на волнующіяся поля спѣлой ржи, на темный паръ, на которомъ кое-гдѣ виднѣлись соха, мужикъ, лошадь съ жеребенкомъ, на верстовые столбы, заглянулъ даже на козлы, чтобы узнать, какой ямщикъ съ нами ѣдетъ; и еще лицо мое не просохло отъ слезъ, какъ мысли мои были далеко отъ матери, съ которой я разстался, можетъ-быть, навсегда. Но всякое воспоминаніе наводило меня на мысль о ней. Я вспомнилъ о грибѣ, который нашелъ наканунѣ въ березовой аллеѣ, вспомнилъ о томъ, какъ Любочка съ Катенькой поспорили—кому сорвать его, вспомнилъ и о томъ, какъ онѣ плакали, прощаясь съ нами.

Жалко ихъ! и Наталью Савишну жалко, и березовую аллею, и Фоку жалко! Даже злую Мими—и ту жалко. Все, все жалко! а бѣдную maman? И слезы опять навертывались на глаза, но не надолго.

XIII.

Дѣтство.

Счастливая, счастливая, невозвратная пора дѣтства! Какъ не любить, не лелѣять воспоминаній о ней? Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій.

Набѣгавшись досыта, сидишь, бывало, за чайнымъ столомъ на своемъ высокомъ креслицѣ; уже поздно, давно выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ, сонъ смыкаетъ глаза, но не трогаешься съ мѣста, сидишь и слушаешь. И какъ не слушать? maman говоритъ съ кѣмъ-нибудь, и звуки голоса ея такъ сладки, такъ привѣтливы. Одни звуки эти такъ много говорятъ моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ея лицо, и вдругъ она сдѣлалась вся маленькая, маленькая—лицо ея не больше пуговки; но оно мнѣ все такъ же ясно видно; вижу, какъ она взглянула на меня и какъ улыбнулась. Мнѣ нравится видѣть ее такой крошечной. Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается не больше тѣхъ мальчиковъ, которые бываютъ въ зрачкахъ; но я пошевелился—и очарованіе разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно.

Я встаю, съ ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснешь, Николенька,—говоритъ мнѣ maman:—ты бы лучше шелъ наверхъ.

— Я не хочу спать, мамаша,—отвѣтишь ей, и неясныя, но сладкія грезы наполняютъ воображеніе, здоровый дѣтскій сонъ смыкаетъ вѣки, и черезъ минуту забудешься и спишь до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ. Чувствуешь, бывало, впросонкахъ, что чья-то нѣжная рука трогаетъ тебя; по одному прикосновенію узнаешь ее и еще во снѣ невольно схватишь эту руку и крѣпко, крѣпко прижмешь ее къ губамъ.

Всѣ уже разошлись; одна свѣча горитъ въ гостиной; maman сказала, что она сама разбудитъ меня; это она присѣла на кресло, на которомъ я сплю, своей чудесной нѣжной ручкой провела по моимъ волосамъ, и надъ ухомъ моимъ звучитъ милый знакомый голосъ:

— Вставай, моя душечка: пора итти спать.

Ничьи равнодушные взоры не стѣсняютъ ее: она не боится излить на меня всю свою нѣжность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крѣпче цѣлую ея руку.

— Вставай же, мой ангелъ.

Она другой рукой беретъ меня за шею, и пальчики ея быстро шевелятся и щекотятъ меня. Въ комнатѣ тихо, полутемно; нервы мои возбуждены щекоткой и пробужденіемъ; мамаша сидитъ подлѣ

самого меня; она трогаетъ меня; я слышу ея запахъ и голосъ. Все это заставляетъ меня вскочить, обвить руками ея шею, прижаться къ ея груди и, задыхаясь, сказать:

— Ахъ, милая, милая мамаша, какъ я тебя люблю!—Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, беретъ обѣими руками мою голову, цѣлуетъ меня въ лобъ и кладетъ къ себѣ на колѣни.

— Такъ ты меня очень любишь?—Она молчитъ съ минуту, потомъ говоритъ:—Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будетъ твоей мамаши, ты не забудешь ее? не забудешь, Николенька?

Она еще нѣжнѣе цѣлуетъ меня.

— Полно! и не говори этого, голубчикъ мой, душечка моя!—вскрикиваю я, цѣлуя ея колѣни, и слезы ручьями льются изъ моихъ глазъ,—слезы любви и восторга.

Послѣ этого, какъ, бывало, придешь наверхъ и станешь предъ иконами въ своемъ ваточномъ халатцѣ, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: спаси, Господи, папеньку и маменьку. Повторяя молитвы, которыя въ первый разъ лепетали дѣтскія уста мои за любимою матерью, любовь къ ней и любовь къ Богу какъ-то странно сливались въ одно чувство.

Послѣ молитвы завернешься, бывало, въ одѣяльце; на душѣ легко, свѣтло и отрадно; однѣ мечты гонятъ другія, — но о чемъ онѣ? Онѣ неуловимы, но исполнены чистою любовью и надеждами на свѣтлое счастье. Вспомнишь, бывало, о Карлѣ Иванычѣ и его горькой участи — единственномъ человѣкѣ, котораго я зналъ несчастливымъ, — и такъ жалко станетъ, такъ полюбишь его, что слезы потекутъ изъ глазъ, и думаешь: дай Богъ ему счастія, дай мнѣ возможность помочь ему, облегчить его горе; я всѣмъ готовъ для него пожертвовать. Потомъ любимую фарфоровую игрушку—зайчика или собачку—уткнешь въ уголъ пуховой подушки и любуешься, какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолишься о томъ, чтобы далъ Богъ счастье всѣмъ, чтобы всѣ были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бокъ, мысли и мечты перепутаются, смѣшаются и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ.

Вернутся ли когда-нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ?

Какое время можетъ быть лучше того, когда двѣ лучшія добродѣтели — невинная веселость и безпредѣльная потребность въ любви — были единственными побужденіями въ жизни.

Гдѣ тѣ горячія молитвы? Гдѣ лучшій даръ — тѣ чистыя слезы умиленія? Прилеталъ ангелъ-утѣшитель, съ улыбкой утиралъ слезы эти и навѣвалъ сладкія грезы неиспорченному дѣтскому воображенію.

Неужели жизнь оставила такіе тяжелые слѣды въ моемъ сердцѣ, что навѣки отошли отъ меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминанія?

Л. Толстой.

Бабушкинъ садъ. *В. Д. Полѣновъ.*

Дѣтвора.

Папы, мамы и тети Нади нѣтъ дома. Они уѣхали на крестины къ тому старому офицеру, который ѣздитъ на маленькой сѣрой лошади. Въ ожиданіи ихъ возвращенія, Гриша, Аня, Алеша, Соня и кухаркинъ сынъ Андрей сидятъ въ столовой за обѣденнымъ столомъ и играютъ въ лото. Говоря по совѣсти, имъ пора уже спать; но развѣ можно уснуть, не узнавъ отъ мамы, какой на крестинахъ былъ ребеночекъ и что подавали за ужиномъ? Столъ, освѣщенный висячей лампой, пеститъ цифрами, орѣховой скорлупой, бумажками и стеклышками. Передъ каждымъ изъ играющихъ лежатъ по двѣ карты и по кучкѣ стеклышекъ для покрышки цифръ. Посреди стола бѣлѣетъ блюдечко съ пятью копеечными монетами. Возлѣ блюдечка недоѣденное яблоко, ножницы и тарелка, въ которую приказано класть орѣховую скорлупу. Играютъ дѣти на деньги. Ставка — копейка. Условіе: если кто смошенничаетъ, того немедленно вонъ. Въ столовой, кромѣ играющихъ, нѣтъ никого. Няня Агаѳья Ивановна сидитъ внизу въ кухнѣ и учитъ тамъ кухарку кроить, а старшій братъ Вася, ученикъ V класса, лежитъ въ гостиной на диванѣ и скучаетъ.

Играютъ съ азартомъ. Самый большой азартъ написанъ на лицѣ Гриши. Это маленькій, девятилѣтній мальчикъ съ догола стриженой головой, пухлыми щеками и съ жирными, какъ у негра, губами. Онъ уже учится въ приготовительномъ классѣ, а потому считается большимъ и самымъ умнымъ. Играетъ онъ исключительно изъ-за денегъ. Не будь на блюдечкѣ копеекъ, онъ давно бы уже спалъ. Его каріе глазки безпокойно и ревниво бѣгаютъ по картамъ партнеровъ. Страхъ, что онъ можетъ не выиграть, зависть и финансовыя соображенія, наполняющія его стриженую голову, не даютъ ему сидѣть покойно, сосредоточиться. Вертится онъ, какъ на иголкахъ. Выигравъ, онъ съ жадностью хватаетъ деньги и тотчасъ же прячетъ ихъ въ карманъ. Сестра его Аня, дѣвочка лѣтъ восьми, съ острымъ подбородкомъ и умными, блестящими глазами, тоже боится, чтобы кто-нибудь не выигралъ. Она краснѣетъ, блѣднѣетъ и зорко слѣдитъ за игроками. Копейки ее не интересуютъ. Счастье въ игрѣ для нея вопросъ самолюбія. Другая сестра, Соня, дѣвочка

шести лѣтъ, съ кудрявой головкой и съ цвѣтомъ лица, какъ бываетъ только у очень здоровыхъ дѣтей, у дорогихъ куколъ и на бонбоньеркахъ, играетъ въ лото ради процесса игры. По лицу ея разлито умиленіе. Кто бы ни выигралъ, она одинаково хохочетъ и хлопаетъ въ ладоши. Алеша, пухлый, шаровидный карапузикъ, пыхтитъ, сопитъ и пучитъ глаза на карты. У него ни корыстолюбія ни самолюбія. Не гоняютъ изъ-за стола, не укладываютъ спать — и на томъ спасибо. По виду онъ флегма, но въ душѣ порядочная бестія. Сѣлъ онъ не только для лото, сколько ради недоразумѣній, которыя неизбѣжны при игрѣ. Ужасно ему пріятно, если кто ударитъ или обругаетъ кого. Ему давно уже нужно кое-куда сбѣгать, но онъ не выходитъ изъ-за стола ни на минуту, боясь, чтобъ безъ него не похитили его стеклышекъ и копеекъ. Такъ какъ онъ знаетъ однѣ только единицы и тѣ числа, которыя оканчиваются нулями, то за него покрываетъ цифры Аня. Пятый партнеръ, кухаркинъ сынъ Андрей, черномазый, болѣзненный мальчикъ въ ситцевой рубашкѣ и съ мѣднымъ крестикомъ на груди, стоитъ неподвижно и мечтательно глядитъ на цифры. Къ выигрышу и къ чужимъ успѣхамъ онъ относится безучастно, потому что весь погруженъ въ ариѳметику игры, въ ея несложную философію: сколько на этомъ свѣтѣ разныхъ цифръ, и какъ это онѣ не перепутаются!

Выкрикиваютъ числа всѣ по очереди, кромѣ Сони и Алеши. Въ виду однообразія чиселъ, практика выработала много терминовъ и смѣхотворныхъ прозвищъ. Такъ, семь у игроковъ называется кочережкой, одиннадцать — палочками, семьдесятъ семь — Семенъ Семенычемъ, девяносто — дѣдушкой и т. д. Игра идетъ бойко.

— Тридцать два! — кричитъ Гриша, вытаскивая изъ отцовской шапки желтые цилиндрики. — Семнадцать! Кочережка! Двадцать восемь — сѣно косимъ!

Аня видитъ, что Андрей прозѣвалъ 28. Въ другое время она указала бы ему на это; теперь же, когда на блюдечкѣ вмѣстѣ съ копейкой лежитъ ея самолюбіе, она торжествуетъ.

— Двадцать три! — продолжаетъ Гриша. — Семенъ Семенычъ! Девять!

— Прусакъ, прусакъ! — вскрикиваетъ Соня, указывая на прусака, бѣгущаго черезъ столъ. — Ай!

— Не бей его, — говоритъ басомъ Алеша. — У него, можетъ-быть, есть дѣти...

Соня провожаетъ глазами прусака и думаетъ о его дѣтяхъ: какіе это, должно-быть, маленькіе прусачата!

— Сорокъ три! Одинъ! — продолжаетъ Гриша, страдая отъ мысли, что у Ани уже двѣ катерны. — Шесть!

— Партія! У меня партія! — кричитъ Соня, кокетливо закатывая глаза и хохоча.

У партнеровъ вытягиваются физіономіи.

— Провѣрить! — говоритъ Гриша, съ ненавистью глядя на Соню.

На правахъ большого и самаго умнаго Гриша забралъ себѣ рѣшающій голосъ. Что онъ хочетъ, то и дѣлаетъ. Долго и тщательно провѣряютъ Соню, и, къ великому сожалѣнію ея партнеровъ, оказывается, что она не смошенничала. Начинается слѣдующая партія.

— А что я вчера видѣла! — говоритъ Аня, какъ бы про себя. — Филиппъ Филиппычъ заворотилъ какъ-то вѣки, и у него сдѣлались глаза красные, страшные, какъ у нечистаго духа.

— Я тоже видѣлъ, — говоритъ Гриша. — Восемь! А у насъ ученикъ умѣетъ ушами двигать. Двадцать семь!

Андрей поднимаетъ глаза на Гришу, думаетъ и говоритъ:

— И я умѣю ушами шевелить...

— А ну-ка, пошевели!

Андрей шевелитъ глазами, губами и пальцами, и ему кажется, что его уши приходятъ въ движеніе. Всеобщій смѣхъ.

— Партія! — вскрикиваетъ вдругъ Гриша, хватая съ блюдечка деньги. — У меня партія! Провѣряйте, если хотите!

Кухаркинъ сынъ поднимаетъ глаза и блѣднѣетъ.

— Мнѣ, значитъ, ужъ больше нельзя играть, — шепчетъ онъ

— Почему?

— Потому что... потому что у меня больше денегъ нѣтъ.

— Безъ денегъ нельзя! — говоритъ Гриша.

Андрей на всякій случай еще разъ роется въ карманахъ. Не найдя въ нихъ ничего, кромѣ крошекъ и искусаннаго карандашика, онъ кривитъ ротъ и начинаетъ страдальчески мигать глазами. Сейчасъ онъ заплачетъ...

— Я за тебя поставлю! — говоритъ Соня, не вынося его мученическаго взгляда. — Только смотри, отдашь послѣ.

Деньги вносятся, и игра продолжается.

— Кажется, гдѣ-то звонятъ,—говоритъ Аня, дѣлая большіе глаза.

Всѣ перестаютъ играть и, раскрывъ рты, глядятъ на темное окно. За темнотой мелькаетъ отраженіе лампы.

— Это послышалось.

— Ночью только на кладбищѣ звонятъ...—говоритъ Андрей.

— А зачѣмъ тамъ звонятъ?

— Чтобъ разбойники въ церковь не забрались. Звона они боятся.

— А для чего разбойникамъ въ церковь забираться?—спрашиваетъ Соня.

— Извѣстно для чего: сторожей поубивать!

Проходитъ минута молчанія. Всѣ переглядываются, вздрагиваютъ и продолжаютъ игру. На этотъ разъ выигрываетъ Андрей.

— Онъ смошенничалъ,—баситъ ни съ того ни съ сего Алеша.

— Врешь, я не смошенничалъ!

Андрей блѣднѣетъ, кривитъ ротъ и хлопъ Алешу по головѣ! Алеша злобно таращитъ глаза, вскакиваетъ, становится однимъ колѣномъ на столъ и, въ свою очередь,—хлопъ Андрея по щекѣ! Оба даютъ другъ другу еще по одной пощечинѣ и ревутъ. Соня, не выносящая такихъ ужасовъ, тоже начинаетъ плакать, и столовая оглашается разноголосымъ ревомъ. Но не думайте, что игра отъ этого кончилась. Не проходитъ и пяти минутъ, какъ дѣти опять хохочутъ и мирно бесѣдуютъ. Лица заплаканы, но это не мѣшаетъ имъ улыбаться. Алеша даже счастливъ: недоразумѣніе было!

Въ столовую входитъ Вася, ученикъ V класса. Видъ у него заспанный, разочарованный.

«Это возмутительно!—думаетъ онъ, глядя, какъ Гриша ощупываетъ карманъ, въ которомъ звякаютъ копейки.—Развѣ можно давать дѣтямъ деньги? И развѣ можно позволять имъ играть въ азартныя игры? Хороша педагогія, нечего сказать. Возмутительно».

Но дѣти играютъ такъ вкусно, что и у него самого является охота присосѣдиться къ нимъ и попытать счастья.

— Погодите, и я сяду играть,—говоритъ онъ.

— Ставь копейку!

— Сейчасъ,—говоритъ онъ, роясь въ карманахъ.—У меня копейки нѣтъ, но вотъ есть рубль. Я ставлю рубль.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... копейку ставь!

— Дураки вы. Вѣдь рубль во всякомъ случаѣ дороже копейки,—объясняетъ гимназистъ.—Кто выиграетъ, тотъ мнѣ сдачи дастъ.

— Нѣтъ, пожалуйста! Уходи!

Ученикъ V класса пожимаетъ плечами и идетъ въ кухню взять у прислуги мелочи. Въ кухнѣ не оказывается ни копейки.

— Въ такомъ случаѣ размѣняй мнѣ,—пристаетъ онъ къ Гришѣ, придя изъ кухни.— Я тебѣ промѣнъ заплачу. Не хочешь? Ну, продай мнѣ за рубль десятокъ копеекъ.

Гриша подозрительно косится на Васю: не подлогъ ли это какой-нибудь, не жульничество ли?

— Не хочу,—говоритъ онъ, держась за карманъ.

Вася начинаетъ выходить изъ себя, браниться, называя игроковъ болванами и чугунными мозгами.

— Вася, да я за тебя поставлю!—говоритъ Соня.—Садись!

Гимназистъ садится и кладетъ передъ собой двѣ карты. Аня начинаетъ читать числа.

— Копейку уронилъ!—заявляетъ вдругъ Гриша взволнованнымъ голосомъ.—Постойте!

Снимаютъ лампу и лѣзутъ подъ столъ искать копейку. Хватаютъ руками плевки, орѣховую скорлупу, стукаются головами, но копейки не находятъ. Начинаютъ искать снова и ищутъ до тѣхъ поръ, пока Вася не вырываетъ изъ рукъ Гриши лампу и не ставитъ ее на мѣсто. Гриша продолжаетъ искать впотемкахъ.

Но вотъ, наконецъ, копейка найдена. Игроки садятся за столъ и хотятъ продолжать игру.

— Соня спитъ!—заявляетъ Алеша.

Соня, положивъ кудрявую головку на руки, спитъ сладко, безмятежно и крѣпко, словно она уснула часъ тому назадъ. Уснула она нечаянно, пока другіе искали копейку.

— Поди, на мамину постель ложись!—говоритъ Аня, уводя ее изъ столовой.—Иди!

Ее ведутъ всѣ гурьбой, и черезъ какія-нибудь пять минутъ мамина постель представляетъ собой любопытное зрѣлище. Спитъ Соня. Возлѣ нея похрапываетъ Алеша. Положивъ на нихъ ноги головы, спятъ Гриша и Аня. Тутъ же кстати заодно примостился и кухаркинъ сынъ Андрей. Возлѣ нихъ валяются копейки, потерявшія свою силу впредь до новой игры. Спокойной ночи!

А. Чеховъ.

Мальчики.

— Володя пріѣхалъ! — крикнулъ кто-то на дворѣ.

— Володечка пріѣхали!—завопила Наталья, вбѣгая въ столовую. — Ахъ, Боже мой!

Вся семья Королевыхъ, съ часу на часъ поджидавшая своего Володю, бросилась къ окнамъ. У подъѣзда стояли широкія розвальни, и отъ тройки бѣлыхъ лошадей шелъ густой туманъ. Сани были пусты, потому что Володя уже стоялъ въ сѣняхъ и красными, озябшими пальцами развязывалъ башлыкъ. Его гимназическое пальто, фуражка, калоши и волосы на вискахъ были покрыты инеемъ, и весь онъ отъ головы до ногъ издавалъ такой вкусный морозный запахъ, что, глядя на него, хотѣлось озябнуть и сказать: «бррр!» Мать и тетка бросились обнимать и цѣловать его, Наталья повалилась къ его ногамъ и начала стаскивать съ него валенки, сестры подняли визгъ, двери скрипѣли, хлопали, а отецъ Володи въ одной жилеткѣ и съ ножницами въ рукахъ вбѣжалъ въ переднюю и закричалъ испуганно:

— А мы тебя еще вчера ждали! Хорошо доѣхалъ? Благополучно? Господи Боже мой, да дайте же ему съ отцомъ поздороваться! Что я не отецъ, что ли?

— Гавъ! гавъ! — ревѣлъ басомъ Милордъ, огромный черный песъ, стуча хвостомъ по стѣнамъ и по мебели.

Все смѣшалось въ одинъ сплошной, радостный звукъ, продолжавшійся минуты двѣ. Когда первый порывъ радости прошелъ, Королевы замѣтили, что, кромѣ Володи, въ передней находился еще одинъ маленькій человѣкъ, окутанный въ платки, шали и башлыки и покрытый инеемъ; онъ неподвижно стоялъ въ углу, въ тѣни, бросаемой большой лисьей шубой.

— Володечка, а это кто же?—спросила шопотомъ мать.

— Ахъ!—спохватился Володя.—Это, честь имѣю представить, мой товарищъ Чечевицынъ, ученикъ второго класса... Я привезъ его съ собой погостить у насъ.

— Очень пріятно, милости просимъ! — сказалъ радостно отецъ. — Извините, я по-домашнему, безъ сюртука... Пожалуйте! Наталья, помоги господину Чечевицыну раздѣться! Господи Боже мой, да прогоните эту собаку! Это наказаніе!

Немного погодя, Володя и его другъ Чечевицынъ, ошеломленные шумной встрѣчей и все еще розовые отъ холода, сидѣли за столомъ и пили чай. Зимнее солнышко, проникая сквозь снѣгъ и узоры на окнахъ, дрожало на самоварѣ и купало свои чистые лучи въ полоскательной чашкѣ. Въ комнатѣ было тепло, и мальчики чувствовали, какъ въ ихъ озябшихъ тѣлахъ, не желая уступать другъ другу, щекотались тепло и морозъ.

— Ну, вотъ скоро и Рождество! — говорилъ нараспѣвъ отецъ, крутя изъ темно-рыжаго табаку папироску.—А давно ли было лѣто, и мать плакала, тебя провожаючи? Анъ ты и пріѣхалъ... Время, братъ, идетъ быстро! Ахнуть не успѣешь, какъ старость пріидетъ. Господинъ Чечевицынъ, кушайте, прошу васъ, не стѣсняйтесь! У насъ попросту.

Три сестры Володи, Катя, Соня и Маша—самой старшей изъ нихъ было одиннадцать лѣтъ,—сидѣли за столомъ и не отрывали глазъ отъ новаго знакомаго. Чечевицынъ былъ такого же возраста и роста, какъ Володя, но не такъ пухлъ и бѣлъ, а худъ, смуглъ, покрытъ веснушками. Волосы у него были щетинистые, глаза узенькіе, губы толстыя, вообще онъ былъ очень некрасивъ, и если бы на немъ не было гимназической куртки, то по наружности его можно было бы принять за кухаркина сына. Онъ былъ угрюмъ, все время молчалъ и ни разу не улыбнулся. Дѣвочки, глядя на него, сразу сообразили, что это, должно-быть, очень умный и ученый человѣкъ. Онъ о чемъ-то все время думалъ и такъ былъ занятъ своими мыслями, что когда его спрашивали о чемъ-нибудь, то онъ вздрагивалъ, встряхивалъ головой и просилъ повторить вопросъ.

Дѣвочки замѣтили, что и Володя, всегда веселый и разговорчивый, на этотъ разъ говорилъ мало, вовсе не улыбался и какъ будто даже не радъ былъ тому, что пріѣхалъ домой. Пока сидѣли за чаемъ, онъ обратился къ сестрамъ только разъ, да и то съ какими-то странными словами. Онъ указалъ пальцемъ на самоваръ и сказалъ:

— А въ Калифорніи, вмѣсто чаю, пьютъ джинъ.

Онъ тоже былъ занятъ какими-то мыслями и, судя по тѣмъ взглядамъ, какими онъ изрѣдка обмѣнивался съ другомъ своимъ Чечевицынымъ, мысли у мальчиковъ были общія.

Послѣ чаю всѣ пошли въ дѣтскую. Отецъ и дѣвочки сѣли за столъ и занялись работой, которая была прервана пріѣздомъ мальчиковъ. Они дѣлали изъ разноцвѣтной бумаги цвѣты и

бахрому для елки. Это была увлекательная и шумная работа. Каждый вновь сдѣланный цвѣтокъ дѣвочки встрѣчали восторженными криками, даже криками ужаса, точно этотъ цвѣтокъ падалъ съ неба; папаша тоже восхищался и изрѣдка бросалъ ножницы на полъ, сердясь на нихъ за то, что онѣ тупы.

Въ предыдущіе свои пріѣзды Володя тоже занимался приготовленіями для елки или бѣгалъ на дворъ поглядѣть, какъ кучеръ и пастухъ дѣлали снѣговую гору, но теперь онъ и Чечевицынъ не обратили никакого вниманія на разноцвѣтную бумагу и ни разу даже не побывали въ конюшнѣ, а сѣли у окна и стали о чемъ-то шептаться; потомъ они оба вмѣстѣ раскрыли географическій атласъ и стали разсматривать какую-то карту.

— Сначала въ Пермь...—тихо говорилъ Чечевицынъ... — Оттуда въ Тюмень... потомъ въ Томскъ... потомъ... потомъ... въ Камчатку. Отсюда самоѣды перевезутъ на лодкахъ черезъ Берингов проливъ... Вотъ тебѣ и Америка... Тутъ много пушныхъ звѣрей.

— А Калифорнія?—спросилъ Володя.

— Калифорнія ниже... Лишь бы въ Америку попасть, а Калифорнія не за горами. Добывать же себѣ пропитаніе можно охотой и грабежомъ.

Чечевицынъ весь день сторонился дѣвочекъ и глядѣлъ на нихъ исподлобья. Послѣ вечерняго чая случилось, что его минутъ на пять оставили одного съ дѣвочками. Неловко было молчать. Онъ сурово кашлянулъ, потеръ правой ладонью лѣвую руку, поглядѣлъ угрюмо на Катю и спросилъ:

— Вы читали Майнъ-Рида?

— Нѣтъ, не читала... Послушайте, вы умѣете на конькахъ кататься?

Погруженный въ свои мысли, Чечевицынъ ничего не отвѣтилъ на этотъ вопросъ, а только сильно надулъ щеки и сдѣлалъ такой вздохъ, какъ будто ему было очень жарко. Онъ еще разъ поднялъ глаза на Катю и сказалъ:

— Когда стадо бизоновъ бѣжитъ черезъ пампасы, то дрожитъ земля, а въ это время мустанги, испугавшись, брыкаются и ржутъ.

Чечевицынъ грустно улыбнулся и добавилъ:

— А также индѣйцы нападаютъ на поѣзда. Но хуже всего это москиты и термиты.

— А что это такое?

— Это въ родѣ муравчиковъ, только съ крыльями. Очень сильно кусаются. Знаете, кто я?

— Господинъ Чечевицынъ.

— Нѣтъ. Я Монтигомо, Ястребиный Коготь, вождь непобѣдимыхъ.

Маша, самая маленькая дѣвочка, поглядѣла на него, потомъ на окно, за которымъ уже наступалъ вечеръ, и сказала въ раздумьи:

— А у насъ чечевицу вчера готовили.

Совершенно непонятныя слова Чечевицына и то, что онъ постоянно шептался съ Володей, и то, что Володя не игралъ, а все думалъ о чемъ-то,—все это было загадочно и странно.

И обѣ старшія дѣвочки, Катя и Соня, стали зорко слѣдить за мальчиками. Вечеромъ, когда мальчики ложились, дѣвочки подкрались къ двери и подслушали ихъ разговоръ.

О, что онѣ узнали! Мальчики собирались бѣжать куда-то въ Америку добывать золото; у нихъ для дороги было уже все готово, пистолетъ, два ножа, сухари, увеличительное стекло для добыванія огня, компасъ и четыре рубля денегъ. Онѣ узнали, что мальчикамъ придется пройти пѣшкомъ нѣсколько тысячъ верстъ, а по дорогѣ сражаться съ тиграми и дикарями, потомъ добывать золото и слоновую кость, убивать враговъ, поступать въ морскіе разбойники, пить джинъ и, въ концѣ-концовъ, жениться на красавицахъ и обрабатывать плантаціи. Володя и Чечевицынъ говорили и въ увлеченіи перебивали другъ друга. Себя Чечевицынъ называлъ при этомъ такъ: «Монтигомо, Ястребиный Коготь», а Володю — «блѣднолицый братъ мой».

— Ты смотри же, не говори мамѣ,—сказала Катя Сонѣ, отправляясь съ ней спать.—Володя привезетъ намъ изъ Америки золота и слоновой кости, а если ты скажешь мамѣ, то его не пустятъ.

Наканунѣ сочельника Чечевицынъ цѣлый день разсматривалъ карту Азіи и что-то записывалъ, а Володя, томный, пухлый, какъ укушенный пчелой, угрюмо ходилъ по комнатамъ и ничего не ѣлъ.

И разъ даже въ дѣтской онъ остановился передъ иконой, перекрестился и сказалъ:

— Господи, прости меня грѣшнаго! Господи, сохрани мою бѣдную, несчастную маму!

Къ вечеру онъ расплакался. Идя спать, онъ долго обнималъ отца, мать и сестеръ.

Катя и Соня понимали, въ чемъ тутъ дѣло, а младшая, Маша, ничего не понимала, рѣшительно ничего, и только при взглядѣ на Чечевицына задумывалась и говорила со вздохомъ:

— Когда постъ, мама говоритъ, надо кушать горохъ и чечевицу.

Рано утромъ въ сочельникъ Катя и Соня тихо поднялись съ постели и пошли подсмотрѣть, какъ мальчики будутъ бѣжать въ Америку. Подкрались къ двери.

— Так ты не поѣдешь? — сердито спрашивалъ Чечевицынъ. — Говори: не поѣдешь?

— Господи, — тихо плакалъ Володя. — Какъ же я поѣду? Мнѣ маму жалко.

— Блѣднолицый братъ мой, я прошу тебя, поѣдемъ! Ты же увѣрялъ, что поѣдешь, самъ меня сманилъ, а какъ ѣхать, такъ вотъ и струсилъ.

— Я... я не струсилъ, а мнѣ... мнѣ маму жалко.

— Ты говори: поѣдешь или нѣтъ?

— Я поѣду, только... только погоди. Мнѣ хочется дома пожить.

— Въ такомъ случаѣ, я самъ поѣду! — рѣшилъ Чечевицынъ. — И безъ тебя обойдусь. А еще тоже хотѣлъ охотиться на тигровъ, сражаться! Когда такъ, отдай же мои пистоны!

Володя заплакалъ такъ горько, что сестры не выдержали и тоже тихо заплакали. Наступила тишина.

— Такъ ты не поѣдешь? — еще разъ спросилъ Чечевицынъ.

— По... поѣду.

— Такъ одѣвайся!

И Чечевицынъ, чтобы уговорить Володю, хвалилъ Америку, рычалъ, какъ тигръ, изображалъ пароходъ, бранился, обѣщалъ отдать Володѣ всю слоновую кость и всѣ львиныя и тигровыя шкуры.

И этотъ худенькій, смуглый мальчикъ со щетинистыми волосами и веснушками, казался дѣвочкамъ необыкновенно замѣчательнымъ. Это былъ герой, рѣшительный, неустрашимый человѣкъ, и рычалъ онъ такъ, что, стоя за дверями, въ самомъ дѣлѣ можно было подумать, что это тигръ или левъ.

Когда дѣвочки вернулись къ себѣ и одѣвались, Катя съ глазами, полными слезъ, сказала:

— Ахъ, мнѣ такъ страшно!

До двухъ часовъ, когда сѣли обѣдать, все было тихо, но за обѣдомъ вдругъ оказалось, что мальчиковъ нѣтъ дома. Послали въ людскую, въ конюшню, во флигель къ приказчику — тамъ ихъ не было. Послали въ деревню — и тамъ не нашли. И чай потомъ пили тоже безъ мальчиковъ, а когда садились ужинать, мамаша очень безпокоилась, даже плакала. А ночью опять ходили въ деревню, искали, ходили съ фонарями на рѣчку. Боже, какая поднялась суматоха!

На другой день пріѣзжалъ урядникъ, писалъ въ столовой какую-то бумагу. Мамаша плакала.

Но вотъ у крыльца остановились розвальни, и отъ тройки бѣлыхъ лошадей валилъ паръ.

— Володя пріѣхалъ! — крикнулъ кто-то на дворѣ.

И Милордъ залаялъ басомъ: «гавъ! гавъ!»

Оказалось, что мальчиковъ задержали въ городѣ, въ Гостиномъ дворѣ (тамъ они ходили и все спрашивали, гдѣ продается порохъ). Володя, какъ вошелъ въ переднюю, такъ и зарыдалъ и бросился къ матери на шею. Дѣвочки, дрожа, съ ужасомъ думали о томъ, что теперь будетъ, слышали, какъ папаша повелъ Володю и Чечевицына къ себѣ въ кабинетъ и долго тамъ говорилъ съ ними; и мамаша тоже говорила и плакала.

— Развѣ это такъ можно? — убѣждалъ папаша. — Не дай Богъ, узнаютъ въ гимназіи, васъ исключатъ. А вамъ стыдно, господинъ Чечевицынъ! Не хорошо-съ! Вы зачинщикъ, и, надѣюсь, вы будете наказаны вашими родителями. Развѣ это такъ можно?

— Вы гдѣ ночевали?

— На вокзалѣ! — гордо отвѣтилъ Чечевицынъ.

Володя потомъ лежалъ, и ему къ головѣ прикладывали полотенце, смоченное въ уксусѣ. Послали куда-то телеграмму, и на другой день пріѣхала дама, мать Чечевицына, и увезла своего сына.

Когда уѣзжалъ Чечевицынъ, то лицо у него было суровое, надменное, и, прощаясь съ дѣвочками, онъ не сказалъ ни одного слова; только взялъ у Кати тетрадку и написалъ въ знакъ памяти: «Монтигомо, Ястребиный Коготь».

А. Чеховъ.

Ванька.

Ванька Жуковъ, девятилѣтній мальчикъ, отданный три мѣсяца тому назадъ въ ученье къ сапожнику Аляхину, въ ночь подъ Рождество не ложился спать. Дождавшись, когда хозяева и подмастерья ушли къ заутренѣ, онъ досталъ изъ хозяйскаго шкапа пузырекъ съ чернилами, ручку съ заржавленнымъ перомъ и, разложивъ передъ собой измятый листъ бумаги, сталъ писать. Прежде чѣмъ вывести первую букву, онъ нѣсколько разъ пугливо оглянулся на двери и окна, покосился на темный образъ, по обѣ стороны котораго тянулись полки съ колодками, и прерывисто вздохнулъ. Бумага лежала на скамьѣ, а самъ онъ стоялъ передъ скамьей на колѣняхъ.

«Милый дѣдушка, Константинъ Макарычъ! — писалъ онъ. — Я пишу тебѣ письмо. Поздравляю васъ съ Рождествомъ и желаю тебѣ всего отъ Господа Бога. Нѣту у меня ни отца ни маменьки, только ты у меня одинъ остался».

Ванька перевелъ глаза на темное окно, въ которомъ мелькало отраженіе его свѣчки, и живо вообразилъ себѣ своего дѣда Константина Макарыча, служащаго ночнымъ сторожемъ у господъ Живаревыхъ. Это маленькій, тощенькій, но необыкновенно юркій и подвижной старикашка лѣтъ 65-ти, съ вѣчно смѣющимся лицомъ и пьяными глазами. Днемъ онъ спитъ въ людской кухнѣ или балагуритъ съ кухарками, ночью же, окутанный въ просторный тулупъ, ходитъ вокругъ усадьбы и стучитъ въ свою колотушку. За нимъ, опустивъ головы, шагаютъ старая Каштанка и кобелекъ Вьюнъ, прозванный такъ за свой черный цвѣтъ и тѣло длинное, какъ у ласки. Этотъ Вьюнъ необыкновенно почтителенъ и ласковъ, одинаково умильно смотритъ какъ на своихъ, такъ и на чужихъ, но кредитомъ не пользуется. Подъ его почтительностью и смиреніемъ скрывается самое іезуитское ехидство. Никто лучше его не умѣетъ во-время подкрасться и цапнуть за ногу, забраться въ ледникъ или украсть у мужика курицу. Ему ужъ не разъ отбивали заднія ноги, раза два его вѣшали, каждую недѣлю пороли до полусмерти, но онъ всегда оживалъ.

Теперь, навѣрно, дѣдъ стоитъ у воротъ, щуритъ глаза на ярко-красныя окна деревенской церкви и, притопывая валеп-

ками, балагуритъ съ дворней. Колотушка его подвязана къ поясу. Онъ всплескиваетъ руками, пожимается отъ холода и старчески хихикаетъ...

— Табачку нешто намъ понюхать? — говоритъ онъ, подставляя бабамъ свою табакерку.

Бабы нюхаютъ и чихаютъ. Дѣдъ приходитъ въ неописанный восторгъ, заливается веселымъ смѣхомъ и кричитъ:

— Отдирай, примерзло!

Даютъ понюхать табаку и собакамъ. Каштанка чихаетъ, крутитъ мордой и, обиженная, отходитъ въ сторону. Вьюнъ же изъ почтительности не чихаетъ и вертитъ хвостомъ. А погода великолѣпная. Воздухъ тихъ, прозраченъ и свѣжъ. Ночь темна, но видно всю деревню съ ея бѣлыми крышами и струйками дыма, идущими изъ трубъ, деревья, посеребренныя инеемъ, сугробы. Все небо усыпано весело мигающими звѣздами, и млечный путь вырисовывается такъ ясно, какъ будто его передъ праздникомъ помыли и потерли снѣгомъ...

Ванька вздохнулъ, умокнулъ перо и продолжалъ писать:

«А вчерась мнѣ была выволочка. Хозяинъ выволокъ меня за волосья на дворъ и отчесалъ шпандыремъ за то, что я качалъ ихняго ребятенка въ люлькѣ и по нечаянности заснулъ. А на недѣлѣ хозяйка велѣла мнѣ почистить селедку, а я началъ съ хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня въ харю тыкать. Подмастерья надо мной насмѣхаются, посылаютъ въ кабакъ за водкой и велятъ красть у хозяевъ огурцы, а хозяинъ бьетъ чѣмъ попадя. А ѣды нѣту никакой. Утромъ даютъ хлѣба, въ обѣдъ каши и къ вечеру тоже хлѣба, а чтобъ чаю или щей, то хозяева сами трескаютъ. А спать мнѣ велятъ въ сѣняхъ, когда ребятенокъ ихній плачетъ, я вовсе не сплю, а качаю люльку. Милый дѣдушка, сдѣлай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нѣту никакой моей возможности... Кланяюсь тебѣ въ ножки и буду вѣчно Бога молить, увези меня отсюда, а то помру»..

Ванька покривилъ ротъ, потеръ своимъ чернымъ кулакомъ глаза и всхлипнулъ.

«Я буду тебѣ табакъ тереть, — продолжалъ онъ, — Богу молиться, а если что, то сѣки меня, какъ сидорову козу. А ежели думаешь, должности мнѣ нѣту, то я Христа-ради попрошусь къ приказчику сапоги чистить, али замѣсто Ѳедьки въ подпаски пойду. Дѣдушка милый, нѣту никакой возможности, просто

смерть одна. Хотѣлъ было пѣшкомъ на деревню бѣжать, да сапоговъ нѣту, морозу боюсь. А когда выросту большой, то за это самое буду тебя кормить и въ обиду никому не дамъ, а помрешь, стану за упокой души молить, все равно какъ за мамку Пелагею.

«А Москва городъ большой. Дома все господскіе, и лошадей много, а овецъ нѣту, и собаки не злыя. Со звѣздой тутъ ребята не ходятъ, и на клиросъ пѣть никого не пущаютъ, а разъ я видалъ въ одной лавкѣ на окнѣ крючки продаются прямо съ леской и на всякую рыбу, очень стоящіе, даже такой есть одинъ крючокъ, что пудового сома удержитъ. И видалъ которыя лавки, гдѣ ружья всякія на манеръ бариновыхъ, такъ что, небось, рублей сто кажное... А въ мясныхъ лавкахъ и тетерева, и рябцы, и зайцы, а въ которомъ мѣстѣ ихъ стрѣляютъ, про то сидѣльцы не сказываютъ.

«Милый дѣдушка, а когда у господъ будетъ елка съ гостинцами, возьми мнѣ золоченый орѣхъ и въ зеленый сундучокъ спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатьевны, скажи, для Ваньки».

Ванька судорожно вздохнулъ и опять уставился на окно. Онъ вспомнилъ, что за елкой для господъ всегда ходилъ въ лѣсъ дѣдъ и бралъ съ собою внука. Веселое было время! И дѣдъ крякалъ, и морозъ крякалъ, а глядя на нихъ, и Ванька крякалъ. Бывало, прежде чѣмъ вырубить елку, дѣдъ выкуриваетъ трубку, долго нюхаетъ табакъ, посмѣивается надъ озябшимъ Ванюшкой... Молодыя елки, окутанныя инеемъ, стоятъ неподвижно и ждутъ, которой изъ нихъ помирать. Откуда ни возьмись, по сугробамъ летитъ стрѣлой заяцъ... Дѣдъ не можетъ, чтобъ не крикнуть:

— Держи, держи... держи! Ахъ, куцый дьяволъ!

Срубленную елку дѣдъ тащилъ въ господскій домъ, а тамъ принимались убирать ее... Больше всѣхъ хлопотала барышня Ольга Игнатьевна, любимица Ваньки. Когда еще была жива Ванькина мать Пелагея и служила у господъ въ горничныхъ, Ольга Игнатьевна кормила Ваньку леденцами и отъ нечего дѣлать выучила его читать, писать, считать до ста и даже танцовать кадриль. Когда же Пелагея умерла, сироту Ваньку спровадили въ людскую кухню къ дѣду, а изъ кухни въ Москву къ сапожнику Аляхину...

«Пріѣзжай, милый дѣдушка, — продолжалъ Ванька, — Христомъ Богомъ тебя молю, возьми меня отседа. Пожалѣй ты

Свиданіе. *В. Е. Маковскій.*

меня, сиротку несчастную, а то меня всѣ колотятъ и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, все плачу. А намедни хозяинъ колодкой по головѣ ударилъ, такъ что упалъ и насилу очухался. Пропащая моя жизнь, хуже собаки всякой... А еще кланяюсь Аленѣ, кривому Егоркѣ и кучеру, а гармонію мою никому не отдавай. Остаюсь твой внукъ Иванъ Жуковъ, милый дѣдушка пріѣзжай».

Ванька свернулъ вчетверо исписанный листъ и вложилъ его въ конвертъ, купленный наканунѣ за копейку... Подумавъ немного, онъ умокнулъ перо и написалъ адресъ:

На деревню дѣдушкѣ.

Потомъ почесался, подумалъ и прибавилъ: «Константину Макарычу». Довольный тѣмъ, что ему не помѣшали писать, онъ надѣлъ шапку и, не набрасывая на себя шубейки, прямо въ рубахѣ выбѣжалъ на улицу...

Сидѣльцы изъ мясной лавки, которыхъ онъ разспрашивалъ наканунѣ, сказали ему, что письма опускаются въ почтовые ящики, а изъ ящиковъ развозятся по всей землѣ на почтовыхъ тройкахъ съ пьяными ямщиками и звонкими колокольцами. Ванька добѣжалъ до перваго почтоваго ящика и сунулъ драгоцѣнное письмо въ щель...

Убаюканный сладкими надеждами, онъ, часъ спустя, крѣпко спалъ... Ему снилась печка. На печи сидитъ дѣдъ, свѣсивъ босыя ноги, и читаетъ письмо кухаркамъ... Около печи ходитъ Вьюнъ и вертитъ хвостомъ...

А. Чеховъ.

Ягоды.

Были жаркіе, безвѣтренные іюньскіе дни. Листъ въ лѣсу сочень, густъ и зеленъ; только кое-гдѣ срываются пожелтѣвшіе березовые и липовые листы. Кусты шиповника осыпаны душистыми цвѣтами; въ лѣсныхъ лугахъ сплошной медовый клеверъ; рожь густая, рослая, темнѣетъ и волнуется, до половины налилась. Въ низахъ перекликаются коростели; въ овсахъ и ржахъ то хрипятъ, то щелкаютъ перепела; соловей въ лѣсахъ только изрѣдка сдѣлаетъ колѣно и замолкнетъ. Сухой жаръ печетъ. По дорогамъ лежитъ неподвижно на палецъ сухая пыль

и поднимается густымъ облакомъ, уносимымъ то вправо, то влѣво случайнымъ слабымъ дуновеніемъ.

Крестьяне додѣлываютъ постройки, возятъ навозъ. Скотина голодаетъ на высохшемъ пару, ожидая атавы. Коровы и телята зыкаютъ съ поднятыми крючковато хвостами, бѣгаютъ отъ пастуховъ со стойла. Ребята стерегутъ лошадей по дорогамъ и обрѣзамъ. Бабы таскаютъ изъ лѣсу мѣшки травы; дѣвки и дѣвочки вперегонку другъ за другомъ ползаютъ между кустовъ по срубленному лѣсу, собирая ягоды, и носятъ продавать дачникамъ.

Дачники, въ разукрашенныхъ, архитектурно вычурныхъ лѣтнихъ домикахъ, или гуляютъ подъ зонтиками въ легкихъ, чистыхъ, дорогихъ одеждахъ по усыпаннымъ пескомъ дорожкамъ, или сидятъ въ тѣни деревъ, бесѣдокъ, украшенныхъ столиковъ и, томясь отъ жары, пьютъ чай или прохладительные напитки.

Въ сосѣдней деревнѣ въ это самое время возвращались изъ ночного мужики и ребята. Нѣкоторые были на одной, у нѣкоторыхъ были лошади въ поводу и позади бѣжали стригуны и двухлѣтки.

Тараска Рѣзуновъ, малый лѣтъ 12, въ полушубкѣ, по босой, въ картузѣ, на пѣгой кобылѣ съ мериномъ въ поводу и такимъ же пѣгимъ, какъ мать, стригуномъ, обогналъ всѣхъ и поскакалъ въ гору къ деревнѣ. Черная собака весело бѣжала впереди лошадей, оглядываясь на нихъ. Пѣгій сытый стригунъ сзади взбрыкивалъ то въ ту, то въ другую сторону бѣлыми въ чулкахъ ногами. Тараска подъѣхалъ къ избѣ, привязалъ лошадей у воротъ и вошелъ въ сѣни.

— Эй вы, заспалися! — закричалъ онъ на сестеръ и брата, спавшихъ въ сѣняхъ на дерюжкѣ.

Мать, спавшая рядомъ съ ними, встала уже доить корову.

Ольгушка вскочила, оправляя обѣими руками взлохмаченные свѣтлые волосы. Ѳедька же, спавшій съ ней, все еще лежалъ, уткнувшись головой въ шубу, и только потиралъ заскорузлой пяткой высунувшуюся изъ-подъ кафтана стройную дѣтскую ножку.

Ребята съ вечера собирались за ягодами, и Тараска обѣщалъ разбудить сестру и малаго, какъ только вернется изъ ночного.

Онъ такъ и сдѣлалъ. Въ ночномъ, сидя подъ кустомъ, онъ падалъ отъ сна; теперь же разгулялся и рѣшилъ совсѣмъ не

ложиться спать, а итти съ дѣвками за ягодами. Мать дала ему кружку молока. Ломоть хлѣба онъ самъ отрѣзалъ себѣ и усѣлся за столъ на высокой лавкѣ и сталъ ѣсть.

Когда онъ въ одной рубашкѣ и порткахъ, быстрыми шагами прокладывая отчетливые слѣды босыхъ ногъ по пыли, пошелъ по дорогѣ, по которой лежали уже нѣсколько такихъ же, однихъ побольше, другихъ поменьше, босыхъ слѣдовъ, съ четко отпечатанными пальчиками, дѣвки уже красными и бѣлыми пятнышками виднѣлись далеко впереди на темной зелени рощи. (Онѣ съ вечера приготовили себѣ горшочекъ и кружечку и, не завтракая и не запасшись хлѣбомъ, перекрестились раза два на передній уголъ и побѣжали на улицу.) Тараска догналъ ихъ за большимъ лѣсомъ, только что онѣ свернули съ дороги.

Роса лежала на травѣ, на кустахъ, даже на нижнихъ вѣтвяхъ деревъ. Голыя ножонки дѣвочекъ тотчасъ намокли и сначала захолодѣли, а потомъ разогрѣлись, ступая то по мягкой травѣ, то по неровностямъ сухой земли. Ягодное мѣсто было по сведенному лѣсу. Дѣвчонки вошли прежде въ прошлогоднюю вырубку. Молодая поросль только что поднималась, и между сочныхъ молодыхъ кустовъ выдавались мѣста съ невысокой травой, въ которой зрѣли и прятались розовато-бѣлыя еще и кое-гдѣ красныя ягоды.

Дѣвчонки, перегнувшись вдвое, ягодку за ягодкой выбирали своими маленькими загорѣлыми ручонками и клали какую похуже въ ротъ, какую получше въ кружку.

— Ольгушка, сюда иди! Тутъ бѣда сколько!

— Ну, вре! Ау! — перекликались онѣ, далеко не расходясь, когда заходили за кусты.

Тараска ушелъ отъ нихъ дальше, за оврагъ, въ прежде, за годъ, срубленный лѣсъ, на которомъ молодая поросль, особенно орѣховая и кленовая, была выше человѣческаго роста. Трава была сочнѣе и гуще, и, когда попадались мѣста съ земляникой, ягоды были крупнѣе и сочнѣе подъ защитой травы.

— Грушка!

— Ась!

— А какъ волкъ?

— Ну, что жъ волкъ? Ты что жъ пужаешь. А я, небойсь, не боюсь, — говорила Грушка, и, забывшись, она, думая о волкѣ, клала ягоду за ягодой, и самыя лучшія не въ кружку, а въ ротъ.

Крестьянская дѣвушка. *Ф. А. Малявинъ.*

— А Тараска-то нашъ ушелъ за оврагъ. Тараска! Ау!..

— Я-о! — отвѣчалъ Тараска изъ-за оврага. — Идите сюда.

— А и то пойдемъ, тамъ больше.

И дѣвчата полѣзли внизъ, въ оврагъ, держась за кусты, и изъ оврага отвершками на другую сторону, и тутъ, на припекѣ солнца, сразу напали на полянку съ мелкой травой, сплошь усыпанную ягодами. Обѣ молчали и, не переставая, работали и руками и губами.

Вдругъ что-то шарахнулось, и среди тишины съ страшнымъ, какъ имъ показалось, грохотомъ затрещало по травѣ и кустамъ.

Грушка упала отъ страха и разсыпала до половины кружки набранныя ягоды.

— Мамушка! — завизжала она и заплакала.

— Заяцъ, это заяцъ. Тараска! Заяцъ. Вотъ онъ! — кричала Ольгушка, указывая на сѣро-бурую спинку съ ушами, мелькавшую между кустовъ. — Ты чего? — обратилась Ольгушка къ Грушкѣ, когда заяцъ скрылся.

— Я думала, волкъ, — отвѣчала Грушка и вдругъ тотчасъ же послѣ ужаса и слезъ отчаянія расхохоталась.

— Вотъ дура-то!

— Страсть испугалась! — говорила Грушка, заливаясь звонкимъ, какъ колокольчикъ, хохотомъ.

Подобрали ягоды и пошли дальше. Солнце уже взошло и свѣтлыми яркими пятнами и тѣнями расцвѣтило зелень и блестѣло въ капляхъ росы, о которую вымокли дѣвчонки теперь по самый поясъ.

Дѣвчата были уже почти на концѣ лѣса, все уходя дальше и дальше въ надеждѣ, что чѣмъ дальше, то больше будетъ ягодъ, когда въ разныхъ мѣстахъ пошли звонкія ауканія дѣвокъ и бабъ, вышедшихъ позднѣе и также собиравшихъ ягоды. Въ завтракъ кружка и горшочекъ были уже наполовину полны, когда дѣвчата сошлись съ теткой Акулиной, тоже вышедшей по ягоды. За теткой Акулиной ковылялъ на толстыхъ кривыхъ ножонкахъ крошечный толстопузый мальчикъ въ одной рубашонкѣ и безъ шапки.

— Увязался за мной, — сказала Акулина дѣвчатамъ, взявъ мальчика на руки. — И оставить не съ кѣмъ.

— А мы сейчасъ зайца здороваго выпугнули. Какъ затрещитъ — жуть!

— Вишь ты! — сказала Акулина и спустила опять съ рукъ малаго.

Переговорившись такъ, дѣвчонки разошлись съ Акулиной и продолжали свое дѣло.

— Знать, посидимъ теперича, — сказала Ольгушка, садясь подъ густую тѣнь орѣховаго куста: — уморилась. Эхъ! хлѣбушка не взяли, поѣсть бы теперь.

— И мнѣ хочется, — сказала Грушка.

— Что это тетка Акулина кричитъ больно чего-то. Чуешь? Ау, тетка Акулина!

— Ольгушка-а! — отозвалась Акулина.

— Чаго?

— Малый не съ вами? — кричала Акулина изъ-за отвершка.

— Нѣту.

Но вотъ зашелестѣли кусты, и изъ-за отвершка показалась сама тетка Акулина съ подобранной выше колѣнъ юбкой и съ кошолкой на рукѣ.

— Малаго не видали?

— Нѣту.

— Вотъ грѣхъ какой! Мишка-а!

— Мишка-а!

Никто не отозвался.

— Охъ, горюшко, заплутается онъ! Въ большой лѣсъ забредетъ.

Ольгушка вскочила и пошла съ Грушкой искать въ одну сторону, тетка Акулина въ другую. Не переставая, звонкими голосами онѣ кликали Мишку, но никто не откликался.

— Уморилась, — говорила Грушка, отставая, но Ольгушка не переставая аукалась и шла то вправо, то влѣво, оглядываясь по сторонамъ.

Акулининъ отчаянный голосъ слышался далеко къ большому лѣсу. Ольгушка уже хотѣла бросить искать и итти домой, когда въ одномъ сочномъ кустѣ, около пня липовой молодой поросли, она услыхала упорный и сердитый, отчаянный пискъ какой-то птицы, вѣроятно, съ птенцами, чѣмъ-то недовольной: птица, очевидно, чего-то боялась и на что-то сердилась. Ольгушка оглянулась на кустъ, оросшій густой и высокой съ бѣлыми цвѣтами травой, и подъ самимъ имъ увидала синенькую, не похожую ни на какія лѣсныя травы, кучку. Она остановилась, приглядѣлась. Это былъ Мишка. И его-то боялась и на него сердилась птица.

Мишка лежалъ на толстомъ брюхѣ, подложивъ ручонки подъ голову, вытянувши пухлыя, кривыя ножонки, и сладко спалъ.

Ольгушка покликала мать и, разбудивши малаго, дала ему ягодъ.

И долго потомъ Ольгушка всѣмъ, кого встрѣчала, и дома матери и отцу, и сосѣдямъ, разсказывала, какъ она искала и какъ нашла Акулининаго малаго.

Солнце уже совсѣмъ вышло изъ-за лѣса и жарко пекло землю и все, что было на ней.

— Ольгушка, купаться! — пригласили Ольгу сошедшіяся съ ней дѣвочки. И всѣ большимъ хороводомъ пошли съ пѣснями къ рѣкѣ. Барахтаясь, визжа и болтая ногами, дѣвчата не замѣтили, какъ съ запада заходила черная низкая туча, какъ солнце стало скрываться и открываться, и какъ запахло цвѣтами и березовымъ листомъ, и стало погромыхивать. Не успѣли дѣвки одѣться, какъ пошелъ дождь и измочилъ ихъ до нитки.

Въ прилипавшихъ къ тѣлу и потемнѣвшихъ рубашонкахъ дѣвчонки прибѣжали домой, поѣли и понесли на поле, гдѣ отецъ перепахивалъ картофель, обѣдать.

Когда онѣ вернулись и пообѣдали, рубашонки уже высохли. Перебравъ землянику и уложивъ ее въ чашки, онѣ понесли ее на дачу, гдѣ хорошо платили; но на этотъ разъ имъ отказали...

Л. Толстой.

Въ грозу.

День клонился къ вечеру, а жаръ не спадалъ. Раскаленный воздухъ былъ душенъ. Небеса казались сѣрыми, пыльными, степная зелень поблекла. Даль курилась, словно желтый туманъ выходилъ на концахъ поля изъ невидимыхъ земныхъ расщелинъ. Среди желтыхъ, сѣрыхъ, бурыхъ, пыльныхъ тоновъ на западѣ зловѣщей черной тѣнью поднималась изъ-за горизонта туча, какъ крутая спина. Солнце шло къ ней, а она подвигалась къ солнцу... И солнце, точно отъ страха, блѣднѣло, погружаясь въ испаренія.

Подрясникъ на о. Иванѣ взмокъ, изъ сѣраго превратился въ черный и слегка курился, какъ курились взмыленные бока лошадей. О. Иванъ обернулся къ тарантасу и просительно за-

глянулъ подъ громадный, покрытый пылью зонтъ, гдѣ пріютились супруги.

— Жа-ара-а! Ну, и гроза будетъ, братики мои! Только бы до порома во-время добраться да переправиться черезъ Поему.

— А поскорѣе бы ѣхалъ! — отозвался изъ-подъ зонта о. Матвѣй.

— Запрягись-ка самъ! Развѣ можно лошадей гнать въ такую духоту. Видишь, въ мылѣ всѣ...

Онъ любовно смотрѣлъ на лошадей.

— Ду-у-шевныя!!

Солнце изъ блѣднаго становилось краснымъ.

Воздухъ пропитался багровымъ отсвѣтомъ, багровымъ стало небо, а степь, съ разбросанными тамъ и сямъ одинокими стогами, будто напиталась кровью. Лишь туча оставалась черной. Она медленно, но неумолимо росла; отъ ея чернаго туловища протянулись черныя руки на полнеба, будто кто враждебный и самоувѣренный вызвалъ міръ на единоборство. И вокругъ природа проникалась тревогой. Тревожно сновали ласточки, кулики съ печальнымъ свистомъ проносились куда-то. Галки торопливо летѣли на ночлегъ, оглашая воздухъ рѣзкими криками. Стога, кусты, барсучьи насыпи, казалось, со вниманіемъ смотрѣли освѣщенной стороной своей на западъ, тревожно выжидая; отъ неосвѣщенныхъ же сторонъ ихъ бѣжали длинныя тѣни.

— Будетъ потѣха! — говорилъ о. Иванъ, наблюдая, какъ быстро вырастала туча. — Нынѣшнее лѣто грозъ-то не было... Эта наверстаетъ! Да скоро, что ли, Поема-то? — спросилъ онъ работника.

Абдулка привсталъ на козлахъ, черезъ дугу наблюдая убѣгавшую дорогу.

— Бирста! — коротко сказалъ онъ.

— Верста-а?.. Ну, такъ потораплпвай. Въ грозу поромъ не пойдетъ, не заночевать бы на бережку подъ березками.

Пригорокъ и кусты быстро выростали.

— Жара-то... Печка! — отдувался о. Иванъ. — Ого! Теперь бы въ воду.

— Большой вода идетъ! — осклабился Абдулка, кивнувъ на тучу.

— Да-а-а! Погремитъ и посверкаетъ... А какъ это по-твоему, — обернулся онъ къ Абдулкѣ: — отчего громъ гремитъ?

Абдулка пожевалъ губами.

— Аллахъ гуляйтъ.

— А, можетъ-быть, Магометъ?—засмѣялся о. Иванъ.

Абдулка подумалъ.

— Можетъ-быть... Имъ работать — дѣла нѣтъ! Мала-мала полежалъ, мала-мала погулялъ.

И онъ закричалъ на лошадей гортаннымъ крикомъ, который онѣ такъ хорошо понимали. Онѣ поджались, вытянулись. Пригорокъ все выросталъ. Съ рѣки потянуло прохладой. Лошади захрапѣли, втягивая ноздрями свѣжій воздухъ.

Внезапно угрюмая тѣнь упала на дорогу.

Солнце погрузилось въ тучу.

Ласточки исчезли, кулики смолкли, только вдали гдѣ-то безпокойно кричала запоздавшая галка. Стога и пригорки будто присѣли и прижались къ землѣ. Туча, поглотивъ солнце, на мигъ пропиталась багровымъ свѣтомъ, но снова потемнѣла и стала черной, только кое-гдѣ на ней клубились сѣрыя пятна, будто отъ застывшихъ пушечныхъ выстрѣловъ. Казалось, голова чудовища разрасталась надъ полями, и космы волосъ ея, мѣстами сѣдыхъ, мѣстами черныхъ, разбросались по небу.

Кони мчали.

Ужъ дорога вышла на пригорокъ и вдали показались широкіе и темные изгибы рѣки.

Въ воздухѣ разливалась влажность.

Тарантасъ сдѣлалъ три поворота по песчаной дорогѣ, среди низкорослаго дубняка и выѣхалъ къ порому.

Отъ порома кричали десятки голосовъ:

— Ско-р-ѣй!! Гроза и-д-е-етъ!!

У порома батюшкиныхъ лошадей вмигъ отпрягли, а тарантасъ вкатили въ поромъ, гдѣ нѣсколько крестьянскихъ телѣгъ съ разнымъ товаромъ стояло, поднявъ вверхъ оглобли, такъ что для тарантаса оставалось еще мѣсто. Батюшка самъ наблюдалъ, какъ вводили на поромъ лошадей.

— Осторожнѣй, братіе, — говорилъ онъ:—пугливые у меня кони-то... особливо коренникъ! Зубы вышибетъ.

Поромъ отчалилъ.

Онъ бороздилъ еще свѣтлое пространство рѣки, а къ западу, откуда шла туча, казалось, въ рѣку вылились чернила съ кровью. Уже туча утратила всякія формы. Это была пара-

Буря.

И. И. Шишкинъ.

ставшая мгла, надвигавшійся хаосъ, — еще молчащій, но уже таящій ужасы, отъ которыхъ заранѣе вздрагивала земля.

— Митричъ! Тяни крѣпче!—кричали мужики поромщику.

— Подсоби иди! — хрипѣлъ Митричъ.

— До грозы бы Богъ далъ! Ишь наползатъ...

Поромъ достигъ уже середины рѣки.

Рѣка нахмурилась.

Зловѣщая тишина, какъ что-то живое, опасливо таящееся, обняла потемнѣвшіе берега. Точно умерли птицы, припали къ песку кулики, застыли въ камышахъ утки; только съ отчаяннымъ крикомъ металась надъ рѣкою чайка,—будто потерявъ дорогу. Лошади храпѣли, пугливо вытягивали шеи въ предчувствіи первыхъ ударовъ, быстро надвигавшихся изъ растущей тьмы. Черною тѣнью опрокинулась туча въ рѣку, и поромъ, казалось, несся въ самую пасть чудовища, готоваго дохнуть ураганомъ, брызгами, пѣной, пылью...

И оно дохнуло!

Еще издали увидалъ о. Иванъ, какъ неподвижныя деревья низоваго берега взлохматились, почернѣли, взмахнули всѣми вѣтвями, вразъ нагнулись къ землѣ. Словно играя въ чехарду, черезъ нихъ запрыгали клубы дорожной и пашенной пыли, всталъ огромный вихрь и, крутясь, обрушился въ воду.

Мигъ...

И все смѣшалось: вода, земля, берега, деревья, небо...

Кто-то огромный дышалъ чернымъ, влажнымъ, пыльнымъ дыханьемъ. Съ свистящимъ воемъ вѣтеръ рвалъ водную поверхность, расшибая ее въ брызги, — раздиралъ вверху въ клочья тучи.

Кони топали, ржали.

Полы армяковъ хлопали, точно лошади; солома вздыбилась на возахъ; бабы припали къ ней, причитая:

— Царица Небесная! Страсти какія! Съ нами крестная сила!

— Митричъ! Тяни! Тяни крѣпче! Ляксѣй... помогай ему! Берись всѣ, братцы!

У кричащихъ мужиковъ вѣтеръ пытался оторвать бороды и невидимой рукой трепалъ ихъ за волосы.

— Батюшка! Подсоби! — смѣясь, обернулся Алексѣй къ о. Ивану.—Ты, видать, сильный...

— Ничего, ничего! — сказалъ о. Иванъ, засучивая рукава.—За хвостъ лошадь остановлю!

— На скаку?

— А то въ стойлѣ, что ли?

И онъ хотѣлъ взяться за канатъ.

Но въ это время сверху, изъ тучъ, точно тяжесть упала,— яростный порывъ вѣтра вдавилъ поромъ въ воду, обнялъ его со всѣхъ его смоляныхъ боковъ, накренилъ и съ отчаянной силой толкнулъ впередъ. Алексѣй, хрипя, пошатнулся и грузно грохнулся на полъ, а черезъ него кубаремъ покатился Митричъ.

Канатъ, шурша, заскользилъ, безсильно падая.

Какъ долгіе годы носившій цѣпи рабъ, поромъ дрогнулъ, почуявъ свободу. Онъ закачался, остановился на мигъ въ раздумьи и быстро понесся по срединѣ рѣки, тихо вращаясь. Берега поплыли, на нихъ деревья гнулись въ отчаяніи, будто готовясь провалиться въ бездну, вокругъ порома черныя волны прыгали съ угрозой.

— Канатъ лопнулъ! Канатъ!!

Людей и животныхъ охватила паника.

Тучи треснули, молніи съ грохотомъ впились въ берега.

Полилъ ливень.

Лошади бились и визгливо ржали.

Бабы метались на возахъ, выкрикивая слова молитвъ. Возгласы отчаянія ихъ сливались съ воемъ вѣтра, шумомъ дождя, съ растерянным говоромъ мужиковъ.

— Ребята!.. Пропали!

— Тамъ... ниже... горный берегъ!!

— Камни! Пороги!!

Митричъ метался у бортовъ.

— Господи! Господи! Господи! Смертынька... Господи! Аннушка моя... Аннушка! Доченьки мои... прощайте... доченьки!..

— О-о-о!—вторили ему бабы.

И онѣ прыгали съ возовъ къ бортамъ, гдѣ сновалъ Митричъ, и повторяли его движенья.

О. Иванъ стоялъ въ недоумѣніи, уперши руки въ бока и полураскрывъ ротъ. Онъ соображалъ, что еще верста, другая и поромъ неминуемо разобьется о пороги.

— Господи благослови! — раздался вдругъ крикъ смертельнаго ужаса.

И о. Иванъ увидѣлъ, какъ Митричъ, истово перекрестившись, готовился прыгнуть въ воду. А за нимъ крестились бабы, мужики, и тоже тѣснились къ борту.

О. Иванъ поймалъ Митрича за рубаху, въ то время какъ Алексѣй ухватилъ въ охапку толстую бабу, готовившуюся прыгнуть въ воду.

— Куда ты, разбойникъ? — кричалъ о. Иванъ.—Утонуть хочешь?

Митричъ стоялъ съ выпученными глазами, ничего не понимая и трясясь отъ ужаса.

— Идіотъ!—въ октаву сказалъ о. Иванъ.

И, покрывая голосъ бури, онъ закричалъ:

— Людіе!! Стой!!

Все смолкло на поромѣ, даже лошади, почуявъ голосъ властной воли, затихли и скосились налитыми кровью глазами въ сторону человѣка, ставшаго хозяиномъ порома и ихъ судьбы.

— Вы што? Сбѣсились? — кричалъ онъ. — Перетонуть задумали?! Живо!! Веревки сюда! Давай веревки!

Никто не сталъ спрашивать—зачѣмъ.

— Веревки! Бабы! Веревки батюшкѣ...

— Вожжи давай! Скручивай! — распоряжался о. Иванъ. — Гнилыхъ не надо! Крѣпкія давай! Живо!! Абдулъ, вяжи. Всѣ сюда! Связывай! Алексѣй!

Громъ, не переставая, гремѣлъ.

Ливень отсѣдалъ туманной мглой, дрожащею и шумной, въ которой вертѣлись берега, точно поромъ стоялъ, а берега бѣжали.

О. Иванъ сбросилъ подрясникъ, сапоги и широкіе бѣлые панталоны.

Въ одной рубахѣ, неуклюже двигаясь, отбрасывая рукой съ лица намокшіе волосы, длинные, какъ у русалки, онъ обвязалъ себя подъ грудью веревкой и, перекрестившись, бухнулся въ воду, какъ грузный водолазъ, — отфыркнулся, тряхнулъ гривой, заоралъ:

— Отпускай веревку... не дремли! Алексѣй! распоряжайся!

— Небось! — крикнулъ Алексѣй.

— Отпускай дюжѣй!! Когда крикну, заарканивай!

Жилистыя руки его... разъ, два... тяжело, какъ лопастья, мѣрно, плавно разсѣкали волны. Онъ фыркалъ, громко и сильно вздыхалъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ, съ надеждой и страхомъ слѣдили мужики и бабы, какъ постепенно онъ скрывался за туманомъ ливня, въ черной пасти воющихъ стихій, за мглою бури. Казалось, деревья на стемнѣвшемъ берегу грозили ему

черными вѣтвями, низко сгибаясь надъ водой, а черныя волны бились вокругъ съ насмѣшливымъ плескомъ. При вспышкахъ молніи еще раза два мелькнула его косматая голова, будто свѣтящаяся фосфорическимъ свѣтомъ.

Потомъ она исчезла.

Только скользящая, вздрагивающая веревка говорила безмолвнымъ языкомъ своимъ, что онъ плыветъ, и всѣ напряженно смотрѣли на нее, слѣдили за ея трепетнымъ движеніемъ.

Страшная тишина наступила вдругъ въ небѣ и на поромѣ. Вѣтеръ спалъ, громъ стихъ, только дождь шумѣлъ...

Веревка безпомощно повисла.

Десятки глазъ смотрѣли на нее, раскрываясь все шире, съ ужасомъ, съ отчаяніемъ, съ мольбою, съ надеждой... Трескучій раскатъ грома не вывелъ никого изъ неподвижности, точно тутъ столпились мертвецы, и только вновь налетѣвшій ураганъ трепалъ одежду, волосы, бороды и шали.

Внезапно веревка вздрогнула, вышла изъ воды, натянулась,— ослабла, опять натянулась, какъ струна. Алексѣй ловко накинулъ ее на столбъ. Поромъ вздрогнулъ, закачался, будто покорно вздохнулъ и, медленно повернувшись, тихо сталъ приближаться къ берегу...

С. Гусевъ-Оренбургскій.

Въ бурю.

I.

— Ай-яй... ай-яй-яй!..— разносились надъ гладкой сверкающей поверхностью моря пронзительные крики Андрейки, извивавшагося въ лодкѣ.— Дѣ-ѣдко... не буду!..

Дѣдъ, коренастый, съ нависшими лохматыми съ просѣдью бровями и изрѣзаннымъ морщинами лицомъ, казалось, выдубленнымъ солнцемъ, вѣтромъ и соленой водой, одной рукой держалъ мальчика за шиворотъ, другой больно стегалъ просмоленной веревкой, которая такъ и впивалась въ тѣло, и потомъ швырнулъ его на дно лодки. Андрейка поднялся, всхлипывая, свѣсился черезъ бортъ и сталъ перебирать показавшіяся изъ воды мокрыя сѣти.

Кругомъ ослѣпительно сверкала вода, по которой едва примѣтно шли стекловидныя морщины. Горячее, заставлявшее щу-

риться, солнце стояло высоко. Черные, начинавшіе течь смолой бока лодки, протянутыя къ мачтѣ перекрещивающіяся веревки, съ которыхъ также капала смола, обвисшіе, черные отъ грязи и смолы, паруса рѣзко, отчетливо вырисовывались своей чернотой въ неподвижно знойномъ воздухѣ.

Береговъ не было видно.

Андрейка, съ сердитымъ, сморщившимся въ кулачокъ, лицомъ, продолжалъ перебирать сѣть, осторожно и крѣпко захватывая каждую бившуюся въ ней рыбу.

Еще въ два часа ночи, когда только чуть-чуть стали блѣднѣть звѣзды, Андрейка отчалилъ съ дѣдомъ отъ берега. Легкій предутренній вѣтерокъ тихонько подвигалъ лодку. Когда разсвѣло, и по водѣ и по небу побѣжали розовыя полосы, а спокойное, гладкое море открылось до самыхъ краевъ, вѣтеръ упалъ. Пришлось взяться за весла. Андрейка гребъ попеременно съ дѣдомъ. Сначала работа у него шла легко и свободно, но прошелъ часъ-другой, и онъ сталъ уставать. Каждый разъ, какъ онъ откидывался назадъ, и весла съ плескомъ проходили въ прозрачной, игравшей розовымъ отблескомъ водѣ, ему казалось, что онъ уже больше не въ состояніи разогнуться, дотого ныла поясница и ломило руки, но онъ снова и снова закидывалъ весла, и лодка ползла, какъ черепаха. Наконецъ дѣдъ, все время молча сидѣвшій на кормѣ, проговорилъ:

— Будя, Андрейка!

Обрадованный Андрейка торопливо пробрался по качавшейся лодкѣ на корму, а дѣдъ сѣлъ за весла и сталъ молча и упорно грести. Андрейка правилъ рулемъ, глядѣлъ на разбѣгавшіеся изъ-подъ веселъ длинные водяные жгуты, на мѣрно и сильно откидывавшуюся фигуру дѣда и отиралъ свое мокрое, вспотѣвшее лицо, съ наслажденіемъ предаваясь отдыху.

Изъ-за моря поднялось солнце и залило свѣтомъ спокойную, ровную воду. Начинался знойный день безъ малѣйшаго вѣтерка.

Скоро показались на поверхности моря большіе плававшіе круглые обрубки, съ укрѣпленными на нихъ маленькими флажками, — это были поплавки сѣтей. Подъѣхали къ одному изъ такихъ поплавковъ, за веревку, привязанную къ нему, достали одинъ конецъ сѣти, навалившись на бортъ, стали подвигать лодку, перебирая руками показывавшуюся надъ водой сѣть, которая тянулась въ водѣ на нѣсколько сотъ саженей. Андрейкѣ,

совсѣмъ перевѣсившемуся черезъ бортъ, весело было смотрѣть въ прозрачную глубину, гдѣ отъ времени до времени вдругъ начинало что-то бѣлѣть, колебля и водя изъ стороны въ сторону все выше и выше подымавшуюся сѣть, и, наконецъ, на поверхности, трепеща и разбрызгивая воду, показывалась бившаяся, запутавшаяся жабрами въ ячейкѣ рыба. Андрейка подхватывалъ ее, запуская пальцы въ нѣжныя розовыя жабры, высвобождалъ изъ сѣти и бросалъ на дно лодки, гдѣ было налито немного воды. Рыба, обезумѣвшая отъ боли, страха и отчаянія, начинала биться, разбрызгивая воду, не понимая, что это съ ней произошло, и пытаясь вырваться изъ этой тѣсной, ужасной обстановки, гдѣ она задыхалась, вздымая окровавленныя, разорванныя жабры.

Солнце подымалось все выше и выше, и зной, неподвижный, слѣпящій, стоялъ надъ моремъ, въ истомѣ раскинувшимся подъ горячимъ небомъ. Андрейка, разморенный жарой, отъ скуки и однообразія разговаривалъ съ рыбами, которыхъ онъ вытаскивалъ изъ сѣти:

— Ахъ ты, селедка-длиннохвостка, погоди, ужо просолѣешь хорошенько, не будешь брыкаться! Ишь ты, брыкучая, ступайка въ лодку! А ты, сазанъ-брюханъ, пузо-то наѣлъ. Вылазь, вылазь, неча кобениться, отъѣлся, не пролѣзешь никакъ, хитрый идолъ! Вылa-азь! — и Андрейка вытащилъ и съ трудомъ поднялъ вверхъ обѣими руками большую рыбу.—Гли, дѣду, пузо-то како!

Но не успѣлъ дѣдъ раскрыть рта, какъ сазанъ, очутившійся на воздухѣ и замершій отъ изумленія, вдругъ рванулся изо всѣхъ силъ, выскользнулъ, плюхнулся въ воду, плеснулъ хвостомъ и былъ таковъ.

Тогда-то надъ моремъ и раздались отчаянные вопли Андрейки, потому что дѣдъ молча, не говоря ни слова, поднялся, взялъ просмоленную веревку, сложилъ ее нѣсколько разъ и жестоко наказалъ мальчика.

II.

У Андрейки нѣтъ ни отца ни матери. Сколько онъ помнитъ себя, онъ живетъ въ бѣлой хаткѣ, подъ большой вербой, съ дѣдомъ Агаѳономъ. Возлѣ хаты съ одной стороны бѣлѣетъ береговой песокъ и синѣетъ море, съ другой, на сколько глазъ хватаетъ, тянется безлѣсная, голая, сожженная, покрытая вы-

сохшимъ бурьяномъ да полынью, степь, размытая оврагами и балками.

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ дѣдъ Агаѳонъ жилъ въ этой хатѣ съ семьей, съ женой и пятью дѣтьми. Случилась эпидемія дифтерита, и дѣти Агаѳона перемерли въ одну недѣлю.

Разъ какъ-то зимою Агаѳонъ съ женой сидѣлъ вдвоемъ въ хатѣ. Ночная вьюга мела въ черныя окна. Агаѳонъ угрюмо думалъ о чемъ-то, починяя сѣти, жена возилась у печки. Снаружи кто-то постучалъ. Агаѳонъ отперъ дверь, и на порогѣ появилась женщина, въ рубищѣ, занесенная снѣгомъ, дрожащая, съ мертвенно блѣднымъ, стянутымъ отъ холода лицомъ; на рукахъ у нея въ лохмотьяхъ лежалъ крохотный ребенокъ, весь посинѣлый и уже не плакавшій. Заикаясь, не выговаривая стянувшимися губами, женщина стала просить пустить ее переночевать. Ее пріютили, накормили. Отогрѣвшійся ребенокъ наполнилъ хату дѣтскимъ плачемъ, и жена Агаѳона, стоя надъ нимъ, то и дѣло вытирала слезы фартукомъ, вспоминая своихъ дѣтей.

Женщина разсказала, что идетъ изъ Орловской губерніи на Кубань разыскивать мужа, который уѣхалъ туда съ полгода и ничего не пишетъ. Она все проѣла, что было, и, наконецъ, рѣшила отправиться на розыски. Дорогой пришлось питаться подаяніемъ, по желѣзной дорогѣ удавалось на нѣкоторыхъ станціяхъ упросить кондукторовъ, и они провозили ее нѣсколько станцій безплатно, а по проселочнымъ дорогамъ подвозили добрые люди. Такъ добралась она до Ейска. Изъ него она вышла рано утромъ, заблудилась въ степи, настала ночь, поднялась вьюга; женщина уже приготовилась къ смерти, какъ среди ночи увидѣла огонекъ одинокой хаты.

Ночью пришедшая расхворалась, бредила, металась, вскрикивала. Жена Агаѳона три раза взбрызнула и напоила ее святой водой, но той дѣлалось хуже и хуже, и къ вечеру слѣдующаго дня она умерла. Агаѳонъ и его жена оставили ребенка у себя пріемышемъ.

Андрейка смутно помнитъ ласковую старую женщину, пріемную мать, которая купала, поила, кормила его и укачивала посреди хаты, на подвѣшенной къ потолку люлькѣ. Онъ помнитъ также, что когда ему сравнялось четыре года, пришли какіе-то люди, сняли ее съ лавки, гдѣ она спала, положили на столъ подъ образа, зажгли свѣчи, а потомъ унесли куда-то, и онъ

остался вдвоемъ съ дѣдомъ Агаѳономъ. Помнитъ онъ, что дѣдъ каждый разъ, какъ отправлялся на море, отводилъ его въ поселокъ, который лежалъ въ оврагѣ, въ степи, верстахъ въ трехъ отъ берега, и оставлялъ у своей кумы, бабки Спиридонихи. Съ шести лѣтъ дѣдъ сталъ брать мальчика съ собой въ море, и Андрейка часто спалъ на носу лодки, на подостланной дѣдомъ соломѣ, а надъ нимъ носились чайки, свѣтило солнце и летѣли брызги волнъ.

Семи лѣтъ Андрейка уже во всемъ помогалъ дѣду. Вставали они рано, часа въ три утра. Андрейка торопливо плескалъ себѣ въ лицо холодной водой, вытирался подоломъ рубахи, торопливо крестился на ту часть неба, гдѣ горѣла утренняя звѣзда, и перевирая читалъ «Отче нашъ» и «Святъ, святъ», двѣ молитвы, которыя онъ только и зналъ. Потомъ Андрейка притаскивалъ кизяку, растапливалъ печь, чистилъ картошку, рыбу, варилъ уху. Позавтракавъ, они уходили въ море.

И на морѣ и дома дѣдъ заставлялъ Андрейку дѣлать все наравнѣ съ собою: править парусами, грести, чинить, собирать, тянуть, спускать сѣти, обирать рыбу съ крючьевъ и проч. И Андрейка все дѣлалъ, надрываясь отъ непосильной работы. За малѣйшій промахъ, недосмотръ, ошибку дѣдъ жестоко наказывалъ Андрейку. Стоило мальчику на морѣ невѣрно положить руль или не во-время подобрать или отдать парусъ, какъ дѣдъ подымался и тутъ же, не говоря ни слова, безпощадно сѣкъ мальчика, пока тотъ не подплывалъ кровью, просмоленной веревкой, отъ которой никогда не заживали рубцы.

III.

Солнце невыносимо печетъ. Зной, разлитый въ переполненномъ блескомъ воздухѣ, неподвижно стоитъ надъ моремъ, въ которомъ на недосягаемой глубинѣ синѣетъ опрокинутое небо. Черная лодка со стекающей смолой и обвисшими парусами кажется висящей въ пространствѣ; а подъ нею внизъ мачтами виситъ точно такая же опрокинутая лодка.

Андрейка, не разгибаясь, вмѣстѣ съ дѣдомъ выбираетъ изъ тянущейся вдоль лодки сѣти добычу, которой набилось туда множество. Лицо у него пылаетъ, ротъ полураскрытъ, крупныя капли пота падаютъ въ воду. Въ значительно осѣвшей лодкѣ возвышается цѣлая гора зѣвающей шевелящейся рыбы.

Послѣ экзекуціи у Андрейки, чувствовавшаго, какъ горятъ и ноютъ рубцы на спинѣ, въ головѣ толпились самыя мрачныя

мысли. Сначала онъ все свое раздраженіе направилъ на сазана, который такъ коварно подвелъ его.

«Хорошо, — со злобой думалъ онъ, — брюхатый чортъ, попадешься еще, небось не вывернешься: запущу по кулаку въ жабры, повертико-сь тогда. Ну, и потѣшусь же!..»

Но такъ какъ коварный сазанъ благоразумно рѣшилъ не попадаться въ руки Андрейкѣ, то мысли его принимали другое направленіе.

«Что я *ему* сынъ, что ли, али въ солдатахъ у него, что *онъ* лупитъ меня, чѣмъ ни попадя. Ишь огрѣлъ, ажно рубаху просѣкъ. Возьму да убѣгу... Ей Богу!.. Пойду въ городъ, наймусь въ работники, али на берегу въ артель стану, тоню тянуть, нехай-ка онъ безъ меня повертится. Да даромъ-то я не уйду: проверну дыру въ лодкѣ да заткну маленечко тряпкой, а самъ въ степь, лягу на курганѣ и буду смотрѣть. Вотъ отъѣдетъ *онъ*, вода и вымоетъ тряпку, и станетъ *онъ* потопать. Станетъ потопать и закричитъ: Андрейка, потопаю!.. А я ему закричу: ага!.. а помнишь, какъ ты меня лупилъ, ажно рубаху паскрозь просѣкъ»...

Жара, усталость мало-по-малу смиряютъ Андрейку, и негодованіе у него на дѣда улегается. А дѣдъ, и не подозрѣвая Андрейскихъ каверзъ, преспокойно посасывая трубку, выбираетъ рыбу на кормѣ. Онъ работаетъ по всѣмъ правиламъ, сосредоточенно. Старикъ не любитъ разговоровъ. Онъ доволенъ сегодняшнимъ уловомъ, и его нависшія, лохматыя брови приподнялись нѣсколько. Къ вечеру онъ надѣялся осмотрѣть всѣ сѣти и ночью вернуться домой.

Вдругъ Андрейка услышалъ голосъ:

— Андрейка, спускай сѣть да ставь парусъ!

Андрейка уставился на старика: что съ нимъ сдѣлалось? осталось еще половину сѣтей досмотрѣть, — видно, прошелъ косякъ, и рыбы набилось множество, да никогда они раньше почи не возвращались домой... Но старикъ не любилъ повторять приказаній, и Андрейка, торопливо опустивъ въ воду сѣть съ бившейся въ ней рыбой, быстро сталъ расправлять и готовить запутавшіеся шкоты и парусъ.

— Подверни снизу парусъ да спусти до половины!

Андрейка торопливо выполнилъ приказаніе, не смѣя разспрашивать дѣда. Парусъ обыкновенно подворачивали снизу и приспускали только во время сильной бури, чтобъ уменьшить

площадь парусности, когда вѣтеръ черезчуръ уже рвалъ. Между тѣмъ кругомъ стоялъ все тотъ же неподвижный зной, — нечѣмъ было дышать, и все такъ же на недосягаемой высотѣ и въ бездонной глубинѣ другъ противъ друга синѣли топкой синѣвой два небесныхъ свода, и вода между ними пропадала изъ глазъ.

— Садись на весла!

Андрейка безпрекословно взялся за весла и сталъ грести, обливаясь потомъ.

Вверху, не особенно высоко, надъ моремъ неслось бѣлое, ослѣпительно-блестящее облачко съ разорванными краями, точно это уносило оторвавшійся гдѣ-то кусочекъ ваты. И это быстро несущееся облачко рѣзко нарушало впечатлѣніе знойной неподвижности и покоя, царившихъ на морѣ. А дѣдъ все поглядывалъ то на облачко, то на горизонтъ, въ синевѣ котораго терялись и вода и небо: оттуда, тѣснясь, густо лѣзли круглые барашки. Они торопливо выбирались съ особенной и необъяснимой при полномъ затишьѣ поспѣшностью.

Андрейка, измученный, задыхающійся отъ тяжелаго зноя и напряженія, сталъ испытывать глухое безпокойство. По небу, за минуту до того безмятежно чистому, бѣжали одно за другимъ облака, блестящія съ одной и зловѣще затѣненныя съ другой стороны. Дѣдъ, все подгонявшій Андрейку, самъ сѣлъ на весла, и тяжело нагруженная лодка пошла скорѣе по тому направленію, гдѣ долженъ былъ открыться берегъ.

Въ той сторонѣ, откуда выбирались облака, по спокойному морю вдругъ побѣжала потемнѣвшая узкая полоса безчисленныхъ морщинокъ, все удлиняясь и быстро нагоняя лодку. Въ ту же минуту забѣжалъ вѣтеръ, шевельнулъ парусъ, вздулъ на спинѣ Андрейки рубаху и понесся дальше, вмѣстѣ съ мелкой рябью, темнившей свѣтлое лицо моря.

Опять тишина, неподвижный зной, зеркальный блескъ моря и безсильно повисшій парусъ.

Дѣдъ, угрюмый и насупленный, поднялся, аккуратно сложилъ весла, досталъ изъ-подъ сидѣнья кафтанъ, надѣлъ, подпоясался потуже, усѣлся на кормѣ, пропустилъ шкотъ въ кольцо возлѣ себя и взялся за руль.

Море все покрылось темными пятнами ряби, перемежающимися съ свѣтлой поверхностью, по которой съ неуловимой быстротой бѣжали тѣни облаковъ... И вдругъ оно почернѣло на необозримомъ пространствѣ, отъ края до края. Вѣтеръ, свистя

въ ушахъ и обдавая прохладой, мгновенно наполнилъ парусъ, и лодка, подымая передъ собой водяной бугоръ, съ шумомъ понеслась, едва не поспѣвая за скользившими тѣнями облаковъ. Позади полосой пѣны потянулся длинный слѣдъ.

Вѣтеръ, превращавшійся почти въ ураганъ, не могъ сразу раскачать за минуту спокойнаго моря, и, несмотря на всѣ его усилія, оно только все больше и больше чернѣло. Но дѣдъ зналъ коварство этихъ внезапныхъ лѣтнихъ бурь. Онѣ разыгрывались гдѣ-нибудь далеко и потомъ, налетая оттуда, пригоняли съ собой уже поднятыя, готовыя, расходившіяся волны, которыя начинали бить и неистовствовать на совершенно тихой и спокойной до того поверхности. Поэтому онъ, съ рискомъ опрокинуть лодку, полностью отдавалъ парусъ вѣтру, и они неслись съ безумной быстротой, отъ которой рябило въ глазахъ, и пѣнящаяся вода проносилась назадъ, какъ мимо желѣзнодорожнаго поѣзда. Открывшійся впереди тонкой чертой берегъ выступалъ все яснѣе и яснѣе.

Волны, дѣйствительно, пришли. Онѣ шли, какъ грозная рать, съ бѣлыми колеблющимися головами, зелеными рядами вздымающейся воды, и кругомъ насталъ адъ.

Лодка зарывалась носомъ. Волны, огромныя, съ острыми подавшимися впередъ гребнями и срывавшейся по вѣтру пѣной, шли на нее съ шипѣніемъ, съ шумомъ, безъ перерыва, безъ отдыха. Кипящіе зеленоватые гребни то и дѣло обрушивались черезъ бортъ. Шкоты натянулись, какъ нитки, а парусъ, оттягивая мачту, дрожалъ отъ страшнаго напряженія, купаясь въ обдававшихъ его брызгахъ. До самаго неба, по которому торопливо и низко бѣжали сѣрыя всклокоченныя, какъ грязная вата, тучи, стоялъ все заполняющій шумъ, изъ-за котораго нельзя было различить ни скрипа подававшейся во всѣхъ пазахъ лодки ни звука человѣческаго голоса.

Андрейка, уцѣпившійся за мачту, видѣлъ, какъ у дѣда шевелились губы, но голоса его не слышалъ. Прижимаясь къ дрожавшей мачтѣ, Андрейка глядѣлъ на бунтовавшія, съ кипящими верхушками волны, которыя безъ числа и безъ конца шли на ихъ одинокую, заброшенную лодку. Она то совсѣмъ ложилась на бокъ, моча бившійся краемъ въ водѣ парусъ, то выпрямлялась и взлетала на самый гребень. И тогда Андрейкѣ въ нѣсколькихъ верстахъ открывался бѣлый отъ прибоя берегъ, старая верба и бѣлѣвшая на берегу хатка.

Волнующееся море ночью. *И. К. Айвазовскій.*

Андрейка не чувствовалъ особеннаго страха, онъ привыкъ къ бурямъ, и только внутреннее напряженіе наполняло все его существо. Онъ такъ привыкъ подчиняться и слѣпо вѣрить на морѣ дѣду, что не думалъ объ опасности, хотя хлеставшія черезъ бортъ волны все больше заполняли лодку, и она все тяжелѣе взбиралась наверхъ. Андрейка сталъ черпать и выливать за бортъ черпакомъ воду, но это мало помогало.

Старикъ сидѣлъ на кормѣ, едва видимый въ облакѣ водяной пыли и проносимой вѣтромъ пѣны, правя рулемъ, отдавая парусъ каждый разъ, какъ налетавшій штормъ клалъ лодку на бокъ. Суровое, изрѣзанное морщинами, мокрое отъ брызгъ лицо старика было хмуро, сосредоточенно. Онъ сдѣлалъ знакъ, и Андрейка, бросаемый изъ стороны въ сторону качкой, на четвереинькахъ, болтаясь въ водѣ, перебираясь черезъ кучи рыбы, полѣзъ на корму. Когда онъ добрался до кормы, старикъ нагнулся къ его уху и крикнулъ:

— Кидай рыбу за бортъ!

Андрейка расширенными глазами глядѣлъ на старика, но старикъ ткнулъ его кулакомъ. Мальчикъ дрожащими руками сталъ выбрасывать еще живую, трепетавшую рыбу вонъ изъ лодки. Только теперь онъ понялъ всю грозившую имъ опасность, и дѣтское отчаяніе охватило его. Держась одной рукой за перекладину, онъ другой торопливо выбрасывалъ рыбу и горько плакалъ и причиталъ сквозь слезы:

— Ы-ы-ы... миленькіе, потопаемъ!.. ы-ы-ы... потопаемъ... подайте помощи, пото-опаемъ!..

Но вѣтеръ сердито уносилъ его жалобу, и волны, разбиваясь о бортъ лодки, высоко вздымались бѣлымъ столбомъ брызгъ.

Андрейка повыбросалъ всю рыбу... Лодка пошла легче... Берегъ все приближался... Уже можно было различить размытые глинистые обрывы, желтѣвшій прибрежный песокъ и чернѣвшіе на берегу остовы старыхъ лодокъ... Андрейка, продолжая вычерпывать воду, сталъ молиться. Онъ молился тому старику съ сѣдой бородой, что былъ изображенъ на потемнѣвшей иконѣ въ углу церкви, передъ которой дѣдъ всегда ставилъ свѣчи. И Андрейка все ждалъ, что вотъ-вотъ ихъ лодка станетъ легче, и волны перестанутъ плескать черезъ бортъ пѣнистыя верхушки. По попрежнему съ шумомъ шли водяныя горы, летѣла пѣна и низко неслись грязныя тучи.

Шумя въ оснасткѣ и срывая гребни волнъ, набѣжалъ порывъ бури, погнулъ парусъ, лодка безсильно легла на бокъ, и въ нее всѣмъ бортомъ хлынула огромная волна.

Андрейка, съ ногъ до головы окаченный волной, схватился обѣими руками за мачту, захлебываясь отъ ворвавшейся въ ротъ соленой воды. Старикъ, съ проступившей по загорѣлому, обвѣтренному лицу землистой блѣдностью и съ прыгавшей нижнею челюстью, судорожно навалился грудью на поднявшійся бортъ. Лодка выпрямилась, но въ ней до половины оказалось воды, и она съ трудомъ теперь выбиралась на гребни набѣгавшихъ волнъ, которыя яростнѣе и чаще стали ее захлестывать. Андрейка каждую минуту ждалъ, что они пойдутъ ко дну. Неодолимый страхъ охватывалъ его. Онъ на четверенькахъ, весь въ водѣ, полѣзъ къ дѣду.

— Дѣ-ѣду, боюсь!..

Дѣдъ все съ такимъ же мокрымъ блѣднымъ лицомъ и прыгавшей челюстью втащилъ Андрейку на свое мѣсто, сунулъ ему руль и конецъ шкота:

— На вербу... на вербу держи!..

Старикъ крикнулъ это, что было голосу, но Андрейка изъ-за шума не разобралъ его словъ. Онъ только видѣлъ, какъ дѣдъ сбросилъ шапку и сапоги, торопливо перекрестился, вытянулъ руки, ринулся за бортъ, и облегченная лодка, съ переполненнымъ вѣтромъ парусомъ, пошла быстрѣе.

Кругомъ, какъ снѣгъ въ степи въ буранъ, бѣлѣла несшаяся поверхъ моря пѣна, навстрѣчу бѣжалъ берегъ, и всѣ предметы на немъ быстро увеличивались, выступая все отчетливѣе: размытые глинистые овраги, чернѣвшія на пескѣ лодки, бѣлая хата и старая верба возлѣ нея.

Андрейка былъ весь охваченъ восторгомъ сознанія, что онъ спасенъ.

Зажавъ подъ мышкой руль, накрутивъ на руку туго тянувшій шкотъ, онъ оглянулся: далеко-далеко, среди волнъ и пѣны мелькнула чернѣвшая голова. Она то совсѣмъ скрывалась изъ глазъ, то снова показывалась, подымаясь и опускаясь вмѣстѣ съ волнами. У Андрейки съ представленіемъ дѣда соединялось представленіе суровой, ни передъ чѣмъ не поддающейся силы, и теперь видъ этой безпомощно подымавшейся и опускавшейся вмѣстѣ съ волнами головы поразилъ его. Андрейка закричалъ пронзительнымъ дѣтскимъ голосомъ:

— Дѣ-ѣдко!.. дѣ-ѣдко!.. дѣ-ѣдко!..

Глотая неудержимо катившіяся изъ глазъ слезы и соленыя бившія въ лицо брызги, онъ изо всѣхъ силъ навалился на руль. Лодка дрогнула, накренилась, съ разбѣга круто повернулась, описавъ кругъ, и, какъ бы призадумавшись, стала противъ вѣтра. Парусъ ослабѣлъ и сталъ отчаянно болтаться и полоскать. Андрейка, все такъ же неудержимо рыдая, положилъ руль совсѣмъ на бортъ; лодка повернулась еще больше, вѣтеръ мгновенно наполнилъ съ другой стороны туго вытянувшійся парусъ, лодка рванулась и, все больше и больше черпая бортами и съ каждой секундой осѣдая, понеслась отъ берега назадъ въ море, туда, откуда, толпясь, шумя и разбиваясь, грозно шли волны, и гдѣ безпомощно виднѣлась, то скрываясь, то опять показываясь, голова...

— Дѣ-ѣдко!.. дѣ-ѣдко!.. дѣ-ѣдко!..

А. Серафимовичъ.

Н а м о р ѣ.

Пароходъ уходилъ въ море.

Какъ большая, тяжелая глыба, отколовшаяся отъ материка, отвалился онъ отъ каменнаго края набережной: межъ ними клиномъ вошло море. Пароходъ пыхтѣлъ, ревѣлъ, упирался, медленно поворачивался, какъ матерая корова въ тѣсномъ хлѣву, неохотно тянулся за маленькимъ буксиромъ, похожимъ на рѣчного рака.

На берегу махали платками, налѣзали другъ на друга, вытягивали шеи, какъ цыплята въ корзинѣ, становились на острый край набережной и поднимали руки надъ водой, точно собираясь летѣть. Бѣжали по берегу, плакали.

На пароходѣ тоже махали платками, тоже плакали, но стояли спокойно, будто покорились роковой неизбѣжности. Съ борта на берегъ и обратно перелетаютъ торопливыя, безтолковыя фразы: «Шарфомъ подвязывать не забудь! Кланяйтесь Кузьмѣ Петровичу! Двадцать четвертое помните! Вынь, говорю тебѣ, вынь!..»

Но вотъ и словъ не слышно, даже когда наставляютъ руки трубками. Говорятъ жестами, не понимаютъ, раздраженно мотаютъ головами. безнадежно машутъ руками.

Пароходъ вышелъ на середину гавани, пыхнулъ, окутался чернымъ дымомъ, отчего вода кругомъ стала лиловой, забурлилъ, задрожалъ и поплылъ въ зовущую даль моря, въ ту сторону, гдѣ нѣтъ береговъ.

Всѣ пассажиры на палубѣ. Сидятъ, стоятъ у перилъ, липнутъ взглядами къ берегамъ. Наводятъ бинокли. Шире развертывается море. Падаютъ, уплываютъ берега...

Рузанова никто не провожалъ. Онъ сидѣлъ на палубѣ, смотрѣлъ, какъ суетится въ гавани народъ, толпятся у бортовъ пассажиры. Ему передавалось волненіе окружающихъ, но волненіе это было радостнымъ. Онъ впервые видѣлъ южное море, и будущее представлялось ему такимъ же красивымъ, сверкающимъ и голубымъ, какъ морская даль. Онъ—молодой дипломатъ, секретарь бейрутскаго консульства. Ѣдетъ на мѣсто. И въ головѣ у него ясные планы: теперь секретарь, скоро консулъ, а черезъ двадцать лѣтъ посланникъ...

Прошелся по пароходу. Заглянулъ въ машинное отдѣленіе. Тамъ, на многосаженной глубинѣ, кажется, на самомъ морскомъ днѣ, около раскаленныхъ печей работаютъ черные кочегары. Въ гигантскомъ напряженіи клокочетъ машина, дышитъ теплымъ паромъ, нагрѣтой нефтью. Вмѣстѣ съ тонкими струйками пара взлетаютъ кверху стальные маслянистые поршни, взлетаютъ и прячутся, точно чьи-то безпокойные пальцы: тычутъ вверхъ, въ стеклянную крышку, да не могутъ достать.

Копошатся палубные пассажиры. Залѣзаютъ на грязныя нары, разстилаютъ на палубѣ постели. На бакѣ, въ загородкахъ, стоятъ овцы, коровы и лошади.

Матросы убираютъ канаты, закрываютъ люки, свертываютъ навѣсы, приводятъ все въ дорожный порядокъ.

Прошелъ, осмотрѣлъ и всѣмъ остался доволенъ. Часть земли, пароходъ понесъ на себѣ и всѣ земные распорядки. Богатые и бѣдные, рабочіе и бездѣльники, начальство и подчиненные, грязныя нары и бархатные диваны—все здѣсь такъ же, какъ и тамъ, на землѣ.

Завязываются несмѣлые узлы новыхъ знакомствъ. Ходятъ по палубѣ, смотрятъ другъ на друга, заводятъ разговоры нѣжно, внимательно.

Сидитъ на скамейкѣ и кормитъ грудного ребенка молодая дама. Другая дѣвочка лѣтъ шести, прекрасная, точно изъ сказки, съ золотистыми волосами, какъ взволнованный котенокъ.

лѣзетъ къ периламъ, хочетъ заглянуть въ воду. Мать часто окликаетъ ее испуганнымъ голосомъ:

— Надя! иди сюда, Надя! Господи, тебѣ вѣдь говорю, Надя!

Тогда Надя бѣжитъ по палубѣ, высоко подбрасываетъ пятки, наклоняетъ голову и любуется, какъ у ней надъ глазами свисаютъ золотистыя кудряшки.

Надя уже почти познакомилась съ Рузановымъ. Когда Надя проходитъ близко, онъ улыбается и тихо зоветъ:

— Надя! иди сюда, Надя!

Надя бросаетъ на него лукавый взглядъ, звонко смѣется и бѣжитъ прочь. Снова подходитъ близко, смотритъ нарочно въ сторону, а на бровяхъ и губахъ уже прыгаютъ живчики смѣха.

Надя хотѣла спрятаться отъ Рузанова за столбикомъ перилъ, соскользнула и упала въ море.

Случилось это такъ неожиданно просто, что въ первое мгновеніе даже никто не вскрикнулъ. Кофточка изъ бѣлой фланели раскрылась, взметнулись на головѣ золотыя кудряшки. На одинъ мигъ Рузанову показалось, что Надя не упадетъ въ воду, а, какъ бабочка или сказочный эльфъ, полетаетъ надъ моремъ вокругъ парохода и снова прилетитъ на палубу, засмѣется надъ общимъ испугомъ, побѣжитъ, затопаетъ ножками.

Но уже въ слѣдующее мгновеніе эльфъ упалъ па воду, немного покатился по волнѣ впередъ, какъ движется пароходъ. Вода разступилась хрустальной люлькой и закрыла, точно въ стеклянную коробку уложила. Видно подъ водой, какъ она судорожно дрыгнула ручками, ножками.

Раздался крикъ, точно разодрали большое полотно: крикъ воющій, съ трескомъ. На палубу вихрь залетѣлъ, подхватилъ, закружилъ по бортамъ цвѣтныя женскія платья, сбилъ въ безтолковую точку сѣрые пиджаки, голубыя и красныя кофточки. Закричали, замахали руками. Побѣжали куда-то.

Но еще раньше всего этого за Надей сѣрымъ пятномъ мелькнулъ черезъ перила и полетѣлъ въ море другой человѣкъ...

Кто-то посторонній, какъ показалось Рузанову, снялъ съ него пиджакъ, подбросилъ на желѣзныя перила, толкнулъ внизъ... И, весь холодѣя отъ ужаса, молодой дипломатъ полетѣлъ вслѣдъ за Надей.

Океанъ. *Н. Н. Дубовской.*

Дунулъ снизу вѣтеръ, обдалъ ласковой теплотой похолодѣвшее тѣло. Упалъ на воду неловко, спиной. Потянуло внизъ, закрутило. Въ ноздри потекла соленая вода, защипала.

Началъ работать руками и ногами, толкалъ упругія, резиновыя стѣны воды. Зашумѣло надъ головой. Вынырнулъ и поплылъ сгоряча куда попало.

Открылъ глаза. Пароходъ отошелъ далеко, по крайней мѣрѣ, такъ показалось снизу, съ воды. Но поворачивается бокомъ, взбиваетъ высокую пѣну, чуть не до верхней палубы. По борту скользятъ люди, лодка.

Бортовая волна снова плеснула въ лицо. Замоталъ головой, отряхнулся. Поднялся, сколько могъ, на рукахъ и ногахъ, оглянулся. Гдѣ Надя? Саженяхъ въ десяти на водѣ перевертывался цвѣтной комочекъ. Быстро поплылъ туда. Сорвалъ рукава рубашки. Мокрое полотно разорвалось легко. Башмаки налились водой—снялъ ихъ ногами. Жилетка, брюки намокли, немного мѣшаютъ, но плыть можно. Не нужно только волноваться, надо беречь силы. Плыветъ. Близко. Комочекъ повернулся и погрузился въ воду. Пересталъ работать руками, и въ стеклѣ воды увидѣлъ Надино тѣло. Выпустилъ изъ груди весь воздухъ и нырнулъ.

Вспомнилъ изъ физики, что если на предметы подъ водой смотрѣть вкось, то они кажутся не на своемъ мѣстѣ. Соображалъ — выше или ниже кажутся они, и не успѣлъ сообразить, какъ рука натолкнулась на Надю.

Прошло минутъ пять, пока подошла лодка. Нужны были громадныя усилія, чтобы удержаться на поверхности. Ухватилъ Надю зубами за платье, опустился въ воду по самый ротъ. Проплылъ невдалекѣ большой любопытный дельфинъ и сдѣлалъ около два тѣсныхъ оборота, мелькая въ прозрачной водѣ поочередно бѣлымъ брюхомъ и темной спиной. Рузановъ даже почувствовалъ тѣломъ, какъ мягко заструилась за морскимъ звѣремъ вода.

Подошла лодка. Въ туманѣ люди. Видно только, какъ на голову надвигается ослѣпительно бѣлый бортъ, и вода заплескалась подъ нимъ голубымъ молокомъ.

Точно у лодки десятки корявыхъ рукъ, и всѣ протянулись къ Рузанову. Судно накренилось такъ, что Рузановъ увидѣлъ другой бортъ, даже дно. Раздалась рѣзкая команда офицера.

— На мѣста-а-а! Коваленко, Андрейчукъ, вынимайте!

Взяли Надю. Потащили Рузанова. Андрейчуковы оспины налились кровью, точно лицо покрылось кровавой росой. Тѣло свое показалось Рузанову такимъ тяжелымъ, что охватило сомнѣніе: вытащатъ ли матросы. Руки отяжелѣли: онъ не могъ ими двинуть. Было тепло, но онъ дрожалъ всѣми жилками тѣла. Хотѣлъ что-то сказать, но прикусилъ языкъ. Стиснулъ зубы, чтобы не стучали.

Надю положили на свернутый пологъ. Спорили, какъ положить голову: выше или ниже туловища, да такъ и не рѣшили. А доктора взять съ собою забыли.

— Въ весла!

Лодка ощетинилась боковыми плавниками и, чуть-чуть макая въ воду гибкіе концы веселъ, быстро поплыла къ пароходу.

Рузанова поддерживали, усаживали. Кругомъ свѣтились хорошія лица. Тревожно скользили взглядами по маленькому, неподвижному и мокрому тѣлу Нади и лучились лаской разноцвѣтныхъ глазъ въ сторону Рузанова. Помощникъ капитана снялъ свой китель и накинулъ Рузанову на плечи, прикрылъ ему чѣмъ-то голову.

«И какъ это я упалъ въ море?» подумалъ на мгновеніе Рузановъ, но тотчасъ вспомнилъ, что онъ прыгнулъ самъ за Надей. И удивился. Какъ это онъ рѣшился!? И только теперь испугался моря, глубины, бѣлаго брюха дельфина. А можетъ-быть, это была акула?

Не замѣтилъ, какъ очутились около самаго парохода. Минуту тому назадъ пароходъ на безграничномъ фонѣ моря и неба казался маленькимъ, и небо висѣло низко надъ моремъ. Теперь пароходъ, высокій, огромный, давитъ чернымъ бортомъ, а голубое небо взметнулось надъ нимъ высоко-высоко.

Принявъ лодку, пароходъ тронулся въ путь, оставивъ послѣ себя въ морѣ широкое свѣтло-зеленое озеро взбаламученной воды. На палубѣ около Нади широкимъ полукругомъ столпились пассажиры, возился пароходный докторъ, плакала тихо съ ребенкомъ на рукахъ мать. Хлопотали женщины, приносили бѣлье, одеколонъ, уксусъ, одѣяла—все, что было нужно и ненужно. Объ Рузановѣ вспомнили тогда, когда Надя очнулась, и ее уложили въ кровать. Надина мать бѣгала съ радостными слезами по пароходу, искала Рузанова, чтобы поблагодарить.

С. Кондурушкинъ.

Пожаръ на кораблѣ.

I.

Давно, когда еще не было паровыхъ судовъ, а были только парусныя, въ одинъ изъ декабрьскихъ дней, русскій военный транспортъ «Діана», направлявшійся съ разнымъ грузомъ изъ Кронштадта въ Камчатку и порты Охотскаго моря, покачивался въ тихой зыби Атлантическаго океана въ штилевой полосѣ у экватора.

«Діана», недурно ходившая даже при легкомъ вѣтеркѣ, теперь, словно парализованная, не двигалась и походила на гигантскую птицу съ опущенными безпомощно крыльями. Бѣлые паруса, точно тряпки, обвисли на трехъ высокихъ мачтахъ транспорта и хлопались о нихъ при мѣрномъ покачиваніи судна, словно бы говоря о своей безпомощности. Печально висѣли и кормовой флагъ и вымпелъ.

Солнце, ослѣпительное и жгучее, въ видѣ большого раскаленнаго золотистаго шара, стояло въ глубокой выси безоблачнаго неба, и отвѣсные его лучи накаливали неподвижный воздухъ, заливая блескомъ и этотъ застѣлившій, словно дремлющій океанъ, и далекую золотистую мглу горизонта, и палубу транспорта, который казался какой-то несчастной сиротинкой среди безбрежной водяной пустыни, отливавшей бирюзой.

Ни одного паруса не бѣлѣетъ на горизонтѣ. Ни одного живого существа не видно вокругъ.

Порой опустится на воду стайка бѣлоснѣжныхъ альбатросовъ съ ихъ красными клювами и красными кругами у глазъ, поохотится за рыбой, тяжело подымется, разбѣжится по водѣ и, расправивъ свои громадныя, вдвое сложенныя крылья, улетитъ и быстро скроется изъ глазъ. Среди торжественной тишины океана раздается плескъ и шумъ выпущенной китомъ струи, похожей на фонтанъ, и морской великанъ, показавъ изъ воды свою черную спину, снова исчезаетъ въ глубинѣ океана.

Душно, томительно и тоскливо морякамъ на «Діанѣ». Ихъ семьдесятъ матросовъ и десять офицеровъ, включая капитана и врача. Вотъ уже восемь дней, какъ «Діана», пробѣжавъ съ пассатомъ сѣверные тропики, «штилюетъ» вблизи экватора, и никто не знаетъ, скоро ли тихое экваторіальное теченіе выне-

сетъ ее изъ этой морской Сахары опять къ желанному вѣтру, который вздуетъ паруса и помчитъ корабль впередъ. Вотъ уже третья недѣля, какъ матросы сидятъ на солонинѣ да на сухаряхъ.

II.

На бакѣ уже собрался кружокъ пѣсельниковъ.

Затянулъ тенорокъ-подголосокъ, подхватилъ хоръ, и звуки родной грустной народной пѣсни разлились среди безмолвія океана. Разговоры прекратились. Всѣ какъ-то задумчиво притихли, слушая заунывный напѣвъ пѣсни, напоминавшей здѣсь, подъ экваторомъ, далекую родину. И всѣ офицеры вышли наверхъ изъ душной каютъ-компаніи. Вышелъ и капитанъ, высокій серьезный финляндецъ, лѣтъ за сорокъ, въ своемъ бѣломъ кителѣ, бѣлыхъ широкихъ штанахъ и въ туфляхъ, и мѣрно зашагалъ по шканцамъ, недовольно взглядывая по временамъ на хлопающіе паруса.

А горизонтъ уже пылалъ багрянцемъ, и небо надъ нимъ окрасилось всевозможными цвѣтами волшебныхъ красокъ, начиная отъ пурпура и кончая нѣжно-лиловой... Еще минута, другая, и солнце исчезло въ этомъ заревѣ, и на противоположной сторонѣ неба уже мигали блѣдныя звѣзды.

Пѣсня смолкла. Вахтенный офицеръ скомандовалъ:

— Флагъ спустить!

Всѣ обнажили головы. Флагъ былъ спущенъ, и суровый день окончился.

За короткими сумерками почти внезапно наступила чудная южная ночь, и небо засвѣтилось миріадами ярко мигающихъ звѣздъ, среди которыхъ особенно хороши были Юпитеръ и Венера. А почти надъ головами тихо лила свѣтъ красавица южнаго полушарія — звѣзда Креста.

Повѣяло нѣжной прохладой. Мракъ охватилъ со всѣхъ сторонъ «Діану». Только зеленый и красный огоньки по бокамъ судна да бѣлый огонекъ фонаря, привязаннаго къ передней мачтѣ, указывали во мракѣ ночи присутствіе судна.

Пѣсни возобновились — спать было еще рано. Но вотъ пробило двѣ склянки (девять часовъ), и вахтенный офицеръ приказалъ раздавать койки. Раздался свистокъ и вслѣдъ затѣмъ крикъ боцмана:

— На молитву!

Всѣ семьдесятъ человѣкъ команды выстроились на шканцахъ, обнажили головы и пропѣли хоромъ молитву.

Затѣмъ раздалась команда: «брать койки!» и минутъ черезъ десять-пятнадцать всѣ матросы, за исключеніемъ двадцати человѣкъ вахтенныхъ, уже лежали на разостланныхъ тюфячкахъ на палубѣ. Спать внизу, въ матросскомъ помѣщеніи, было душно.

Скоро раздался свистъ и храпъ спящихъ людей. Къ одиннадцати часамъ уже не видно было огня ни въ капитанской каютѣ ни въ каютъ-компаніи. Всѣ спали.

Только вахтенный офицеръ, весь въ бѣломъ, шагалъ себѣ взадъ и впередъ по мостику, боцманъ разгуливалъ на узкомъ пространствѣ бака, да двадцать человѣкъ вахтенныхъ матросовъ, разбившись маленькими кучками, тихо, совсѣмъ тихо, словно бы боясь потревожить тишину этой волшебной ночи, разговаривали между собой, коротая время вахты. Сказывали сказки, вспоминали про свои мѣста, про разныхъ командировъ — злыхъ и добрыхъ. Нѣкоторые, притулившись у борта, поклевывали носомъ.

И надъ всей этой маленькой кучкой людей словно бы тихо вздрагивало сверкающее звѣздами очаровательное небо. А океанъ обвѣвалъ нѣжной прохладой, посылая крѣпкій, здоровый сонъ.

III.

О чемъ только не перемечталъ въ теченіе вахты молодой мичманъ, и какія только воспоминанія, хорошія и поэтическія, не приходили въ его голову! Но къ концу вахты южная ночь точно околдовала и его, и онъ дѣлалъ чрезвычайныя усилія, чтобы не поддаться дремѣ... Онъ нарочно ходилъ взадъ и впередъ, боясь прислониться къ поручнямъ, такъ какъ зналъ по опыту, что, прислонись онъ на минутку, и тотчасъ же задремлетъ. Бывали такія оказіи! Околдовывали его эти тихія, нѣжныя ночи и въ тропикахъ, гдѣ дулъ вѣтеръ, а тутъ...

Мичманъ вдругъ остановился: странный запахъ ошеломилъ его. Онъ потянулъ носомъ... Нѣтъ сомнѣнія, дымъ и острый запахъ гари.

«Господи, что это такое?» подумалъ онъ и бросился съ мостика на палубу. А ужъ боцманъ, перескакивая черезъ спящихъ, бѣжалъ къ нему навстрѣчу.

— Ваше благородіе! — тревожно проговорилъ боцманъ. — Нехорошо пахнетъ.

— То-то и я слышу... Откуда пахнетъ?

— Будто изъ-подъ палубы, ваше благородіе...

Принесли фонари. Легкія струйки дыма вырывались изъ-подъ плотно закрытаго люка, въ передней части трюма, гдѣ находился грузъ.

— Открыть люкъ!

Едва нѣсколько человѣкъ приподняли тяжелую крышку, покрывавшую одно изъ отверстій грузового пространства, какъ густые клубы дыма вырвались изъ-подъ него, и внизу блеснуло пламя.

— Барабанщика! Пожарную команду! — скомандовалъ, объятый ужасомъ, молодой офицеръ и послалъ сигнальщика разбудить капитана.

Не прошло и полминуты, какъ среди тишины раздалась частая тревожная дробь пожарной тревоги.

И вмигъ сонный корабль сталъ живымъ и освѣтился фонарями. Всѣ, какъ бѣшеные, ринулись по своимъ мѣстамъ. Черезъ двѣ-три минуты часть команды была съ топорами, а другая у помпъ, или переносныхъ пожарныхъ трубъ.

Капитанъ, по обыкновенію, невозмутимый и серьезный, отдавалъ приказанія. Только скулы его бѣлобрысаго лица двигались быстрѣе, да глаза возбужденно горѣли.

— Руби палубу!.. Заливай здѣсь! — командовалъ онъ рѣзкимъ, отрывистымъ голосомъ.

Нѣсколько десятковъ топоровъ рубили палубу около люка. Всѣ помпы дѣйствовали и выбрасывали воду въ клубы густого чернаго дыма, изъ-подъ котораго вырывалось пламя, все большее и большее.

— Осмотрите трюмъ!.. Поднять всѣ люки!

Подняли другіе люки. Дымъ, правда, слабый, поднимался и изъ нихъ.

— Воды! воды! Качай сильнѣй, ребята! — кричалъ капитанъ.

Завязалась отчаянная борьба людей съ огнемъ. Капитанъ былъ теперь блѣденъ, какъ полотно, сознавая весь ужасъ положенія. Очевидно, что-нибудь тлѣло внизу уже давно, и теперь было трудно бороться съ огнемъ.

Но онъ не падалъ духомъ. Надежда спасти судно не покидала его.

Онъ самъ ринулся въ трюмъ черезъ другой люкъ, чтобы посмотрѣть, въ какомъ положеніи находится остальной грузъ, и вышелъ оттуда мрачный. И тамъ все горѣло внизу.

Онъ отдалъ приказаніе выбрасывать еще не загорѣвшійся грузъ за бортъ. Но скоро это сдѣлалось невозможнымъ. Матросы задыхались въ дыму.

Помпы все время работали, вода лилась, но пожаръ въ трюмѣ не утихалъ. Еще нѣсколько времени — и загорѣлось самое судно. Пылала палуба, разгорѣлись смолистыя снасти. Огонь поднимался наверхъ. Начала горѣть передняя мачта.

Капитанъ понялъ, что борьба невозможна и что пора спасать людей. Попрежнему, полный самообладанія, онъ приказалъ бросить всѣ работы и спускать гребныя суда на воду. Отдавая приказанія объ этомъ, онъ не забылъ ни одной мелочи: распорядился, чтобы на всякую шлюпку была взята провизія, бочепки съ прѣсной водой и запасныя весла и паруса. Вслѣдъ затѣмъ онъ приказалъ старшему штурману спасти шканечный журналъ, инструменты и карты, а ревизору—денежный сундукъ.

Благодаря наружному спокойствію финляндца-капитана, на транспортѣ не было никакой паники: все дѣлалось, какъ па ученьи. Люди, занятые спускомъ шлюпокъ, работали съ лихорадочной поспѣшностью; другіе — носили запасы провизіи, бочепки съ водой, паруса, весла. Никто, казалось, въ эти минуты не думалъ объ опасности—очутиться на шлюпкахъ въ океанѣ, въ пятистахъ миляхъ отъ берега Америки.

Передняя часть «Діаны» уже вся пылала въ огнѣ, озаряя свѣтомъ частицу океана. Всѣ были на кормѣ транспорта. Баркасъ и два катера, совсѣмъ готовые, держались у борта за кормой. Капитанъ спустился въ свою каюту, торопливо сдернулъ со стѣны два портрета—молодой жены и крошки мальчика, сунулъ въ карманъ кошелекъ съ деньгами и хотѣлъ было уходить, какъ замѣтилъ своего вѣстового Захарку, усердно завязывающаго чемоданы съ пожитками капитана.

— Ты что это?

— Ваши вещи собираю, вышескобродіе.

— Брось!

— Можно спасти, вышескобродіе.

— Не надо! Уходи отсюда!

Захарка съ недоумѣніемъ взглянулъ на капитана и выбѣжалъ изъ каюты.

Капитанъ прощальнымъ, полнымъ грусти, взглядомъ обвелъ свою каюту—эту удобную каюту, въ которой онъ еще вчера чувствовалъ себя довольнымъ и счастливымъ, и выбѣжалъ наверхъ.

— Всѣ ли здѣсь?—спросилъ онъ старшаго офицера.

— Всѣ!—отвѣтилъ старшій офицеръ.

— Ребята, — съ грустной суровостью проговорилъ капитанъ, — мы сдѣлали все, что могли, чтобы спасти судно. Вы боролись такъ же мужественно съ огнемъ, какъ и со штормами... Спасибо, ребята.

— Рады стараться, вышескобродіе! — гаркнули въ отвѣтъ матросы.

— Теперь намъ предстоитъ болѣе тяжелое плаваніе на шлюпкахъ. Будьте такими же молодцами, приготовьтесь къ лишеніямъ и слушайте своихъ офицеровъ. Помните, что, если каждый исполнитъ свой долгъ, мы можемъ спастись... Не ропщите, если порціи пищи и воды будутъ уменьшены. И я и всѣ офицеры будутъ ѣсть столько же, сколько каждый изъ васъ... Съ собой лишняго ничего не брать... Оставить все... Господа офицеры, я васъ объ этомъ же прошу.

Всѣ, кто думалъ спасать имущество, побросалъ его на палубу.

— Теперь сажайте людей на шлюпки, Иванъ Иванычъ!— обратился капитанъ къ старшему офицеру. — Не суетитесь, ребята! Садитесь въ порядкѣ!—прибавилъ онъ и самъ поднялся на мостикъ, чтобы слѣдить за посадкой людей.

Матросы спускались по штормъ-трапу въ суровомъ безмолвіи; никто не проронилъ ни слова. Сперва сошли больные съ фельдшеромъ и врачомъ, потомъ—остальные матросы и офицеры, распредѣленные по шлюпкамъ.

Пылала уже и гротъ-мачта. Впереди за ней все было объято пламенемъ. На мостикъ сыпались искры. Но капитанъ не оставлялъ своего поста, пока всѣ не сѣли въ шлюпки.

Тогда и онъ, едва сдерживая слезы, съ выраженіемъ горя на своемъ серьезномъ лицѣ, сошелъ съ мостика, съ котораго пять лѣтъ управлялъ любимымъ судномъ, и, взглянувъ любовнымъ взоромъ на горѣвшую «Діану», спустился на баркасъ.

— Отчаливай!—скомандовалъ онъ.

Гребцы взялись за весла. Взоры всѣхъ обратились къ пылающему кораблю, который трещалъ, изрыгая пламя и сыпля искры среди безмолвія океана и окружающаго мрака ночи.

Только теперь, казалось, матросы сознали ужасъ своего положенія. И всѣ, какъ одинъ человѣкъ, сняли шапки и благоговѣйно крестились. По многимъ лицамъ текли слезы. Мысли о смерти пробѣгали въ головахъ.

А пламя разгоралось все ярче и ярче. Словно горѣлъ гигантскій факелъ среди океана. Прошло еще десятокъ минутъ, и вдругъ раздался глухой трескъ, и огненные снопы съ шипѣніемъ упали въ воду. «Діана» исчезла изъ глазъ. Все вдругъ погрузилось въ темноту.

— О Господи!—шептали на шлюпкахъ матросы и снова крестились.

Маленькіе огоньки трехъ шлюпокъ тихо двигались одинъ за другимъ въ близкомъ разстояніи.

Весла, опускаясь въ воду, взрывали снопы блистающаго фосфорическаго свѣта, и капли, падавшія съ нихъ, казались брильянтами. Плавная, но, несмотря на штиль, все-таки большая зыбь старика-океана стремительно качала крохотныя скорлупки, грозя ихъ проглотить. Но шлюпки легко прыгали по зыби; рулевые смотрѣли во всѣ глаза. По временамъ съ баркаса, шедшаго впереди этой маленькой флотиліи, жгли фейерверки, чтобы шлюпки не разлучились. Онѣ и безъ того не отставали одна отъ другой и жались другъ къ другу, словно бы ища спасенія въ тѣсномъ сосѣдствѣ.

А чудная ночь попрежнему вѣяла нѣжной прохладой. И яркія звѣзды мигали сверху. И усталыхъ несчастныхъ моряковъ клонило ко сну. Они дремали, посмѣнно чередуясь на веслахъ.

IV.

Прошло двѣ недѣли, и маленькая флотилія еще была цѣла, направляясь полосою штиля къ американскому берегу. Каждое утро среди океана раздавалась утренняя молитва моряковъ, и въ полдень съ баркаса объявляли результатъ астрономическихъ наблюденій старшаго штурмана. До берега оставалось еще 100 миль. Но изъ семидесяти человѣкъ надежду увидѣть берегъ могли имѣть лишь сорокъ. Тридцать матросовъ и четыре офицера уже умерли отъ изнуренія и палящаго зноя. И оставшіеся въ живыхъ, казалось, съ покорностью ждали смерти, теряя надежду на спасеніе. Провизіи оставалось такъ мало, что на каждаго человѣка приходилось по маленькому кусочку солонины, по сухарю и по полкружкѣ воды въ день. Капитанъ, исхудавшій

и состарѣвшійся въ эти двѣ недѣли, напрасно старался поднять духъ моряковъ. Гребцы съ трудомъ опускали весла, и шлюпки безпомощно качались на океанѣ. Томимые жаждой, съ воспаленными глазами, жадно вглядывались моряки на горизонтъ въ надеждѣ увидать судно. Но горизонтъ былъ пустъ. Одно небо да океанъ, океанъ да небо и сверху это жестокое палящее солнце, а сбоку, совсѣмъ близко у шлюпокъ, то и дѣло показывались акулы, ожидая поживы.

По временамъ многіе бредили. Имъ казалось, что они видятъ судно, и они съ дикою радостью кричали:

— Парусъ! парусъ!

И простирали исхудалыя руки, и на изможденныхъ лицахъ свѣтились радостныя, счастливыя улыбки. Но видѣнія исчезали, и снова отчаяніе являлось на смѣну радости. Каждый день уносилъ новую жертву. Еще два дня, а тамъ голодная смерть... Но вдругъ на разсвѣтѣ дня, когда была роздана послѣдняя провизія, и на катерѣ оставалось только десятка два матросскихъ сухарей, раздался чей-то радостный крикъ:

— Судно!.. судно!..

И одновременно тотъ же крикъ раздался и съ двухъ другихъ шлюпокъ. Безумная радость оживила несчастныхъ. Всѣ крестились и плакали. Взоры, полные надежды, были устремлены на горизонтъ. Употребляя нечеловѣческія усилія, тѣ, у кого еще сохранились кое-какія силы, стали грести къ кораблю, бѣлые паруса котораго ясно вырисовывались на горизонтѣ. Въ то же время со всѣхъ шлюпокъ не переставали махать флагами, привязанными къ поднятымъ весламъ. Стрѣляли изъ ружей и маленькой пушки на баркасѣ.

Прошелъ часъ, другой. Надежда смѣнилась отчаяніемъ, отчаяніе надеждой. Замѣтятъ ли съ судна шлюпки?

И вдругъ среди безмолвія океана раздалось слабое «ура!» Съ корабля отчалила шлюпка и шла къ бѣдствующимъ морякамъ.

Черезъ нѣсколько времени тридцать изможденныхъ страдальцевъ уже были на палубѣ французскаго купеческаго корабля.

К. Станюковичъ.

Свѣтлая ночь.

На улицахъ было непривычно тихо. Только изрѣдка проѣзжали извозчичьи пролетки, или торопливо проходила фигура съ конусообразнымъ узелкомъ въ рукахъ. И опять тишина. Жизнь притаилась, всѣ ждали чего-то.

По переулку шелъ высокій сутуловатый человѣкъ, въ застегнутомъ пиджакѣ табачнаго цвѣта и сильно потертыхъ и обтрепанныхъ штанахъ. Онъ шлепалъ большими калошами. Онѣ отставали отъ ногъ при каждомъ шагѣ и обнажали худыя пятки и торчащіе, обтянутые сухой кожей щиколотки. Лохмы рыжихъ спутанныхъ волосъ выглядывали изъ-подъ сплюснутаго картуза. Человѣкъ шелъ, засунувъ руки въ карманъ и опустивъ голову...

Подулъ холодный вѣтеръ, и зашумѣли люди, много за разъ говорили, кричали что-то. Человѣкъ оглядѣлся. Онъ стоялъ на берегу рѣки; недалеко чернѣла огромная арка моста. За черной кучей людей мутно бѣлѣла рѣка.

Человѣкъ вспомнилъ, какъ еще вчера ходилъ смотрѣть на ледоходъ и, перегнувшись черезъ перила моста, слѣдилъ за медленными льдинами. Онѣ лѣниво сталкивались и подползали подъ арку моста.

Чего же теперь-то люди смотрятъ, ночью? Онъ подошелъ поближе къ толпѣ и разслышалъ отдѣльныя слова и фразы:

— «Утонетъ! мальчоночекъ махонькій! Гдѣ ему справиться!..» — «Спосылать надоть кого-нибудь». — «Спосылать! самъ сунься»...

— «А чего лѣзъ?..» — «Собаку, вишь, жалко стало».

— «Гляньте-ка, братцы, чуть видать...»—«Вынырнулъ!..»

— «Опять быдто нѣту»...

Среди мутной бѣлизны, далеко, то показывалось, то исчезало маленькое, черное пятно.

— Дайте веревку, — я пойду...

— Кто это? — заговорили кругомъ. — Должно, чужой... Да никакъ, это Рыжикъ? Чего пьянаго пущаете?..

— Я не пьянъ... — громко и спокойно проговорилъ Рыжикъ. — Авось, спасу; а не спасу — на то Божья воля.

Онъ схватилъ веревку, размашисто перекрестился и, спустившись съ берега, побѣжалъ, перепрыгивая со льдины на льдину.

Грачи прилетѣли. *А. К. Саврасовъ.*

Одна калоша соскочила съ ноги, взвилась и шлепнулась въ воду. Ледяныя мурашки побѣжали по голой ногѣ. Рѣзкій, влажный вѣтеръ продувалъ грудь, но дышалось легко. Все ближе и крупнѣе черное пятно. Вотъ уже можно различить рядомъ съ нимъ другое, маленькое, должно-быть, собаку. А льдины все движутся, лѣниво трутся одна о другую, трещатъ, ломаются и проползаютъ. Появляются трещины, ноги скользятъ. Нѣсколько разъ Рыжикъ провалился по поясъ въ темную ледяную воду и ссадилъ себѣ колѣни, карабкаясь на льдины. Теперь мальчикъ и собака замѣтили его. Они стояли на льдинѣ, окруженной водой; ихъ медленно уносило. Мальчикъ что-то закричалъ, махая руками, собака прижалась къ его ногамъ, завизжала и завыла. Рыжикъ быстро завязалъ концомъ веревки кусокъ льда.

— Лови веревку! — крикнулъ онъ мальчику и, держа другой конецъ, перебросилъ ему конецъ съ завязаннымъ кускомъ.

— Обвяжись веревкой покрѣпче! — продолжалъ кричать Рыжикъ. — Лѣзь въ воду, — я тебя вытащу.

— А Шарикъ? — раздался голосъ мальчика.

— Ничего, толкни его въ воду, — выплыветъ.

Фигура мальчика соскользнула съ бѣлой льдины въ темную воду и на мгновенье исчезла, но тотчасъ же показались двѣ широко размахивающія руки. — Рыжикъ тащилъ къ себѣ веревку, быстро перехватывая ее руками, и черезъ нѣсколько мгновеній вытянулъ дрожащаго мальчика въ ледяной, прилипшей къ тѣлу рубашкѣ. За нимъ, отфыркиваясь, выпрыгнулъ Шарикъ, скользкій, повизгивающій.

— Ну, теперь живо къ берегу! — радостно крикнулъ Рыжикъ.—Ты не бойся, если шлепнешься въ воду: веревка у меня крѣпко привязана вокругъ пояса, я тебя не выпущу.

И они двинулись къ берегу, но съ мальчикомъ итти было очень трудно. Онъ каждую минуту скользилъ, проваливался и начиналъ кричать дикимъ голосомъ; а Шарикъ визжалъ и боялся прыгать въ ледяную черную воду.

— Ужъ недалеко,—ободрялъ ихъ Рыжикъ, самъ начиная терять силы. Теперь, когда главное было сдѣлано и съ берега доносились смутные голоса дожидавшихся людей, его возбужденіе стало ослабѣвать, и онъ чувствовалъ, что не ѣлъ цѣлый день. Голова кружилась, грудь при каждомъ вздохѣ рѣзало, какъ ножомъ. Вѣтеръ усилился, льдины поползли быстрѣе, наскакивая другъ на друга, громоздясь.

Ледоходъ.

А. А. Киселевъ.

Нужно было выбирать удобное мгновенье, чтобы перепрыгивать съ одной на другую, не попадая въ трещины, иначе могло раздавить.

— Держись крѣпче за веревку! Давай руку! — кричалъ Рыжикъ и прыгалъ, таща за собою мальчика. На большой льдинѣ имъ пришлось остановиться: со всѣхъ сторонъ нагромоздились глыбы, прохода не было.

— Вотъ какъ только эта правая продвинется, ты прыгай сначала!..—сказалъ Рыжикъ, съ трудомъ переводя духъ и чувствуя, что если онъ прыгнетъ первый, то ему не вытащить мальчика.

Задержанныя на минуту ледяныя глыбы задвигались, поплыли, открывая путь къ слѣдующей большой льдинѣ. Мальчикъ, ужасъ котораго дошелъ до того, что онъ уже не могъ кричать, а только стучалъ зубами, какъ-то отчаянно взмахнулъ рукой и прыгнулъ. За нимъ чернымъ комомъ промелькнулъ Шарикъ. Рыжикъ хотѣлъ тоже прыгнуть вслѣдъ за ними, но у него не хватило силъ ни прыгнуть ни удержаться на льдинѣ. Ноги соскользнули, онъ по шею ушелъ въ черную ледяную воду и глухо застоналъ отъ невыносимой боли: наскочившая льдина придавила ему грудь. Онъ забился, какъ пойманная рыба. Потянулись полосы краснаго тумана, въ ушахъ шумѣло, точно ухалъ подходившій паровозъ, и это глухое уханье прорѣзалъ, какъ стекломъ, пронзительный крикъ мальчика.

«Веревка!..» промелькнуло въ затемненной головѣ Рыжика. Онъ открылъ глаза, сдѣлалъ послѣднее усиліе правымъ плечомъ, освободилъ руки и, схватившись за край уже отползавшей отъ него льдины, съ трудомъ вскарабкался на нее. Оставалось только перешагнуть на большую льдину.

— Ушибло очень? — испуганно крикнулъ мальчикъ.

— Ничего... — выговорилъ Рыжикъ, дрожащими, отяжелѣвшими руками отвязывая отъ пояса скользкую веревку. — Слышишь, какъ съ берега кричатъ?.. Бѣги!.. Теперь близко... спасутъ... А меня...—онъ не договорилъ, хотѣлъ шагнуть къ мальчику, но вдругъ все завертѣлось и загудѣло вокругъ него; онъ зашатался, безпомощно взмахнулъ руками и упалъ навзничь, со всего размаха ударившись головой объ острую льдину.

Въ эту минуту съ высокой колокольни раздался первый огромный, торжественный ударъ большого колокола. Это былъ послѣдній земной звукъ, который долетѣлъ до замиравшаго слуха Рыжика.

Людно, но тихо въ подвалѣ. Съ важнымъ, прекраснымъ лицомъ лежитъ въ гробу Рыжикъ, сложивъ на груди прозрачныя, застывшія руки.

Священникъ въ серебряной ризѣ молится объ упокоеніи души новопреставленнаго раба Божія Бориса, и надъ гробомъ, вмѣсто мрачныхъ и давящихъ измученную душу погребальныхъ молитвъ, раздаются великія радостныя слова свѣта и жизни:

«Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ»...

Allegro.

Махмудкины дѣти.

I.

Въ послѣднюю турецкую войну, наканунѣ Новаго года, ночью, шла перестрѣлка между нашими и турками. Съ версту, позади цѣпи, въ турецкой деревнѣ, на крыльцѣ сидѣли два казачьи офицера.

— Что, Иванъ Ѳомичъ, новогодняя ночь-то не особенно хороша?—сказалъ маленькій толстый полковникъ длинному майору, у котораго рука висѣла на перевязи... Они сидѣли на балконѣ турецкаго дома.

— Да!.. И изъ дому никакихъ писемъ.

— Меня это не особенно безпокоитъ. Знаю, что такое наша военная почта! А все-таки хорошо бы ну хоть однимъ глазкомъ взглянуть. Чортъ знаетъ! Рождество встрѣтили на Шипкѣ, Новый годъ здѣсь. А тамъ-то теперь—огни горятъ, дѣти бѣгаютъ веселыя. Ваша Александра Петровна со своими у моихъ теперь. Говорятъ объ насъ. Тоже волнуются, отчего это писемъ нѣтъ. А какимъ тутъ письмамъ быть, когда мы все это время, сломя голову, впередъ лѣземъ. Ну что ваша рука?

Ночь окутала дали. Мелькали только огоньки въ окнахъ селенія. Вотъ по улицѣ двигается красный огонь. Въ тускломъ пятнѣ его, прорѣзывающемся сквозь туманъ, краснѣетъ какое-то усталое лицо...

— Пантелеевъ!—крикнулъ полковникъ по направленію къ огню.

Факелъ свернулъ во дворъ. Скоро передъ офицерами фыркалъ конь, поскребывая копытами облежавшійся снѣгъ. Казакъ,

сидѣвшій въ сѣдлѣ, опустилъ факелъ внизъ, такъ что черные клубы дыма обвили его руку и медленно, тяжело стали подыматься вверхъ.

— Куда это ты?

— На ванпосту, ваше высокоблагородіе.

— Зачѣмъ?

— Стрѣлять начали.

— Поѣзжай, скажи: если ничего важнаго нѣтъ, чтобы не отвѣчали туркамъ. Пострѣляютъ-пострѣляютъ, да и угомонятся.

Съ улицы во дворъ ввалилось нѣсколько солдатъ. Пантелеевъ поднялъ факелъ: солдаты окружали кого-то... «Иди, иди, гололобый... Изъ-за васъ, бритыхъ чертей, спокою нѣтъ!» слышалось между ними. Очевидно, они еще не разглядѣли своего начальства. «Ну, ну! а то вѣдь и прикладомъ подбодримъ».

— Что это, ребята? — спросилъ полковникъ.

— Турку привели. На дорогѣ пымали, онъ отъ насъ подъ кустикъ хоронился.

— Какъ это подъ кустикъ?

— Сѣлъ на корточки да кустикомъ-то и заслонился. Поручикъ Васильевъ приказали живымъ его взять и къ вашему высокоблагородію доставить. Махмудкой зовутъ его.

— Посвѣти-ка, Пантелеевъ!

Казакъ сунулъ факелъ въ толпу. Подъ краснымъ свѣтомъ его выдѣлилось горбоносое лицо съ щетинистыми сѣдыми усами. Черезъ лобъ краснѣлъ шрамъ недавней раны; надъ лбомъ — грязнымъ комомъ какимъ-то казалась свернутая изъ обрывковъ палатки чалма. На «Махмудкѣ» былъ плащъ изъ желтаго верблюжьяго сукна.

— Эге, да это офицеръ! — сказалъ полковникъ своему пріятелю.

Майоръ пристально всматривался въ него.

— И знакомый еще. Развѣ вы не узнаете? И шрамъ этотъ, и на лѣвой рукѣ два пальца обрублены, должно-быть. Покажите-ка его лѣвую руку.

Ближайшій солдатъ взялъ «Махмудку» за руку и поднялъ ее.

— Онъ и есть. Мехмедъ-бей... Полковникъ ихній.

— Жаль. Бѣжалъ изъ плѣна. Генералъ прикажетъ разстрѣлять его, пожалуй. Подъ какую руку попадешь къ нему! Жаль! Ну-ка введите его, братцы, ко мнѣ. Одинъ кто-нибудь останься, а остальныхъ двое маршъ назадъ.

Мехмедъ-бея ввели въ комнату. Солдатъ съ ружьемъ сталъ въ дверяхъ.

Турокъ оказался громаднаго роста, сутоловатый, широкоплечій. Ему было лѣтъ за пятьдесятъ. Грустные глаза глядѣли изъ-подъ сѣдыхъ топорщившихся бровей, сѣдые щетинистые усы шевелились, точно ему хотѣлось сказать что-то, да онъ удерживался. Ноги были завернуты въ опанки. Плащъ разорванъ, и въ одномъ мѣстѣ у плеча на немъ проступила кровь...

— Что это у него?

— Кирилловъ за кустикомъ, ваше высокоблагородіе, штычкомъ его нащупалъ.

— Зачѣмъ же это?

— Потому русскимъ языкомъ ему кричали: выходи, бритая твоя голова, а онъ только, какъ кузнечикъ, ножками-то стрекочетъ. Ну, Кирилловъ съ сердцовъ его легонько и ткнулъ. Тогда онъ, Махмудка, изъ-за кустика вышелъ.

— Семенъ! подай стулъ ему.

Плѣнный, приложивъ руку къ сердцу, губамъ и головѣ, сѣлъ. Лицо его стало еще печальнѣе; очевидно, ничего хорошаго не ждалъ онъ отъ своихъ новыхъ повелителей... Горбатый большой носъ совсѣмъ повисъ теперь надъ щетинистыми усами. И голова какъ-то въ плечи ушла...

II.

Иванъ Ѳомичъ очень долго служилъ на нашей кавказской границѣ. Тамъ онъ выучился съ грѣхомъ пополамъ говорить по-турѣцки, такъ что теперь вовсе не нужно ему было переводчика.

— Мы съ вами, кажется, уже знакомы? — обратился онъ по-турецки. — Вы полковникъ Мехмедъ-бей?

Турокъ печально наклонилъ голову и весь точно осунулся сразу.

— Можетъ-быть, это ошибка, я обманываюсь; можетъ-быть, вы другое лицо? — подсказывалъ онъ.

— Я никогда не лгу! — сказалъ плѣнный. — Вчера я бѣжалъ изъ Казанлыка, сегодня ваши солдаты нашли меня. Пѣшкомъ уйдешь недалеко! — грустно усмѣхнулся онъ. — Особенно, когда голова и ноги ранены. А теперь вотъ еще плечо!

— Вы знаете, что по обычаямъ военнаго времени... — началъ было майоръ.

— Зачѣмъ вы мнѣ говорите это? Сила на вашей сторонѣ, вы побѣдили, — прикажите убить меня. Я зналъ, на что иду, когда вчера вечеромъ выскользнулъ изъ дому офицера, который взялъ меня къ себѣ. Ну, что же, — я проигралъ игру и долженъ умереть...

Иванъ Ѳомичъ, тронутый тономъ плѣннаго, вдругъ заговорилъ съ нимъ мягко.

— Скажите, развѣ вамъ дурно было?

— Нѣтъ.

— Притѣсняли васъ?

— Офицеръ, у котораго меня помѣстили, — великодушный человѣкъ. Онъ заставилъ меня взять его постель, накормилъ, напоилъ. Онъ, какъ братъ, а не какъ врагъ, обошелся со мною.

— Боялись вы, что вамъ въ Россіи будетъ дурно?

— Нѣтъ. Я знаю, — русскіе хорошо обращаются съ своими плѣнными.

— Зачѣмъ же вы ушли?

— Какое вамъ дѣло? Теперь я въ вашихъ рукахъ, — значитъ, дѣлайте, что хотите! Только поскорѣе... поскорѣе!—И что-то, какъ удержанное рыданіе, захрипѣло въ горлѣ стараго турка. Онъ опять наклонилъ голову низко-низко.

— Что васъ ждало впереди? Турки всюду отступаютъ, у васъ голодъ, народъ подымается съ мѣстъ и бѣжитъ. Не лучше ли было переждать это? Войнѣ скоро конецъ. Вы вернулись бы домой.

— Домой?.. А гдѣ мой домъ будетъ?..

— Какъ гдѣ?

— Семью мою какъ найти?.. я знаю вѣдь! Изъ Стамбула приказъ есть—всѣмъ уходить въ Малую Азію. Мои уйдутъ тоже. Куда? какъ я отыщу ихъ? Эхъ! что говорить напрасно! Я сдѣлалъ то, что считалъ своею обязанностью... Отъ смерти не уйдешь. Что предопредѣлено, то случится. Каждый живетъ столько, сколько ему назначено. И не для себя я... — турокъ замолкъ и махнулъ рукою.

— Вы сказали: семья... У меня тоже семья есть, — какъ-то раздумчиво проговорилъ Иванъ Ѳомичъ.

— Счастливы вы, значитъ, что живы и увидите ее. Счастливы, что не попали въ плѣнъ.

— Вотъ именно, ради семьи вашей я и спрашивалъ васъ... У васъ есть дѣти?

Турокъ еще ниже наклонилъ голову. Съ минуту продолжалось молчаніе.

— У васъ много дѣтей? — повторилъ свой вопросъ Иванъ Ѳомичъ.

— Четверо, — тихо прошепталъ Мехмедъ-бей.

— Большія?

— Всѣ маленькія... Старшей шесть лѣтъ...

— У меня тоже мальчику — шесть, — словно про себя проговорилъ майоръ.

— Я ее пять мѣсяцевъ не видѣлъ. Плакала, когда уѣзжалъ я. Самому маленькому годъ, на рукахъ у матери оставилъ его. Онѣ тамъ всѣ подъ Адріанополемъ живутъ. У меня хозяйство, виноградники... Тамъ хорошо... Что жъ, думалъ, при мнѣ вырастутъ, на моихъ глазахъ... А тутъ война эта, — проклятіе на тѣхъ, кто вызвалъ ее!.. Кому нужна была наша кровь, счастье дѣтей нашихъ?

— Да! Кому война нужна? — согласился и Иванъ Ѳомичъ. — У меня вотъ всѣ и средства — одно жалованье. Убили бы, — чѣмъ семьѣ жить?

Допросъ незамѣтно перешелъ въ разговоръ о семейныхъ дѣлахъ. Майоръ переводилъ полковнику, тотъ тоже принялъ участіе въ плѣнномъ.

— Скажите ему, Иванъ Ѳомичъ, что если бы онъ любилъ дѣтей своихъ, такъ спокойно бы отправился въ Россію и, вернувшись черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, воспиталъ ихъ .. Нѣсколько мѣсяцевъ срокъ небольшой, — дѣти бы ничего не потеряли отъ этого.

Мехмедъ-бей печально улыбнулся.

— Если бы наши жены и семьи знали, что такое русскіе, онѣ бы спокойно остались на мѣстѣ и ждали насъ. Продолжали бы заниматься хозяйствомъ, растить дѣтей. А вѣдь еще нѣсколько дней, — и все турецкое бросится вонъ отсюда. Стоитъ только вашимъ отрядамъ дойти до Гедымъ-Кіоля, и Адріанополь опустѣетъ. Останутся только христіане. Вы спрашивали у меня, — вдругъ горячо заговорилъ онъ, — зачѣмъ я ушелъ отъ того добраго офицера? Для семьи своей ушелъ. Чтобы спасти ее. Жену спасти, дѣтей сохранить. Вамъ хорошо говорить. А знаете ли, что будетъ съ ними теперь? Жена со страху броситъ домъ, хозяйство, сады!.. Ихъ захватитъ грекъ какой-нибудь или армянинъ. Сама она съ дѣтьми уѣдетъ въ Стамбулъ. Тамъ

правительство помочь ей не можетъ: гдѣ взять денегъ? Сотни тысячъ семей разорены у насъ. Перевезутъ ее на азіатскій берегъ, въ Скутари, и забудутъ тамъ. Вернусь я черезъ годъ, — что найду? отъ дѣтей моихъ слѣда не будетъ, о женѣ и не слыхалъ никто. Отъ хозяйства даже пней не останется, и въ моемъ домѣ станетъ распоряжаться другой. Вы говорите, зачѣмъ ушелъ я? Потому что тоска меня мучила... Я всю ночь плакалъ, прежде чѣмъ бѣжать. Зналъ, что на смерть иду. Да не все ли равно теперь—жить или умереть... Если бы удалось, я бы спасъ дѣтей; не повезло, умру... Судьба! Умирать не страшно... Я каждый день видѣлъ смерть передъ собою и привыкъ ей въ лицо смотрѣть спокойно. Страшно, что они будутъ безпомощны, голодны, несчастны... Страшно, что близко вѣдь, — а спасти ихъ нельзя.

И старикъ-турокъ, уронивъ голову на руки, зарыдалъ передъ смущенными офицерами.

Полковникъ вскочилъ, прошелся по комнатѣ, смахнулъ съ глазъ что-то, неожиданно выступившее на нихъ, и самъ на себя разозлился.

— Чортъ знаетъ что!.. — ворчалъ онъ про себя. — Этого только недоставало, чтобы и я бабой сталъ... Посмотрѣлъ на Ивана Ѳомича, — тотъ тоже блѣдный весь сидитъ и пальцемъ по столу какіе-то разводы рисуетъ...

— Да, война — тяжелое, страшное дѣло! — говорилъ про себя Иванъ Ѳомичъ, ни къ кому не обращаясь.

— Я до войны дома жилъ, — началъ опять турокъ. — Всѣ дѣти при мнѣ родились, каждый день я слѣдилъ за ними внимательно. Видѣлъ, какъ росли они, какъ образовывался ихъ умъ, отъ того времени, какъ они узнавали меня впервые, до того, когда стали говорить... Все и припоминаю теперь... Ножки у нихъ слабыя... Только рты, какъ у голыхъ птенцовъ въ гнѣздѣ, раскрыты. Кто же имъ кормъ принесетъ... Мать? — ей самой гибель грозитъ... Бывало...

И онъ опять не кончилъ. Силы не было...

— Совсѣмъ какъ у насъ съ вами, Иванъ Ѳомичъ... Совсѣмъ какъ у насъ съ вами! — бѣгалъ по комнатѣ встревоженный полковникъ.

— Что жъ намъ дѣлать пока? Я думаю ужъ завтра его отправить къ генералу?

— Да... Разумѣется, завтра...

— Сегодня онъ пускай съ нами!..

— Пускай, пускай... Я велю Семену постель ему приготовить... Четверо дѣтишекъ, — вотъ и толкуй тутъ!

— А вѣдь генералъ для краткости, пожалуй, разстрѣлять велитъ?

— Гм... да... возможно... какъ наскочишь! Ему о дѣтишкахъ-то не разскажешь...

— Подлое дѣло это — война, полковникъ. Самое подлое!

— Ежели съ этой стороны... точно!..—терялся тотъ.—Но... мундиръ, знаете!.. Опять же присяга... Да ну ихъ всѣхъ къ чорту! До завтра оставимъ всякія этакія мысли!.. И безъ того сердце щемитъ... Спросите у него, пьетъ онъ вино? Вмѣстѣ ужинать сядемъ.

III.

Плѣнный улегся вмѣстѣ съ полковникомъ и Иваномъ Ѳомичемъ, въ одной комнатѣ.

Скоро все затихло. Сначала еще сквозь туманъ доносились глухіе отголоски выстрѣловъ. Турки не могли успокоиться сразу и, несмотря на то, что наша цѣпь имъ не отвѣчала, продолжали посылать къ намъ пулю за пулей; но потомъ и имъ надоѣло.

Ночь. Ивану Ѳомичу не спится...

Онъ ворочался подъ буркой, сбрасывалъ ее съ себя и снова натягивалъ, принимался въ десятый разъ читать старую газету и кидалъ ее на полъ, поглядывалъ на горбоносаго турка, прислушивался къ его бреду, старался думать о чемъ-нибудь другомъ; но мысль постоянно возвращалась къ одному и тому же.

И когда, наконецъ, онъ сомкнулъ глаза, когда дыханіе его стало ровнѣе, мысль Ивана Ѳомича продолжала работать все надъ тѣмъ же. Ему грезились дѣти, не несчастныя, брошенныя малютки этого плѣннаго, а *его* дѣти, окруженныя теперь заботливостью матери, безопасныя въ маленькомъ русскомъ городкѣ. За тысячи верстъ уносилась его мысль... Какъ будто и не было этихъ сраженій, этихъ безчисленныхъ жертвъ тѣлъ, этого моря несчастій... Вотъ что снилось Ивану Ѳомичу.

Небольшая комната. Двѣ маленькія кроватки. Чистенькія занавѣски надъ ними. Изъ-за нихъ слышится ровное дыханіе. Иванъ Ѳомичъ откинулъ одну. Жарко его дѣвочкѣ. Сбросила она съ себя одѣяльце, подогнула маленькія толстыя ножки и, вся раскраснѣвшись и полуоткрывъ пухлый ротикъ, спитъ себѣ

безъ сновъ. Утомилась, шалунья. Цѣлый день бѣгала. Съ горъ каталась, всѣхъ своихъ любимыхъ куръ и пѣтуха растормошила, голубей кормила и съ братишкой кстати передралась. Ишь, подложила подъ голову кругленькую ручку. Такъ и кажется: вотъ-вотъ откроетъ глаза, зажмурится опять, а потомъ и засмѣется, увидѣвъ наклонившагося къ ней отца... Долго-долго смотритъ онъ на нее и самъ улыбается.

— Спи, моя родная... Спи, голубка! — шепчетъ онъ. — Ишь, какъ волоса завились на лбу, смокли... Жарко, должно-быть.

Другая кроватка.

Ахъ ты, малышъ!.. Двухъ лѣтъ еще не дождался, а весь въ царапкахъ ходитъ. То съ кошкой дерется, то сестренку обижаетъ. Черезъ всю щеку слѣды отъ Маруськиныхъ когтей идутъ. Смотритъ Иванъ Ѳомичъ. Ребенокъ его не слышитъ. Толстый какой сынишка у Ивана Ѳомича! До сихъ поръ еще ручонки, ножки и шея точно ниточками перевязаны. И щеки красныя, круглыя. Вокругъ носа завернулись, такъ что онъ, носъ этотъ, изъ-подъ нихъ только кругленькою шишечкою кажется... Бѣлесоватые волосики на круглой головѣ. Ишь, ямочка на локоткѣ. Поцѣловать бы? Проснется. Ну, ужъ Богъ съ тобою. Спи...

Нянька Марковна похрапываетъ въ углу. Точно котъ мурлыкаетъ. Иванъ Ѳомичъ на цыпочкахъ идетъ въ другую комнату. Тамъ старшій мальчикъ спитъ. Ему уже шесть лѣтъ, и онъ свысока смотритъ на сестренку и братишку. Въ отсутствіе отца онъ вмѣстѣ съ матерью въ одной постели свернулся. Круглый столикъ передъ кроватью. Жена читала что-то передъ сномъ. Вотъ его портретъ виситъ; другіе на столикѣ. Тутъ все полно имъ. Его не забыли, и Иванъ Ѳомичъ благодарно наклоняется надъ спящими.

И если бы кто теперь посмотрѣлъ въ лицо спящему Ивану Ѳомичу, тотъ бы увидѣлъ, какая радостная улыбка скользитъ по губамъ худого и длиннаго майора, натянувшаго на себя бурку, такъ что изъ-подъ нея откровенно выставляются тощія ноги. Такая радостная, что ея бы не вынесъ старый горбоносый турокъ, тутъ же рядомъ забывшійся въ тяжеломъ снѣ. Этого и теперь не оставляютъ печальныя мысли. Онъ ворочается и томится...

Майоръ проснулся, сбросилъ бурку и поднялся.

Турокъ уже проснулся и сидитъ съ полковникомъ за столомъ.

— Ну, Иванъ Өомичъ, вы ради Новаго года заспались, однако!..

— Да... Сны разные...

— Какъ сны, развѣ и у васъ?.. — запнулся полковникъ и смѣшался.

— Что и у меня?

— Да, знаете, мнѣ Богъ знаетъ что чудилось. Никакъ не ожидалъ отъ себя такой чувствительности.

— Не по поводу ли плѣннаго?

— Именно!.. Представьте себѣ... Вы моего крошку Володьку помните...

— Что за вопросъ... Самъ же крестилъ его у васъ.

— Ахъ ты!.. Совсѣмъ голова кругомъ... Ну, такъ представьте себѣ... Всю ночь Володька приставалъ ко мнѣ... сплошь до утра... «Подари да подари ему этого турка». На что тебѣ? спрашиваю. А онъ мнѣ: у него, говоритъ, такіе же Володьки есть. Я его отпущу къ нимъ. Кажется, мы съ вами ничего вчера лишняго не выпили?

— Ничего!—и Иванъ Өомичъ пристально смотритъ на полковника...

— Э... была не была, отправлю скорѣе этого турка, и Господь съ нимъ. Пускай генералъ рѣшаетъ, что съ нимъ дѣлать... Съ нимъ вѣдь тутъ съ ума сойдешь.

— Я бы только одного попросилъ у васъ.

— Чего это?

— Я самъ хочу поѣхать къ генералу...

— Ну?

— И отвезу этого Мехмедъ-бея.

Полковникъ скользнулъ взглядомъ въ уголъ и, не глядя на майора, проговорилъ:

— Что же, ему вѣдь лошадь надо...

— У меня есть лишняя, изъ турецкихъ, что намъ достались.

— Я ничего противъ этого не имѣю. Ничего... Тамъ сдайте генералу...—уже совсѣмъ офиціально закончилъ полковникъ.

IV.

Медленно, въ сопровожденіи все такого же печальнаго Мехмедъ-бея, Иванъ Өомичъ подъѣхалъ къ нашимъ аванпостамъ.

Вонъ изъ тумана словно выдвинулся верховой казакъ, стоявшій на посту. Двое лежатъ тутъ же. Привязанныя къ

колу, вбитому въ землю, лошади мирно ѣдятъ сѣно изъ общей, брошенной имъ охапки. Увидавъ офицера, казаки быстро вскочили на ноги.

— Что, братцы, куда этотъ ровъ ведетъ?—показалъ онъ на глубокій оврагъ, начинавшійся здѣсь.

— Къ самымъ туркамъ, ваше высокоблагородіе!

— Не видать ихъ сегодня здѣсь, во рву этомъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Они ничего, смирно стоятъ... Вчера очченно безпокоили, а теперь слава Богу! Очухались!

— Даромъ-то что стрѣлять!

Иванъ Ѳомичъ пригласилъ за собою слѣдовать турка и двинулся въ оврагъ. Минуту спустя, его догналъ казакъ уже верхомъ.

— Чего тебѣ?

— На всякій случай, ваше высокоблагородіе! Чего бы не вышло. Турки вѣдь близко...

— Не надо, не надо...

— Опять же плѣнный съ вами. Не сбѣжалъ бы.

— Нѣтъ, не надо. Поѣзжай назадъ! — Казакъ вернулся.

Съ полчаса всадники ѣхали молча. Наконецъ Иванъ Ѳомичъ остановился.

— Вотъ что, Мехмедъ-бей, отсюда до вашихъ мѣстъ близко... Убирайтесь-ка вы вонъ отъ насъ, въ Адріанополь, къ своимъ дѣтямъ, слышите... У меня у самого дѣти есть... Ну, чего же вы?.. Ступай, ступай, да поскорѣй! Ждать некогда... А то вѣдь, пожалуй, раздумаю...

Турокъ словно оцѣпенѣлъ. Только глазами моргаетъ, очевидно, ничего не понимая.

— Говорю тебѣ, уѣзжай къ своимъ. Слышишь...

Мехмедъ-Али, живо, прежде чѣмъ Иванъ Ѳомичъ успѣлъ опомниться, наклонился и поцѣловалъ у него руку...

— Послушай, русскій... заплатить тебѣ за это я ничѣмъ не могу... А желать тебѣ, чтобы ты попалъ въ такое же положеніе и съ такимъ же, какъ ты, добрымъ изъ нашихъ встрѣтился, не смѣю... Помни одно: Богъ одинъ. Вѣры разныя, а Богъ одинъ. Ну, такъ я и мои дѣти, пока живы, будемъ помнить, какъ ты побратался со мной по-Божьи. Прощай, русскій. Прощай!

И, точно боясь, что Иванъ Ѳомичъ раздумаетъ, Мехмедъ-бей живо ударилъ лошадь и скрылся впереди.

Подождавъ нѣсколько минутъ, майоръ повернулъ назадъ...

Вонъ ужъ нашъ аванпостъ виденъ. Тотъ же казакъ выѣхалъ ему навстрѣчу.

— А вѣдь ты правъ былъ... Турокъ-то бѣжалъ отъ меня.

Станичникъ пристально взглянулъ въ лицо майора.

— Что жъ, пущай его... И безъ того плѣнныхъ дѣвать некуда!

Полковникъ въ крайнемъ волненіи ходилъ изъ угла въ уголъ, когда вернулся къ нему Иванъ Ѳомичъ.

— Ну...

— Арестуйте меня... Я упустилъ плѣннаго...

Полковникъ подскочилъ къ нему, порывисто обнялъ и поцѣловалъ его.

— Вотъ онъ и подарокъ Володькѣ на Новый годъ...Теперь, шельмецъ, во снѣ приставать не будетъ...

— Во всякомъ случаѣ надо донести.

— Зачѣмъ?

— А бумаги?

— Вотъ онѣ, въ печкѣ! Я уже сжегъ ихъ... Воображаю, какъ онъ, бѣдняга, теперь... скачетъ къ своимъ-то...

В. Немировичъ-Данченко.

Сигналъ.

Семенъ Ивановъ служилъ сторожемъ на желѣзной дорогѣ. Отъ его будки до одной станціи было двѣнадцать, до другой— десять верстъ. Верстахъ въ четырехъ въ прошломъ году открыли большую прядильню; изъ-за лѣсу ея высокая труба чернѣла, а ближе, кромѣ сосѣднихъ будокъ, и жилья не было.

Семенъ Ивановъ былъ человѣкъ больной и разбитый. Девять лѣтъ тому назадъ онъ побывалъ на войнѣ; служилъ въ денщикахъ у офицера и цѣлый походъ съ нимъ сдѣлалъ. Голодалъ онъ и мерзъ, и на солнцѣ жарился, и переходы дѣлалъ по сорока и по пятидесяти верстъ въ жару и въ морозъ; случалось и подъ пулями бывать, да, слава Богу, ни одна не задѣла. Стоялъ разъ полкъ въ первой линіи; цѣлую недѣлю съ турками перестрѣлка была: лежитъ наша цѣпь, а черезъ лощинку — турецкая, и съ утра до вечера пострѣливаютъ. Семеновъ офицеръ тоже въ цѣпи былъ; каждый день три раза носилъ ему Семенъ изъ полковыхъ кухонь, изъ оврага, самоваръ горячій

и обѣдъ. Идетъ съ самоваромъ по открытому мѣсту; пули свистятъ, въ камни щелкаютъ: страшно Семену, плачетъ, а самъ идетъ. Господа офицеры очень довольны имъ были: всегда у нихъ горячій чай былъ. Вернулся онъ изъ похода цѣлый, только руки и ноги ломить стало. Немало горя пришлось ему съ тѣхъ поръ отвѣдать. Пришелъ онъ домой—отецъ старикъ померъ; сынишка былъ по четвертому году—тоже померъ, горломъ болѣлъ; остался Семенъ съ женой самъ-другъ. Не задалось имъ и хозяйство, да и трудно съ пухлыми руками и ногами землю пахать. Пришлось имъ въ своей деревнѣ невтерпежъ; пошли на новыя мѣста счастья искать. Побывалъ Семенъ съ женой и на Линіи, и въ Херсонѣ, и въ Донщинѣ; нигдѣ счастья не достали. Пошла жена въ прислуги, а Семенъ попрежнему все бродитъ. Пришлось ему разъ по машинѣ ѣхать; на одной станціи, видитъ, начальникъ будто знакомый. Глядитъ на него Семенъ, и начальникъ тоже въ Семеново лицо всматривается. Узнали другъ друга: офицеръ своего полка оказался.

— Ты Ивановъ?—говоритъ.

— Такъ точно, ваше благородіе, я самый и есть.

— Ты какъ сюда попалъ?

Разсказалъ ему Семенъ: такъ, молъ, и такъ.

— Куда жъ теперь идешь?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Какъ такъ, дуракъ, не можешь знать?

— Такъ точно, ваше благородіе, потому, податься некуда. Работы какой, ваше благородіе, искать надобно.

Посмотрѣлъ на него начальникъ станціи, подумалъ и говоритъ:

— Вотъ что, братъ. Оставайся-ка ты покудова на станціи. Ты, кажется, женатъ? Гдѣ у тебя жена?

— Такъ точно, ваше благородіе, женатъ; жена въ городѣ Курскѣ у купца въ услуженіи находится.

— Ну, такъ пиши женѣ, чтобы ѣхала. Билетъ даровой выхлопочу. Тутъ у насъ дорожная будка очистится; ужъ попрошу за тебя начальника дистанціи.

— Много благодаренъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ Семенъ.

Остался онъ на станціи. Помогалъ у начальника на кухнѣ, дрова рубилъ, дворъ, платформу мелъ. Черезъ двѣ недѣли пріѣхала жена, и поѣхалъ Семенъ на ручной телѣжкѣ въ свою будку. Будка новая, теплая, дровъ—сколько хочешь; огородъ маленькій отъ прежнихъ сторожей остался, и земли съ полде-

сятины пахотной по бокамъ полотна было. Обрадовался Семенъ: сталъ думать, какъ свое хозяйство заведетъ, корову, лошадь купить.

Дали ему весь нужный припасъ: флагъ зеленый, флагъ красный, фонари, рожокъ, молотъ, ключъ—гайки подвинчивать, ломъ, лопату, метелъ, болтовъ, костылей, дали двѣ книжечки съ правилами и расписаніе поѣздовъ. Первое время Семенъ почи не спалъ, все расписаніе твердилъ; поѣздъ еще черезъ два часа пойдетъ, а онъ обойдетъ свой участокъ, сядетъ на лавочку у будки и все смотритъ и слушаетъ, не дрожатъ ли рельсы, не шумитъ ли поѣздъ. Вытвердилъ онъ наизусть и правила; хоть и плохо читалъ, по складамъ, а все-таки вытвердилъ.

Дѣло было лѣтомъ; работа не тяжелая, снѣгу сгребать не надо. Да и поѣзда на той дорогѣ рѣдки; обойдетъ Семенъ свою версту два раза въ сутки, кое-гдѣ гайки попробуетъ подвинтить, щебенку подровняетъ, водяныя трубы посмотритъ и идетъ домой хозяйство свое устраивать. Въ хозяйствѣ только у него помѣха была: что ни задумаетъ сдѣлать, обо всемъ дорожнаго мастера проси, а тотъ начальнику дистанціи доложитъ; пока просьба вернется, время и ушло. Стали Семенъ съ женою даже скучать.

Прошло времени мѣсяца два; сталъ Семенъ съ сосѣдями-сторожами знакомиться. Одинъ былъ старикъ древній; все смѣнить его собирались: едва изъ будки выбирался. Жена за него и обходъ дѣлала. Другой будочникъ, что поближе къ станціи, былъ человѣкъ молодой, изъ себя худой и жилистый. Встрѣтились они съ Семеномъ въ первый разъ на полотнѣ, посерединѣ между будками на обходѣ: Семенъ шапку снялъ, поклонился.

— Добраго,—говоритъ,—здоровья, сосѣдъ.

Сосѣдъ поглядѣлъ на него сбоку.

— Здравствуй,—говоритъ.

Повернулся и пошелъ прочь. Бабы послѣ между собою встрѣтились. Поздоровалась Семенова Арина съ сосѣдкой; та тоже разговарить много не стала, ушла. Увидалъ разъ ее Семенъ.

— Что это,—говоритъ,—у тебя, молодица, мужъ неразговорчивый?

Помолчала баба, потомъ говоритъ:

— Да о чемъ ему съ тобой разговаривать? У всякаго свое... Иди себѣ съ Богомъ.

Однако прошло еще времени съ мѣсяцъ, познакомились. Сойдутся Семенъ съ Васильемъ на полотнѣ, сядутъ на край,

трубочки покуриваютъ и разсказываютъ про свое житье-бытье. Василій все больше помалчивалъ, а Семенъ и про деревню свою и про походъ разсказывалъ.

— Немало,—говоритъ,—я горя на своемъ вѣку принялъ, а вѣку моего не Богъ вѣсть сколько. Не далъ Богъ счастья. Ужъ кому какую таланъ-судьбу Господь дастъ, такъ ужъ и есть. Такъ-то, братецъ, Василій Степанычъ.

А Василій Степанычъ трубку объ рельсъ выколотилъ, всталъ и говоритъ:

— Не таланъ-судьба намъ съ тобою вѣкъ заѣдаетъ, а люди. Нѣту на свѣтѣ звѣря хищнѣе и злѣе человѣка. Волкъ волка не ѣстъ, а человѣкъ человѣка живьемъ съѣдаетъ.

— Ну, братъ, волкъ волка ѣстъ, это ты не говори.

— Къ слову пришлось, и сказалъ. Все-таки, нѣту твари жесточе. Не людская бы злость да жадность—жить бы можно было. Всякій тебя за живое ухватить норовитъ да кусъ отхватить да слопать.

Задумался Семенъ.

— Не знаю,—говоритъ,—братъ. Можетъ, оно и такъ, а коли и такъ, такъ ужъ есть на то отъ Бога положеніе.

— А коли такъ,—говоритъ Василій,—такъ нечего намъ съ тобой и разговаривать. Коли всякую скверность на Бога взваливать, а самому сидѣть да терпѣть—такъ это, братъ, не человѣкомъ быть, а скотомъ. Вотъ тебѣ мой сказъ.

Повернулся и пошелъ, не простившись. Всталъ и Семенъ.

— Сосѣдъ,—кричитъ,—за что же ругаешься?—Не обернулся сосѣдъ, пошелъ. Долго смотрѣлъ на него Семенъ, пока въ выемкѣ на поворотѣ стало Василія не видно. Вернулся домой, и говоритъ женѣ:

— Ну, Арина, и сосѣдъ же у насъ: зелье, не человѣкъ.

Однако не поссорились они; встрѣтились опять и попрежнему разговаривать стали, и все о томъ же.

— Э, братъ, кабы не люди... не сидѣли бы мы съ тобою въ будкахъ этихъ,—говоритъ Василій.

— Что жъ въ будкѣ... ничего жить можно.

— Жить можно, жить можно... Эхъ ты! много жилъ, мало нажилъ, много смотрѣлъ, мало увидѣлъ. Бѣдному человѣку, въ будкѣ тамъ или гдѣ, какое ужъ житье. Ѣдятъ тебя живодеры эти. Весь сокъ выжимаютъ, а старъ станешь, выбросятъ, какъ

жмыху какую, свиньямъ на кормъ. Ты сколько жалованья получаешь?

— Да маловато, Василій Степанычъ. Двѣнадцать рублей.

— А я тринадцать съ полтиной. Позволь тебя спросить, почему? По правилу отъ правленія всѣмъ одно полагается, пятнадцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, отопленіе, освѣщеніе. Кто же это намъ съ тобой двѣнадцать или тамъ тринадцать съ полтиной опредѣлилъ? Позволь тебя спросить... А ты говоришь, жить можно? Ты пойми, не объ полуторахъ тамъ или трехъ рубляхъ разговоръ идетъ. Хоть бы и всѣ пятнадцать платили. Былъ я на станціи въ прошломъ мѣсяцѣ; директоръ проѣзжалъ, такъ я его видѣлъ. Имѣлъ такую честь. Ѣдетъ себѣ въ отдѣльномъ вагонѣ; вышелъ на платформу, стоитъ. Да не останусь я здѣсь долго; уйду, куда глаза глядятъ.

— Куда же ты уйдешь, Степанычъ? Отъ добра добра не ищутъ. Тутъ тебѣ и домъ, и тепло, и землицы маленько. Жена у тебя работница....

— Землицы! посмотрѣлъ бы ты на землицу мою. Ни прута на ней нѣту. Посадилъ было весной капустки, такъ и то дорожный мастеръ пріѣхалъ: «Это, говоритъ, что такое? Почему безъ доношенія? почему безъ разрѣшенія? Выкопать, чтобъ и духу ея не было». Пьяный былъ. Въ другой разъ ничего бы не сказалъ, а тутъ втемяшилось... «Три рубля штрафу!..»

Помолчалъ Василій, потянулъ трубочки и говоритъ тихо:

— Немного еще, зашибъ бы я его до-смерти.

— Ну, сосѣдъ, и горячъ ты, я тебѣ скажу.

— Не горячъ я, а по правдѣ говорю и размышляю. Да еще дождется онъ у меня, красная рожа. Самому начальнику дистанціи жаловаться буду. Посмотритъ!

И точно пожаловался.

Проѣзжалъ разъ начальникъ дистанціи путь осматривать. Черезъ три дня послѣ того господа важные изъ Петербурга должны были по дорогѣ проѣхать: ревизію дѣлали, такъ передъ ихъ проѣздомъ все надо было въ порядокъ привести. Балласту подсыпали, подровняли, шпалы пересмотрѣли, костыли подколотили, гайки подвинтили, столбы подкрасили: на переѣздахъ приказали желтаго песочку подсыпать. Сосѣдка-сторожиха и старика своего выгнала травку подчищать. Работалъ Семенъ цѣлую недѣлю: все въ исправность привелъ и на себѣ кафтанъ починилъ, вычистилъ, а бляху кирпичомъ до сіянія оттеръ.

Работалъ и Василій. Пріѣхалъ начальникъ дистанціи на дрезинѣ; четверо рабочихъ рукоять вертятъ; шестерни жужжатъ; мчится телѣжка верстъ по двадцать въ часъ; только колеса воютъ. Подлетѣлъ къ Семеновой будкѣ; подскочилъ Семенъ, отрапортовалъ по-солдатски. Все въ исправности оказалось.

— Ты давно здѣсь?—спрашиваетъ начальникъ.

— Со второго мая, ваше благородіе.

— Ладно. Спасибо. А въ сто шестьдесятъ четвертомъ номерѣ кто?

Дорожный мастеръ (вмѣстѣ съ нимъ на дрезинѣ ѣхалъ) отвѣтилъ:

— Василій Спиридовъ.

— Спиридовъ, Спиридовъ... а, это тотъ самый, что въ прошломъ году былъ у васъ на замѣчаніи?

— Онъ самый и есть-съ.

— Ну, ладно, посмотримъ Василія Спиридова. Трогай.

Налегли рабочіе на рукояти; пошла дрезина въ ходъ.

Смотритъ Семенъ на нее и думаетъ: ну, будетъ у нихъ съ сосѣдомъ игра.

Часа черезъ два пошелъ онъ въ обходъ. Видитъ, изъ выемки по полотну идетъ кто-то, на головѣ будто бѣлое что виднѣется. Сталъ Семенъ присматриваться—Василій; въ рукѣ палка, за плечами узелокъ маленькій, щека платкомъ завязана.

— Сосѣдъ, куда собрался?—кричитъ Семенъ.

Подошелъ Василій совсѣмъ близко: лица на немъ нѣту; бѣлый какъ мѣлъ, глаза дикіе; говорить началъ — голосъ обрывается.

— Въ городъ,—говоритъ,—въ Москву... въ правленіе.

— Въ правленіе... вотъ что! Жаловаться, стало-быть, идешь? Брось, Василій Степанычъ, забудь...

— Нѣтъ, братъ, не забуду. Поздно забывать. Видишь, онъ меня въ лицо ударилъ, въ кровь разбилъ. Пока живъ, не забуду, не оставлю такъ.

Взялъ его за руку Семенъ.

— Оставь, Степанычъ; вѣрно тебѣ говорю: лучше не сдѣлаешь.

— Чего тамъ лучше! Знаю самъ, что лучше не сдѣлаю; правду ты про таланъ-судьбу говорилъ. Себѣ лучше не сдѣлаю, но за правду надо, братъ, стоять.

— Да ты скажи, съ чего все пошло-то?

— Да съ чего... Осмотрѣлъ все, — съ дрезины сошелъ, — въ будку заглянулъ. Я ужъ зналъ, что строго будетъ спрашивать, все какъ слѣдуетъ исправилъ. Ѣхать ужъ хотѣлъ, а я съ жалобой. Онъ сейчасъ кричать. «Тутъ, говоритъ, правительственная ревизія, такой-сякой, а ты объ огородѣ жалобы подавать! Тутъ, говоритъ, тайные совѣтники, а ты съ капустой лѣзешь!» Я не стерпѣлъ, слово сказалъ, не то чтобы очень, но такъ ужъ ему обидно показалось. Какъ дастъ онъ мнѣ... а я стою себѣ, будто такъ оно и слѣдуетъ. Уѣхали они, опамятовался я, вотъ обмылъ себѣ лицо и пошелъ.

— Какъ же будка-то?

— Жена осталась. Не прозѣваетъ; да ну ихъ совсѣмъ и съ дорогой ихней!

Всталъ Василій, собрался.

— Прощай, Иванычъ. Не знаю, найду ли управу себѣ.

— Неужто пѣшкомъ пойдешь?

— На станціи на товарный попрошусь; завтра въ Москвѣ буду.

Простились сосѣди; ушелъ Василій и долго его не было. Жена за него работала, день и ночь не спала; извелась совсѣмъ, поджидаючи мужа. На третій день пріѣхала ревизія: паровозъ, вагонъ багажный и два перваго класса, а Василія все нѣтъ. На четвертый день Семенъ увидѣлъ его хозяйку: лицо отъ слезъ пухлое, глаза красные.

— Вернулся мужъ? — спрашиваетъ.

Махнула баба рукой, ничего не сказала и пошла въ свою сторону.

Научился Семенъ когда-то, еще мальчишкой, изъ тальника дудки дѣлать. Выжжетъ таловой палкѣ сердце, дырки, гдѣ надо, высверлитъ, на концѣ пищикъ сдѣлаетъ и такъ славно наладитъ, что хоть что угодно играй. Дѣлывалъ онъ въ досужее время дудокъ много и съ знакомымъ товарнымъ кондукторомъ въ городъ на базаръ отправлялъ; давали ему тамъ за штуку по двѣ копейки. На третій день послѣ ревизіи оставилъ онъ дома жену, вечерній шестичасовой поѣздъ встрѣтить, а самъ взялъ ножикъ и въ лѣсъ пошелъ, палокъ себѣ нарѣзать. Дошелъ онъ до конца своего участка; на этомъ мѣстѣ путь круто поворачивалъ; спустился съ насыпи и пошелъ лѣсомъ подъ гору. За полверсты было большое болото, и около него отличнѣй-

шіе кусты для его дудокъ росли. Нарѣзалъ онъ палокъ цѣлый пукъ и пошелъ домой. Идетъ лѣсомъ; солнце уже низко было, тишина мертвая; слышно только, какъ птицы чиликаютъ да валежникъ подъ ногами хруститъ. Прошелъ Семенъ немного еще; скоро и полотно; и чудится ему, что-то еще слышно: будто гдѣ-то желѣзо о желѣзо позвякиваетъ. Пошелъ Семенъ скорѣй. Ремонту въ то время на ихъ участкѣ не было. «Что бы это значило?» думаетъ. Выходитъ онъ на опушку — передъ нимъ желѣзнодорожная насыпь подымается; наверху, на полотнѣ, человѣкъ сидитъ на корточкахъ, что-то дѣлаетъ; сталъ подыматься Семенъ потихоньку къ нему: думалъ, гайки кто воровать пришелъ. Смотритъ — и человѣкъ поднялся, въ рукахъ у него ломъ; поддѣлъ онъ рельсъ ломомъ, какъ двинетъ его въ сторону. Потемнѣло у Семена въ глазахъ; крикнуть хочетъ — не можетъ. Видитъ онъ Василія, бѣжитъ наверхъ бѣгомъ, а тотъ съ ломомъ и ключомъ съ другой стороны насыпи кубаремъ катится.

— Василій Степанычъ! отецъ родной, голубчикъ, воротись! Дай ломъ, поставимъ рельсъ, никто не узнаетъ. Воротись, спаси свою душу отъ грѣха! — Не обернулся Василій, въ лѣсъ ушелъ.

Стоитъ Семенъ надъ отвороченнымъ рельсомъ; палки свои выронилъ. Поѣздъ идетъ не товарный, пассажирскій. И не остановишь его ничѣмъ: флага нѣтъ. Рельса на мѣсто не поставишь; голыми руками костылей не забьешь. Бѣжать надо, непремѣнно бѣжать въ будку за какимъ-нибудь припасомъ. Господи, помоги!

Бѣжитъ Семенъ къ своей будкѣ, задыхается. Бѣжитъ, — вотъ-вотъ упадетъ. Выбѣжалъ изъ лѣсу — до будки сто саженъ, не больше осталось, — слышитъ, на фабрикѣ гудокъ загудѣлъ. Шесть часовъ. А въ двѣ минуты седьмого поѣздъ пройдетъ. Господи! спаси невинныя души! Такъ и видитъ передъ собою Семенъ: хватитъ паровозъ лѣвымъ колесомъ объ рельсовый обрубъ, дрогнетъ, накренится, пойдетъ шпалы рвать и вдребезги бить, а тутъ кривая, закругленіе, да насыпь, да валиться-то внизъ одиннадцать саженъ, а тамъ, въ третьемъ классѣ, народу биткомъ набито, дѣти малыя. Сидятъ они теперь всѣ, ни о чемъ не думаютъ. Господи, вразуми Ты меня!.. Нѣтъ, до будки добѣжать и назадъ во-время вернуться не поспѣешь...

Не добѣжалъ Семенъ до будки, повернулъ назадъ, побѣжалъ скорѣе прежняго. Бѣжитъ почти безъ памяти; самъ не знаетъ, что еще будетъ. Добѣжалъ до отвороченнаго рельса: палки его кучей лежатъ. Нагнулся онъ схватилъ одну, самъ не понимаетъ, зачѣмъ; дальше побѣжалъ. Чудится ему, что уже поѣздъ идетъ. Слышитъ свистокъ далекій, слышитъ, рельсы мѣрно и потихоньку подрагивать начали. Бѣжать дальше силъ нѣту: остановился онъ отъ страшнаго мѣста саженяхъ во ста: тутъ ему точно свѣтомъ голову освѣтило. Снялъ онъ шапку, вынулъ изъ нея платокъ бумажный; вынулъ ножъ изъ-за голенища, перекрестился. Господи, благослови!

Ударилъ себя ножомъ въ лѣвую руку повыше локтя; брызнула кровь, полила горячей струей; намочилъ онъ въ ней свой платокъ, расправилъ, растянулъ, навязалъ на палку и выставилъ свой красный флагъ.

Стоитъ флагомъ своимъ размахиваетъ, а поѣздъ ужъ виденъ. Не видитъ его машинистъ, подойдетъ близко, а на ста саженяхъ не остановить тяжелаго поѣзда!

А кровь все льетъ и льетъ; прижимаетъ Семенъ рану къ боку, хочетъ зажать ее, но не унимается кровь; видно, глубоко поранилъ онъ руку. Закружилось у него въ головѣ; въ глазахъ черныя мухи залетали; потомъ и совсѣмъ потемнѣло; въ ушахъ звонъ колокольный. Не видитъ онъ поѣзда и не слышитъ шума: одна мысль въ головѣ: не устою, упаду, уроню флагъ; пройдетъ поѣздъ черезъ меня... Помоги, Господи, пошли смѣну...

И стало черно въ глазахъ его, и пусто въ душѣ его, и выронилъ онъ флагъ. Но не упало кровавое знамя на землю: чья-то рука подхватила его и подняла высоко навстрѣчу подходящему поѣзду. Машинистъ увидѣлъ его, закрылъ регуляторъ и далъ контръ-паръ. Поѣздъ остановился.

Выскочили изъ вагоновъ люди, сбились толпою. Видятъ: лежитъ человѣкъ весь въ крови, безъ памяти; другой возлѣ него стоитъ съ кровавой тряпкой на палкѣ.

Обвелъ Василій всѣхъ глазами, опустилъ голову.

— Вяжите меня, — говоритъ: — я рельсъ отворотилъ.

В. Гаршинъ.

Кавказскій плѣнникъ.

(Быль).

I.

Служилъ на Кавказѣ офицеромъ одинъ баринъ. Звали его Жилинъ.

Пришло ему разъ письмо изъ дома. Пишетъ ему старуха мать: «Стара я ужъ стала, и хочется передъ смертью повидать любимаго сынка. Пріѣзжай со мной проститься, похорони, а тамъ и съ Богомъ поѣзжай опять на службу. А я тебѣ и невѣсту пріискала: и умная и хорошая, и имѣнье есть. Полюбится тебѣ — можетъ, и женишься и совсѣмъ останешься».

Жилинъ и раздумался: «И въ самомъ дѣлѣ: плоха ужъ старуха стала; можетъ, и не придется увидать. Поѣхать, а если невѣста хороша — и жениться можно».

Пошелъ онъ къ полковнику, выправилъ отпускъ, простился съ товарищами, поставилъ своимъ солдатамъ четыре ведра водки на прощанье и собрался ѣхать.

На Кавказѣ тогда война была. По дорогамъ ни днемъ ни ночью не было проѣзда. Чуть кто изъ русскихъ отъѣдетъ или отойдетъ отъ крѣпости, татары или убьютъ или увезутъ въ горы. И было заведено, что два раза въ недѣлю изъ крѣпости въ крѣпость ходили провожатые солдаты. Впереди и сзади идутъ солдаты, а въ серединѣ ѣдетъ народъ.

Дѣло было лѣтомъ. Собрались на зорькѣ обозы за крѣпость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дорогѣ. Жилинъ ѣхалъ верхомъ, а телѣга его съ вещами шла въ обозѣ.

Ѣхать было двадцать пять верстъ. Обозъ шелъ тихо; то солдаты остановятся, то въ обозѣ колесо у кого соскочитъ или лошадь станетъ, и всѣ стоятъ — дожидаются.

Солнце уже и за полдни перешло, а обозъ только половину дороги прошелъ. Пыль, жара, солнце такъ и печетъ, и укрыться негдѣ. Голая степь, ни деревца ни кустика по дорогѣ.

Выѣхалъ Жилинъ впередъ, остановился и ждетъ, пока дойдетъ обозъ. Слышитъ сзади на рожкѣ заиграли, — опять стоятъ. Жилинъ и подумалъ: «А не уѣхать ли одному, безъ солдатъ? Лошадь подо мной добрая, если и нападусь на татаръ — ускачу. Или не ѣздить?..»

Остановился, раздумываетъ. И подъѣзжаетъ къ нему на лошади другой офицеръ, Костылинъ, съ ружьемъ, и говоритъ:

— Поѣдемъ, Жилинъ, одни. Мочи нѣтъ, ѣсть хочется, да и жара. На мнѣ рубаху хоть выжми.

А Костылинъ мужчина грузный, толстый, весь красный, а потъ съ него такъ и льетъ. Подумалъ Жилинъ и говоритъ:

— А ружье заряжено?

— Заряжено.

— Ну, такъ поѣдемъ. Только уговоръ—не разъѣзжаться.

И поѣхали они впередъ по дорогѣ. Ѣдутъ степью, разговариваютъ да поглядываютъ по сторонамъ. Кругомъ далеко видно.

Только кончилась степь, пошла дорога промежъ двухъ горъ въ ущелье. Жилинъ и говоритъ:

— Надо выѣхать на гору поглядѣть, а то тутъ, пожалуй, выскочатъ изъ-за горы, и не увидишь.

А Костылинъ и говоритъ:

— Что смотрѣть? поѣдемъ впередъ.

Жилинъ не послушалъ его.

— Нѣтъ, — говоритъ, — ты подожди внизу, а я только взгляну.

И пустилъ лошадь налѣво, на гору. Лошадь подъ Жилинымъ была охотницкая (онъ за нее сто рублей заплатилъ въ табунѣ жеребенкомъ и самъ выѣздилъ); какъ на крыльяхъ взнесла его на кручь. Только выскакалъ, глядь, — а передъ самымъ имъ, на десятину мѣста, стоятъ татары верхами. Человѣкъ тридцать. Онъ увидалъ, сталъ назадъ поворачивать; и татары его увидали, пустились къ нему, сами на скаку выхватываютъ ружья изъ чехловъ. Припустилъ Жилинъ подъ кручь во всѣ лошадиныя ноги, кричитъ Костылину:

— Вынимай ружье, — и самъ думаетъ на лошадь на свою: «Матушка, вынеси; не зацѣпись ногой, спотыкнешься — пропалъ. Доберусь до ружья, я и самъ не дамся».

А Костылинъ замѣсто того, чтобы подождать, только увидалъ татаръ, — закатился, что есть духу, къ крѣпости. Плетью ожариваетъ лошадь то съ того бока, то съ другого. Только въ пыли видно, какъ лошадь хвостомъ вертитъ.

Жилинъ видитъ — дѣло плохо. Ружье уѣхало, съ одной шашкой ничего не сдѣлаешь. Пустилъ онъ лошадь назадъ къ солдатамъ — думалъ уйти. Видитъ, ему наперерѣзъ катятъ

шестеро. Подъ нимъ лошадь добрая, а подъ тѣми еще добрѣе, да и наперерѣзъ скачутъ. Сталъ онъ оборачивать, хотѣлъ назадъ поворотить, да ужъ разнеслась лошадь, не удержитъ, прямо на нихъ летитъ. Видитъ — близится къ нему съ красной бородой татаринъ на сѣромъ конѣ. Визжитъ, зубы оскалилъ, ружье наготовѣ.

«Ну, — думаетъ Жилинъ, — знаю васъ, чертей; если живого возьмутъ, посадятъ въ яму, будутъ плетью пороть. Не дамся же живой»...

А Жилинъ хоть не великъ ростомъ, да удалъ былъ. Выхватилъ шашку, пустилъ лошадь прямо на краснаго татарина, думаетъ: «Либо лошадью сомну, либо срублю шашкой».

На лошадь мѣста не доскакалъ Жилинъ; выстрѣлили по немъ сзади изъ ружей и попали въ лошадь. Ударилась лошадь оземь со всего маху, — навалилась Жилину на ногу.

Хотѣлъ онъ подняться, а уже на немъ два татарина вонючіе сидятъ, крутятъ ему назадъ руки. Рванулся онъ, скинулъ съ себя татаръ, — да еще соскакали съ коней трое на него, начали бить прикладами по головѣ. Помутилось у него въ глазахъ и зашатался. Схватили его татары, сняли съ сѣделъ подпруги запасныя, закрутили ему руки за спину, завязали татарскимъ узломъ, поволокли къ сѣдлу. Шапку съ него сбили, сапоги стащили, все обшарили, деньги, часы вынули, платье все изорвали. Оглянулся Жилинъ на свою лошадь. Она, сердечная, какъ упала на бокъ, такъ и лежитъ, только бьется ногами, а до земли не достаетъ; въ головѣ дыра, а изъ дыры такъ и свищетъ кровь черная — на аршинъ кругомъ пыль смочила.

Одинъ татаринъ подошелъ къ лошади, сталъ сѣдло снимать. Она все бьется, — онъ вынулъ кинжалъ, прорѣзалъ ей глотку. Засвистѣло изъ горла, трепенулась, и паръ вонъ.

Сняли татары сѣдло, сбрую. Сѣлъ татаринъ съ красной бородой на лошадь, а другіе подсадили Жилина къ нему на сѣдло; а чтобы не упалъ, притянули его ремнемъ за поясъ къ татарину и повезли въ горы.

Сидитъ Жилинъ за татариномъ, покачивается, тычется лицомъ въ вонючую татарскую спину. Только и видитъ передъ собою здоровенную татарскую спину да шею жилистую, да бритый затылокъ изъ-подъ шапки синѣется. Голова у Жилина разбита, кровь запеклась надъ глазами. И нельзя ему ни по-

правиться на лошади ни кровь обтереть. Руки такъ закручены, что въ ключицѣ ломитъ.

Ѣхали они долго съ горы на гору, переѣхали въ бродъ рѣку, выѣхали на дорогу и поѣхали лощиной.

Хотѣлъ Жилинъ примѣчать дорогу, куда его везутъ, — да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя.

Стало смеркаться; переѣхали еще рѣчку, стали подниматься по каменной горѣ, запахло дымомъ, забрехали собаки, пріѣхали въ аулъ (татарская деревня). Послѣзали съ лошадей татары, собрались ребята татарскіе, окружили Жилина, пищатъ, радуются, стали камнями пулять въ него.

Татаринъ отогналъ ребятъ, снялъ Жилина съ лошади и кликнулъ работника. Пришелъ ногаецъ, скуластый, въ одной рубахѣ. Рубаха оборванная, вся грудь голая. Приказалъ что-то ему татаринъ. Принесъ работникъ колодку: два чурбана дубовыхъ на желѣзныя кольца насажены, и въ одномъ кольцѣ пробойчикъ и замокъ.

Развязали Жилину руки, надѣли колодку и повели въ сарай; толкнули его туда и заперли дверь. Жилинъ упалъ на навозъ. Полежалъ, ощупалъ въ темнотѣ, гдѣ помягче, и легъ.

II.

Почти всю ночь не спалъ Жилинъ. Ночи короткія были. Видитъ — въ щелкѣ свѣтиться стало. Всталъ Жилинъ, раскопалъ щелку побольше, сталъ смотрѣть.

Видна ему изъ щелки дорога — подъ гору идетъ, направо сакля татарская, два дерева подлѣ нея. Собака черная лежитъ на дорогѣ, коза съ козлятами ходитъ, хвостиками подергиваетъ. Видитъ — изъ-подъ горы идетъ татарка молоденькая, въ рубахѣ цвѣтной, распояской, въ штанахъ и сапогахъ, голова кафтаномъ покрыта, а на головѣ большой кувшинъ жестяной съ водой. Идетъ, въ спинѣ подрагиваетъ, перегибается, а за руку татарчонка ведетъ бритаго въ одной рубашкѣ. Прошла татарка съ водой въ саклю, вышелъ татаринъ вчерашній съ красной бородой, въ бешметѣ въ шелковомъ, на ремнѣ кинжалъ серебряный, въ башмакахъ на босу ногу. На головѣ шапка высокая, баранья, черная, назадъ заломлена. Вышелъ, потягивается, бородку красную самъ поглаживаетъ. Постоялъ, велѣлъ что-то работнику и пошелъ куда-то.

Проѣхали потомъ на лошадяхъ двое ребятъ къ водопою. У лошадей храпъ мокрый. Выбѣжали еще мальчишки бритые, въ однѣхъ рубашкахъ, собрались кучкой, подошли къ сараю, взяли хворостинку и суютъ въ щелку. Жилинъ какъ ухнетъ на нихъ: закатились бѣжать прочь — только колѣнки голыя блестятъ.

А Жилину пить хочется, въ горлѣ пересохло; думаетъ: хоть бы пришли провѣдать. Слышитъ — отпираютъ сарай. Пришелъ красный татаринъ, а съ нимъ другой, поменьше ростомъ, черноватенькій. Глаза черные, свѣтлые, румяный, бородка маленькая, подстрижена; лицо веселое, все смѣется. Одѣтъ черноватый еще лучше: бешметъ шелковый синій, галунчикомъ обшитъ. Кинжалъ на поясѣ большой, серебряный; башмачки красные, сафьяные, тоже серебромъ обшиты. А на тонкихъ башмачкахъ другіе толстые башмаки. Шапка высокая, бѣлаго барашка.

Красный татаринъ вошелъ, проговорилъ что-то, точно ругается, и сталъ; облокотился на притолоку, кинжаломъ пошевеливаетъ, какъ волкъ исподлобья косится на Жилина, а черноватый,—быстрый, живой, такъ весь на пружинахъ и ходитъ, — подошелъ прямо къ Жилину, сѣлъ на корточки, оскаливается, потрепалъ его по плечу, что-то началъ часто по-своему лопотать, глазами подмигиваетъ, языкомъ прищелкиваетъ, все приговариваетъ: «корошо, урусъ! корошо, урусъ!»

Ничего не понялъ Жилинъ и говоритъ: «Пить, воды пить дайте».

Черный смѣется. «Корошъ урусъ», все по-своему лопочетъ.

Жилинъ губами и руками показалъ, чтобы пить ему дали.

Черный понялъ, засмѣялся, выглянулъ въ дверь, кликнулъ кого-то: «Дина!»

Прибѣжала дѣвочка — тоненькая, худенькая, лѣтъ тринадцати и лицомъ на чернаго похожа. Видно, что дочь. Тоже— глаза черные, свѣтлые, и лицомъ красивая. Одѣта въ длинную рубаху, синюю, съ широкими рукавами и безъ пояса. На полахъ, на груди и на рукавахъ оторочено краснымъ. На ногахъ штаны и башмачки, а на башмачкахъ другіе съ высокими каблуками; на шеѣ монисто, все изъ русскихъ полтинниковъ. Голова непокрытая, коса черная, и въ косѣ лента, а на лентѣ привѣшены бляхи и рубль серебряный.

Велѣлъ ей что-то отецъ. Убѣжала и опять пришла, принесла кувшинчикъ жестяной. Подала воду, сама сѣла на корточки, вся изогнулась такъ, что плечи ниже колѣнъ ушли. Сидитъ, глаза раскрыла, глядитъ на Жилина, какъ онъ пьетъ, какъ на звѣря дикаго.

Подалъ ей Жилинъ назадъ кувшинъ. Какъ она прыгнетъ прочь, какъ коза дикая. Даже отецъ засмѣялся. Послалъ ее еще куда-то. Она взяла кувшинъ, побѣжала, принесла хлѣба прѣснаго на дощечкѣ круглой и опять сѣла, изогнулась, глазъ не спускаетъ—смотритъ.

Ушли татары, заперли опять дверь.

Погодя немного, приходитъ къ Жилину ногаецъ и говоритъ:

— Ай-да, хозяинъ, ай-да!

Тоже по-русски не знаетъ. Только понялъ Жилинъ, что велитъ итти куда-то.

Пошелъ Жилинъ съ колодкой, хромаетъ, ступить нельзя, такъ и воротитъ ногу въ сторону. Вышелъ Жилинъ за ногайцемъ. Видитъ — деревня татарская, домовъ десять, и церковь ихняя, съ башенкой. У одного дома стоятъ три лошади въ сѣдлахъ. Мальчишки держатъ въ поводу. Выскочилъ изъ этого дома черноватый татаринъ, замахалъ рукой, чтобъ къ нему шелъ Жилинъ. Самъ смѣется, все говоритъ что-то по-своему, и ушелъ въ дверь. Пришелъ Жилинъ въ домъ. Горница хорошая, стѣны глиной гладко вымазаны. Къ передней стѣнѣ пуховики пестрые уложены, по бокамъ висятъ ковры дорогіе; на коврахъ ружья, пистолеты, шашки—все въ серебрѣ. Въ одной стѣнѣ печка маленькая вровень съ поломъ. Полъ земляной, чистый, какъ токъ, и весь передній уголъ устланъ войлоками; на войлокахъ ковры, а на коврахъ пуховыя подушки. И на коврахъ въ однихъ башмакахъ сидятъ татары: черный, красный и трое гостей. За спинами у всѣхъ пуховыя подушки подложены, а передъ ними на круглой дощечкѣ блины просяные, и масло коровье распущено въ чашкѣ, и пиво татарское — буза, въ кувшинчикѣ. Ѣдятъ руками, и руки всѣ въ маслѣ.

Вскочилъ черный, велѣлъ посадить Жилина къ сторонкѣ, не на коверъ, а на голый полъ; залѣзъ опять на коверъ, угощаетъ гостей блинами и бузой. Посадилъ работникъ Жилина на мѣсто, а самъ снялъ верхніе башмаки, поставилъ у двери рядкомъ, гдѣ и другіе башмаки стояли, сѣлъ на войлокъ поближе къ хозяевамъ, смотритъ, какъ они ѣдятъ, слюни утираетъ.

Поѣли татары блины, пришла татарка въ рубахѣ такой же, какъ и дѣвка, и въ штанахъ; голова платкомъ покрыта. Унесла масло, блины, подала лоханку хорошую и кувшинъ съ узкимъ носкомъ. Стали мыть руки татары, потомъ сложили руки, сѣли на колѣнки, подули во всѣ стороны и молитвы прочли. Поговорили по-своему. Потомъ одинъ изъ гостей татаръ повернулся къ Жилину, сталъ говорить по-русски.

— Тебя, — говоритъ, — взялъ Кази-Мугамедъ, — самъ показываетъ на краснаго татарина, — отдалъ тебя Абдулъ-Мурату, — показываетъ на черноватаго. — Абдулъ-Муратъ теперь твой хозяинъ.

Жилинъ молчитъ. Заговорилъ Абдулъ-Муратъ, и все показываетъ на Жилина и смѣется, и приговариваетъ: «солдатъ урусъ, корошо урусъ». Переводчикъ говоритъ:

— Онъ тебѣ велитъ домой письмо писать, чтобъ за тебя выкупъ прислали. Какъ пришлютъ деньги, онъ тебя выпуститъ.

Жилинъ подумалъ и говоритъ:

— А много ли онъ хочетъ выкупа?

Поговорили татары; переводчикъ и говоритъ:

— Три тысячи монетъ.

— Нѣтъ, — говоритъ Жилинъ, — я этого заплатить не могу.

Перевелъ переводчикъ, говоритъ:

— Сколько же ты дашь?

Жилинъ подумалъ и говоритъ:

— Пятьсотъ рублей.

Тутъ татары заговорили часто, всѣ вдругъ. Началъ Абдулъ кричать на краснаго, залопоталъ такъ, что слюни изо рта брызжутъ.

А красный только жмурится да языкомъ пощелкиваетъ.

Замолчали они, переводчикъ и говоритъ:

— Хозяину выкупу мало пятьсотъ рублей. Онъ самъ за тебя двѣсти рублей заплатилъ. Ему Кази-Мугамедъ былъ долженъ. Онъ тебя за долгъ взялъ. Три тысячи рублей, меньше нельзя пустить. А не напишешь — въ яму посадятъ, наказывать будутъ плетью.

«Эхъ, — думаетъ Жилинъ, — съ ними что робѣть, то хуже». Вскочилъ на ноги и говоритъ:

— А ты ему скажи, что если онъ меня пугать хочетъ, такъ ни копейки жъ не дамъ, да и писать не стану. Не боялся, да и не буду бояться васъ.

Пересказалъ переводчикъ, опять заговорили всѣ вдругъ. Долго лопотали; вскочилъ черный, подошелъ къ Жилину:

— Урусъ,—говоритъ,—джигитъ, джигитъ урусъ!

Джигитъ по-ихнему значитъ «молодецъ». И самъ смѣется; сказалъ что-то переводчику, а переводчикъ говоритъ:

— Тысячу рублей дай.

Жилинъ сталъ на своемъ:

— Больше пятисотъ рублей не дамъ. А убьете, — ничего не возьмете.

Поговорили татары, послали куда-то работника, а сами то на Жилина, то на дверь поглядываютъ. Пришелъ работникъ, и идетъ за нимъ человѣкъ какой-то толстый, босикомъ и ободранный; на ногѣ тоже колодка.

Такъ и ахнулъ Жилинъ,—узналъ Костылина. И его поймали. Посадили ихъ рядомъ; стали они разсказывать другъ другу, а татары молчатъ, смотрятъ. Разсказалъ Жилинъ, какъ съ нимъ дѣло было; Костылинъ разсказалъ, что лошадь подъ нимъ стала, и ружье осѣклось, и что этотъ самый Абдулъ нагналъ его и взялъ.

Вскочилъ Абдулъ, показываетъ на Костылина, что-то говоритъ. Перевелъ переводчикъ, что они теперь оба одного хозяина, и кто прежде деньги дастъ, того прежде отпустятъ.

— Вотъ,—говоритъ Жилину,—ты все серчаешь, а товарищъ твой смирный: онъ написалъ письмо домой, пять тысячъ монетъ пришлютъ. Вотъ его и кормить будутъ хорошо и обижать не будутъ.

Жилинъ и говоритъ:

— Товарищъ какъ хочетъ; онъ, можетъ, богатъ, а я не богатъ. Я, — говоритъ, — какъ сказалъ, такъ и будетъ. Хотите—убивайте, — пользы вамъ не будетъ, а больше пятисотъ рублей не напишу.

Помолчали. Вдругъ, какъ вскочилъ Абдулъ, досталъ сундучокъ, вынулъ перо, бумаги лоскутъ и чернила, сунулъ Жилину, хлопнулъ по плечу, показываетъ: «пиши». Согласился на пятьсотъ рублей.

— Погоди еще,—говоритъ Жилинъ переводчику,—скажи ты ему, чтобъ онъ насъ кормилъ хорошо, одѣлъ, обулъ какъ слѣдуетъ, чтобы держалъ вмѣстѣ, — намъ веселѣй будетъ, и чтобы колодку снялъ.

Самъ смотритъ на хозяина и смѣется. Смѣется и хозяинъ; выслушалъ и говоритъ:

— Одежду самую лучшую дамъ: и черкеску и сапоги; хоть жениться. Кормить буду, какъ князей. А коли хотятъ жить вмѣстѣ—пускай живутъ въ сараѣ. А колодку нельзя снять—уйдутъ. На ночь только снимать буду.—Подскочилъ, треплетъ по плечу,— твоя хорошъ, писалъ—моя хорошъ!

Написалъ Жилинъ письмо. Отвели Жилина съ Костылинымъ въ сарай, принесли имъ соломы кукурузной, воды въ кувшинѣ, хлѣба, двѣ черкески старыя, сапоги истрепанные солдатскіе. Видно, съ убитыхъ солдатъ стащили. На ночь сняли съ нихъ колодки и заперли въ сарай.

III.

Жилъ такъ Жилинъ съ товарищемъ цѣлый мѣсяцъ. Хозяинъ все смѣется: «Твоя, Иванъ, хорошъ, — моя, Абдулъ, хорошъ». А кормилъ плохо,—только и давалъ, что хлѣбъ прѣсный изъ просяной муки, лепешками печеный, а то и вовсе тѣсто непеченое.

Костылинъ еще разъ писалъ домой, все ждалъ присылки денегъ и скучалъ. По цѣлымъ днямъ сидитъ въ сараѣ и считаетъ дни, когда письмо придетъ, или спитъ. А Жилинъ думаетъ: «Гдѣ матери столько денегъ взять за меня заплатить. И то она тѣмъ больше жила, что я посылалъ ей. Если ей пятьсотъ рублей собрать, надо разориться въ конецъ. Богъ дастъ—и самъ выберусь».

А самъ ходитъ по аулу, насвистываетъ, а то сидитъ, что-нибудь рукодѣльничаетъ: или изъ глины куколъ лѣпитъ, или плететъ плетенки изъ прутьевъ. А Жилинъ на всякое рукодѣлье мастеръ былъ.

Слѣпилъ онъ разъ куклу, съ носомъ, съ руками, съ ногами и въ татарской рубахѣ, и поставилъ куклу на крышу.

Пошли татары за водой. Хозяйская дочь, Динка, увидала куклу, позвала татарокъ. Составили кувшины, смотрятъ, смѣются. Жилинъ снялъ куклу, подаетъ имъ. Онѣ смѣются, а не смѣютъ взять. Оставилъ онъ куклу, ушелъ въ сарай и смотритъ, что будетъ.

Подбѣжала Дина, оглянулась, схватила куклу и убѣжала.

На утро, смотритъ, на зорькѣ Дина вышла на порогъ съ куклой. А куклу ужъ лоскутьями красными убрала и качаетъ,

какъ ребенка, сама по-своему прибаюкиваетъ. Вышла старуха, забранилась на нее, выхватила куклу, разбила ее, услала куда-то Дину на работу.

Сдѣлалъ Жилинъ другую куклу, — еще лучше, — отдалъ Динѣ. Принесла разъ Дина кувшинчикъ, поставила, сѣла и смотритъ на него, сама смѣется, показываетъ на кувшинъ.

«Чего она радуется?» думаетъ Жилинъ. Взялъ кувшинъ, сталъ пить. Думалъ вода, а тамъ молоко. Выпилъ онъ молоко, — «хорошо», говоритъ. Какъ взрадуется Дина!

— Хорошо, Иванъ, хорошо! — и вскочила, забила въ ладоши, вырвала кувшинъ и убѣжала.

И съ тѣхъ поръ стала она ему каждый день, крадучи, молока носить. А то дѣлаютъ татары изъ козьяго молока лепешки сырныя и сушатъ ихъ на крышахъ,—такъ она эти лепешки ему тайкомъ принашивала. А то разъ рѣзалъ хозяинъ барана, — такъ она ему кусокъ баранины принесла въ рукавѣ. Броситъ и убѣжитъ.

Была разъ гроза сильная, и дождь часъ цѣлый, какъ изъ ведра, лилъ. И помутились всѣ рѣчки. Гдѣ бродъ былъ, тамъ на три аршина вода пошла, камни ворочаетъ. Повсюду ручьи текутъ, гулъ стоитъ по горамъ. Вотъ, какъ прошла гроза, вездѣ по деревнѣ ручьи бѣгутъ. Жилинъ выпросилъ у хозяина ножикъ, вырѣзалъ валикъ, дощечки, колесо оперилъ, а къ колесу на двухъ концахъ куколъ придѣлалъ.

Принесли ему дѣвочки лоскутковъ, — одѣлъ онъ куколъ: одна — мужикъ, другая — баба; утвердилъ ихъ, поставилъ колесо на ручей. Колесо вертится, а куколки прыгаютъ.

Собралась вся деревня: мальчишки, дѣвчонки, бабы; и татары пришли, языкомъ щелкаютъ:

— Ай, урусъ! ай, Иванъ!

Были у Абдула часы русскіе, сломанные. Позвалъ онъ Жилина, показываетъ, языкомъ щелкаетъ. Жилинъ говоритъ:

— Давай починю!

Взялъ, разобралъ ножичкомъ, разложилъ: опять сладилъ, отдалъ. Идутъ часы.

Обрадовался хозяинъ. Принесъ ему бешметъ свой старый, весь въ лохмотьяхъ, подарилъ. Нечего дѣлать, взялъ, и то годится покрыться ночью.

Съ тѣхъ поръ прошла про Жилина слава, что онъ мастеръ. Стали къ нему изъ дальнихъ деревень пріѣзжать: кто замокъ

на ружье или пистолетъ починить принесетъ, кто часы. Привезъ ему хозяинъ спасть: и щипчики, и буравчики, и подпилочекъ.

Сталъ Жилинъ немножко понимать по-ихнему. И которые татары привыкли къ нему, — когда нужно, кличутъ: «Иванъ, Иванъ», а которые все, какъ на звѣря, косятся.

Красный татаринъ не любилъ Жилина. Какъ увидитъ, нахмурится и прочь отвернется, либо обругаетъ. Былъ еще у нихъ старикъ. Жилъ онъ не въ аулѣ, а приходилъ изъ-подъ горы. Видалъ его Жилинъ только, когда онъ въ мечеть приходилъ Богу молиться. Онъ былъ ростомъ маленькій, на шапкѣ у него бѣлое полотенце обмотано, бородка и усы подстрижены, — бѣлые, какъ пухъ; а лицо сморщенное и красное, какъ кирпичъ. Носъ крючкомъ, какъ у ястреба, а глаза сѣрые, злые, и зубовъ нѣтъ, — только два клыка. Идетъ, бывало, въ чалмѣ своей, костылемъ подпирается, какъ волкъ, озирается. Какъ увидитъ Жилина, такъ захрипитъ и отвернется.

Пошелъ разъ Жилинъ подъ гору — посмотрѣть, гдѣ живетъ старикъ. Сошелъ по дорожкѣ видитъ — садикъ, ограда каменная; изъ-за ограды — черешни, шептала и избушка съ плоской крышей. Подошелъ онъ поближе, видитъ — ульи стоятъ плетеные изъ соломы, и пчелы летаютъ, гудятъ. И старикъ стоитъ на колѣночкахъ, что-то хлопочетъ у улья. Поднялся Жилинъ повыше посмотрѣть и загремѣлъ колодкой. Старикъ оглянулся — какъ визгнетъ; выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ, въ Жилина выпалилъ. Чуть успѣлъ онъ за камень притулиться.

Пришелъ старикъ хозяину жаловаться. Позвалъ хозяинъ Жилина, самъ смѣется и спрашиваетъ:

— Зачѣмъ ты къ старику ходилъ?

— Я, говоритъ, ему худого не сдѣлалъ. Я хотѣлъ посмотрѣть, какъ онъ живетъ. — Передалъ хозяинъ.

А старикъ злится, шипитъ, что-то лопочетъ, клыки свои выставилъ, махаетъ руками на Жилина.

Жилинъ не понялъ всего, но понялъ, что старикъ велитъ хозяину убить русскихъ, а не держать въ аулѣ. Ушелъ старикъ.

Сталъ Жилинъ спрашивать хозяина: что это за старикъ? Хозяинъ и говоритъ:

— Это большой человѣкъ! Онъ первый джигитъ былъ, онъ много русскихъ побилъ, богатый былъ. У него было три жены и восемь сыновъ. Всѣ жили въ одной деревнѣ. Пришли

русскіе, разорили деревню и семь сыновей убили. Одинъ сынъ остался и передался русскимъ. Старикъ поѣхалъ и самъ передался русскимъ. Пожилъ у нихъ три мѣсяца, нашелъ тамъ своего сына, самъ убилъ его и бѣжалъ. Съ тѣхъ поръ онъ бросилъ воевать, пошелъ въ Мекку Богу молиться. Отъ этого у него чалма. Кто въ Меккѣ былъ, тотъ называется Хаджи и чалму надѣваетъ. Не любитъ онъ вашего брата. Онъ велитъ тебя убить; да мнѣ нельзя убить; я за тебя деньги заплатилъ; да я тебя, Иванъ, полюбилъ; я тебя не то, что убить, я бы тебя и выпускать не сталъ, кабы слова не далъ. — Смѣется, самъ приговариваетъ по-русски: Твоя, Иванъ, хорошъ — моя, Абдулъ, хорошъ!

IV.

Прожилъ такъ Жилинъ мѣсяцъ. Днемъ ходитъ по аулу или рукодѣльничаетъ, а какъ ночь придетъ, затихнетъ въ аулѣ, — такъ онъ у себя въ сараѣ копаетъ. Трудно было копать отъ камней, да онъ подпилкомъ камни теръ, и прокопалъ онъ подъ стѣной дыру, что въ пору пролѣзть. «Только бы,—думаетъ, — мнѣ мѣсто хорошенько узнать, въ какую сторону итти. Да не сказываютъ никто татары».

Вотъ онъ выбралъ время, какъ хозяинъ уѣхалъ, пошелъ послѣ обѣда за аулъ, на гору, — хотѣлъ оттуда мѣсто высмотрѣть. А когда хозяинъ уѣзжалъ, онъ приказалъ малому за Жилинымъ ходить, съ глазъ его не спускать. Бѣжитъ малый за Жилинымъ, кричитъ:

— Не ходи! отецъ не велѣлъ. Сейчасъ народъ позову!

Сталъ его Жилинъ уговаривать:

— Я, — говоритъ, — далеко не уйду, —только на ту гору поднимусь. Пойдемъ со мной; я съ колодкой не убѣгу, я тебѣ завтра лукъ сдѣлаю и стрѣлы.

Уговорилъ малаго, пошли. Смотрѣть на гору — не далеко, а съ колодкой трудно; шелъ-шелъ, насилу взобрался. Сѣлъ Жилинъ, сталъ мѣсто разглядывать. На полдни за сарай лощина, табунъ ходитъ, и аулъ другой въ низочкѣ виденъ. Отъ аула другая гора — еще круче; а за той горой еще гора. Промежъ горъ лѣсъ синѣется, а тамъ еще горы, все выше и выше поднимаются. А выше всѣхъ бѣлыя, какъ сахаръ, горы стоятъ подъ снѣгомъ. И одна снѣговая гора выше другихъ шапкой стоитъ. На восходъ и на закатъ — все такія же горы; кое-гдѣ

аулы дымятся въ ущельяхъ. «Ну,—думаетъ,—это все ихняя сторона». Сталъ смотрѣть въ русскую сторону; подъ ногами рѣчка, аулъ свой, садики кругомъ. На рѣчкѣ, какъ куклы маленькія видно, — бабы сидятъ, полоскаютъ. За ауломъ пониже гора, и черезъ нее еще двѣ горы, по нимъ лѣсъ; а промежъ двухъ горъ синѣется ровное мѣсто, а на ровномъ мѣстѣ, далеко-далеко точно дымъ стелется. Сталъ Жилинъ вспоминать, когда онъ въ крѣпости дома жилъ, гдѣ солнце всходило и гдѣ заходило. Видитъ — тамъ точно, въ этой долинѣ должна быть наша крѣпость. Туда, промежъ этихъ двухъ горъ, и бѣжать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снѣговыя горы изъ бѣлыхъ—алыя; въ черныхъ горахъ потемнѣло, изъ лощинъ паръ поднялся, и самая та долина, гдѣ крѣпость наша должна быть, какъ въ огнѣ загорѣлась отъ заката. Сталъ Жилинъ вглядываться,—маячитъ что-то въ долинѣ, точно дымъ изъ трубъ. И такъ думается ему, что это—самая крѣпость русская.

Ужъ поздно стало. Слышно — мулла прокричалъ. Стадо гонятъ — коровы ревутъ. Малый все зоветъ: «пойдемъ», а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой. «Ну,—думаетъ Жилинъ, — теперь мѣсто знаю, надо бѣжать». Хотѣлъ онъ бѣжать въ ту же ночь. Ночи были темныя, — ущербъ мѣсяца. На бѣду — къ вечеру вернулись татары. Бывало, пріѣзжаютъ они—гонятъ съ собою скотину и пріѣзжаютъ веселые. А на этотъ разъ ничего не пригнали, а привезли на сѣдлѣ своего убитаго татарина, брата рыжаго. Пріѣхали сердитые, собрались всѣ хоронить. Вышелъ и Жилинъ посмотрѣть. Завернули мертваго въ полотно, безъ гроба, вынесли подъ чинары за деревню, сложили на траву. Пришелъ мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сѣли рядкомъ на пятки передъ мертвымъ.

Спереди мулла, сзади три старика въ чалмахъ рядкомъ, а сзади ихъ еще татары. Сѣли, потупились и молчатъ. Долго молчали. Поднялъ голову мулла и говоритъ:

— «Алла» (значитъ Богъ). Сказалъ это одно слово, и опять потупились, и долго молчали; сидятъ, не шевелятся. Опять поднялъ голову мулла:

— Алла! — и всѣ проговорили:—Алла!—и опять замолчали. Мертвый лежитъ на травѣ, не шелохнется, и они сидятъ, какъ мертвые. Не шевельнется ни одинъ. Только слышно, на чинарѣ листочки отъ вѣтра поворачиваются. Потомъ про-

челъ мулла молитву, всѣ встали, подняли мертваго на руки, понесли. Принесли къ ямѣ. Яма вырыта не простая, а подкопана подъ землю, какъ подвалъ. Взяли мертваго подъ мышки да подъ лытки, перегнули, спустили полегонечку, подсунули сидьмя подъ землю, заправили ему руки на животъ.

Притащилъ ногаецъ камышу зеленаго, заклали камышомъ яму, живо засыпали землей, сравняли, а въ головы къ мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сѣли опять рядкомъ передъ могилой. Долго молчали.

— Алла! Алла! Алла! — Вздохнули и встали.

Раздалъ рыжій денегъ старикамъ, потомъ всталъ, взялъ плеть, ударилъ себя три раза по лбу и пошелъ домой.

На утро видитъ Жилинъ — ведетъ красный кобылу за деревню, а за нимъ трое татаръ идутъ. Вышли за деревню, снялъ рыжій бешметъ, засучилъ рукава,—ручищи здоровыя,—выпулъ кинжалъ, поточилъ на брускѣ. Задрали татары кобылѣ голову кверху, подошелъ рыжій, перерѣзалъ глотку, повалилъ кобылу и началъ свѣжевать, — кулачищами шкуру подпарывать. Пришли бабы, дѣвки, стали мыть кишки и нутро. Разрубили потомъ кобылу, стащили въ избу. И вся деревня собралась къ рыжему поминать покойника.

Три дня ѣли кобылу, бузу пили, покойника поминали. Всѣ татары дома были. На четвертый день видитъ Жилинъ, въ обѣдъ куда-то собираются. Привели лошадей, убрались и поѣхали человѣкъ десять, и красный поѣхалъ; только Абдулъ дома остался. Мѣсяцъ только народился, ночи еще темныя были.

«Ну,—думаетъ Жилинъ,—нынче бѣжать надо», и говоритъ Костылину. А Костылинъ заробѣлъ.

— Да какъ же бѣжать? — мы и дороги не знаемъ.

— Я знаю дорогу.

— Да и не дойдемъ въ ночь.

— А не дойдемъ — въ лѣсу переночуемъ. Я вотъ лепешекъ набралъ. Что жъ ты будешь сидѣть? Хорошо, пришлютъ денегъ? а то вѣдь и не соберутъ. А татары теперь злые за то, что ихняго русскіе убили. Поговариваютъ—насъ убить хотятъ.

Подумалъ, подумалъ Костылинъ.

— Ну, пойдемъ.

V.

Полѣзъ Жилинъ въ дыру, раскопалъ пошире, чтобъ и Костылину пролѣзть; и сидятъ они, — ждутъ, чтобы затихло въ аулѣ.

Только затихъ народъ въ аулѣ, Жилинъ полѣзъ подъ стѣну, выбрался. Шепчетъ Костылину: «полѣзай». Полѣзъ и Костылинъ, да зацѣпилъ камень ногой, загремѣлъ. А у хозяина сторожка была — пестрая собака, и злая-презлая; звали ее Уляшинъ. Жилинъ уже напередъ прикормилъ ее. Услыхалъ Уляшинъ, забрехалъ и кинулся, а за нимъ другія собаки. Жилинъ чуть свистнулъ, кинулъ лепешки кусокъ, — Уляшинъ узналъ, замахалъ хвостомъ и пересталъ брехать.

Хозяинъ услыхалъ, загайкалъ изъ сакли: «гайтъ! гайтъ, Уляшинъ!..»

А Жилинъ за ушами почесываетъ Уляшина. Молчитъ собака, трется ему объ ноги, хвостомъ махаетъ.

Посидѣли они за угломъ. Затихло все, только слышно — овца перхаетъ въ закутѣ, да низомъ вода по камешкамъ шумитъ. Темно, звѣзды высоко стоятъ на небѣ; надъ горой молодой мѣсяцъ закраснѣлся, кверху рожками заходитъ. Въ лощинахъ туманъ, какъ молоко, бѣлѣется.

Поднялся Жилинъ, говоритъ товарищу:

— Ну, братъ, айда!

Тронулись; только отошли, слышатъ, — запѣлъ мулла на крышѣ: «Алла! Бесмилла! Ильрахманъ!» Значитъ — пойдемъ, народъ, въ мечеть. Сѣли опять, притаившись подъ стѣнкой. Долго сидѣли, дожидались, пока народъ пройдетъ. Опять затихло.

— Ну, съ Богомъ! — Перекрестились, пошли. Прошли черезъ дворъ подъ кручь къ рѣчкѣ, перешли рѣчку, пошли лощиной. Туманъ густой, да низомъ стоитъ, а надъ головой звѣзды виднешеньки. Жилинъ по звѣздамъ примѣчаетъ, въ какую сторону итти. Въ туманѣ свѣжо, итти легко, только сапоги не ловки, — стоптались. Жилинъ снялъ свои, бросилъ, пошелъ босикомъ. Попрыгиваетъ съ камешка на камешекъ да на звѣзды поглядываетъ. Сталъ Костылинъ отставать.

— Тише, — говоритъ, — иди; сапоги проклятые — всѣ ноги стерли.

— Да ты сними, легче будетъ.

Пошелъ Костылинъ босикомъ, — еще того хуже; изрѣзалъ всѣ ноги по камнямъ и все отстаетъ. Жилинъ ему говоритъ:

— Ноги обдерешь—заживутъ, а догонятъ—убьютъ, хуже.

Костылинъ ничего не говоритъ, идетъ, покряхтываетъ. Шли они низомъ долго. Слышатъ — вправо собаки забрехали. Жилинъ остановился, осмотрѣлся, полѣзъ на гору, руками ощупалъ.

— Эхъ,—говоритъ,—ошиблись мы,—вправо забрали. Тутъ аулъ чужой, я его съ горы видѣлъ; назадъ надо да влѣво, въ гору. Тутъ лѣсъ долженъ быть.

А Костылинъ говоритъ:

— Подожди хоть немножко, дай отдохнуть, — у меня ноги въ крови всѣ.

— Э, братъ, заживутъ; ты легче прыгай. Вотъ такъ!

И побѣжалъ Жилинъ назадъ, влѣво, въ гору, въ лѣсъ. Костылинъ все отстаетъ и охаетъ. Жилинъ шикнетъ-шикнетъ на него, а самъ все идетъ.

Поднялся на гору. Такъ и есть — лѣсъ. Вошли въ лѣсъ, — по колючкамъ изодрали все платье послѣднее. Напали на дорожку въ лѣсу. Идутъ.

«Стой!» Затопало копытами по дорогѣ. Остановились, слушаютъ. Потопало, какъ лошадь, и остановилось. Тронулись они — опять затопало. Они остановятся — и оно остановится. Подползъ Жилинъ, смотритъ на свѣтъ по дорогѣ, — стоитъ что-то. Лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на человѣка не похоже. Фыркнуло—слышитъ. «Что за чудо!» Свистнулъ Жилинъ потихоньку, — какъ шаркнетъ съ дороги въ лѣсъ, и затрещало по лѣсу, — точно буря летитъ, сучья ломаетъ.

Костылинъ такъ и упалъ со страху. А Жилинъ смѣется, говоритъ:

— Это олень. Слышишь — какъ рогами лѣсъ ломитъ? Мы его боимся, а онъ насъ боится.

Пошли дальше. Ужъ высожары спускаться стали, до утра не далеко. А туда ли идутъ, нѣтъ ли, — не знаютъ. Думается такъ Жилину, что по этой самой дорогѣ его везли и что до своихъ верстъ десять еще будетъ, — а примѣты вѣрной нѣтъ, да и ночь — не разберешь. Вышли на полянку. Костылинъ сѣлъ и говоритъ:

— Какъ хочешь, а я не пойду—у меня ноги не идутъ.

Сталъ его Жилинъ уговаривать.

— Нѣтъ,—говоритъ,—не пойду, не могу.

Разсердился Жилинъ, плюнулъ, обругалъ его.

— Такъ я же одинъ уйду,—прощай!

Костылинъ вскочилъ, пошелъ. Прошли они версты четыре. Туманъ въ лѣсу еще гуще сѣлъ, ничего не видать передъ собой, и звѣзды ужъ чуть видны.

Вдругъ слышитъ — впереди топаетъ лошадь. Слышно — подковами за камни цѣпляется. Легъ Жилинъ на брюхо, сталъ по землѣ слушать.

— Такъ и есть,—сюда къ намъ конный ѣдетъ.

Сбѣжали они съ дороги, сѣли въ кусты и ждутъ. Жилинъ подползъ къ дорогѣ, смотритъ — верховой татаринъ ѣдетъ, корову гонитъ, самъ себѣ подъ носъ мурлычетъ что-то. Проѣхалъ татаринъ. Жилинъ вернулся къ Костылину.

— Ну, пронесъ Богъ,—вставай, пойдемъ.

Сталъ Костылинъ вставать и упалъ.

— Не могу,—ей Богу, не могу; силъ моихъ нѣтъ.

Мужчина грузный, пухлый, запотѣлъ; да какъ обхватило его въ лѣсу туманомъ холоднымъ, да ноги ободраны, — онъ и разсолодѣлъ. Сталъ его Жилинъ силой поднимать. Какъ закричитъ Костылинъ:

— Ой, больно!

Жилинъ такъ и обмеръ.

— Что кричишь? Вѣдь татаринъ близко,—услышитъ.— А самъ думаетъ: «Онъ и вправду разслабъ: что мнѣ съ нимъ дѣлать? Бросить товарища не годится».

— Ну,—говоритъ,—вставай, садись на закорки,—снесу, коли ужъ итти не можешь.

Посадилъ на себя Костылина, подхватилъ руками подъ ляжки, вышелъ на дорогу, поволокъ.

— Только,—говоритъ,—не дави ты меня руками за глотку, ради Христа. За плечи держись.

Тяжело Жилину, ноги тоже въ крови, и уморился. Нагнется, подправитъ, подкинетъ, чтобы повыше сидѣлъ на немъ Костылинъ, тащитъ его по дорогѣ.

Видно, услыхалъ татаринъ, какъ Костылинъ закричалъ. Слышитъ Жилинъ—ѣдетъ кто-то сзади, кличетъ по-своему. Бросился Жилинъ въ кусты. Татаринъ выхватилъ ружье, выпалилъ,—не попалъ, завизжалъ по-своему и поскакалъ прочь по дорогѣ.

Только началъ онъ выговаривать Михайлѣ,—грохъ въ кольцо у двери, стучится кто-то. Глянули въ окно: верхомъ кто-то пріѣхалъ, лошадь привязываетъ. Отперли: входитъ тотъ самый малый отъ барина.

— Здорово!

— Здорово! Что надо?

— Да вотъ барыня прислала объ сапогахъ.

— Что объ сапогахъ?

— Да что объ сапогахъ, — сапогъ не нужно барину. Приказалъ долго жить баринъ.

— Что ты?

— Отъ васъ до дома не доѣхалъ, въ возкѣ и померъ. Подъѣхала повозка къ дому, вышли высаживать, а онъ, какъ куль, завалился ужъ и закоченѣлъ, мертвый лежитъ, насилу изъ возка выпростали. Барыня и прислала, говоритъ: «Скажи ты сапожнику, что былъ, молъ, у васъ баринъ, сапоги заказывалъ и товаръ оставилъ, такъ скажи: сапогъ не нужно, а чтобы босовики на мертваго поскорѣе изъ товара сшилъ. Да дождись, пока сошьютъ, и съ собой босовики привези». Вотъ я и пріѣхалъ.

Взялъ Михайла со стола обрѣзки товара, свернулъ трубкой, взялъ и босовики готовые, щелкнулъ другъ объ друга, обтеръ фартукомъ и подалъ малому. Взялъ малый босовики.

— Прощайте, хозяева! часъ добрый!

VIII.

Прошелъ и еще годъ и два, живетъ Михайла уже шестой годъ у Семена. Живетъ попрежнему. Никуда не ходитъ, лишняго не говоритъ и во все время только два раза улыбнулся: одинъ разъ, когда ему баба ужинать собрала, другой разъ на барина. Не нарадуется Семенъ на своего работника. И не спрашиваетъ его больше, откуда онъ; только одного боится, чтобы не ушелъ отъ него Михайла.

Сидятъ разъ дома. Хозяйка въ печь чугуны ставитъ, а ребята по лавкамъ бѣгаютъ, въ окна глядятъ. Семенъ тачаетъ у одного окна, а Михайла у другого каблукъ набиваетъ.

Подбѣжалъ мальчикъ по лавкѣ къ Михайлѣ, оперся ему на плечо и глядитъ въ окно.

— Дядя Михайла, глянь-ка: купчиха съ дѣвочками никакъ къ намъ идетъ. А дѣвочка одна хромая.

Разругался баринъ, потеръ себѣ голову, сѣлъ и уѣхалъ.

Отъѣхалъ баринъ. Семенъ и говоритъ:

— Ну, ужъ кремнястъ! Косякъ головой высадилъ, а ему и горя мало.

А Матрена говоритъ:

— Съ житья такого какъ имъ гладкимъ не быть! Этакого-то и смерть не возьметъ.

VII.

И говоритъ Семенъ Михайлѣ:

— Взять-то взяли работу, да какъ бы намъ бѣды не нажить. Товаръ дорогой, а баринъ сердитый. Какъ бы не ошибиться. Ну-ка ты, у тебя и глаза поострѣе, да и въ рукахъ-то больше моего сноровки стало; на-ка мѣрку. Крой товаръ, а я головки дошивать буду.

Не ослушался Михайла, взялъ товаръ барскій; разостлалъ на столѣ, сложилъ вдвое, взялъ ножъ и началъ кроить.

Подошла Матрена; глядитъ, какъ Михайла кроитъ, и дивится, что такое Михайла дѣлаетъ. Привыкла ужъ Матрена къ сапожному дѣлу, глядитъ и видитъ, что Михайла не по-сапожному товаръ кроитъ, а на круглые вырѣзаетъ.

Хотѣла сказать Матрена, да думаетъ себѣ: «Должно, не поняла я, какъ сапоги барину шить; должно, Михайла лучше знаетъ, не стану мѣшаться».

Скроилъ Михайла пару, взялъ конецъ и сталъ сшивать не по-сапожному, въ два конца, а однимъ концомъ, какъ босовики шьютъ.

Подивилась и на это Матрена, да тоже мѣшаться не стала. А Михайла все шьетъ. Стали полудновать: поднялся Семенъ, смотритъ, — у Михайлы изъ барскаго товара босовики сшиты.

Ахнулъ Семенъ. «Какъ это,—думаетъ,—Михайла годъ цѣлый жилъ, не ошибался ни въ чемъ, а теперь бѣду такую надѣлалъ. Баринъ сапоги вытяжные на ранту заказывалъ, а онъ босовики сшилъ безъ подошвы, товаръ испортилъ. Какъ я теперь раздѣлаюсь съ бариномъ? Товару такого не найдешь».

И говоритъ онъ Михайлѣ:

— Ты что же это,—говоритъ,—милая голова, надѣлалъ? Зарѣзалъ ты меня. Вѣдь баринъ сапоги заказывалъ, а ты что сшилъ?

Развязалъ малый. Ткнулъ баринъ пальцемъ товаръ сапожный и говоритъ Семену:

— Ну, слушай же ты, сапожникъ. Видишь товаръ?

— Вижу,—говоритъ,—ваше благородіе.

— Да ты понимаешь ли, какой это товаръ?

Пощупалъ Семенъ товаръ, говоритъ:

— Товаръ хорошій.

— То-то хорошій! Можешь ты изъ этого товара на мою ногу сапоги сшить?

— Можно, ваше степенство.

Закричалъ на него баринъ:

— Я тебѣ напередъ говорю, — распорются, скривятся сапоги раньше году, я тебя въ острогъ засажу; не скривятся, не распорются до года, я за работу десять рублей отдамъ.

Заробѣлъ Семенъ и не знаетъ, что сказать. Оглянулся на Михайлу. Толкнулъ его локтемъ и шепчетъ:

— Брать, что ли?

Кивнулъ головой Михайла: бери, молъ, работу.

Послушался Семенъ Михайла, взялся такіе сапоги шить, чтобы годъ не кривились и не поролись.

Крикнулъ баринъ малаго, велѣлъ снять сапогъ съ лѣвой ноги, вытянулъ ногу. «Снимай мѣрку!»

Семенъ сталъ мѣрить. Сидитъ баринъ, пошевеливаетъ перстами въ чулкѣ, народъ въ избѣ оглядываетъ. Увидалъ Михайлу.

— Это кто жъ у тебя?

— А это—самый мой мастеръ, онъ и шить будетъ.

— Смотри же, — говоритъ баринъ на Михайлу, —помни,— такъ сшей, чтобы годъ проносились.—Оглянулся и Семенъ на Михайлу: видитъ,—Михайла на барина и не глядитъ, а уставился въ уголъ за бариномъ, точно вглядывается въ кого. Глядѣлъ-глядѣлъ Михайла и вдругъ — улыбнулся и просвѣтлѣлъ весь.

— Ты что, дуракъ, зубы скалишь? Ты лучше смотри, чтобы къ сроку готовы были.

И говоритъ Михайла:

— Какъ разъ поспѣютъ, когда надо.

— То-то!

Надѣлъ баринъ сапогъ, шубу, запахнулся и пошелъ къ двери. Да забылъ нагнуться, стукнулся въ притолоку головой.

— Спаси тебя Господь, а я учиться буду. Покажи, что дѣлать.

Какую ни покажетъ ему работу Семенъ, все сразу пойметъ, и съ третьяго дня сталъ работать, какъ будто вѣкъ шилъ. Работаетъ безъ разгиба, ѣстъ мало; перемежится работа, — молчитъ и все вверхъ глядитъ. На улицу не ходитъ, не говоритъ лишняго, не шутитъ, не смѣется.

Только и видѣли разъ, какъ онъ улыбнулся въ первый вечеръ, когда ему баба ужинать собрала.

VI.

День ко дню, недѣля къ недѣлѣ, вскружился и годъ. Живетъ Михайла попрежнему у Семена, работаетъ. И прошла про Семенова работника слава, что никто такъ чисто и крѣпко сапогъ не сошьетъ, какъ Семеновъ работникъ, Михайла. И стали изъ округи къ Семену за сапогами ѣздить, и сталъ у Семена достатокъ прибавляться.

Сидитъ разъ по зимѣ Семенъ съ Михайлой, работаютъ; подъѣзжаетъ къ избѣ тройкой съ колокольцами возокъ. Поглядѣли въ окно, — остановился возокъ противъ избы, соскочилъ молодецъ съ облучка, отворилъ дверцу. Вылѣзаетъ изъ возка въ шубѣ баринъ. Вышелъ изъ возка, пошелъ къ Семенову дому, вошелъ на крыльцо. Выскочила Матрена, распахнула дверь настежь. Нагнулся баринъ, вошелъ въ избу, выпрямился, чуть головой до потолка не досталъ, весь уголъ захватилъ.

Всталъ Семенъ, поклонился и дивуется на барина. И не видывалъ онъ людей такихъ. Самъ Семенъ поджарый, и Михайла худощавый, а Матрена и вовсе, какъ щепка, сухая; а этотъ, какъ съ другого свѣта человѣкъ: лицо красное, налитое; шея, какъ у быка, весь какъ изъ чугуна вылитъ.

Отдулся баринъ, снялъ шубу, сѣлъ на лавку и говоритъ:

— Кто хозяинъ сапожникъ?

Вышелъ Семенъ, говоритъ:

— Я, ваше степенство.

Крикнулъ баринъ на своего малаго:

— Эй, Ѳедька, подай сюда товаръ.

Вбѣжалъ малый, внесъ узелъ. Взялъ баринъ узелокъ, положилъ на столъ.

— Развяжи, — говоритъ.

— Хлебайте, что ль, — говоритъ.

Подвинулъ Семенъ странника.

— Пролѣзай, — говоритъ, — молодецъ.

Нарѣзалъ Семенъ хлѣба, накрошилъ, и стали ужинать. А Матрена сѣла объ уголъ стола, подперлась рукой и глядитъ на странника.

Поужинали.

И жалко стало Матренѣ странника и полюбила она его. И вдругъ повеселѣлъ странникъ, пересталъ морщиться, поднялъ глаза на Матрену и улыбнулся.

Встала Матрена, взяла съ окна рубаху старую Семенову, ту самую, что платила, подала страннику, нашла еще порты, подала.

— На, вотъ; я вижу, у тебя и рубахи-то нѣтъ. Одѣнься да ложись, гдѣ полюбится: на нары али на печь.

Снялъ странникъ кафтанъ, одѣлъ рубаху и порты и легъ на нары. Потушила Матрена свѣтъ, взяла кафтанъ и полѣзла на печь.

Прикрылась Матрена концомъ кафтана, лежитъ и не спитъ, все странникъ ей съ мыслей не идетъ. Какъ вспомнитъ, что онъ послѣднюю краюшку доѣлъ, и на завтра нѣтъ хлѣба, такъ скучно ей станетъ; а вспомнитъ, какъ онъ улыбнулся, и взыграетъ въ ней сердце.

V.

На утро проснулся Семенъ. Дѣти спятъ, жена пошла къ сосѣдямъ хлѣба занимать. Одинъ вчерашній странникъ на лавкѣ сидитъ, вверхъ смотритъ. И лицо у него противъ вчерашняго свѣтлѣе.

И говоритъ Семенъ:

— Что жъ, милая голова, кормиться надо. Что, работать умѣешь?

— Я ничего не умѣю.

Подивился Семенъ и говоритъ:

— Была бы охота. Всему люди учатся.

— Люди работаютъ, и я работать буду.

— Тебя какъ звать?

— Михаилъ.

— Ну, Михайла, сказывать про себя не хочешь, — твое дѣло, кормиться надо. Работать будешь, что прикажу, кормить буду.

— Будетъ, Матрена, что безъ толку-то языкомъ стрекотать? Ты спроси прежде: какой человѣкъ...

Хочетъ Семенъ растолковать женѣ, что пропилъ онъ только двадцать копеекъ, хочетъ сказать, гдѣ онъ человѣка нашелъ; не даетъ ему Матрена слово вставить, откуда что берется; по два слова вдругъ говоритъ. Что десять лѣтъ тому назадъ было, и то помянула.

Говорила-говорила Матрена, подскочила къ Семену, схватила его за рукавъ.

— Давай поддевку-то мою; а то одна осталась, и ту съ меня снялъ да на себя надѣлъ. Давай сюда, пострѣлъ тебя расшиби.

Сталъ снимать съ себя Семенъ кацавейку, рукавъ вывернулъ; дернула баба, затрещала на швахъ кацавейка. Схватила Матрена поддевку, на голову накинула и взялась за дверь. Хотѣла уйти, да остановилась: и сердце въ ней расходилось, — хочется ей зло сорвать и узнать хочется, какой такой человѣкъ.

IV.

Остановилась Матрена и говоритъ:

— Кабы добрый человѣкъ, такъ голый бы не былъ, а то на немъ и рубахи-то нѣтъ; кабы за добрыми дѣлами пошелъ, ты бы сказалъ, откуда привелъ щеголя такого.

— Да я сказываю тебѣ: иду, у часовни сидитъ этотъ раздѣмши, застылъ совсѣмъ. Не лѣто вѣдь нагишомъ-то. Нанесъ меня на него Богъ, а то бы пропасть. Ну, какъ быть? Мало ли какія дѣла бываютъ! Взялъ одѣлъ и привелъ сюда. Утиши ты свое сердце. Грѣхъ, Матрена. Помирать будемъ.

Хотѣла Матрена изругнуться, да поглядѣла на странника и замолчала. Сидитъ странникъ, не шевельнется, какъ сѣлъ на краю лавки. Руки сложены на колѣняхъ, голова на грудь опущена, глазъ не раскрываетъ и все морщится, какъ будто душитъ его что. Замолчала Матрена. Семенъ и говоритъ:

— Матрена, али въ тебѣ Бога нѣтъ?

Услыхала это слово Матрена, взглянула еще на странника, и вдругъ сошло съ нея сердце. Отошла она отъ двери, подошла къ печному углу, достала ужинать. Поставила чашку на столъ, налила квасу, выложила краюшку послѣднюю. Подала ножъ и ложки.

«Если,—думаетъ,—Семенъ тамъ пообѣдаетъ да много за ужиномъ не съѣстъ, на завтра хватитъ хлѣба».

Повертѣла-повертѣла Матрена краюху, думаетъ: «Не стану хлѣбовъ ставить. Муки и то всего на одни хлѣбы осталось. Еще до пятницы протянемъ».

Убрала Матрена хлѣбъ и сѣла у стола заплату на мужнину рубаху нашить.

Только сѣла Матрена, заскрипѣли ступеньки на крыльцѣ, кто-то вошелъ. Воткнула Матрена иголку, вышла въ сѣни. Видитъ, — вошли двое: Семенъ и съ нимъ мужикъ какой-то, безъ шапки и въ валенкахъ.

Сразу почуяла Матрена духъ винный отъ мужа. «Ну, — думаетъ, — загулялъ». Да какъ увидѣла, что онъ безъ кафтана, въ куртушкѣ въ одной и не несетъ ничего, а молчитъ, ужимается,— оборвалось у Матрены сердце. «Пропилъ, — думаетъ, — деньги, загулялъ съ какимъ-нибудь непутевымъ, да и его еще съ собой привелъ».

Пропустила ихъ Матрена въ избу, сама вошла; видитъ,— человѣкъ чужой, молодой, худощавый, кафтанъ на немъ ихній. Рубахи не видать подъ кафтаномъ, шапки нѣтъ. Какъ вошелъ, такъ сталъ, не шевелится и глазъ не поднимаетъ. И думаетъ Матрена: «Не добрый человѣкъ, — боится».

Насупилась Матрена, отошла къ печи, глядитъ, что отъ нихъ будетъ.

Снялъ Семенъ шапку, сѣлъ на лавку, какъ добрый.

— Что жъ,—говоритъ,—Матрена, собери ужинать, что ли?

Пробурчала что-то себѣ подъ носъ Матрена. Какъ стала у печи, — не шевельнется: то на одного, то на другого посмотритъ и только головой покачиваетъ. Видитъ Семенъ, что баба не въ себѣ, да дѣлать нечего; какъ будто не примѣчаетъ, беретъ за руку странника.

— Садись,—говоритъ,—братъ, ужинать станемъ.

Сѣлъ странникъ на лавку.

— Что же, али не варила?

Взяло зло Матрену.

— Варила, да не про тебя. Ты и умъ, я вижу, пропилъ. Пошелъ за шубой, а безъ кафтана пришелъ, да еще какого-то бродягу голаго съ собой привелъ. Нѣтъ у меня про васъ, пьяницъ, ужина.

— Такъ-то, братъ. Ну-ка, разминайся да согрѣвайся. А эти дѣла всѣ безъ насъ разберутъ. Итти можешь?

Стоитъ человѣкъ, умильно глядитъ на Семена, а выговорить не можетъ.

— Что же не говоришь? Не зимовать же тутъ. Надо къ жилью. Ну-ка, на вотъ дубинку мою, обопрись, коли ослабъ. Раскачивайся.

И пошелъ человѣкъ. И пошелъ легко, не отстаетъ.

Идутъ они дорогой, и говоритъ Семенъ:

— Чей, значитъ, будешь?

— Я не здѣшній.

— Здѣшнихъ-то я знаю. Попалъ-то, значитъ, какъ сюда, подъ часовню?

— Нельзя мнѣ сказать.

— Должно, люди обидѣли?

— Никто меня не обидѣлъ. Меня Богъ наказалъ.

— Извѣстно, — все Богъ; да все же куда-нибудь прибиваться надо. Куда тебѣ надо-то?

— Мнѣ все равно.

Подивился Семенъ. Не похожъ на озорника и на рѣчахъ мягокъ, а не сказываетъ про себя. И думаетъ Семенъ: «Мало ли какія дѣла бываютъ!» И говоритъ человѣку:

— Что жъ, заходи ко мнѣ въ домъ, хоть отойдешь маломальски.

Идетъ Семенъ, не отстаетъ отъ него странникъ, рядомъ идетъ. Поднялся вѣтеръ, прохватываетъ Семена подъ рубаху, и сталъ съ него сходить хмель, и прозябать сталъ. Идетъ онъ, посомъ посапываетъ, запахиваетъ на себѣ куртушку бабью и думаетъ: «Вотъ те и шуба: пошелъ за шубой, а безъ кафтана домой приду, да еще голаго съ собой приведу. Не похвалитъ Матрена!» И какъ подумаетъ о Матренѣ, скучно станетъ Семену. А какъ поглядитъ на странника, вспомнитъ, какъ онъ взглянулъ на него за часовней, такъ взыграетъ въ немъ сердце.

III.

Убралась Семенова жена рано. Дровъ нарубила, воды принесла, ребятъ накормила, сама закусила и задумалась, когда хлѣбы ставить: нынѣ или завтра? Краюшка большая осталась.

вѣкъ отслонился отъ часовни, шевелится, какъ будто приглядывается. Еще больше заробѣлъ сапожникъ: думаетъ себѣ: «Подойти или мимо пройти? Подойти, — какъ бы худо не было: кто его знаетъ, какой онъ? Не за добрыя дѣла попалъ сюда. Подойдешь, а онъ вскочитъ да задушитъ, такъ, поди, вожжайся съ нимъ. Что съ нимъ, съ голымъ, дѣлать? Не съ себя же снять, послѣднее отдать. Пронеси только Богъ!»

И прибавилъ сапожникъ шагу; сталъ уже проходить часовню, да зазрила его совѣсть.

И остановился сапожникъ на дорогѣ.

— Ты чего же это, — говоритъ на себя, — Семенъ дѣлаешь? Человѣкъ въ бѣдѣ помираетъ, а ты заробѣлъ, мимо идешь. Али дюже разбогатѣлъ? Боишься, ограбятъ богатство твое? Ай, Сема, не ладно!

II.

Повернулся Семенъ и пошелъ къ человѣку; подходитъ Семенъ къ человѣку, разглядываетъ его и видитъ: человѣкъ молодой, въ силѣ, не видать на тѣлѣ побоевъ, только видно измерзъ человѣкъ и напуганъ, — сидитъ прислонясь и не глядитъ на Семена, будто слабъ, глазъ поднять не можетъ. Подошелъ Семенъ вплоть, и вдругъ—какъ будто очнулся человѣкъ, повернулъ голову, открылъ глаза и взглянулъ на Семена. И съ этого взгляда полюбился человѣкъ Семену. Бросилъ онъ наземь валенки распоясался, положилъ подпояску на валенки, скинулъ кафтанъ.

— Будетъ, — говоритъ, — толковать-то. Одѣвай, что ли. Ну-ка!

Взялъ Семенъ человѣка подъ локоть, сталъ поднимать. Поднялся человѣкъ. И видитъ Семенъ, — тѣло тонкое, чистое, руки не ломаныя и лицо умильное. Накинулъ ему Семенъ кафтанъ на плечи. Не попадетъ въ рукава. Заправилъ ему Семенъ руки, натянулъ, запахнулъ кафтанъ и подтянулъ подпояскою.

Снялъ было Семенъ съ головы картузъ рваный, хотѣлъ на голаго надѣть, да холодно головѣ стало; думаетъ: «У меня лысина во всю голову, а у него виски курчавые, длинные», надѣлъ опять. «Лучше сапоги ему обую».

Посадилъ его, и сапоги валеные обулъ ему.

Одѣлъ его сапожникъ и говоритъ:

жикъ, что нѣтъ денегъ, только двадцать копеекъ отдалъ за починку сапогъ. Думалъ сапожникъ въ долгъ взять овчинъ. Въ долгъ не повѣрилъ овчинникъ.

— Денежки,—говоритъ,—принеси, тогда выбирай любыя; а то знаемъ мы, какъ долги выбирать.

Такъ и не сдѣлалъ сапожникъ никакого дѣла: только получилъ двадцать копеекъ за починку да взялъ у мужика старые валенки кожей обшить.

Потужилъ сапожникъ, выпилъ на всѣ двадцать копеекъ водки и пошелъ домой безъ шубы. Съ утра сапожнику морозно показалось, а выпивши, — тепло и безъ шубы. Идетъ сапожникъ дорогой, одной рукой палочкой по мерзлымъ камешкамъ постукиваетъ, а другой рукой сапогами валеными помахиваетъ, самъ съ собой разговариваетъ.

— Я,—говоритъ,—и безъ шубы тепелъ. Выпилъ вина, оно во всѣхъ жилкахъ играетъ. И тулупа не надо. Иду, забывши горе. Вотъ какой я человѣкъ. Мнѣ что? Я безъ шубы проживу. Мнѣ ея вѣкъ не надо. Одно,—баба заскучаетъ. Да и обидно: ты на него работай, а онъ тебя водитъ. Постой же ты теперь: не принесешь денежки, я съ тебя шапку сниму, ей Богу, сниму. А то, что жъ это? По двугривенному отдаетъ! Ну, что на двугривенный сдѣлаешь? Выпить, — одно. Говоритъ: «нужда». Тебѣ нужда, а мнѣ не нужда? У тебя домъ и скотина и все, а я все тутъ; у тебя свой хлѣбъ, а я на покупномъ: откуда хочешь, а три рубля въ недѣлю на одинъ хлѣбъ подай. Приду домой, а хлѣбъ дошелъ. Опять полтора выложь. Такъ ты мнѣ мое отдай!

Подходитъ такъ сапожникъ къ часовнѣ, у повертки; глядитъ, за самой часовней что-то бѣлѣется. Стало уже смеркаться; приглядывается сапожникъ, а не можетъ разсмотрѣть, что такое. Камня, думаетъ, здѣсь такого не было. Скотина? На скотину не похоже. Съ головы похоже на человѣка, да бѣло что-то. Да и человѣку зачѣмъ тутъ быть?

Подошелъ ближе, — совсѣмъ видно стало. Что за чудо: точно человѣкъ, живой ли, мертвый, голышомъ сидитъ, прислоненъ къ часовнѣ и не шевелится. Страшно стало сапожнику, думаетъ себѣ: «Убили какіе-нибудь человѣка, раздѣли, да и бросили тутъ. Подойти только, и не раздѣлаешься потомъ».

И пошелъ сапожникъ мимо. Зашелъ за часовню, — не видать стало человѣка. Прошелъ часовню, оглянулся, видитъ: чело-

И подбѣжалъ Жилинъ къ казакамъ.

Окружили его казаки, спрашиваютъ: кто онъ, что за человѣкъ, откуда? А Жилинъ самъ себя не помнитъ, плачетъ и приговариваетъ:

— Братцы! братцы!

Выбѣжали солдаты, обступили Жилина; кто ему хлѣба, кто каши, кто водки, кто шинелью прикрываетъ, кто колодку разбиваетъ.

Узнали его офицеры, повезли въ крѣпость. Обрадовались солдаты, товарищи собрались къ Жилину.

Разсказалъ Жилинъ, какъ съ нимъ все дѣло было, и говоритъ:

— Вотъ и домой съѣздилъ, женился! Нѣтъ, ужъ, видно, не судьба моя.

И остался служить на Кавказѣ. А Костылина только еще черезъ мѣсяцъ выкупили за пять тысячъ; еле живого привезли.

Гр. Л. Толстой.

Чѣмъ люди живы.

I.

Жилъ сапожникъ съ женою и дѣтьми у мужика на квартирѣ. Ни дома своего ни земли у него не было, и кормился онъ съ семьею сапожною работою. Хлѣбъ былъ дорогой, а работа дешевая, и что заработаетъ, то и проѣстъ. Была у сапожника одна шуба съ женою, да и та износилась въ лохмотья; и второй годъ собирался сапожникъ купить овчинъ на новую шубу.

Къ осени собрались у сапожника деньжонки: три рубля бумажка лежала у бабы въ сундукѣ, а еще пять рублей двадцать копеекъ было за мужиками въ селѣ.

И собрался съ утра сапожникъ въ село за шубой. Надѣлъ на рубаху нанковую бабью куртушку на ватѣ, сверху кафтанъ суконный; взялъ бумажку трехрублевую въ карманъ, выломалъ палку и пошелъ послѣ завтрака. Думалъ: «Получу пять рублей съ мужиковъ, приложу своихъ три, куплю овчинъ на шубу».

Пришелъ сапожникъ въ село, зашелъ къ одному мужику, — дома нѣтъ; обѣщала баба на недѣлѣ прислать мужа съ деньгами, а денегъ не дала; зашелъ къ другому, — забожился му-

горъ,—бѣло, свѣтло совсѣмъ, какъ днемъ. На деревахъ всѣ листочки видны. Тихо, свѣтло по горамъ, какъ вымерло все. Только слышно—внизу рѣчка журчитъ.

Дошелъ до лѣсу,—никто не попался. Выбралъ Жилинъ мѣстечко въ лѣсу потемнѣе, сѣлъ отдыхать.

Отдохнулъ, лепешку съѣлъ. Нашелъ камень, принялся опять колодку сбивать. Всѣ руки избилъ, а не сбилъ. Поднялся, пошелъ по дорогѣ. Прошелъ съ версту, выбился изъ силъ,—ноги ломитъ. Ступитъ шаговъ десять и остановится. «Нечего дѣлать,—думаетъ,—буду тащиться, пока сила есть. А если сѣсть, такъ и не встану. До крѣпости мнѣ не дойти; а какъ разсвѣтетъ, лягу въ лѣсу, переднюю, а ночью опять пойду».

Всю ночь шелъ. Только попались два татарина верхами, да Жилинъ издалека ихъ услыхалъ, схоронился за дерево.

Ужъ сталъ мѣсяцъ блѣднѣть, роса пала, близко къ свѣту, а Жилинъ до края лѣса не дошелъ. «Ну,—думаетъ,—еще тридцать шаговъ пройду, сверну въ лѣсъ и сяду». Прошелъ 30 шаговъ, видитъ — лѣсъ кончается. Вышелъ на край—совсѣмъ свѣтло; какъ на ладонкѣ передъ нимъ степь и крѣпость, а налѣво, близехонько подъ горой, огни горятъ, тухнутъ, дымъ стелется, и люди у костровъ.

Вглядѣлся—видитъ: ружья блестятъ, казаки, солдаты.

Обрадовался Жилинъ, собрался съ послѣдними силами, пошелъ подъ гору. А самъ думаетъ: «Избави Богъ, тутъ, въ чистомъ полѣ, увидитъ конный татаринъ: хоть близко, а не уйдешь».

Только подумалъ — глядь: налѣво, на бугрѣ, стоятъ трое татаръ, десятины на двѣ. Увидали его,—пустились къ нему. Такъ сердце у него и оборвалось. Замахалъ руками, закричалъ, что было духу, своимъ:

— Братцы! выручай! братцы!

Услыхали наши,—выскочили казаки верховые. Пустились къ нему наперерѣзъ татарамъ.

Казакамъ далеко, а татарамъ близко. Да ужъ и Жилинъ собрался съ послѣдней силой, подхватилъ рукой колодку, бѣжитъ къ казакамъ, а самъ себя не помнитъ, крестится и кричитъ:

— Братцы! братцы! братцы!

Казаковъ человѣкъ пятнадцать было.

Испугались татары,—не доѣзжаючи стали останавливаться.

линъ,—выбрался кое-какъ наверхъ. Дина его тянетъ ручонками за рубаху изо всѣхъ силъ, сама смѣется.

Взялъ Жилинъ шестъ и говоритъ:

— Снеси на мѣсто, Дина, а то хватятся,—прибьютъ тебя.

Потащила она шестъ, а Жилинъ подъ гору пошелъ. Слѣзъ подъ кручь, взялъ камень острый, сталъ замокъ съ колодки выворачивать. А замокъ крѣпкій,—никакъ не собьетъ, да и неловко. Слышитъ, — бѣжитъ кто-то съ горы, легко попрыгиваетъ. Думаетъ: «Вѣрно, опять Дина». Прибѣжала Дина, взяла камень и говоритъ:

— Дай, я!

Сѣла на колѣночки, начала выворачивать. Да ручонки тонкія, какъ прутики,—ничего силы нѣтъ. Бросила камень, заплакала. Принялся опять Жилинъ за замокъ, а Дина сѣла подлѣ него на корточкахъ, за плечо его держитъ. Оглянулся Жилинъ, видитъ—налѣво, за горой, зарево красное загорѣлось, мѣсяцъ встаетъ. «Ну,—думаетъ,—до мѣсяца надо лощину пройти, до лѣсу добраться». Поднялся, бросилъ камень. Хоть въ колодкѣ, да надо итти.

— Прощай, — говоритъ, — Динушка. Вѣкъ тебя помнить буду.

Ухватилась за него Дина, шаритъ по немъ руками, ищетъ— куда бы лепешки ему засунуть. Взялъ онъ лепешки.

— Спасибо,—говоритъ,—умница. Кто тебѣ безъ меня куколокъ дѣлать будетъ?—И погладилъ ее по головѣ.

Какъ заплачетъ Дина,—закрылась руками, побѣжала на гору, какъ козочка прыгаетъ. Только въ темнотѣ слышно — монисты по спинѣ побрякиваютъ.

Перекрестился Жилинъ, подхватилъ рукой замокъ на колодкѣ, чтобы не бренчалъ, пошелъ по дорогѣ,—ногу волочитъ, а самъ все на зарево поглядываетъ, гдѣ мѣсяцъ встаетъ. Дорогу онъ узналъ. Прямикомъ итти верстъ восемь. Только бы до лѣсу дойти прежде, чѣмъ мѣсяцъ совсѣмъ выйдетъ. Перешелъ онъ рѣчку, побѣлѣлъ уже свѣтъ за горой. Пошелъ лощиной, идетъ, самъ поглядываетъ: не видать еще мѣсяца. Уже зарево посвѣтлѣло, и съ одной стороны лощины все свѣтлѣе и свѣтлѣе становится. Ползетъ подъ гору тѣнь, все къ нему приближается.

Идетъ Жилинъ, все тѣни держится. Онъ спѣшитъ, а мѣсяцъ еще скорѣе выбирается; ужъ и направо засвѣтились макушки. Сталъ подходить къ лѣсу, выбрался мѣсяцъ изъ-за

Сталъ ей швырять по одной. А она головой мотаетъ, не смотритъ.

— Не надо,—говоритъ. Помолчала, посидѣла и говоритъ:

— Иванъ! тебя убить хотятъ.—Сама себѣ рукой на шею показываетъ.

— Кто убить хочетъ?

— Отецъ,—ему старики велятъ. А мнѣ тебя жалко.

Жилинъ и говоритъ:

— А коли тебѣ меня жалко, такъ ты мнѣ палку длинную принеси.

Она головой мотаетъ, что нельзя. Онъ сложилъ руки, молится ей:

— Дина, пожалуйста! Динушка, принеси!

— Нельзя,—говоритъ,—увидятъ, всѣ дома,—и ушла.

Вотъ сидитъ вечеромъ Жилинъ и думаетъ: «Что будетъ?» Все поглядываетъ вверхъ. Звѣзды видны, а мѣсяцъ еще не всходилъ. Мулла прокричалъ, затихло все. Сталъ ужъ Жилинъ дремать, думаетъ: «Побоится дѣвка».

Вдругъ на голову ему глина посыпалась; взглянулъ кверху—шестъ длинный въ тотъ край ямы тыкается. Потыкался, спускаться сталъ, ползетъ въ яму. Обрадовался Жилинъ, схватилъ рукой, спустилъ; шестъ здоровый. Онъ еще прежде этотъ шестъ на хозяйской крышѣ видѣлъ.

Поглядѣлъ вверхъ,—звѣзды высоко на небѣ блестятъ, и надъ самой ямой, какъ у кошки, у Дины глаза въ темнотѣ свѣтятся. Нагнулась она лицомъ на край ямы и шепчетъ:

— Иванъ, Иванъ!—А сама руками у лица все машетъ, что «тише, молъ».

— Что?—говоритъ Жилинъ.

— Уѣхали всѣ, только двое дома.

Жилинъ и говоритъ:

— Ну, Костылинъ, пойдемъ, попытаемся послѣдній разъ, я тебя подсажу.

Костылинъ и слушать не хочетъ.

— Нѣтъ,—говоритъ,—ужъ мнѣ, видно, отсюда не выйти. Куда я пойду, когда и поворотиться силъ нѣтъ?

— Ну, такъ прощай,—не поминай лихомъ.—Поцѣловался съ Костылинымъ.

Ухватился за шестъ, велѣлъ Динѣ держать, полѣзъ. Раза два онъ обрывался,—колодка мѣшала. Поддержалъ его Косты-

— Если,— говоритъ,— мнѣ не пришлютъ за васъ выкупъ, я черезъ двѣ недѣли васъ запорю. А если затѣешь опять бѣжать— я тебя, какъ собаку, убью. Пиши письмо, хорошенько пиши.

Принесли имъ бумаги, написали они письма. Набили на нихъ колодки, отвели за мечеть. Тамъ яма была аршинъ пяти,— и спустили ихъ въ эту яму.

VI.

Житье имъ стало совсѣмъ дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свѣтъ. Кидали имъ туда тѣсто непеченое, какъ собакамъ, да въ кувшинѣ воду спускали. Вонь въ ямѣ, духота, мокрота. Костылинъ совсѣмъ разболѣлся, распухъ, и ломота во всемъ тѣлѣ стала; и все стонетъ или спитъ. И Жилинъ пріуныль, видитъ — дѣло плохо. И не знаетъ, какъ выбраться.

Началъ онъ было подкапываться, да землю некуда кидать: увидалъ хозяинъ, пригрозилъ убить.

Сидитъ онъ разъ въ ямѣ на корточкахъ, думаетъ объ вольномъ житьѣ, и скучно ему. Вдругъ прямо ему на колѣни лепешка упала, другая, и черешни посыпались. Поглядѣлъ кверху, — а тамъ Дина. Поглядѣла на него, посмѣялась и убѣжала. Жилинъ думаетъ: «Не поможетъ ли Дина?»

Расчистилъ онъ въ ямѣ мѣстечко, наковырялъ глины, сталъ лѣпить куколъ. Надѣлалъ онъ людей, лошадей, собакъ, думаетъ: «Какъ придетъ Дина, брошу ей».

Только на другой день нѣтъ Дины, а слышитъ Жилинъ— затопали лошади, проѣхали какіе-то и собрались татары у мечети, спорятъ, кричатъ и поминаютъ про русскихъ. И слышитъ голосъ старика. Хорошенько не разобралъ онъ, а догадывается, что русскіе близко подошли,—и боятся татары, какъ бы въ аулъ не зашли, и не знаютъ, что съ плѣнными дѣлать.

Поговорили и ушли. Вдругъ слышитъ — зашуршало что-то наверху. Видитъ: Дина присѣла на корточки, колѣнки выше головы торчатъ, свѣсилась, монисты висятъ, болтаются надъ ямой. Глазенки такъ и блестятъ, какъ звѣздочки. Вынула изъ рукава двѣ сырныя лепешки, бросила ему. Жилинъ взялъ и говоритъ:

— Что давно не бывала? А я тебѣ игрушекъ надѣлалъ. На, вотъ.

— Ну,—говоритъ Жилинъ,—пропали, братъ! Онъ сейчасъ соберетъ татаръ за нами въ погоню. Коли не уйдемъ версты три—пропали.—А самъ думаетъ на Костылина: «И чортъ меня дернулъ колоду эту съ собой брать. Одинъ бы я давно ушелъ».

Костылинъ говоритъ:

— Иди одинъ, за что тебѣ изъ-за меня пропадать.

— Нѣтъ, не пойду, не годится товарища бросать.

Подхватилъ опять на плечи, поперъ. Прошелъ онъ такъ съ версту. Все лѣсъ идетъ, и не видать выхода. А туманъ ужъ расходиться сталъ, и какъ будто тучки заходить стали, не видать уже звѣздъ. Измучился Жилинъ.

Пришелъ, у дороги родничокъ камнемъ обдѣланъ. Остановился, ссадилъ Костылина.

— Дай, — говоритъ, — отдохну, напьюсь. Лепешекъ поѣдимъ. Должно-быть, недалеко.

Только прилегъ онъ пить, слышитъ—затопало сзади. Опять кинулись вправо, въ кусты, подъ кручь, и легли.

Слышитъ—голоса татарскіе; остановились татары на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они съ дороги свернули. Поговорили, потомъ зауськали, какъ собакъ притравливаютъ. Слышитъ — трещитъ что-то по кустамъ, прямо къ нимъ собака чужая чья-то. Остановилась, забрехала.

Лѣзутъ и татары—тоже чужіе; схватили ихъ, посвязали, посадили на лошадей, повезли.

Проѣхали версты три,—встрѣчаетъ ихъ Абдулъ, хозяинъ, съ двумя татарами. Поговорилъ что-то съ татарами, пересадили на своихъ лошадей, повезли въ аулъ.

Абдулъ уже не смѣется и ни слова не говоритъ съ ними.

Привезли на разсвѣтѣ въ аулъ, посадили на улицѣ. Сбѣжались ребята. Камнями, плетками бьютъ ихъ, визжатъ.

Собрались татары въ кружокъ, и старикъ изъ-подъ горы пришелъ. Стали говорить. Слышитъ Жилинъ, что судятъ про нихъ, что съ ними дѣлать. Одни говорятъ—надо ихъ дальше въ горы услать, а старикъ говоритъ: «Надо убить». Абдулъ споритъ, говоритъ: «Я за нихъ деньги отдалъ! я за нихъ выкупъ возьму». А старикъ говоритъ: «Ничего они не заплатятъ, только бѣды надѣлаютъ. И грѣхъ русскихъ кормить. Убить,— и кончено».

Разошлись. Подошелъ хозяинъ къ Жилину, сталъ ему говорить:

Только сказалъ это мальчикъ, Михайла бросилъ работу, перевернулся къ окну, глядитъ на улицу.

И удивился Семенъ. То никогда не глядитъ на улицу Михайла, а теперь припалъ къ окну, глядитъ на что-то. Поглядѣлъ и Семенъ въ окно: видитъ,—вправду идетъ женщина къ его двору, одѣта чисто, ведетъ за ручки двухъ дѣвочекъ въ шубахъ, въ платочкахъ ковровыхъ. Дѣвочки одна въ одну, разузнать нельзя. Только у одной лѣвая ножка попорчена,—идетъ, припадаетъ.

Взошла женщина на крыльцо въ сѣни, ощупала дверь, потянула за скобку,—отворила. Пропустила впередъ себя двухъ дѣвочекъ и взошла въ избу.

— Здорово, хозяева!

— Просимъ милости. Что надо?

Сѣла женщина къ столу. Прижались къ ней дѣвочки въ колѣни: людей чудятся.

— Да вотъ дѣвочкамъ на весну кожаные башмачки сшить.

— Что же, можно. Не шивали мы маленькихъ такихъ, да все можно. Можно рантовые, можно выворотные на холстѣ. Вотъ Михайла у меня мастеръ.

Оглянулся Семенъ на Михайлу и видитъ: Михайла работу бросилъ, сидитъ, глазъ не сводитъ съ дѣвочекъ.

И подивился Семенъ на Михайлу. Правда, хороши дѣвочки: черноглазенькія, пухленькія, румяненькія, и шубки и платочки на нихъ хорошіе, а все не пойметъ Семенъ, что онъ такъ приглядывается на нихъ, точно знакомыя онѣ ему.

Подивился Семенъ и сталъ съ женщиной толковать, — рядиться. Порядился, сложилъ мѣрку. Подняла себѣ женщина на колѣни хроменькую и говоритъ:

— Вотъ съ этой двѣ мѣрки сними, на кривенькую ножку одинъ башмачокъ сшей, а на пряменькую три. У нихъ ножки одинаковыя, — одна въ одну. Двойни онѣ.

Снялъ Семенъ мѣрку и говоритъ на хроменькую:

— Съ чего же съ ней это сталось? Дѣвочка такая хорошая. Сроду, что ли?

— Нѣтъ, мать задавила.

Вступилась Матрена, хочется ей узнать, чья такая женщина и чьи дѣти, и говоритъ:

— А ты развѣ имъ не мать будешь?

— Я не мать имъ и не родная, хозяюшка; чужія вовсе, — пріемыши.

— Не свои дѣти, а какъ жалѣешь ихъ!

— Какъ мнѣ ихъ не жалѣть, я ихъ обѣихъ своею грудью выкормила. Свое было дѣтище, да Богъ прибралъ; его такъ не жалѣла, какъ ихъ жалѣю.

— Да чьи же онѣ?

IX.

Разговорилась женщина и стала разсказывать: «Годовъ шесть,—говоритъ,—тому дѣло было, въ одну недѣлю обмерли сиротки эти: отца во вторникъ похоронили, а мать въ пятницу померла. Остались обморушки эти отъ отца трехъ деньковъ, а мать и дня не прожила. Я въ эту пору съ мужемъ въ крестьянствѣ жила. Сосѣди съ нами были, дворъ объ дворъ жили. Отецъ ихъ мужикъ одинокій былъ, въ рощѣ работалъ. Да уронили дерево какъ-то на него, его поперекъ и прихватило. Только довезли, онъ и отдалъ Богу душу, а баба его въ ту же недѣлю и роди двойню,—вотъ этихъ дѣвочекъ. Бѣдность, одиночество; одна баба была, ни старухи ни дѣвчонки.

«Одна родила, одна и померла.

«Пошла я на утро провѣдать сосѣдку; прихожу въ избу, а она, сердечная, ужъ и застыла. Да какъ помирала, завалилась на дѣвочку. Вотъ эту задавила, — ножку вывернула. Собрался народъ,—обмыли, гробъ сдѣлали, похоронили. Все добрые люди. Остались дѣвочки однѣ. Куда ихъ дѣть? А я изъ бабъ одна съ ребенкомъ была. Перввенькаго мальчика восьмую недѣлю кормила. Взяла я ихъ до времени къ себѣ. Собрались мужики: думали-думали, куда ихъ дѣть, да и говорятъ мнѣ: «Ты, Марья, подержи покамѣстъ дѣвочекъ у себя, а мы, дай срокъ, ихъ обдумаемъ»... А я разокъ покормила грудью пряменькую, а эту, раздавленную, и кормить не стала. Не чаяла ей живой быть. Да думаю себѣ, за что ангельская душка млѣетъ; жалко стало и ту. Стала кормить, да такъ-то одного своего да этихъ двухъ,— троихъ грудью и выкормила. Молода была, сила была, да и пища хорошая. И молока столько Богъ далъ, что зальются бывало. Двоихъ кормлю, бывало, а третья ждетъ. Отвалится одна, третью возьму. Да такъ-то Богъ привелъ, что этихъ выкормила, а своего по второму годочку схоронила. И больше Богъ дѣтей не далъ. А достатокъ прибавляться сталъ. Вотъ теперь живемъ здѣсь па мельницѣ, у купца. Жалованье большое, жизнь хорошая.

А дѣтей нѣтъ. И какъ бы мнѣ жить одной, кабы не дѣвчочки эти! Какъ же мнѣ ихъ не любить! Только у меня и воску въ свѣчѣ, что онѣ».

Прижала къ себѣ женщина одной рукой дѣвочку хромень-кую, а другой рукой стала со щекъ слезы стирать:

— Видно, пословица не мимо молвится: «безъ отца-матери проживутъ, а безъ Бога не проживутъ».

Поговорили онѣ такъ промежъ себя; поднялась женщина итти; проводили ее хозяева, оглянулись на Михайлу. А онъ си-дитъ, сложивши руки на колѣняхъ, глядитъ вверхъ, улыбается.

X.

Подошелъ къ нему Семенъ. «Что,—говоритъ,—ты, Михайла?» Всталъ Михайла съ лавки, положилъ работу, снялъ фартукъ, поклонился хозяину съ хозяйкой и говоритъ:

— Простите, хозяева. Меня Богъ простилъ. Простите и вы.

И видятъ хозяева, что отъ Михайлы свѣтъ идетъ. И всталъ Семенъ, поклонился Михайлѣ и сказалъ ему:

— Вижу я, Михайла, что ты не простой человѣкъ, и не могу я тебя держать, и не могу я тебя спрашивать. Скажи мнѣ только одно: отчего, когда я нашелъ тебя и привелъ въ домъ, ты былъ пасмуренъ, а когда баба подала ужинъ, ты улыб-нулся на нее и съ тѣхъ поръ сталъ свѣтлѣе. Потомъ, когда ба-ринъ заказывалъ сапоги, ты улыбнулся въ другой разъ и съ тѣхъ поръ сталъ еще свѣтлѣе; и теперь, когда женщина приво-дила дѣвочекъ, ты улыбнулся въ третій разъ и весь просвѣт-лѣлъ. Скажи мнѣ, Михайла, отчего такой свѣтъ отъ тебя, и отчего ты улыбнулся три раза?

И сказалъ Михайла:

— Оттого свѣтъ отъ меня, что я былъ наказанъ, а теперь Богъ простилъ меня. А улыбнулся я три раза оттого, что мнѣ надо было узнать три слова Божіи. И я узналъ слова Бо-жіи: одно слово я узналъ, когда твоя жена пожалѣла меня, и оттого я въ первый разъ улыбнулся. Другое слово я узналъ, когда богачъ заказывалъ сапоги, и я въ другой разъ улыб-нулся, и теперь, когда я увидалъ дѣвочекъ, я узналъ послѣд-нее, третье слово, и я улыбнулся въ третій разъ.

И сказалъ Семенъ:

— Скажи мнѣ, Михайла, за что Богъ наказалъ тебя, и какія тѣ слова Бога, чтобы мнѣ знать.

И сказалъ Михайла:

— Наказалъ меня Богъ за то, что ослушался Его. Я былъ ангелъ на небѣ и ослушался Бога.

«Былъ я ангелъ на небѣ, и послалъ меня Господь вынуть изъ женщины душу. Слетѣлъ я на землю, вижу: лежитъ одна жена—больна; родила двойню, двухъ дѣвочекъ. Копошатся дѣвочки подлѣ матери, и не можетъ ихъ мать къ груди взять. Увидѣла меня жена, поняла, что Богъ меня по-душу послалъ, заплакала и говоритъ: «Ангелъ Божій! мужа моего только схоронили,—деревомъ въ лѣсу убило. Нѣтъ у меня ни сестры, ни тетки, ни бабки; некому моихъ сиротъ возрастить; не бери ты мою душеньку, дай мнѣ самой дѣтей вспоить, вскормить, на ноги поставить. Нельзя дѣтямъ безъ отца, безъ матери прожить». И послушалъ я матери; приложилъ одну дѣвочку къ груди, подалъ другую матери въ руки и поднялся къ Господу на небо. Прилетѣлъ къ Господу и говорю: не могъ я изъ родильницы души вынуть. Отца деревомъ убило, мать родила двойню и молитъ не брать изъ нея души, говоритъ: «Дай мнѣ дѣтей вспоить, вскормить, на ноги поставить. Нельзя дѣтямъ безъ отца, безъ матери прожить». Не вынулъ я изъ родильницы душу. И сказалъ Господь: «Поди, вынь изъ родильницы душу, и узнаешь три слова: узнаешь, что есть въ людяхъ, и чего не дано людямъ, и чѣмъ люди живы. Когда узнаешь, вернешься на небо». Полетѣлъ я назадъ на землю и вынулъ изъ родильницы душу.

«Отпали младенцы отъ груди. Завалилось на кровати мертвое тѣло, придавило одну дѣвочку, вывернуло ей ножку. Поднялся я надъ селомъ, хотѣлъ отнести душу Богу, подхватилъ меня вѣтеръ, повисли у меня крылья, отвалились, и пошла душа одна къ Богу, а я палъ у дороги на землю».

XI.

И поняли Семенъ съ Матреной, кого они одѣли и накормили, и кто жилъ съ ними; и заплакали они отъ страха и радости. И сказалъ ангелъ:

— Остался я одинъ въ полѣ и нагой. Не зналъ я прежде нужды людской, не зналъ ни холода ни голода, и сталъ человѣкомъ. Проголодался, измерзъ и не зналъ, что дѣлать. Уви-

дѣлъ я,—въ полѣ часовня для Бога сдѣлана, подошелъ къ Божьей часовнѣ; хотѣлъ въ ней укрыться. Часовня заперта была замкомъ, и войти нельзя было. И сѣлъ я за часовней, чтобъ укрыться отъ вѣтра. Пришелъ вечеръ, проголодался я и застылъ и изболѣлъ весь. Вдругъ слышу: идетъ человѣкъ по дорогѣ, несетъ сапоги, самъ съ собой говоритъ. И увидалъ я впервой смертное лицо человѣческое послѣ того, какъ сталъ человѣкомъ, и страшно мнѣ стало это лицо, отвернулся я отъ него. И слышу я, что говоритъ самъ съ собой этотъ человѣкъ о томъ, какъ ему свое тѣло отъ стужи въ зиму прикрыть, какъ жену и дѣтей прокормить. И подумалъ: я пропадаю отъ холода и голода, а вотъ идетъ человѣкъ, только о томъ и думаетъ, какъ себя съ женой шубой прикрыть и хлѣбомъ прокормить. Нельзя ему помочь мнѣ. Увидалъ меня человѣкъ, нахмурился, сталъ еще страшнѣй и прошелъ мимо. И отчаялся я. Вдругъ слышу, идетъ назадъ человѣкъ. Взглянулъ я и не узналъ прежняго человѣка: то въ лицѣ его была смерть, а теперь вдругъ сталъ живой, и въ лицѣ его я узналъ Бога. Подошелъ онъ ко мнѣ, одѣлъ меня, взялъ съ собой и повелъ къ себѣ въ домъ. Пришелъ я въ его домъ, вышла намъ навстрѣчу женщина и стала говорить. Женщина была еще страшнѣй человѣка: мертвый духъ шелъ у нея изо рта, и я не могъ продохнуть отъ смрада смерти. Она хотѣла выгнать меня на холодъ, и я зналъ, что умретъ она, если выгонитъ меня. И вдругъ мужъ ея напомнилъ ей о Богѣ. И женщина вдругъ перемѣнилась. И когда она подала намъ ужинать, а сама глядѣла на меня, я взглянулъ на нее,—въ ней уже не было смерти, она была живая, и я въ ней узналъ Бога.

«И вспомнилъ я первое слово Бога: «Узнаешь, что есть въ людяхъ». И я узналъ, что есть въ людяхъ любовь. И обрадовался я тому, что Богъ уже началъ открывать мнѣ то, что обѣщалъ, и улыбнулся въ первый разъ. Но всего не могъ я узнать еще. Не могъ я понять: чего не дано людямъ, и чѣмъ люди живы.

«Сталъ я жить у васъ и прожилъ годъ; и пріѣхалъ человѣкъ заказывать сапоги,—такіе, чтобы годъ носились, не поролись, не кривились. Я взглянулъ на него и вдругъ за плечами его увидалъ товарища своего, смертнаго ангела. Никто, кромѣ меня, не видалъ этого ангела, но я зналъ его, и зналъ, что не зайдетъ еще солнце, какъ возьмется душа богача. И подумалъ я: «Припасаетъ себѣ человѣкъ на годъ, а не знаетъ, что

не будетъ живъ до вечера». И вспомнилъ я другое слово Бога: «Узнаешь, чего не дано людямъ».

«Что есть въ людяхъ, я уже зналъ. Теперь я узналъ, чего не дано людямъ. Не дано людямъ знать, что имъ для своего тѣла нужно. И улыбнулся я въ другой разъ. Обрадовался и тому, что увидалъ товарища-ангела, и тому, что Богъ мнѣ другое слово открылъ.

«Но всего не могъ я понять. Не могъ еще понять, чѣмъ люди живы. И все жилъ я и ждалъ, когда Богъ откроетъ мнѣ послѣднее слово. И на шестомъ году пришли дѣвочки-двойни съ женщиною, и узналъ я дѣвочекъ и узналъ, какъ остались живы дѣвочки эти. Узналъ и подумалъ: «Просила мать за дѣтей, и повѣрилъ я матери, думалъ, что безъ отца, матери нельзя прожить дѣтямъ; а чужая женщина вскормила, взрастила ихъ». И когда умилилась женщина на чужихъ дѣтей и заплакала, я въ ней увидалъ живого Бога и понялъ, чѣмъ люди живы. И узналъ, что Богъ открылъ мнѣ послѣднее слово и простилъ меня. И улыбнулся я въ третій разъ».

XII.

И обнажилось тѣло ангела, и одѣлся онъ весь свѣтомъ, такъ что глазу нельзя смотрѣть на него, и заговорилъ онъ громче, какъ будто не изъ него, а съ неба шелъ его голосъ. И сказалъ ангелъ:

— Узналъ я, что живъ всякій человѣкъ не заботой о себѣ, а любовью.

«Не дано было знать матери, чего ея дѣтямъ для жизни нужно. Не дано было знать богачу, чего ему самому нужно. И не дано знать ни одному человѣку: сапоги на живого или босовики ему на мертваго къ вечеру нужны.

«Остался я живъ, когда былъ человѣкомъ, не тѣмъ, что я самъ себя обдумалъ, а тѣмъ, что была любовь въ прохожемъ человѣкѣ и въ женѣ его, и они пожалѣли и полюбили меня. Остались живы сироты не тѣмъ, что обдумали ихъ, а тѣмъ, что была любовь въ сердцѣ чужой женщины, и она пожалѣла, полюбила ихъ. И живы всѣ люди не тѣмъ, что они сами себя обдумываютъ, а тѣмъ, что есть любовь въ людяхъ.

«Зналъ я прежде, что Богъ далъ жизнь людямъ и хочетъ, чтобъ они жили; теперь понялъ я еще и другое.

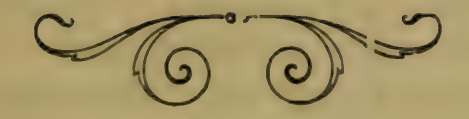
«Я понялъ, что Богъ не хотѣлъ, чтобы люди врозь жили, и затѣмъ не открылъ имъ того, что каждому для себя нужно, а хотѣлъ, чтобъ они жили заодно, и затѣмъ открылъ имъ то, что имъ всѣмъ для себя и для всѣхъ нужно.

«Понялъ я теперь, что кажется только людямъ, что они заботой живы, а что живы они одною любовью. Кто въ любви, тотъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ, потому что Богъ есть любовь».

И запѣлъ ангелъ хвалу Богу, и отъ голоса его затряслась изба, раздвинулся потолокъ, и всталъ огненный столбъ отъ земли и до неба. И попадали Семенъ съ женою и съ дѣтьми на землю. И распустились у ангела за спиной крылья, и поднялся онъ на небо.

И когда очнулся Семенъ, изба стояла попрежнему, и въ избѣ уже никого, кромѣ семейныхъ, не было.

Гр. Л. Толстой.

Отдѣлъ третій.

Народныя великорусскія примѣты.

Въ Европѣ нѣтъ народа, менѣе избалованнаго и притязательнаго, пріученнаго меньше ждать отъ природы и судьбы и болѣе выносливаго, нежели великороссъ. Притомъ по самому свойству края, имъ обитаемаго, каждый уголъ его, каждая мѣстность задавала поселенцу трудную хозяйственную загадку: гдѣ бы здѣсь ни основался поселенецъ, ему прежде всего нужно было изучить свое мѣсто, всѣ его условія, чтобы высмотрѣть угодье, разработка котораго могла бы быть наиболѣе прибыльна. Отсюда эта удивительная наблюдательность, какая открывается въ народныхъ великорусскихъ примѣтахъ. Здѣсь великороссъ и наблюдаетъ окружающее, и размышляетъ о себѣ, и всѣ свои наблюденія старается привязать къ святцамъ, къ именамъ святыхъ и къ праздникамъ. Церковный календарь—это памятная книжка его наблюденій надъ природой и вмѣстѣ дневникъ его думъ надъ своимъ хозяйственнымъ житьемъ-бытьемъ.

Январь—году начало, зимѣ середка. Вотъ съ января уже великороссъ, натерпѣвшись зимней стужи, начинаетъ подшучивать надъ нею. Крещенскіе морозы — онъ говоритъ имъ: трещи, трещи — миновали водокрещи; дуй не дуй—не къ Рождеству пошло, а къ Великодню (Пасхѣ). Однако 18 января еще день Аѳанасія и Кирилла; аѳанасьевскіе морозы даютъ себя знать, и великороссъ уныло сознается въ преждевременной радости: Аѳанасій да Кирило забираютъ за рыло. 24 января память преподобной Ксеніи: Аксиньи — полухлѣбницы-полузимницы: ползимы прошло, половина стараго хлѣба съѣдена. Примѣта: Какова Аксинья, такова и весна. Февраль—бокогрѣй,

съ боку солнце припекаетъ; 2 февраля Срѣтеніе, срѣтенскія оттепели: зима съ лѣтомъ встрѣтилась. Примѣта: на Срѣтенье снѣжокъ—весной дождёкъ. Мартъ теплый, да не всегда: и мартъ на носъ садится. 25 марта Благовѣщенье. Въ этотъ день весна зиму поборола. На Благовѣщенье медвѣдь встаетъ. Примѣта: каково Благовѣщенье, такова и Святая. Апрѣль—въ апрѣлѣ земля прѣетъ, вѣтрено и тепломъ вѣетъ. Крестьянинъ настораживаетъ вниманіе: близится страдная пора хлѣбопашца. Поговорка: апрѣль сипитъ да дуетъ, бабамъ тепло сулитъ, а мужикъ глядитъ, что-то будетъ. А зимніе запасы капусты на исходѣ. 1 апрѣля Маріи Египетской. Прозвище ея: Марья—пустыя щи. Захотѣлъ въ апрѣлѣ кислыхъ щей! 5 апрѣля мученика Өеодула. Өедулъ — вѣтреникъ. Пришелъ Өедулъ, теплый вѣтеръ подулъ. Өедулъ губы надулъ (ненастье). 15 апрѣля апостола Пуда. Правило: выставлять пчелъ изъ зимняго омшаника на пчельникъ—цвѣты появились. На святого Пуда доставай пчелъ изъ-подъ спуда. 23 апрѣля св. Георгія Побѣдоносца. Замѣчено хозяйственно-климатическое соотношеніе этого дня съ 9 мая: Егорій съ росой, Никола съ травой; Егорій съ тепломъ, Никола съ кормомъ. Вотъ и май. Зимніе запасы пріѣдены. Ай, май, мѣсяцъ май, не холоденъ, да голоденъ. А холодки навертываютъ, да и настоящаго дѣла еще нѣтъ въ полѣ. Поговорка: май—копю сѣна дай, а самъ на печь полѣзай. Примѣта: коли въ маѣ дожъ—будетъ и рожь; май холодный — годъ хлѣбородный. 5 мая великомученицы Ирины. Арина—разсадница: разсаду (капусту) сажаютъ и выжигаютъ прошлогоднюю траву, чтобы новой не мѣшала. Поговорка: на Арину худая трава изъ поля вонъ. 21 мая св. царя Константина и матери его Елены. Съ Аленой по созвучію связался ленъ: на Алену сѣй ленъ и сажай огурцы; Аленѣ льны, Константину огурцы.

Точно такъ же среди поговорокъ, прибаутокъ, хозяйственныхъ примѣтъ бѣгутъ у великоросса и остальные мѣсяцы: іюнь, когда закрома пусты въ ожиданіи новой жатвы и который потому зовется «іюнь—ау!» потомъ іюль—страдникъ, работникъ; августъ, когда серпы грѣютъ на горячей работѣ, а вода уже холодитъ, когда на Преображенье — второй Спасъ бери рукавицы про запасъ; за нимъ сентябрь — холоденъ сентябрь, да сытъ — послѣ уборки урожая; далѣ октябрь — грязникъ, ни колеса ни полоза не любитъ, ни на саняхъ ни на телѣгѣ

не проѣдешь; ноябрь — курятникъ, потому что 1 числа, въ день Козьмы и Даміана, бабы куръ рѣжутъ, оттого и зовется этотъ день—курячьи именины, куриная смерть. Наконецъ, вотъ и декабрь—студень, развалъ зимы: годъ кончается—зима начинается. На дворѣ холодно: время въ избѣ сидѣть да учиться. 1 декабря пророка Наума грамотника: начинаютъ ребятъ грамотѣ учить. Поговорка: батюшка Наумъ, наведи на умъ. А стужа крѣпнетъ, наступаютъ, трескучіе морозы. 4 декабря св. великомученицы Варвары. Поговорка: трещитъ Варюха — береги носъ да ухо.

Такъ со святцами въ рукахъ или, точнѣе, въ цѣпкой памяти великороссъ прошелъ, наблюдая и изучая, весь годовой круговоротъ своей жизни. Церковь научила великоросса наблюдать и считать время. Святые и праздники были его путеводителями въ этомъ наблюденіи и изученіи. Онъ вспоминалъ ихъ не въ церкви только: онъ уносилъ ихъ изъ храма въ свою избу, въ поле и лѣсъ, навѣшивая на имена ихъ свои примѣты въ видѣ безцеремонныхъ прозвищъ, какія даютъ закадычнымъ друзьямъ: Аѳанасій *ломоносъ*, Сампсонъ *сѣногной*, что въ іюлѣ дождемъ сѣно гноитъ, Ѳедулъ *вѣтреникъ*, Акулины-*гречишницы*, мартовская Авдотья *подмочи порогъ*, апрѣльская Марья *зажги снѣга, заиграй овражки* и т. д. безъ конца.

Въ примѣтахъ отлился весь великороссъ со своимъ бытомъ и кругозоромъ, со своимъ умомъ и сердцемъ; въ нихъ онъ и размышляетъ, и наблюдаетъ, и радуется, и горюетъ, и самъ же подсмѣивается и надъ своими горями и надъ своими радостями.

В. Ключевскій.

Пословицы.

Бояться несчастья — и счастья не видать. — Твоими бы устами да медъ пить.—Не все коту масленица: будетъ и Великій постъ. — Ловитъ волкъ, ловятъ и волка. — Сталъ, какъ ракъ на мели.—Ѣхало не ѣдетъ, ну и не везетъ.—Не все то золото, что блеститъ. — Конь о четырехъ ногахъ, да спотыкается.—Охота смëртная, да участь горькая. — На бѣднаго Макара и шишки валятся. — Первый блинъ, да комомъ. — Ѣдетъ бѣда на бѣдѣ, бѣду бѣдой погоняетъ.—Пошла бѣда—растворяй

ворота.—Гдѣ тонко, тутъ и рвется.—Хватилъ шиломъ патоки. — Попалъ пальцемъ въ небо. — По усамъ текло, да въ ротъ не попало. — Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить. — Далеко кулику до Петрова дня. — Напередъ не узнаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь. — Отъ сумы да отъ тюрьмы никто не отрекайся.—Изъ огня да въ полымя.—Остеръ топоръ, да и сукъ зубастъ.—Налетѣлъ съ ковшомъ на брагу.—Нашла коса на камень.—Всякъ своего счастья кузнецъ.—Счастье безъ ума—дырявая сума.—Сегодня панъ, а завтра пропалъ.—Рабочій конь на соломѣ, а пустоплясъ на овсѣ.—Держался авоська за небоську, да оба въ яму упали.—На одно солнце глядимъ, да не одно ѣдимъ.—Попытка—не шутка, спросъ—не бѣда.—Или панъ, или пропалъ.—Отвага медъ пьетъ и кандалы третъ.—Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать.—Не проси у богатаго, проси у тороватаго. — Худо жить тому, у кого ничего нѣтъ въ дому.—Нужда пляшетъ, нужда скачетъ, нужда пѣсенки поетъ.—Никто того не вѣдаетъ, какъ бѣдный обѣдаетъ.—У голыша тоже душа.—Шуба овечья, да душа человѣчья. — Хоть мошна пуста, да душа чиста.—Денегъ ни гроша, да слава хороша.—Голъ, да не воръ; бѣденъ, да честенъ.—Богатство—передъ Богомъ великій грѣхъ, а бѣдность—предъ людьми.—Приведи Богъ подать, не приведи Богъ принять.—Богатый и въ будни пируетъ, бѣдный и въ праздникъ горюетъ.—Сытый голоднаго не разумѣетъ.—Всяко случится: и богатый къ бѣдному постучится.—На безрыбьи и ракъ рыба, на безлюдьи и Ѳома дворянинъ.—Покуда солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ.—Колотишься, бьешься, а съ нуждой не разойдешься.—У скупого середь зимы льда не выпросишь.—Какъ собака, на сѣнѣ лежитъ: и сама не ѣстъ и другимъ не даетъ.—Съ міру по ниткѣ—голому рубашка.—Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.—Капля камень долбитъ.—Не только свѣту, что въ окошкѣ: на улицу выйдешь, больше увидишь.—Не смѣйся чужой бѣдѣ: своя на грядѣ.—Бочка меду, ложка дегтю—все испортитъ.—Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ.—Худая трава изъ поля вонъ.—Рука руку моетъ—обѣ бѣлы живутъ.—Топулъ—топоръ сулилъ; вытащили—и топорища жаль.—Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.—Горе только одного рака краситъ.—Не въ бровь, а прямо въ глазъ.—Бьется, какъ рыба объ ледъ.—Чужую бѣду руками разведу, а къ своей ума не приложу.—На міру и смерть красна.—Лежачаго не

бьютъ.—Неправдой свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься.—И съ умомъ воровать—бѣды не миновать.—Воръ у вора дубинку укралъ.—Воръ что заяцъ: и тѣни своей боится.—Дай вору хоть золотую гору — воровать не перестанетъ. — Судья праведный—ограда каменная.—Гдѣ добрые судьи поведутся, тамъ и ябедники переведутся.—Съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься.—Было бы болото, а черти будутъ.—Безъ огня дыму не бываетъ.—Что на зеркало пенять, коли рожа крива.—Клевета что уголь: не обожжетъ, такъ замараетъ.—За правое дѣло стой смѣло.—Не плюй въ колодецъ: пригодится воды напиться.—Не рой другому ямы: самъ въ нее попадешь. — Любишь кататься—люби и саночки возить.—Правда свѣтлѣе солнца.—Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь.—На пословицу, на дурака да на правду и суда нѣтъ.—Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ.—Правда на огнѣ не горитъ, на водѣ не тонетъ.—Правда глаза колетъ.—Правда, что шило въ мѣшкѣ—не утаишь.—Всякъ про правду трубитъ, да не всякъ правду любитъ.—Что посѣешь, то и пожнешь. — Отольются волку овечьи слезы.—Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ.—Видитъ котъ молоко, да рыло коротко.—Слово не воробей: выпустишь—не поймаешь.—Волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить.—У страха глаза велики.—Тонуть, такъ въ морѣ, а не въ поганой лужѣ.—На трусливаго много собакъ.—Стоячая вода гніетъ.—Подъ лежачъ камень и вода не течетъ.—И камень, лежа, мохомъ обрастаетъ.—Это вилами (надвое) писано, да еще и на водѣ.—Палка о двухъ концахъ: либо ты меня, либо я тебя.—Въ Вознесенье, когда будетъ оно въ воскресенье.—Увидимъ, сказалъ слѣпой; услышимъ, поправилъ глухой; а покойникъ, на столѣ лежа, прибавилъ: до всего доживемъ.—Добро помни, а зло забывай. — Хоть рѣдко, да мѣтко. — Первую пѣсенку зардѣвшись поютъ. — Тѣхъ же щей, да пожиже влей. — Рыбакъ рыбака видитъ издалека.—Береги платье снова, а честь смолоду. — Не тотъ отецъ, мать, кто родилъ, а тотъ, кто вспоилъ, вскормилъ да добру научилъ. — Глупому сыну не въ помощь отцово наслѣдство. — Корми дѣда на печи: и самъ будешь тамъ. — Не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто. — Когда у кого голова пуста, то головѣ ума не придадутъ мѣста. — Дружба дружбой, а служба службой.—Ищи добра на сторонѣ, а домъ люби по старинѣ. — Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай. — Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не суйся. —

Всякъ куликъ свое болото хвалитъ. — Чужая сторона прибавитъ ума. — Дома сидѣть—ничего не высидѣть. — Въ чужомъ домѣ побывать—въ своемъ гнилое бревно увидать. — Иной по двѣ обѣдни слушаетъ, да по двѣ души кушаетъ. — Спасается, а кусается. — Онъ и Богу-то норовитъ угодить на чужой счетъ. — Церковь грабитъ, да колокольню кроетъ. — Не строй семь церквей, пристрой семь дѣтей. — Всѣ подъ однимъ Богомъ ходимъ, хоть и не въ одного вѣримъ. — Постись духомъ, а не брюхомъ. — Богъ любитъ праведника, а чортъ ябедника. — Въ тихомъ омутѣ черти водятся. — Завей горе веревочкой. — Въ сиротствѣ жить — слезы лить. — Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. — Кончилъ дѣло — гуляй смѣло. — Дѣлу—время, потѣхѣ—часъ. — Не надобна соловью золотая клѣтка: ему лучше зеленая вѣтка.—Когда деньги говорятъ, правда молчитъ. — И худая изба лучше крѣпкой тюрьмы. — Нашему забору двоюродный плетень. — При солнцѣ тепло, при матери добро.—Близко локоть, да не укусишь.—Въ лѣсу рубятъ, а къ намъ щепки летятъ. — На небо поглядываютъ, по землѣ руками пошариваютъ. — Не боги же и горшки обжигаютъ. — У семи нянекъ дитя безъ глазъ. — Легко чужими руками жаръ загребать. — Мягко стелетъ, да жестко спать.—Бархатный весь, а жальце есть.—И волки сыты, и овцы цѣлы. — Обожжешься на молокѣ — станешь дуть и на воду. — Трудъ человѣка кормитъ, а лѣнь портитъ. — Безъ труда не вынешь и рыбку изъ пруда. — Терпѣніе и трудъ все перетрутъ. — Отъ трудовъ праведныхъ не нажить палатъ каменныхъ. — Роемъ землю до глины, а ѣдимъ мякину. — Долгъ платежомъ красенъ. — Какъ веревочкѣ ни виться, а кончику быть. — Скученъ день до вечера, коли дѣлать нечего. — Не то забота, какъ много работы, а то забота, какъ ея нѣтъ. — Хочешь ѣсть колачи, такъ не сиди на печи. — Одинъ съ сошкой, а семеро съ ложкой.—Одинъ пашетъ, а семеро руками машутъ.—Поправился изъ кулька въ рогожку.—Бѣлыя ручки чужіе труды любятъ. — Мыло сѣро, да моетъ бѣло. — На Бога уповай, да самъ не плошай. — Куй желѣзо, пока горячо. — Шиломъ море не нагрѣешь.—Не прикидывайся овцою: волкъ съѣстъ.—Грѣхъ да бѣда на кого не живутъ? — Пугана ворона и куста боится. — Конецъ—дѣлу вѣнецъ.—Сухъ изъ воды выйдетъ.—И медвѣдь — костоправъ, да самоучка. — Незнайка лежитъ, а знайка далеко бѣжитъ. — Не будетъ ума—не будетъ и рубля. — Заставь дурака Богу молиться, онъ и лобъ разобьетъ. — За семь

верстъ киселя ѣсть. — Изъ-за деревьевъ лѣсу не видать. — Не поглядѣвъ въ святцы, да бухъ въ колоколъ.—Вымѣнялъ кукушку на ястреба.—Снявши голову, по волосамъ не плачутъ.— Не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ. — Хороша кашка, да мала чашка. — Красно поле пшеномъ, а бесѣда умомъ. — Грамотѣ учиться всегда пригодится. — Кто грамотѣ гораздъ, тому не пропасть. — Напишешь перомъ—не вырубишь топоромъ.—Бумажки клочокъ въ судъ волочетъ. — Вѣкъ живи, вѣкъ учись. — Ученье—свѣтъ, неученье — тьма.—За ученаго двухъ неученыхъ даютъ, да и то не берутъ.—На обухѣ рожь молотить— зерна не уронить. — Изъ песка веревки вьетъ. — Изъ пустого въ порожнее переливаетъ. — Красно говоритъ, а слушать нечего. — Пустая мельница и безъ вѣтру мелетъ. — За словомъ въ карманъ не полѣзетъ.—Рѣчистъ, да на руку нечистъ.—Сказалъ бы словечко, да волкъ недалечко.—На чужой ротокъ не накинешь платокъ.—Поговорка — цвѣточекъ, пословица—ягодка.—Пословицы ни обойти ни объѣхать.—Пословица не мимо молвится.— Добрая пословица не въ бровь, а прямо въ глазъ. — На пословицу ни суда ни расправы. — Старая пословица вѣкъ не сломится. — На твою спесь пословица есть. — Хороша пословица въ ладъ да въ масть.—Не всякая пословица при всякомъ молвится. — Глупая рѣчь — не пословица. — Пословицами на базарѣ не торгуютъ.

Загадки.

1. Стоитъ дубъ, на дубу клубъ, на клубѣ семь дыръ. 2. Утромъ на четырехъ, въ полдень на двухъ, подъ вечеръ на трехъ. 3. У двухъ матерей по пяти сыновей. 4. Лежитъ доска среди мостка, не гніетъ и не сохнетъ. 5. Вокругъ носу вьется, а въ руки не дается. 6. Шесть ногъ, двѣ головы, одинъ хвостъ. 7. Ѣду, ѣду—слѣду нѣту; рѣжу, рѣжу—крови нѣтъ. 8. Сработанъ кафтанъ не на себя, купленъ не про себя, а кѣмъ изношенъ, тѣмъ не виданъ. 9. Село заселено: пѣтухи не поютъ, и люди не встаютъ. 10. Кланяется, кланяется, придетъ домой—растянется. 11. Въ лѣсъ идетъ — домой глядитъ; изъ лѣсу идетъ — въ лѣсъ глядитъ. 12. Скоро ѣстъ и мелко жуетъ, сама не глотаетъ и другимъ не даетъ. 13. Сквозь лошадь и корову свинью и ленъ волокутъ. 14. День спитъ, ночь глядитъ, утромъ умираетъ, другой смѣняетъ. 15. Маленько, кругленько, а за хвостъ не под-

нять. 16. Два конца, два кольца, а въ середкѣ гвоздикъ. 17. Маленька, синенька — всему свѣту миленька. 18. Свинка, золота щетинка, льняной хвостъ, по бѣлу свѣту скачетъ, весь свѣтъ краситъ. 19. Бѣжитъ свинья изъ Питера — вся истыкана. 20. Стучитъ, бренчитъ, сто коней бѣжитъ: что есть въ околоткѣ, весь хлѣбъ поѣстъ. 21. Братъ брата третъ — бѣлая кровь течетъ. 22. Одинъ говоритъ — побѣжимъ, другой говоритъ — полежимъ, третій говоритъ — покачаемся. 23. Стоитъ бычище, проклеваны бочища. 24. У насъ да у васъ поросеночекъ увязъ. 25. Два братца глядятся, а вмѣстѣ не сойдутся. 26. Два стоятъ, два лежатъ, пятый ходитъ, шестой водитъ, седьмой пѣсенки поетъ. 27. Стоитъ теремъ, въ теремѣ ящикъ, въ ящикѣ мучка, въ мучкѣ жучка. 28. Мать толста, дочь красна, сынъ храберъ, въ поднебесье ушелъ. 29. У насъ въ печурочкѣ золотыя чурочки. 30. Полна коробочка золотыхъ воробышковъ. 31. Закопай — не гніетъ, кинь на воду — поплыветъ. 32. Сто одинъ братъ, всѣ въ одинъ рядъ, вмѣстѣ связаны стоятъ. 33. Два брюшка, четыре рожка. 34. Четыре сестрицы подъ одной фатицей. 35. Самъ худъ, голова съ пудъ. 36. Черненька собачка свернувшись лежитъ: не лаетъ, не кусаетъ, а въ домъ не пускаетъ. 37. Скрученъ, связанъ, по избѣ скачетъ. 38. Былъ на копкѣ, былъ на топкѣ, былъ на кружалѣ, былъ на пожарѣ, сталъ на базарѣ: молодъ былъ, сто головъ кормилъ; старъ сталъ, пеленаться сталъ. 39. У туши уши, а головы нѣтъ. 40. Въ небо дыра, въ землю дыра, посередъ огонь да вода. 41. Хожу на головѣ, хотя и на ногахъ; хожу босикомъ, хотя и въ сапогахъ. 42. Всякому мальчику по чуланчику. 43. Ни глазъ ни ушей, а слѣпцовъ водитъ. 44. Кто надъ нами вверхъ ногами? 45. Два быка бодутся, вмѣстѣ не сойдутся. 46. Стоитъ дубъ стародубъ, на томъ дубѣ стародубѣ сидитъ птица веретеница; никто ее не поймаетъ: ни царь, ни царица, ни красна дѣвица. 47. Надъ бабушкиной избушкой виситъ хлѣба краюшка. 48. Поле не мѣрено, овцы не считаны, пастухъ рогатый. 49. Шли козы по мосту, увидѣли зорю, попрятались въ воду. 50. Безъ огня горитъ, безъ крылъ летитъ, безъ ногъ бѣжитъ. 51. Бѣлая кошка лѣзетъ въ окошко. 52. Изъ окна въ окно готово веретено. 53. Мету, мету — не вымету; несу, несу — не вынесу: пора придетъ, сама уйдетъ. 54. Стоитъ дубъ, на дубу двѣнадцать вѣтвей, на каждой вѣткѣ по четыре отростка, на каждомъ отросткѣ по семи прутьевъ. 55. Черная корова весь міръ поборола, а бѣлая подняла. 56. Махнула птица крыломъ, и по-

крыла весь свѣтъ однимъ перомъ. 57. Стучитъ, гремитъ, вертится, ходитъ весь вѣкъ, а не человѣкъ. 58. Живетъ безъ тѣла, говоритъ безъ языка, плачетъ безъ души, смѣется безъ радости; никто его не видитъ, а всякъ слышитъ. 59. Безъ рукъ, безъ ногъ, подъ окномъ стучитъ, въ избу просится. 60. Тонкій, высокій, упалъ въ осоку, самъ не вышелъ, а дѣтей вывелъ. 61. Шелъ домовязъ, въ сыру землю увязъ. 62. Скатерть бѣла, весь свѣтъ одѣла. 63. Ни хилѣла ни болѣла, а саванъ надѣла. 64. Зимой грѣетъ, весной тлѣетъ, лѣтомъ умираетъ, осенью оживаетъ. 65. Летитъ—молчитъ, сядетъ—молчитъ, а помретъ да сгніетъ, такъ и зареветъ. 66. Дѣдушка мостъ мостить безъ топора и безъ ножа. 67. Заря-зарянка ключи потеряла; мѣсяцъ пошелъ, не нашелъ; солнце пошло, ключи нашло. 68. Дрожитъ свинка, золотая щетинка. 69. Я не самъ по себѣ, а сильнѣе всего, и страшнѣе всего, и всѣ любятъ меня, и всѣ губятъ меня. 70. Безъ рукъ, безъ ногъ на гору ползетъ. 71. Въ новой стѣнѣ, въ круглоімъ окнѣ, днемъ стекло разбито, за ночь вставлено. 72. Ни въ огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ. 73. Бурка бѣжитъ, а оглобли стоятъ. 74. Въ водѣ родится, а воды боится. 75. Лежитъ брусъ во всю Русь, а станетъ—до неба достанетъ. 76. Самъ не видитъ, а другимъ указываетъ; нѣмъ и глухъ, а счетъ знаетъ. 77. Всѣ паны скинули кафтаны, одинъ панъ не скинулъ кафтанъ. 78. Матушкой-весной въ цвѣтномъ платьицѣ, матушкой-зимой въ одномъ саванѣ. 79. Маленькій, удаленькій сквозь землю прошелъ, красну шапочку нашелъ. 80. Сидитъ дѣвица въ темной темницѣ, коса на улицѣ. 81. Сидитъ дѣдъ, многими шубами одѣтъ; кто его раздѣваетъ, тотъ самъ слезы проливаетъ. 82. Ни окошекъ ни дверей, полна горница людей. 83. Самъ алый, сахарный; кафтанъ зеленый, бархатный. 84. Семьдесятъ одежекъ, а всѣ безъ застежекъ. 85. Въ поле блошкой, а изъ поля лепешкой. 86. Били меня, колотили, во всѣ чины производили, на престолъ съ царемъ посадили. 87. Согнута въ дугу, лѣтомъ на лугу, зимой на крюку. 88. Маленькій, горбатенькій все поле обскакалъ. 89. Четыре брата бѣгутъ, другъ друга не нагонятъ. 90. Лежитъ—ниже кота; встанетъ—выше коня. 91. По горамъ-горамъ ходитъ шуба да кафтанъ. 92. Родился—не крестился, а Христа на себѣ носитъ. 93. Четыре четырки, двѣ растопырки, седьмой вертунъ. 94. Подъ поломъ, поломъ ходитъ барыня съ коломъ. 95. Не князь по породѣ, а ходитъ въ коронѣ. 96. Изъ куста шипуля, за ногу типуля. 97. Въ тѣсной избушкѣ ткутъ

холсты старушки. 98. Ни ракъ, ни рыба, ни звѣрь, ни птица: кто ее убьетъ, тотъ свою кровь прольетъ. 99. Черенъ, да не воронъ: рогатъ, да не быкъ: шесть ногъ безъ копытъ. 100. По-бычьи мычитъ, по-медвѣжьи рычитъ, на землю падетъ, землю деретъ. 101. Пришли мужики безъ топоровъ, срубили избу безъ угловъ. 102. Не пахарь, не столяръ, не кузнецъ, не плотникъ, а первый на селѣ работникъ. 103. Кто всѣхъ богаче на свѣтѣ?

Разгадки:

1. Человѣкъ. 2. Человѣкъ. 3. Пальцы. 4. Языкъ. 5. Запахъ. 6. Всадникъ. 7. Плаванье на лодкѣ. 8. Гробъ. 9. Кладбище. 10. Топоръ. 11. Топоръ за поясомъ. 12. Пила. 13. Тачанье сапогъ. 14. Свѣча. 15. Клубокъ. 16. Ножницы. 17. Иголка. 18. Иголка съ ниткой. 19. Наперстокъ. 20. Мельница. 21. Жерновъ. 22. Вода, жерновъ, колесо. 23. Домъ. 24. Мохъ. 25. Полъ и потолокъ. 26. Дверь. 27. Изба, печь, зола, уголь. 28. Печь, огонь, дымъ. 29. Дрова въ печи. 30. Жаръ въ печи. 31. Уголь. 32. Частоколъ. 33. Подушка. 34. Столъ. 35. Безменъ. 36. Замокъ. 37. Вѣникъ. 38. Горшокъ. 39. Ушатъ. 40. Самоваръ. 41. Гвоздь въ сапогѣ. 42. Перчатки. 43. Палка. 44. Муха. 45. Небо и земля. 46. Небо и солнце. 47. Мѣсяцъ. 48. Звѣзды и мѣсяцъ. 49. Звѣзды. 50. Солнце, туча, рѣка. 51. Свѣтъ. 52. Солнечный лучъ. 53. Тѣнь. 54. Годъ. 55. Ночь и день. 56. Ночь. 57. Часы. 58. Отголосокъ. 59. Вѣтеръ. 60. Дождь и потоки. 61. Дождь. 62. Снѣгъ. 63. Земля, снѣгъ. 64. Снѣгъ. 65. Снѣгъ. 66. Морозъ. 67. Роса. 68. Огонь. 69. Огонь. 70. Полая вода. 71. Прорубь. 72. Ледъ. 73. Рѣка. 74. Соль. 75. Дорога. 76. Верстовой столбъ. 77. Лиственныя деревья и хвойное дерево. 78. Черемуха. 79. Грибъ. 80. Морковь. 81. Лукъ. 82. Огурецъ. 83. Арбузъ. 84. Кочанъ. 85. Рѣпа. 86. Ленъ. 87. Коса. 88. Серпъ. 89. Колеса. 90. Дуга. 91. Овца. 92. Оселъ. 93. Собака. 94. Мышь. 95. Пѣтухъ. 96. Змѣя. 97. Пчелы. 98. Комаръ. 99. Тараканъ. 100. Жукъ. 101. Муравьи. 102. Лошадь. 103. Счастливый.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Осень.

Зима.

Весна.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТIЙ.

